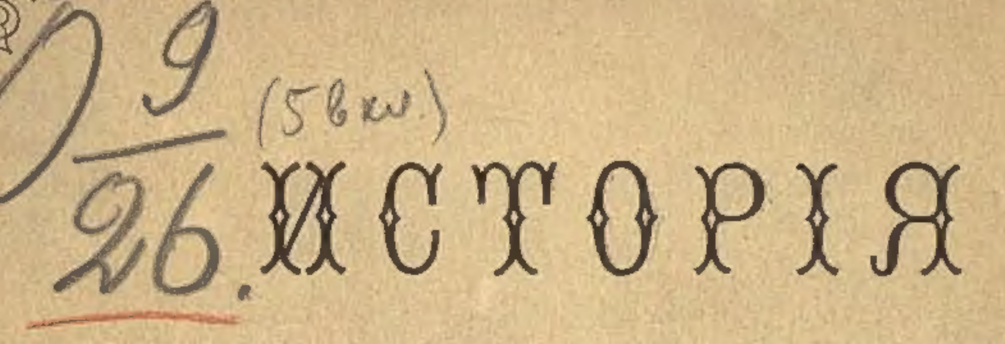
O 9/26



ИСТОРІЯ

73-го пѣхотнаго Крымскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича полка.

Составилъ того же полка подполковникъ
Протасовъ.

Подъ редакціею генералъ-лейтенанта Чернявскаго.

ТИФЛИСЪ. 1887.

Типографія А. А. Михельсона. Головинскій проспектъ, д. № 12.

ИСТОРІЯ

73-ГО ПѢХОТНАГО КРЫМСКАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

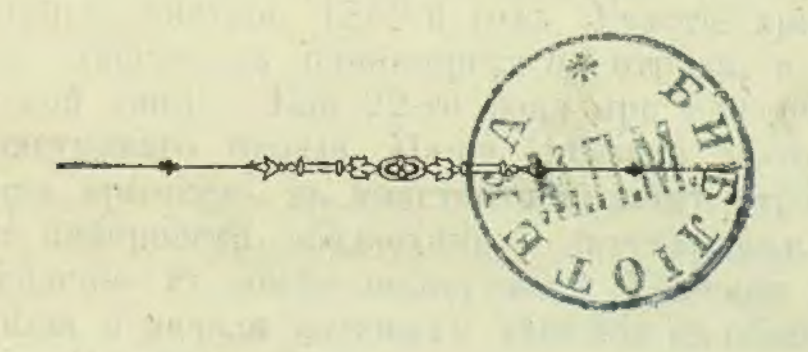
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА

ПОЛКА.

СОСТАВИЛЪ ТОГО ЖЕ ПОЛКА ПОДПОЛКОВНИКЪ
Протасовъ.

Подъ редакціею генералъ-лейтенанта Чернявскаго.



ТИФЛИСЪ. 1887.

Типографія А. А. Михельсона. Головинскій проспектъ, д. № 12.

Напечатано по распоряженію Его Сіятельства Командующаго войсками Кавказскаго военнаго Округа.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Приложенія.

Особыя приложенія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Крымскій пѣхотный полкъ является одною изъ тѣхъ весьма немногихъ воинскихъ частей, которыя въ теченіе всей минувшей войны 1877—78 гг. не выходили изъ эриванскаго отряда и могутъ доставить непрерывныя и послѣдовательныя свѣдѣнія о его дѣйствіяхъ со дня образованія до роспуска. Независимо того, этотъ полкъ сформировался въ 1856 году изъ знаменитыхъ черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, кавказскія лѣтописи которыхъ обильно орошены кровью на служеніе отечеству и полны замѣчательныхъ боевыхъ заслугъ. Наконецъ, дѣятельность этого выдающагося полка, прежде чѣмъ выразиться ей въ составѣ войскъ эриванскаго отряда, поставила его на высоту славы еще во время нашей борьбы съ горцами на западномъ Кавказѣ, гдѣ крымцы выработали и укрѣпили въ себѣ тотъ мощный духъ, который тогда же далъ имъ право войти въ ряды старыхъ и испытанныхъ кавказскихъ полковъ.

Всѣ эти обстоятельства, а въ особенности послѣднее изъ нихъ, побудили редакцію дополнить описаніе боевой дѣятельности полка въ минувшую войну, представленное для напечатанія согласно приказу по кавказской арміи и кавказскому военному округу 20-го февраля 1879 года № 55, еще и очеркомъ его военной жизни на западномъ Кавказѣ со дня сформированія его до окончательнаго покоренія края. Очеркъ этотъ составленъ исключительно по матеріаламъ, извлеченнымъ изъ дѣлъ архива окружнаго штаба *), и изъ приказовъ по военному вѣдомству и включенъ въ первыя двѣ главы настоящаго изданія.

---

*) Дѣла арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт., секретныя: 1856 г. №№ 10, 15, 21, 25, 26, 29, 40; 1857 г. №№ 2, 10, 12; 1858 г. № 3; 1859 г. № 3; 1860 г. № 1; 1861 г. № 1; 1862 г. № 1; 1863 г. № 2 и 1864 г. № 1. По общей описи 2 отд. ген. шт. 1856 г. № 179.

I.

Сформированіе Крымскаго пѣхотнаго полка. Значеніе въ исторіи бывшихъ черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, изъ которыхъ онъ сформировался, и знаки отличія, внесенные ими въ полкъ. Первый командиръ полка полковникъ князь Шаликовъ. Участіе полка въ военныхъ дѣйствіяхъ на черноморской береговой линіи въ 1856 году. Новый образъ дѣйствій съ прибытіемъ въ край князя Барятинскаго. Боевая дѣятельность полка въ 1857 г. при занятіи адагумской линіи. Болѣзненность въ отрядѣ. Пораженіе партіи горцевъ и иностранныхъ авантюристовъ 20-го іюня при Геленджикѣ. Отраженіе анапскимъ гарнизономъ 22-го іюля сильнаго скопища натухайцевъ и шапсуговъ. Истребленіе контрабанднаго притона и кочермъ 1-го сентября. Резолюція Государя Императора. Прочія дѣйствія крымцевъ въ составѣ анапскаго гарнизона. Результаты дѣятельности адагумскаго отряда. 1858-й годъ. Тревоги и пораженія непріятеля. Боевая дѣятельность крымцевъ въ составѣ константиновскаго отряда и анапскаго гарнизона. Адагумскій отрядъ. Заложеніе 2-го мая укрѣпленія Крымскаго. Зимнія дѣйствія. 1859-й годъ. Участіе крымцевъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ черноморскаго отряда, а также на адагумской линіи. Бой 22-го іюня при нападеніи на лагерь адагумскаго отряда. Наша неудача 24-го іюля. Дѣятельность крымцевъ въ константиновскомъ отрядѣ.

Съ именемъ нынѣшняго 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка тѣсно связано воспоминаніе о покойномъ фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ, который косвеннымъ образомъ былъ виновникомъ его сформированія.

Князь Александръ Ивановичъ, не будучи еще призванъ на свой послѣдній высокій постъ, и находясь въ Петербургѣ, въ январѣ 1856 года представилъ Государю Императору записку, въ которой изложилъ проектъ переформированія, размѣщенія и подчиненія войскъ кавказскаго корпуса, а также нѣкоторыя предположенія касательно военнаго управленія краемъ и средства къ успѣшному покоренію враждебныхъ намъ племенъ. Въ запискѣ этой,

между прочимъ, выражено: „для воспрепятствованія морскимъ разбоямъ черноморскихъ горцевъ и ввоза къ нимъ оружія, пороха и торга людьми, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ будетъ усиленное крейсерство небольшими судами винтоваго ранга у восточнаго берега Чернаго моря. Для нашихъ же торговыхъ сношеній съ горцами достаточно будетъ имѣть два пункта—съ одной стороны Новороссійскъ, а съ другой Сухумъ-Кале, которые и слѣдуетъ укрѣпить по правиламъ долговременной фортификаціи, и назначить въ каждую крѣпость по три баталіона изъ черноморскихъ линейныхъ въ гарнизонъ. Остальные десять черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ прежде въ укрѣпленіяхъ береговой линіи, въ стѣсненномъ и тяжкомъ положеніи, составятъ два пѣхотные полка, столь необходимые для усиленія праваго фланга и центра кавказской линіи. Эти два полка могутъ составить 1-ю бригаду 19-й пѣхотной дивизіи; нынѣшняя же 1-я бригада 19-й дивизіи составитъ 1-ю же бригаду 20-й дивизіи".

Предположенія кн. Барятинскаго касательно устройства войскъ Государь Императоръ изволилъ признать основательными [1]), и съ этой минуты положенъ зародышъ *Крымскому и Севастопольскому* пѣхотнымъ полкамъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ проектъ князя Барятинскаго относительно этихъ двухъ полковъ получилъ полное осуществленіе: въ отзывѣ къ главнокомандующему отъ 3-го апрѣля (за № 485) военный министръ сообщилъ, что „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ распредѣлить полки кавказскаго корпуса по дивизіямъ слѣдующимъ образомъ: 19-я пѣхотная дивизія, 1-я бригада—два новоформируемые изъ черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ полка, коимъ присвоиваются наименованія: 1-му—*Крымскій*, 2-му—Севастопольскій" и т. д. [2]). Вслѣдъ за этимъ передовымъ извѣщеніемъ главнокомандующему, *7-го апрѣля 1856 года* воспослѣдовалъ Высочайшій приказъ такого рода:

---

[1]) Отзывъ военнаго министра къ главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ 11-го февраля 1856 г. № 235.

[2]) Немного спустя, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, Севастопольскій полкъ перемѣщенъ во 2-ю бригаду, а вмѣсто него включенъ въ 1-ю бригаду Ставропольскій.

„Для войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса сформировать два новыхъ пѣхотныхъ полка, именуя оные Крымскимъ и Севастопольскимъ пѣхотными полками“.

Въ Высочайшемъ же приказѣ *17-го апрѣля* того же 1856 года, между прочимъ, пояснено:

„Кавказская резервная гренадерская бригада переформировывается въ кавказскую гренадерскую дивизію. Для сего къ означенной бригадѣ присоединяются Тифлисскій и Мингрельскій егерскіе полки, съ наименованіемъ Тифлисскаго и Мингрельскаго гренадерскихъ полковъ. Формируемые *взамѣнъ сихъ полковъ* два новые полка—*Крымскій* и Севастопольскій пѣхотные, назначаются въ составъ 19-й пѣхотной дивизіи“... „Въ гренадерской пѣхотѣ карабинерные полки переименовываются въ гренадерскіе, а въ армейской пѣхотѣ егерскіе полки въ пѣхотные, и затѣмъ имѣть имъ одну нумерацію въ послѣдовательномъ порядкѣ нумеровъ, гренадерскимъ полкамъ съ 1-го по 16-й, а пѣхотнымъ съ 1-го по 84-й“.

Спустя двадцать восемь лѣтъ послѣ того, въ приказѣ по военному вѣдомству *18 марта 1884 года № 96*, было объявлено, чтобы столѣтній *юбилей* „73 пѣхотнаго Крымскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича полка праздновать *17-го апрѣля 1956 года*“ и „старшинство полка считать со времени сформированія“.

Это сформированіе однако произошло не очень скоро послѣ Высочайшаго о немъ повелѣнія. Въ половинѣ года все еще шелъ вопросъ о томъ, изъ какихъ частей сформировать полкъ, и по поводу этого военный министръ писалъ главнокомандующему:

„По примѣру прочихъ полковъ кавказской пѣхоты, Крымскій и Севастопольскій пѣхотные полки должны имѣть по пяти дѣйствующихъ баталіоновъ и сверхъ того по одному резервному баталіону въ составѣ резервной дивизіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса. По настоящему расположенію черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ казалось бы удобнѣйшимъ на сформированіе сихъ полковъ обратить 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 13 баталіоны, находящіеся въ Черноморіи, а также 5 и 15, расположенные въ восточной части Крыма, тѣмъ болѣе, что назначеніе послѣднихъ двухъ баталіоновъ

не противорѣчитъ предположенію о перемѣщеніи сихъ баталіоновъ въ Анапу и совпадаетъ съ желаніемъ Его Императорскаго Величества, чтобы для занятія Анапы и обезпеченія 1-го отдѣленія черноморской береговой линіи былъ преимущественно употребленъ одинъ изъ вновь формируемыхъ полковъ. Для Крымскаго и Севастопольскаго пѣхотныхъ полковъ шестые резервные баталіоны удобно могутъ быть сформированы при резервной дивизіи кавказскаго корпуса изъ старослужащихъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ, съ обращеніемъ на это черноморскаго резервнаго баталіона, который Высочайше предположено присоединить къ той дивизіи, и съ пополненіемъ людьми отъ запасной дивизіи кавказскаго корпуса" [3]).

Хотя всѣ эти соображенія были препровождены на окончательное заключеніе главнокомандующаго, но такъ какъ они раньше были уже одобрены Государемъ Императоромъ, то генералъ-адъютанту Муравьеву ничего не оставалось болѣе, какъ принять ихъ къ исполненію и развить только въ частностяхъ. На этомъ основаніи онъ рѣшилъ: Крымскій полкъ сформировать изъ 1, 2, 3, 4 и 5 черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ и расположить штабъ-квартиру его въ Анапѣ, занявъ полкомъ край бывшаго 1-го отдѣленія черноморской береговой линіи тогда, когда будутъ приведены въ исполненіе всѣ предначертанія по устройству этого края [4]).

На этомъ и былъ порѣшенъ вопросъ о способахъ формированія Крымскаго полка.

Такимъ образомъ, Крымскому пѣхотному полку суждено было съ первой же минуты его сформированія стать въ среду старыхъ боевыхъ кавказскихъ полковъ, такъ какъ предназначенные въ составъ его черноморскіе линейные баталіоны были не тѣ прежніе гарнизонные или современные намъ резервные, запасные, кадровые баталіоны, предназначенные преимущественно для внутренней службы, а могучія боевыя единицы, увѣнчавшія славою и лаврами, составлявшія нашъ несокрушимый оплотъ въ теченіе многихъ лѣтъ на непріязненномъ берегу Чернаго моря, потоками проливавшія

---

[3]) Отзывъ военнаго министра 6-го іюня 1856 г. № 6902.

[4]) Отзывъ главнокомандующаго 27-го іюня 1856 г. № 84.

свою кровь, поражавшія всегда непріятеля и нерѣдко сами погибавшія или подъ его ударами при отчаянной защитѣ укрѣпленій, или при взрывѣ ихъ въ случаѣ неустойки. Черноморскіе линейные №№ 1, 2, 3, 4 и 5 баталіоны, которые имѣли своихъ родоначальниковъ въ наименованіяхъ славныхъ частей войскъ прошлаго столѣтія, вошли въ составъ баталіоновъ Крымскаго полка подъ тѣми же нумерами и принесли съ собою знаки отличія, которыми тотчасъ же украсился новый полкъ: 1-й, 2-й и 4-й баталіоны—простыя знамена, пожалованныя первымъ двумъ 26 февраля 1835 года, а послѣднему въ 1851 году, 5-й—георгіевское знамя съ надписью „за оборону крѣпости Баязета 20-го и 21-го іюня 1829 года", пожалованное Нашебургскому полку, и серебряныя трубы съ надписью „Нашебургскаго полка, 1814 года августа 30 дня, въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ въ войнѣ противъ французскихъ войскъ".

Пока происходила переписка о формированіи полка, предназначенная для штабъ-квартиры его крѣпость Анапа была еще въ рукахъ турокъ, и засѣвшій тамъ Сеферъ-бей Заноко, величавшій себя комендантомъ—по назначенію ли турецкаго правительства, или, можетъ быть, по собственному усмотрѣнію и произволу—никакъ не хотѣлъ подчиниться условію парижскаго трактата, обязывавшему союзниковъ возвратить намъ крѣпость, и не безъ труда намъ удалось выжить его оттуда только въ іюнѣ мѣсяцѣ 1856 года. Вмѣстѣ съ нимъ убрались, наконецъ, остатки турецкаго гарнизона, а также и партія натухайцевъ, которую держалъ при себѣ этотъ непризнанный комендантъ. Тогда наказный атаманъ черноморскаго казачьяго войска ген. м. Филипсонъ, слѣдуя распоряженію главнокомандующаго, составилъ отрядъ для занятія Анапы, въ который вошли, между прочимъ, и первые четыре черноморскіе линейные баталіона; пятый же въ то время находился въ Севастополѣ для занятія карауловъ. 8-го іюля отрядъ выступилъ изъ укрѣпленія Варениковскаго и 10-го занялъ раззоренную и брошенную турками крѣпость. 12-го числа приступлено было къ возобновленію ея и приспособленію нѣкоторыхъ полууцѣлѣвшихъ зданій для полковой штабъ-квартиры. Среди работъ время отъ времени предприни-

мались фуражировки и рекогносцировки, большею частью сопровождавшiеся перестрѣлками; наиболѣе значительная изъ нихъ была 8-го сентября, гдѣ въ ручной схваткѣ убитъ черноморскаго линейнаго № 1 баталiона поручикъ Кульбицкiй.

Въ донесенiяхъ начальника анапскаго отряда генералъ-маiора Рудановскаго [5]) и въ строевыхъ рапортахъ названiе „Крымскiй полкъ" упоминается въ первый разъ только 16-го сентября 1856 года. 11-го октября присоединился къ нему 5-й черноморскiй баталiонъ, который, на пути движенiя своего изъ Севастополя въ Анапу, принялъ участiе, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ войскъ, въ набѣгѣ, произведенномъ полковникомъ Бабичемъ, съ 27-го августа по 4-е сентября, къ непрiятельскимъ поселенiямъ, расположеннымъ по рр. Нсебепсъ, Шухо, Псенабъ, Абрау и Чекупсъ. 26-го октября прибылъ въ Анапу первый командиръ Крымскаго пѣхотнаго полка полковникъ князь Шаликовъ, тотчасъ же вступившiй въ командованiе имъ.

Съ 2-го по 7-е ноября, 1-й, 3-й и 5-й баталiоны Крымскаго полка участвовали, въ составѣ отряда, въ движенiи, предпринятомъ къ Новороссiйску и обратно, и въ происходившихъ при этомъ перестрѣлкахъ съ сильными партiями шапсуговъ, предводительствуемыхъ Сеферъ-беемъ. По донесенiю начальника отряда полковника Сальстета, „во все время существованiя черноморской береговой линiи горцы никогда въ такомъ значительномъ числѣ и съ такимъ ожесточенiемъ не преслѣдовали войска на сообщенiи съ Новороссiйскомъ". По возвращенiи 6-го числа въ Анапу и послѣ дневки слѣдующаго дня, 1-й, 3-й и 5-й баталiоны Крымскаго полка, въ числѣ другихъ частей войскъ анапскаго отряда, выступили за Кубань; 2-й же и 4-й баталiоны остались на зиму гарнизономъ въ Анапѣ, въ Нашебургскомъ редутѣ и на Джемитейской косѣ. Переправившись 10-го и 11-го ноября у Варениковскаго укрѣпленiя на правый берегъ Кубани, отрядъ былъ распущенъ на зимнiя квартиры. Среди этого отдыха начальникъ екатеринодарскаго военнаго округа полковникъ Боржиковъ произвелъ въ декабрѣ мѣсяцѣ силь-

---

[5]) Вскорѣ его смѣнилъ генеральнаго штаба полковникъ Сальстетъ.

ный поискъ къ многолюдному разбойничьему бжедухскому аулу Энемъ, расположенному на р. Супъ, съ участіемъ, въ составѣ собраннаго для этой цѣли отряда, также и трехъ баталіоновъ Крымскаго полка. Разгромивъ 19-го декабря аулъ, при ожесточенномъ упорствѣ со стороны непріятеля, войска въ тотъ же день возвратились на правый берегъ Кубани и распущены по домамъ. Въ этомъ набѣгѣ у крымцевъ былъ раненъ подпоручикъ Самбиленковъ и три нижнихъ чина; одинъ унтеръ-офицеръ пропалъ безъ вѣсти.

Не нужно думать, что дѣятельность 2-го и 4-го баталіоновъ въ это время ограничивалась одною гарнизонною службою; напротивъ, они нерѣдко вступали въ боевыя столкновенія съ хищническими партіями или подъ стѣнами своего укрѣпленія, или даже и вдали отъ него. Къ числу болѣе видныхъ въ послѣднемъ случаѣ военныхъ дѣйствій слѣдуетъ отнести набѣгъ, произведенный по распоряженію воинскаго начальника Анапскаго укрѣпленія, подполковника Иващенко, 28-го декабря 1856 г., капитаномъ Крымскаго полка Манятп, съ четырмя ротами, двумя орудіями и горскимъ полуэскадрономъ.

Съ прибытіемъ на Кавказъ въ концѣ 1856 года генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, военная дѣятельность наша получаетъ новый оттѣнокъ. Предположенія, Высочайше утвержденныя относительно закубанскаго края и заключавшіяся въ возобновленіи Новороссійска, двухъ укрѣпленій между Новороссійскомъ, Анапою и Варениковскимъ укрѣпленіемъ, въ водвореніи одной-двухъ станицъ возлѣ Анапы и т. д., были имъ измѣнены въ февралѣ вслѣдствіе сомнительнаго положенія, въ которомъ оставалась Англія, присутствія флота ея въ Черномъ морѣ и извѣстія о готовившемся отправленіи на наши восточные берега флибустьерскихъ отрядовъ. Взамѣнъ прежнихъ предположеній, князь Барятинскій избралъ болѣе рѣшительныя мѣры, состоявшія въ вытѣсненіи враждебнаго намъ населенія сколь можно далѣе отъ мѣстъ, назначенныхъ для возведенія станицъ, и устройство по возможности въ глубинѣ страны сильной передовой линіи укрѣпленій съ такимъ числомъ войскъ, чтобы отрѣзанное сею мѣстное населеніе или вынуждено было безусловно покориться, или вовсе покинуть край. Онъ намѣтилъ эту линію въ

долинѣ Адагума и рѣшилъ въ одномъ изъ построенныхъ тамъ укрѣпленій помѣстить штабъ-квартиру Крымскаго полка, съ соотвѣтственнымъ числомъ артилеріи и кавалеріи. Съ занятіемъ адагумской линіи отдѣлялись патухайцы отъ шапсуговъ, горная полоса патухайской земли была бы обойдена и, при рѣшительныхъ съ нашей стороны дѣйствіяхъ, патухайцы не въ состояніи были бы удержаться въ краѣ. Для выполненія этого предпріятія назначалось одиннадцать баталіоновъ пѣхоты и въ томъ числѣ 1-й, 3-й и 5-й баталіоны Крымскаго полка [6]).

7-го апрѣля всѣ войска и обозы адагумскаго отряда стянулись къ Андреевскому посту, противъ укр. Варениковскаго. Горцы собрались на Псебепсѣ и зажгли камыши и сухую траву, покрывавшіе плоскія возвышенности между рѣчекъ, черезъ которыя намъ нужно было проходить. Сеферъ-бей Зaноко разослалъ приказанія патухайцамъ и шапсугамъ, чтобы всѣ явились поголовно, по первымъ пушечнымъ выстрѣламъ; прибывшіе къ нему до 150 человѣкъ флибустьеровъ доставили ему три орудія, изъ числа шести, привезенныхъ ими съ первымъ рейсомъ изъ Константинополя, и стали обучать горцевъ артилерійскому искусству. Оставивъ ихъ упражняться въ этомъ занятіи, генералъ-маіоръ Филипсонъ устроилъ плашкоутный мостъ черезъ Кубань, въ $1^1/_4$ версты выше поста Ново-Ерковскаго, и двинулъ туда войска правымъ берегомъ рѣки. 23-го апрѣля, Крымскій полкъ, съ частью артилеріи, первый перешелъ за Кубань. 26-го апрѣля весь отрядъ вступилъ на дорогу къ Адагуму, по которой генералъ Вельяминовъ возвращался изъ экспедиціи 1836 года. Эта дорога пролегала между непроходимыми болотами, поросшими камышемъ. На другой день отрядъ вступилъ въ богатую долину нижняго Адагума и расположился въ лукѣ, образуемой рѣкой на томъ мѣстѣ, гдѣ было когда-то укрѣпленіе. По горскимъ преданіямъ постройка его приписывается древнимъ франкамъ. Отъ этого пункта оставалось до мѣста, на-

---

[6]) Кромѣ того, 2 военно-рабочія роты, 5 сотенъ конныхъ казаковъ, анапскій горскій полуэскадронъ, ракетная команда, 14 полевыхъ и 8 горныхъ орудій.

мѣченнаго для центральнаго укрѣпленія Адагумскаго, всего 15—18 верстъ. Въ день прибытія отряда внутрь непріятельской земли, наличный составъ трехъ баталіоновъ Крымскаго полка и инвалидной при нихъ ротѣ заключался въ 6-ти штабъ-офицерахъ, въ 47 оберъ-офицерахъ и въ 3061 строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чинахъ.

Нѣсколько сотъ конныхъ и пѣшихъ горцевъ расположились на пушечный выстрѣлъ отъ нашего лагеря и постоянно безпокоили его орудійною стрѣльбою, но были всегда отражаемы дѣйствіемъ нашей артилеріи. Среди перестрѣлокъ съ непріятелемъ, войска занимались устройствомъ мостовъ черезъ рѣку Пшецъ, обнесеніемъ лагеря засѣкою изъ двойнаго плетня, сооруженіемъ временнаго артилерійскаго парка, рубкою лѣса, фуражировками и рекогносцировками. Для воспрепятствованія горцамъ стрѣлять изъ орудій со стороны лѣса, прилегавшаго къ южному фасу лагеря, 7-го мая была направлена къ этому пункту колонна подъ начальствомъ Крымскаго полка подполковника Лыкова. Вступивъ въ лѣсъ и пройдя около версты, войска остановились и открыли рубку позади себя. Здѣсь они были сильно атакованы непріятелемъ и выдержали ожесточенный бой, который повторился и на слѣдующій день. Это было первое серьезное дѣло, запечатлѣнное именемъ и кровью крымцевъ. Затѣмъ, болѣе или менѣе сильныя перестрѣлки продолжались все на томъ же мѣстѣ почти ежедневно, и горцы преимущественно дѣйствовали изъ двухъ фальконетовъ и восьми орудій, прислуга при которыхъ состояла большею частью изъ венгерцевъ и поляковъ, прибывшихъ въ Геленджикъ съ ренегатомъ Мехметъ-беемъ (Банія) и полковникомъ Лапинскимъ. 20-го мая отрядъ подполковника Лыкова перешелъ въ общій лагерь и до 24-го числа принималъ участіе въ работахъ остальныхъ войскъ, состоявшихъ преимущественно въ заготовленіи строительныхъ матеріаловъ для укрѣпленія на нижнемъ Адагумѣ, которое заложено 25-го мая. Въ этотъ день колонна Лыкова выступила опять на передовую позицію и продолжала вырубку лѣса противъ западнаго фаса лагеря. Непріятель былъ менѣе назойливъ, такъ какъ шапсуги и натухайцы стали ссориться между собою, и значительная часть первыхъ изъ нихъ отказалась отъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ русскихъ.

Перестрѣлки, правда, не прекращались, но приносили войскамъ незначительный вредъ. За то, явился другой, болѣе опасный врагъ, который быстро и жестоко далъ себя почувствовать. Этотъ врагъ—болотная лихорадка, которая живо начала выводить изъ строя массу людей. Въ началѣ дѣятельности отряда заболѣвающихъ въ немъ было 25—40—50 человѣкъ, но въ началѣ іюля мѣсяца отъ продолжительныхъ жаровъ количество больныхъ сразу возрасло до 300 человѣкъ; къ 16-му іюля ихъ было въ отрядномъ лазаретѣ 997, а въ концѣ іюля—1555; къ 1-му августа—1937, черезъ недѣлю—2112 и къ 1-му сентября 2773. Въ особенности страдали люди Брестскаго и Литовскаго пѣхотныхъ полковъ. При этомъ условіи не представлялось никакой возможности высылать на работы, какъ дѣлалось дотолѣ, среднимъ числомъ 1300 человѣкъ и приходилось ограничиваться отъ 500 до 450.

26-го іюля изъ лагеря выступили 19-я и 20-я роты Крымскаго полка, назначенныя въ составъ анапскаго гарнизона на мѣсто 5-й и 8-й ротъ, которыя прибыли, подъ начальствомъ маіора Орла, въ адагумскій отрядъ 19-го августа.

Начиная съ августа и до глубокой осени, т. е. до роспуска отряда, никакихъ серьезныхъ дѣлъ и никакихъ выдающихся явленій на адагумской долинѣ не произошло. Все ограничивалось одними, такъ называемыми, столкновеніями съ горцами, не особенно кровавыми, при движеніяхъ, по разнымъ военнымъ надобностямъ, колоннъ, которыми, въ числѣ другихъ начальствующихъ лицъ отряда, командовали слѣдующіе офицеры Крымскаго полка: полковникъ князь Шаликовъ, подполковники Лыковъ и Тессенъ, маіоры Орелъ, Михайловъ, Подгурскій, капитанъ Патковскій, штабсъ-капитаны Рѣзниченко, Амбражевичъ и другіе. Работы по укрѣпленію прекращены были 14-го ноября, а затѣмъ войска занимались рубкою просѣки въ лѣсу Бжахомезъ, по направленію къ среднему Адагуму, и истребленіемъ ауловъ по этой рѣкѣ и ея притокамъ. 3-го декабря они были распущены на зимнія квартиры.

Недостатокъ выдающихся боевыхъ явленій на адагумской долинѣ во второй половинѣ 1857 года произошелъ въ первое время по случаю обращенія всѣхъ шапсуговъ и натухайцевъ къ при-

брежью моря, гдѣ ихъ дѣйствія были направлены преимущественно противъ Анапы, а въ концѣ года—по случаю новаго раздора между этими двумя племенами и новаго отпаденія шапсуговъ отъ власти Сеферъ-бея. Первое изъ этихъ обстоятельствъ дало возможность особыхъ отличій тѣмъ баталіонамъ Крымскаго полка, которые занимали Анапу.

Послѣ посѣщенія нашимъ отрядомъ 25-го мая Геленджика, турецкія кочермы рѣшительно отказались приставать къ этой бухтѣ, такъ какъ всѣ предметы контрабанды, перевозкою которыхъ они занимались, естественно, могли быть нами захватываемы, а самыя суда—задерживаемы. Для успокоенія турокъ полковникъ Лапинскій приказалъ построить въ Геленджикѣ [7]) приморскую батарею, вооружилъ ее шестью орудіями, вырылъ по берегу моря траншеи, боевые припасы помѣстилъ въ большомъ пороховомъ погребѣ и далъ слово, что болѣе не пуститъ русскія суда въ эту бухту. При батареѣ находился и самъ Лапинскій, съ пятнадцатью флибустьерами, назначенными имъ для управленія орудіями, и съ прикрытіемъ, состоявшимъ изъ 150—200 горцевъ.

Генералъ-маіоръ Филипсонъ, узнавъ объ этомъ, и получивъ также донесеніе анапскаго воинскаго начальника отъ 11 іюня, что въ Геленджикѣ находятся три турецкихъ кочермы и одинъ двухмачтовый бригъ, готовый къ отплытію, 19-го іюня прибылъ въ Анапу, взялъ двѣ роты Крымскаго полка (всего 273 штыка) и 30 пѣшихъ всадниковъ анапскаго горскаго полуэскадрона, посадилъ ихъ на три азовскихъ баркаса и 20-го іюня ночью, въ глубочайшей тишинѣ, пришелъ въ геленджикскую бухту. Десантъ, который былъ ввѣренъ командиру 4-го баталіона Крымскаго полка маіору Левашеву, былъ высаженъ въ $2^1/_2$ верстахъ отъ крѣпости, тамъ, гдѣ въ 1837 году Императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ отрядъ генерала Вельяминова, и на разсвѣтѣ быстро двинулся къ укрѣпленію. Три баркаса, направленные туда же, прикрывали правый

---

[7]) См. „Кавказскій Сборникъ", т. XI, „Высадка въ 1857 г. на черкесскій берегъ польско-англійскаго десанта", гдѣ изображена дѣятельность флибустьеровъ, при участіи турецкаго и частью англійскаго правительствъ.

флангъ отряда, каждый одною 18-ти-фунтовою каронадою. При полномъ свѣтѣ дня пароходъ генерала Филипсона сталъ входить въ бухту. Увидѣвъ его, авантюристы и ихъ союзники чрезвычайно всполошились и открыли по пароходу артиллерійскій огонь; но когда вслѣдъ затѣмъ замѣтили съ разстоянія $^3/_4$ версты наступавшій съ сухаго пути отрядъ—встрѣтили и его картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Маіоръ Левашевъ, съ 13-ю ротою крымцевъ и пѣшими всадниками, бросился бѣгомъ на укрѣпленіе, при дружномъ боевомъ кликѣ всего отряда, и въ одно мгновеніе овладѣлъ крѣпостью, съ ея каменными развалинами, и батареею Лапинскаго. Предводитель и его шайка, конечно, бѣжали, но успѣли поджечь пороховой погребъ, гдѣ было до 150 пуд. пороха, до 2 т. артиллерійскихъ зарядовъ, въ томъ числѣ 500 снаряженныхъ гранатъ, и два огромныхъ сундука съ ружейными патронами. Къ счастью, Левашевъ замѣтилъ огонь и приказалъ тотчасъ же его затушить. На берегу захвачены три турецкихъ кочермы съ зерновымъ хлѣбомъ, коровьимъ масломъ и разными туземными произведеніями, палатка Лапинскаго, съ горящею на столѣ свѣчею и, къ общему интересу, съ патентомъ на чинъ полковника, даннымъ ему на пароходѣ „Кенгуру“ 15-го февраля 1857 года „*главнокомандующимъ черкесскими арміями Мехметъ-беемъ*“, и много разныхъ бумагъ.

По тревогѣ, къ Геленджику собралось къ 9-ти часамъ утра не менѣе полуторы тысячи горцевъ, которые вступили съ десантомъ въ перестрѣлку. Лишь только наши войска оставили передовыя позиціи, послѣднія тотчасъ же были заняты массою горцевъ. Артиллерія съ парохода и съ баркасовъ могла прикрывать только фланги отряда, вслѣдствіе чего горцы безнаказанно напирали на него спереди, обдавая живымъ ружейнымъ огнемъ. Въ такомъ положеніи отрядъ дошелъ до мѣста нагрузки. Тутъ маіоръ Левашевъ убѣдился, что посадка на суда невозможна, пока непріятель занимаетъ развалины на разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла отъ берега. Не долго задумываясь, онъ моментально повернулъ отрядъ, съ дружнымъ „ура“ бросился на непріятеля почти вдесятеро сильнѣйшаго и въ четверть часа разогналъ его и овладѣлъ развалинами. Горцы метнулись по берегу, попали подъ выстрѣлы нашей ар-

тилеріи и понесли новую потерю. Передъ ними все время вертѣлся какой-то европеецъ, въ курткѣ и въ соломенной шляпѣ, который задерживалъ бѣгущихъ и старался ихъ возвратить; его усилія остались напрасны, и онъ самъ скоро былъ сраженъ наповалъ одною изъ крымскихъ пуль. Левашевъ безъ преслѣдованія возвратился къ берегу, въ 10 часовъ утра вышелъ изъ Геленджика и въ 8 часовъ вечера бросилъ якорь въ анапскомъ рейдѣ. Донося объ этомъ славномъ дѣлѣ, генералъ Филипсонъ заключилъ слѣдующимъ образомъ:

„Не смѣю назвать никого особенно отличившагося: всѣ одинаково покрыли славою себя и русское оружіе. Но душою этого подвига былъ, конечно, маіоръ Левашевъ, всѣми любимый и уважаемый за примѣрную храбрость и благородный характеръ. Онъ своею кровью заплатилъ за побѣду: къ общему сожалѣнію, онъ раненъ при отступленіи пулею въ голову“. Сверхъ того, ранено 8 и сильно контужено двое нижнихъ чиновъ.

Генералъ Филипсонъ не только не ошибся въ оцѣнкѣ качествъ Левашева и заслугъ ввѣренныхъ его командованію крымцевъ, но, если можно такъ выразиться, даже не договорилъ многаго въ ихъ похвалу. Они доказали и подтвердили это ровно черезъ мѣсяцъ послѣ геленджикскаго дѣла, которое, не смотря на всю свою важность и блистательность, нимало не превосходитъ замѣчательнаго подвига, совершеннаго крымцами 22-го іюля. Но чтобы коснуться его въ той мѣрѣ, какъ онъ того заслуживаетъ, необходимо слегка остановиться на положеніи дѣлъ у противника, которое послужило для него основаніемъ и поводомъ.

Когда шапсуги отказали въ первый разъ Сеферъ-бею въ повиновеніи за то, что онъ ихъ обманулъ большою помощью отъ султана и собиралъ съ нихъ чрезмѣрно хлѣбъ для отправленія въ Турцію, они въ то же время упрекали его сына Карабатыра въ измѣнѣ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими. Послѣдній, въ свое оправданіе, предложилъ имъ сдѣлать рѣшительное нападеніе на команды, высылаемыя изъ Анапы, а въ случаѣ удачи—и на самое укрѣпленіе. Шапсуги согласились. Тогда Карабатыръ, собравъ на пространствѣ отъ Антхыря до Анапы шесть тысячъ шап-

суговъ и натухайцевъ, сосредоточилъ ихъ въ долинѣ Ахосъ и ждалъ удобнаго случая, чтобы осуществить свое предложеніе.

Не зная ничего о затѣяхъ противъ Анапы и ея гарнизона, маіоръ Левашевъ, окончивъ покосъ и уборку сѣна между бывшими станицами Николаевской и Алексѣевской, перевелъ отрядъ, состоявшій изъ трехъ ротъ 4-го баталіона, 30-ти донцовъ, при трехъ полевыхъ орудіяхъ, подъ командою капитана Маняти, за Нашебургскій редутъ, въ долину Куматыръ; въ укрѣпленіи же оставались двѣ роты, 20 донцовъ, всадники анапскаго горскаго полуэскадрона и два полевыхъ орудія. Изъ числа этихъ войскъ одна рота, 5-я Крымскаго полка, съ этими же двумя орудіями и съ 15-ю донцами, подъ командою подпоручика де-Розенталя, 22-го іюля была выслана въ прикрытіе пастьбы табуна. Вдругъ, въ восьмомъ часу утра раздались на пастьбѣ одинъ за другимъ три орудійныхъ выстрѣла и потомъ бѣглая ружейная пальба. Маіоръ Левашевъ, приказавъ ударить тревогу, взошелъ на 7-й бастіонъ и увидѣлъ огромныя толпы горцевъ, которыя вскачь неслись къ табуну отъ бывшей Псехонсинской батарейки. Розенталь отступалъ въ ротномъ карре, отбиваясь бѣглымъ огнемъ; казаки и конюхи гнали табунъ къ воротамъ укрѣпленія. Съ бастіона была открыта стрѣльба изъ крѣпостныхъ орудій, но она не остановила наступавшихъ; напротивъ, одна изъ партій, заскакавъ отъ моря, уже неслась къ прикрытію вдоль вала старой крѣпости, а невдали показалось еще нѣсколько другихъ, которыя съ распущенными значками скакали отъ бывшей Николаевской станицы прямо къ воротамъ укрѣпленія, куда въ это время подогнали весь табунъ. Маіоръ Левашевъ, видя явную погибель, угрожающую укрѣпленію, приказалъ открыть усиленный орудійный огонь изъ всѣхъ орудій передняго фаса. Поручивъ управленіе имъ маіору Орлу, онъ бросился съ собравшимся у воротъ гарнизономъ на встрѣчу непріятелю, который былъ уже на картечный выстрѣлъ отъ вала, частью своихъ солдатъ оцѣпилъ табунъ, а другую часть, съ поручикомъ Краснодембскимъ, двинулъ впередъ и велѣлъ грудью встрѣтить ударъ непріятеля. Къ счастью, въ это время изъ табуна вырвались тринадцать лошадей, напуганныхъ выстрѣлами и гикомъ горцевъ, и понеслись къ рѣч-

къ Анапкѣ. Партіи бросились за ними въ погоню, воображая, что ускользаетъ вся ихъ добыча, а за партіями понеслись всадники анапскаго горскаго полуэскадрона. Они нагнали скопище возлѣ бывшей Алексѣевской станицы и врубились въ середину его. Пока происходилъ ожесточенный рукопашный бой, бѣгомъ подоспѣли крымцы и ударили въ штыки. Горцы тотчасъ показали тылъ и были преслѣдуемы вновь все тѣми же всадниками, пѣхотою и подоспѣвшими донцами до балки у Николаевской станицы, гдѣ завязалась общая и сильная перестрѣлка. Среди нея въ тылу у непріятеля неожиданно раздались выстрѣлы двухъ орудій и затѣмъ бѣглая ружейная пальба. Оказалось, что это содѣйствіе, столь важное и необходимое въ данный моментъ, оказалъ маленькой и выбившейся уже изъ силъ нашей колоннѣ капитанъ Крымскаго полка Рудневъ, котораго выдѣлилъ изъ состава своихъ частей капитанъ Манятти съ 13-ю ротою и пятидесятью человѣками 15-й роты для занятія переправы на рѣчкѣ Месхаче. Горцы, пораженные съ двухъ сторонъ, обратились въ совершенное бѣгство. Бой, продолжавшійся четыре съ половиною часа, такъ утомилъ людей, что маіоръ Левашевъ не счелъ возможнымъ преслѣдовать бѣгущихъ. Потеря наша, впрочемъ незначительная, пала на однихъ всадниковъ, а у крымцевъ она ограничилась однимъ офицеромъ капитаномъ Докучаевымъ, который былъ сильно контуженъ. Донося объ этомъ командующему войсками, наказный атаманъ замѣтилъ, что въ происшедшемъ бою „съ замѣчательною энергіею употреблены были маіоромъ Левашевымъ всѣ скудныя средства, бывшія въ его распоряженіи, такъ что, при невыгодномъ оборотѣ дѣла, послѣдствія могли быть весьма важны“.

Въ концѣ августа генералъ-маіоръ Филипсонъ предпринялъ экскурсію къ устью р. Туапсе для уничтоженія контрабандныхъ турецкихъ кочермъ и склада разныхъ товаровъ и продовольственныхъ запасовъ. 30-го числа онъ отплылъ изъ Анапы на двухъ пароходахъ и семи баркасахъ, съ десантомъ изъ 13-й, 15-й и 16-й ротъ Крымскаго полка (изъ каждой по 100 человѣкъ отборныхъ охотниковъ) и ста всадниковъ, подъ общимъ начальствомъ маіора Левашева. 1-го сентября съ разсвѣтомъ онъ высадился, подъ огнемъ сбѣжавшихся отовсюду гор-

цевъ, невдали отъ развалинъ бывшаго Вельяминовскаго укрѣпленія, которыя были заняты 13-ю ротою капитана Руднева „съ быстротою, не дозволявшею горцамъ противопоставить сопротивленія“. На берегу оказалось до сорока лавокъ, которыя были истреблены. Вскорѣ толпы горцевъ возрасли до полуторы тысячи человѣкъ. Расчитывая на свою многочисленность, они произвели нѣсколько отчаянныхъ атакъ, но всякій разъ были отражены съ большою потерею. „Отступленіе и обратное посаженіе войска на баркасы было произведено съ тѣмъ хладнокровіемъ и распорядительностью, которыя отличаютъ маіора Левашева и его достойныхъ помощниковъ“, говоритъ въ своемъ донесеніи генералъ Филипсонъ. Результатомъ этой экспедиціи было уничтоженіе притона контрабандистовъ, огромныхъ запасовъ хлѣба, соли и всякихъ товаровъ и взятіе девяти кочермъ. Потеря наша состояла въ трехъ убитыхъ и двѣнадцати раненыхъ нижнихъ чинахъ. Но, къ сожалѣнію, этотъ новый подвигъ крымцевъ заключился печальною катастрофою, именно—взрывомъ одного изъ нашихъ баркасовъ, на которомъ погибли 1 штабъ, 2 оберъ-офицера и 36 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ оберъ-офицеровъ былъ прапорщикъ Крымскаго полка Масютинъ. Генералъ Филипсонъ доносилъ: „изъ отличившихся я долженъ назвать особенно маіора Левашева, капитановъ Манятп и Руднева и прапорщика князя Чавчавадзе, которыхъ имена являются неизмѣнно во всѣхъ подобныхъ донесеніяхъ. Дѣйствія штабсъ-капитана Жвана также заслуживаютъ похвалы“. Государь Императоръ, по прочтеніи описанія дѣла 1-го сентября, соизволилъ начертать: „*Славное дѣло. Благоволеніе въ приказѣ и по 1 р. сер. на человѣка*“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество пожаловалъ слѣдующіе чины: маіору Левашеву, капитанамъ Маняти и Рудневу и прапорщику кн. Чавчавадзе.

Кромѣ этихъ блестящихъ и выдающихся дѣлъ, Крымскіе баталіоны, составлявшіе анапскій гарнизонъ, имѣли въ 1857 году многія другія столкновенія съ непріятелемъ, важнѣйшія изъ которыхъ произошли: 13-го и 16-го мая, при пораженіи сильной партіи шапсуговъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго своею отвагою наѣздника Коблюкъ-Псаше, намѣревавшихся отбить возлѣ Анапы скотъ;

16-го іюня въ долинѣ Куматыръ, куда маіоромъ Левашевымъ былъ предпринятъ набѣгъ и отбито до 600 штукъ скота; 30-го сентября при движеніи Левашева въ ущелье Твишатль и уничтоженіи тамъ большихъ запасовъ хлѣба, и 1-го ноября опять въ долинѣ Куматыръ, гдѣ у жителей захваченъ былъ скотъ. Благодаря распорядительности Левашева, всѣ эти дѣйствія, при самомъ даже серьезномъ сопротивленіи горцевъ, обходились крымцамъ или вовсе безъ потерь, или съ потерями самыми ничтожными.

Къ 1-му декабря задача адагумскаго отряда, гдѣ главную роль играли крымцы, была разрѣшена вполнѣ: укрѣпленія Нижне-Адагумское и мостовое Суровское окончены, вооружены и снабжены запасами; дорога отъ суровской переправы до мѣста, гдѣ предположено воздвигнуть центральное укрѣпленіе на Адагумѣ, разработана; лѣса вокругъ Нижне-Адагумскаго укрѣпленія вырублены на разстояніи отъ $3^1/_2$ до 6 верстъ; чрезъ большой лѣсъ Бжахомезъ сдѣлана просѣка въ 800 саженей ширины до Калабатовой могилы, близъ которой выбрано мѣсто для центральнаго укрѣпленія, предназначеннаго штабъ-квартирою Крымскаго полка, и наконецъ, истреблены всѣ черкесскіе аулы отъ Нижне-Адагумскаго укрѣпленія верстъ на 18, въ числѣ до 4500 домовъ, съ большими запасами хлѣба и сѣна, а главное—при самыхъ ничтожныхъ у насъ потеряхъ, потому что „горцы дрались скверно", какъ замѣчаетъ генералъ Филипсонъ. Положеніе ихъ къ концу года было далеко неприглядное: между ними видно было большое уныніе; шапсуги неохотно помогали натухайцамъ и почти не слушались Сеферъ-бея; Магометъ-Аминъ, бѣжавъ изъ азіятской Турціи, куда былъ сосланъ султаномъ при появленіи его въ Константинополѣ, привезъ горцамъ весьма неутѣшительное свѣдѣніе, что на хункяра они надѣяться не должны, а обязаны расчитывать только на свои собственныя силы и т. д. Словомъ, важный переворотъ видимо начинался за Кубанью—и къ счастью, именно въ ту минуту, когда крымцамъ привелось выступить на боевое поприще въ составѣ только-что сформированнаго полка.

Зимнія квартиры полку были назначены по станицамъ, гдѣ стояли по одной и по двѣ роты. Но здѣсь крымцы не воспользо-

вались необходимымъ отдыхомъ для предстоявшихъ имъ новыхъ трудовъ, потому что сигнальные выстрѣлы по линіи то-и-дѣло вызывали ихъ на тревоги въ ту или другую стороны. Вообще, въ эту зиму разнаго рода происшествій было весьма довольно, и одно изъ важнѣйшихъ заключалось въ нападеніи трехтысячнаго скопища 7-го января 1858 г. на ст. Пашковскую, гдѣ квартировали двѣ линейныя и нестроевая роты полка, которыя, подъ начальствомъ маіора Михайлова, блистательно отразили всѣ покушенія непріятеля и отстояли станицу. Въ 15-ти верстахъ отъ Анапы они понесли въ половинѣ января другое пораженіе, которымъ были обязаны подполковнику Левашеву, разстроившему, такимъ образомъ, планъ ихъ обширнаго нападенія на ближайшія къ Витязеву лиману станицы. Спустя недѣлю послѣ этого, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны участвовали, въ составѣ отряда, въ набѣгѣ, предпринятомъ полковникомъ Борзиковымъ 22-го и 25-го января для наказанія бжедуховъ и хатюкаевцевъ за постоянныя ихъ хищничества и злодѣянія. Въ жаркихъ дѣлахъ, происшедшихъ при раззореніи ауловъ Шенджи, Пшебакай, Лакшукай, Гатлукай, Тугургой, Кремчерп-Хабль и Таркано-Хабль, на крымцевъ пала главная часть задачи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и преимущественная предъ прочими частями войскъ потеря: у нихъ убито 3 и ранено 15 нижнихъ чиновъ. Одновременно съ этимъ, именно 24-го января, другія четыре роты полка изъ состава анапскаго гарнизона, съ кавалеріею и артиллеріею, подъ начальствомъ подполковника Левашева, раззорили въ ущельи Суко аулъ Пезугабль и тѣмъ отвадили его жителей отъ покушеній на наши колонны, высылавшіяся изъ укрѣпленія за дровами.

Въ число предположеній на 1858 годъ вошло, между прочимъ, и сооруженіе у суджукской бухты укрѣпленія Константиновскаго. Для этой цѣли предназначенъ былъ особый отрядъ того же имени, подъ начальствомъ подполковника Левашева и съ участіемъ, въ числѣ прочихъ частей, 4-го баталіона Крымскаго полка. Имѣя въ виду заблаговременно занять пунктъ, назначенный для постройки укрѣпленія, генералъ-лейтенантъ Филипсонъ 20-го апрѣля безъ сопротивленія высадилъ десантъ и выгрузилъ всякаго рода запасы

въ развалинахъ Новороссійска и приказалъ Левашеву приступить къ заготовленію матеріаловъ до прибытія остальныхъ войскъ на сборный пунктъ въ Анапу. Среди этихъ работъ горцы въ теченіе десяти дней постоянно безпокоили отрядъ своими нападеніями, но эти послѣднія являлись въ формѣ, такъ сказать, слабыхъ укушеній; 1-го же мая они задумали окончательно вытѣснить наши войска изъ занятаго пункта и, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ, съ артилеріею, подъ начальствомъ Карабатыра Запоко, повели противъ нихъ правильную и энергичную атаку. Однако въ результатѣ они потерпѣли полную неудачу и остались весьма сконфуженными. Участниками въ средѣ крымцевъ этого блистательнаго отраженія скопища были, между прочимъ, кромѣ всегда распорядительнаго и предусмотрительнаго Левашева: маіоръ Рудневъ, капитанъ Докучаевъ, поручикъ Цепринскій-Цекаво, подпоручикъ князь Чавчавадзе и состоявшій въ должности отряднаго адъютанта прапорщикъ Пунинскій. Въ теченіе послѣдующихъ пяти дней Карабатыръ, съ своимъ 4 т. скопищемъ и съ четырмя орудіями, продолжалъ отсиживаться на горахъ въ виду константиновскаго отряда, подумывая о новомъ нападеніи на лагерь, но не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ вслѣдствіе несогласія съ представителями народа. Въ ночь съ 5-го на 6-е число онъ распустилъ свое скопище и самъ отправился съ артилеріею въ Адагумъ.

Удаленіе непріятеля дало возможность подполковнику Левашеву, съ одною ротою крымцевъ и одною ставропольцевъ, предпринять движеніе въ Анапу, а оттуда къ устью р. Цемеса и затѣмъ сухимъ путемъ къ суджукской бухтѣ. Прійдя въ Анапу, онъ усилилъ себя до двухъ баталіоновъ, съ которыми, а также съ артилеріею и обозомъ, прибылъ безъ приключеній къ бывшему форту Раевскому; но при слѣдованіи отсюда 8-го мая къ устью Цемеса, его небольшой отрядъ выдержалъ нѣсколько сильныхъ нападеній непріятеля, которыя однако отразилъ съ торжествомъ для себя, понеся при этомъ ничтожную потерю. Ставъ на позицію, отрядъ приступилъ къ разбивкѣ, а затѣмъ и къ возведенію Константиновскаго укрѣпленія. 29-го мая частью войскъ его, съ неизмѣнными, конечно, въ этихъ случаяхъ крымцами, былъ произведенъ весьма удачный поискъ къ

устью р. Пшады, а 14-го іюня къ геленджикской бухтѣ; 26-го къ устью р. Вуланъ, 13-го августа въ верховья цемесскаго ущелья и 14-го сентября за хребетъ Маркотхъ, къ бывшему укрѣпленію Кабардинскому, гдѣ былъ раззоренъ разбойничій аулъ Добъ. Въ теченіе всего этого времени горцы почти не безпокоили лагеря, работы шли весьма успѣшно, и къ 1-му ноября Константиновское укрѣпленіе было почти отстроено и вооружено. Дѣятельность свою въ 1858 году константиновскій отрядъ заключилъ взятіемъ съ боя 13-го декабря въ геленджикской бухтѣ двухъ контрабандныхъ турецкихъ кочермъ. При отступленіи онъ выдержалъ нѣсколько атакъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля, которыя обошлись крымцамъ шестью убитыми, тремя ранеными и тремя безъ вѣсти пропавшими нижними чинами. Впослѣдствіи оказалось, что одинъ изъ нихъ Михаилъ Васильченко былъ взятъ въ плѣнъ [8]). Въ особенности былъ замѣчателенъ финалъ этого дѣла: когда, при посадкѣ на баркасы, на берегу осталось всего лишь 80 крымцевъ, одна партія горцевъ, сдѣлавъ залпъ почти въ упоръ, съ отчаяніемъ бросилась на нихъ. Завязался жестокій бой на шашкахъ, штыкахъ и прикладахъ: онъ продолжался всего десять минутъ—и партія бѣжала, оставивъ у ногъ крымцевъ до 30 тѣлъ.

Пятый баталіонъ крымцевъ, остававшійся въ гарнизонѣ анапскаго укрѣпленія, также не сидѣлъ безъ дѣла. Съ участіемъ его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ маіоръ Манятн произвелъ двѣ рекогносцировки къ недалекимъ мѣстамъ сборовъ непріятельскихъ партій и заставилъ ихъ удалиться; 7-го мая онъ отразилъ нападеніе партіи, пытавшейся овладѣть Нашебургскимъ редутомъ, а 26-го іюня прогналъ другую партію, вздумавшую попробовать счастья относительно Джемитейскаго редута; 5-го іюля разбилъ двухтысячное скопище, атаковавшее колонну, высланную изъ Анапы за сѣномъ; 28-го августа разсѣялъ большую партію, подъ начальствомъ Карабатыра, имѣвшую намѣреніе отбить нашъ табунъ, и тому подобное. Въ этомъ родѣ прошла вся дѣятельность пятаго баталіона Крымскаго

[8]) Спустя мѣсяцъ, Васильченко былъ возвращенъ въ обмѣнъ на одну женщину и дѣвочку, которыхъ захватили въ плѣнъ всадники анапскаго горскаго полуэскадрона.

полка до конца года и завершилась пораженіемъ трехъ партій горцевъ 17-го декабря въ куматырскомъ ущельи.

Остальные три баталіона Крымскаго полка—1-й, 2-й и 3-й, вошли въ составъ адагумскаго отряда, который съ 1-го апрѣля 1858 г. сталъ стягиваться на сборномъ пунктѣ у Суровской батарейки, подъ командою полковника Бабича. Послѣ нѣкоторыхъ работъ по устройству дорогъ, исправленію мостовъ и т. п., всѣ войска 29-го апрѣля сосредоточились у нижняго Адагума. 2-го мая, на урочищѣ, называемомъ Калабатова могила, на возвышенномъ лѣвомъ берегу Адагума, заложено укрѣпленіе для штабъ-квартиры Крымскаго полка, и 5-го числа приступлено къ крѣпостнымъ работамъ. Въ возведеніи укрѣпленія состояла главная задача и отряда вообще, и крымцевъ въ частности; но это нисколько не мѣшало всевозможнымъ встрѣчамъ съ непріятельскими партіями при добываніи матеріаловъ, на фуражировкахъ, при движеніяхъ колоннъ къ суровской переправѣ за разными запасами и за артиллеріею для строившагося укрѣпленія, на рекогносцировкахъ и при уничтоженіи ближайшихъ ауловъ и посѣвовъ. Въ теченіе мая мѣсяца выдающіяся отличія крымцевъ заключались: 27-го числа при отраженіи ротою партіи въ 700 человѣкъ, напавшей на нашихъ фуражировъ, и 30-го числа при отраженіи 3-мя баталіонами большаго скопища, атаковавшаго лагерь отряда. Такъ все длилось до 5-го ноября, когда работы были прекращены по случаю ненастной погоды, и занятія войскъ съ этого времени состояли исключительно въ охраненіи лагеря и иногда въ набѣгахъ на непріятельскіе аулы.

По окончаніи лѣтнихъ занятій, войска праваго крыла кавказской линіи были обращены къ изгнанію или покоренію враждебнаго намъ населенія, съ цѣлью водворить казачьи станицы на рр. малой Лабѣ и Ходзѣ и на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, а также обезопасить вновь устроенныя станицы между Кубанью и Лабою. Для исполненія этихъ предпріятій были назначены отряды майкопскій, лабинскій и адагумскій, а время для военныхъ операцій—съ 1-го ноября по 1-е декабря. Два баталіона крымцевъ вошли въ составъ адагумскаго отряда [9]), который долженъ былъ

[9]) Вообще $9\frac{1}{4}$ баталіоновъ, 11 сотенъ казаковъ и 23 орудія.

двинуться изъ *укрѣпленія Крымскаго* къ Константиновскому, оттуда къ Анапѣ, потомъ къ укр. Варениковскому и возвратиться опять въ Крымское. На всемъ пути своего слѣдованія ему предстояло дѣлать движенія въ стороны и заставить натухайцевъ принести намъ покорность.

Отрядъ выступилъ въ полночь съ 8-го на 9-е ноября вверхъ по Адагуму въ баканское ущелье, уничтожилъ при сильной перестрѣлкѣ три аула и 11-го числа двинулся къ неберджайскому ущелью, истребивъ еще девять ауловъ, которые, впрочемъ, большею частью были оставлены жителями. 13-го ноября онъ прибылъ въ укрѣпленіе Константиновское, взявъ по пути съ боя каменный завалъ, устроенный горцами поперегъ дороги. На другой день полковникъ Бабичъ, получивъ свѣдѣніе, что жители ауловъ, находящихся на рр. Дугъ и Озерейкъ, въ 15-ти верстахъ отъ укрѣпленія, расчитывая на неприступность своихъ жилищъ, не трогались съ мѣста, отрядилъ туда двѣ колонны, съ участіемъ крымцевъ: одну подъ начальствомъ полковника Хромова, прибывшаго для инспектированія Крымскаго полка, а другую подъ командою подполковника Левашева. Результатомъ дѣятельности обѣихъ колоннъ было взятіе въ плѣнъ 159-ти горцевъ, отбитіе до 1000 штукъ скота и истребленіе до тла около десяти ауловъ. Полковникъ Бабичъ, поименовывая въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ главныхъ сотрудниковъ начальниковъ колоннъ, прежде всего останавливается на офицерахъ Крымскаго полка: маіорахъ Орлѣ, Патковскомъ и Рудневѣ.

17-го ноября отрядъ снялся съ позиціи у Константиновскаго укрѣпленія и двинулся 4-мя колоннами по цемесскому ущелью и по Цемесу, б. и м. Пчіакамъ, истребивъ, при сильной перестрѣлкѣ, до 600 домовъ; 18-го числа онъ уничтожилъ еще 500 сакль, со множествомъ имущества и большими запасами хлѣба и сѣна въ ущельяхъ Текосъ, Пчегодезугъ, Дешемезъ, Конхенай, на р. Хоопъ и въ долинѣ Дзекопукъ. На слѣдующій день повторилось то же самое съ непокорнымъ населеніемъ въ верховьяхъ рѣки Псичаге, гдѣ крымцы лишились прапорщика Яворскаго, убитаго при штурмѣ аула, и пяти раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ этотъ день въ общей сложности истреблено по разнымъ направленіямъ до 800 жи-

лищъ. 20-го, 22-го, 23-го и 24-го ноября отдѣльныя колонны занимались истребленіемъ поселеній на рр. б. и м. Куматыръ, Сумай, Шуучей-Сытъ, Псепабъ, въ ущельяхъ Унепохурай, Пхефитль, Гастогай, на урочищѣ Твипатль, въ долинахъ Шухо, Абрау и рѣки Чикупса, а также въ окрестныхъ мѣстахъ, и порѣшили судьбу 3450 непріятельскихъ жилищъ.

25-го ноября отрядъ прибылъ безпрепятственно въ Варениковское укрѣпленіе и здѣсь отдыхалъ два дня; съ 28-го числа этого мѣсяца по 2-е декабря онъ оперировалъ все въ томъ же духѣ по рр. Непитль, Псебепсъ, Хопсъ, Псифъ, Псипешакъ, Бжеубатъ, Кудако, въ ущельяхъ Хантхъ и Цугозерибль и уничтожилъ 3200 домовъ, съ имуществомъ и запасами. Горцы сопротивлялись съ замѣчательнымъ упорствомъ и ожесточеніемъ: ни одна сколько нибудь крѣпкая позиція не досталась намъ безъ жаркаго боя; въ особенности трудно было одолѣть 28-го ноября два большихъ аула по рѣкѣ Псебепсъ—Саджасъ-Джеу-Батырико-Габль и Турабль, которые защищались съ отчаяніемъ, и отстаивавшіе ихъ горцы нѣсколько разъ бросались въ шашки. 30-го ноября, въ ущельи рѣки Кудако, также приходилось каждый шагъ брать съ боя; но войска мужественно преодолѣли всѣ препятствія и заставили жителей очистить это ущелье и бѣжать въ неприступныя мѣста. Потери наши, не смотря на все это, были невелики. 2-го декабря отрядъ возвратился въ укрѣпленіе Крымское и черезъ день сталъ расходиться на зимнія квартиры. Въ гарнизонѣ Крымскаго укрѣпленія оставлены штабъ и три баталіона Крымскаго полка, команда анапскаго горскаго полуэскадрона и шесть полевыхъ орудій.

Съ наступленіемъ 1859 года открылась зимняя экспедиція, для которой были составлены три отряда: майкопскій, лабинскій и черноморскій. Въ составъ послѣдняго, сосредоточеннаго 5-го января на Кубани, вошелъ одинъ съ четвертью баталіонъ Крымскаго полка [10]). Цѣль дѣйствій этого отряда состояла въ разорені аудовъ бжедухскаго и хатюкаевскаго племенъ, которыхъ этимъ

---

[10]) Общій составъ отряда: $8\frac{1}{2}$ баталіоновъ, $11\frac{1}{2}$ сотенъ, 16 орудій и 16 ракетныхъ станковъ.

путемъ имѣлось въ виду привлечь къ совершенной покорности. 17-го января, когда морозы укрѣпили ледъ на Кубани, войска перешли на лѣвый берегъ рѣки и вступили въ непріятельскую землю двумя колоннами, одна изъ которыхъ, правая, съ участіемъ крымцевъ, была ввѣрена начальствованію полковника Лыкова. Войска оперировали около трехъ недѣль и на пространствѣ отъ р. Афипса до р. Бѣлой истребили 44 аула, такъ что у хатюкаевцевъ, хамышейцевъ и черченеевцевъ уцѣлѣли только три аула въ лѣсныхъ трущобахъ. 3-го февраля отрядъ подошелъ къ Кубани и началъ просѣку между рр. Пшишемъ и Бѣлой, немного выше Корсунской станицы, для открытія этого края во всякое время нашимъ движеніямъ, а 5-го февраля перешелъ обратно въ Черноморію, потому что отъ южныхъ вѣтровъ и проливныхъ дождей ледъ на Кубани сдѣлался ненадеженъ. Въ этотъ періодъ времени наиболѣе выдающіяся дѣла произошли: 21-го января у ауловъ Бетмезукъ 1-й и Бетмезукъ 2-й и 2-го февраля при истребленіи черченеевскихъ ауловъ Кончуко-Хабль 3-й и Адамій и хатюкаевскихъ: Хаусай, Джамбечи, Безви и Шдаровъ. Оба дѣла сопровождались взятіемъ съ боя укрѣпленныхъ заваловъ и нѣсколькими рукопашными схватками, въ одной изъ которыхъ раненъ Крымскаго полка поручикъ Моравскій. Вообще же потеря въ обоихъ дѣлахъ состояла изъ трехъ раненыхъ офицеровъ, 8 убитыхъ, 77 раненыхъ нижнихъ чиновъ и одного безъ вѣсти пропавшаго. 19-го февраля отрядъ былъ распущенъ.

Баталіоны, занимавшіе Крымское укрѣпленіе, также не оставались праздными: въ ночь съ 3-го на 4-е февраля шесть ротъ принимали участіе въ раззореніи аула Цугозерибль, находившагося въ 12-ти верстахъ отъ укрѣпленія; 18-го февраля—одинъ баталіонъ въ отбитіи скота близъ натухайскаго аула Хайтхо; 1-го марта—пять ротъ въ набѣгѣ къ аулу Хагаатлы, на р. Кудако; 6-го марта—полтора баталіона въ отраженіи нападенія непріятельской партіи, атаковавшей крымцевъ въ пяти верстахъ отъ штабъ-квартиры за р. Адагумомъ; 10-го апрѣля—одинъ баталіонъ при истребленіи натухайскаго аула Пензанчъ, отстоявшаго отъ укрѣпленія въ 15-ти верстахъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ столкновеніяхъ съ

непріятелемъ, при разныхъ враждебныхъ его покушеніяхъ. Подобнаго рода движенія были производимы также и гарнизономъ анапскаго укрѣпленія, ввѣреннаго маіору Маняти, который, между прочимъ, въ ночь съ 2-го на 3-е января уничтожилъ въ ущельи Хохошъ разбойничій аулъ Джембелукъ, совершивъ для этого съ крымцами замѣчательный переходъ въ 60-ть верстъ въ оба пути въ теченіе одной ночи. Послѣ разныхъ стычекъ съ партіями Карабатыра, рыскавшими въ теченіе зимы и весною вокругъ Анапы, крымцы завершили рядъ пораженій, нанесенныхъ горцамъ, разсѣяніемъ 9-го мая полуторатысячной партіи шапсуговъ, набросившейся на табунъ, бывшій на пастьбѣ близь укрѣпленія, и затѣмъ до конца года по большей части отсиживались въ гарнизонѣ, на покосѣ, ходили на рубку дровъ, и хотя вездѣ имѣли столкновенія съ хищниками, но въ серьезныя приключенія не попадали.

Во второй половинѣ апрѣля шесть ротъ крымцевъ изъ гарнизона Крымскаго укрѣпленія приняли участіе въ лѣтнихъ военныхъ дѣйствіяхъ адагумскаго отряда [11]), который 21-го апрѣля двинулся вверхъ по Адагуму и расположился у входа въ баканское ущелье, при сліяніи рѣкъ Бакана и Неберджая, у подошвы высоты Кобзы. Черезъ день было приступлено къ заложенію на этой высотѣ каменнаго форта, постройка котораго составляла пока единственную задачу отряда. Непріятель, какъ обыкновенно, стремился противодѣйствовать нашей цѣли или ночными нападеніями на лагерь, или артилерійскимъ огнемъ изъ нѣсколькихъ орудій; но, безъ сомнѣнія, работъ замедлить не могъ, и укрѣпленіе быстро выростало. Съ тѣмъ вмѣстѣ 9-го іюня была произведена рекогносцировка окрестностей неберджайскаго ущелья и намѣчено мѣсто для предположеннаго у входа въ него укрѣпленія. При этомъ произошло довольно жаркое дѣло съ восьмисотенною партіею горцевъ, которая была разбита и разсѣяна.

Въ половинѣ іюня, вслѣдствіе неоднократныхъ свѣдѣній о большихъ сборахъ непріятеля и о намѣреніи его сдѣлать нападе-

---

[11]) Составъ отряда, кромѣ 6-ти ротъ крымцевъ: $5\frac{1}{2}$ баталіоновъ, $5\frac{1}{4}$ сотенъ и 8 орудій.

ніе на наши войска, приступлено было къ огражденію лагеря надежною засѣкою, а въ то же время гарнизонъ укрѣпленія Крымскаго усиленъ двумя стрѣлковыми ротами Крымскаго полка, взятыми изъ отряда. Слухи оказались вполнѣ основательными: 22-го іюня громадное скопище убыховъ, шапсуговъ, натухайцевъ и абадзеховъ атаковало нашъ лагерь. Бой продолжался четыре часа сряду, перемежаясь рукопашными схватками; но распорядительность полковника Лыкова, который, за отсутствіемъ Бабича, командовалъ отрядомъ, восторжествовала надъ дерзостью въ шесть разъ сильнѣйшаго непріятеля, и онъ былъ отбитъ съ позоромъ, понеся огромный уронъ. Эта неудачная попытка горцевъ произвела на нихъ весьма дурное впечатлѣніе, и дня три послѣ того они намѣревались возмѣстить ее болѣе успѣшными дѣяніями, но этого не достигли и затѣмъ вполнѣ присмирѣли на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, 24-го іюля они дождались своего праздника и, въ составѣ тысячи человѣкъ, накинулись на нашъ табунъ близъ укр. Адагумскаго, отбили его и въ происшедшемъ при этомъ сильномъ бою съ прикрытіемъ лишили насъ 11-ти убитыхъ, пяти раненыхъ и одного безъ вѣсти пропавшаго нижнихъ чиновъ. Хотя маіоръ Подгурскій по первымъ выстрѣламъ выслалъ изъ укрѣпленія 75 человѣкъ крымцевъ въ подмогу прикрытію, но они прибѣжали къ мѣсту боя тогда, когда хищники успѣли уже далеко уйти съ своею добычею. Въ началѣ августа каменный фортъ на Кобзѣ былъ окончепъ, 6-го числа освященъ и сданъ на охраненіе ставропольцевъ; отрядъ же передвинулся на новую позицію къ Каменной Скалѣ, находящейся въ четырехъ верстахъ отъ укр. Крымскаго, гдѣ слѣдовало построить башню. 16-го августа онъ отступилъ къ самому укрѣпленію, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ для работъ баталіонъ Ставропольскаго и двѣ роты Крымскаго полковъ, при четырехъ орудіяхъ, которые расположились частью въ лагерѣ, укрѣпленномъ засѣкою, а частью въ передовомъ редутѣ за р. Адагумомъ. Затѣмъ до конца сентября произошло лишь одно болѣе или менѣе крупное столкновеніе съ непріятелемъ, именно 27-го августа, при движеніи части отряда въ землю шапсуговъ, для содѣйствія живущимъ тамъ армянамъ переселиться въ наши предѣлы. Но

28-го сентября получено было свѣдѣніе, что партія муртазаковъ Сеферъ-бея, неоднократно грабившая горцевъ, имѣвшихъ съ нами дружелюбныя сношенія, заняла аулъ въ верховьяхъ ущелья Мельожъ, съ цѣлью прекратить имъ доступъ въ укрѣпленіе Крымское. Это было обстоятельство весьма достаточное для того, чтобы послать туда 10 ротъ пѣхоты, съ частью кавалеріи, при четырехъ орудіяхъ. Отрядъ этотъ былъ ввѣренъ командиру Крымскаго полка полковнику князю Шаликову, который въ ночь на 30-е число взялъ аулъ сналета, уничтожилъ его и овладѣлъ однимъ непріятельскимъ орудіемъ, потерявъ при этомъ всего двухъ раненыхъ крымцевъ. Послѣ этого снова все притихло. 31-го октября войска окончили у Каменной Скалы возведеніе двухъ башенъ и вооружили ихъ двумя орудіями. Оставивъ тамъ въ караулѣ одного оберъ-офицера и 50 нижнихъ чиновъ Крымскаго полка, генералъ-маіоръ Бабичъ отодвинулъ рабочую колонну къ укрѣпленію Крымскому, а 1-го ноября распустилъ отрядъ по зимнимъ квартирамъ.

Константиновскій отрядъ подполковника Левашева, послѣ славнаго боя 13-го декабря 1858 года у Геленджика, въ теченіе мѣсяца пользовался относительнымъ спокойствіемъ; но съ 16-го на 17-е января поставленъ былъ въ необходимость предпринять набѣгъ по дорогѣ къ Новороссійску, гдѣ въ 15-ти верстахъ отъ него жители ущелья Адогау устроили себѣ зимовникъ и согнали въ него свои стада. Въ набѣгѣ участвовали двѣ роты крымцевъ, одною изъ которыхъ, именно 4-ю стрѣлковою, командовалъ поручикъ Верига. Набѣгъ увѣнчался отбитіемъ 281 барана и уничтоженіемъ зимовника. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ непріятелемъ въ теченіе февраля и марта мѣсяцевъ, крымцы, подъ начальствомъ Левашева, 9-го апрѣля произвели поискъ къ Геленджику, гдѣ уничтожили одну контрабандную кочерму, и съ этой минуты всецѣло обратились къ работамъ по довершенію Константиновскаго укрѣпленія и константиновской морской станціи. Нѣтъ сомнѣнія, что приходилось работать съ ружьемъ подъ рукою, такъ какъ время отъ времени горцы не забывали отряда своими „шалостями“, получая и со стороны послѣдняго надлежащую за нихъ отплату въ образѣ незначительныхъ набѣговъ; но тѣмъ не менѣе, до конца

октября никакихъ выдающихся происшествій не случилось. 24-го же числа этого мѣсяца подполковникъ Левашевъ, посадивъ на суда 350 крымцевъ, въ 11 часовъ ночи явился съ ними у сѣвернаго мыса геленджикской бухты и къ утру уничтожилъ въ четырехъ верстахъ отъ нея аулъ изъ восьми домовъ, овладѣлъ одною большою кочермою, четыре другія сжегъ съ большимъ запасомъ товара и задержалъ семнадцать контрабандистовъ. Въ этомъ поискѣ изъ офицеровъ Крымскаго полка участвовали: капитаны Спаксаревъ и Шеремета, поручикъ Цепринскій-Цекаво и подпоручикъ кн. Чавчавадзе.

II.

Принесеніе покорности абадзехами и натухайцами. 1860 годъ. Вступленіе въ землю шапсуговъ. Усиленіе войскъ праваго крыла и начало военныхъ дѣйствій въ обширныхъ размѣрахъ. Волненіе среди покорившихся племенъ. Военныя дѣйствія противъ шапсуговъ. 1861 годъ. Продолженіе тѣхъ же дѣйствій на береговой линіи. Прибытіе въ край Государя Императора. 1862 годъ. Работы. Дѣйствія въ землѣ шапсуговъ. Наши поиски. Нападеніе горцевъ на станицу Нижне-Баканскую. Выселеніе непокорныхъ туземцевъ. 1863 годъ. Вступленіе въ командованіе арміею Е. И. В. Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. Участіе крымцевъ въ жаркомъ дѣлѣ у Псекупса. Рекогносцировки. Окончательное устройство линіи. Мѣсячная дѣятельность адагумскаго отряда подъ начальствомъ командира Крымскаго пѣх. полка полковника барона Фитингофа. Дѣятельность адагумскаго отряда на южномъ склонѣ кавказскаго хребта. Расформированіе отряда. Послѣдній боевой выстрѣлъ крымцевъ. Положеніе нашихъ дѣлъ на западномъ Кавказѣ въ 1864 году. Дѣятельность крымцевъ послѣ покоренія края. Дополненіе къ названію Крымскаго полка. Переименованіе баталіоновъ. Высочайшая награда полку. Назначеніе шефомъ полка Е. И. В. Великаго Князя Александра Михаиловича.

Покореніе восточнаго Кавказа и взятіе въ плѣнъ Шамиля тотчасъ же отразились на положеніи нашихъ дѣлъ за Кубанью. Магометъ-Аминъ, бывшій до конца 1848 года наибомъ имама, а потомъ, въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, представителемъ абадзеховъ, видя горькій опытъ на своемъ прежнемъ владыкѣ, счелъ наи-

болѣе благоразумнымъ поскорѣе склониться передъ русскимъ орломъ, такъ какъ, вслѣдствіе своей опытности и по давнему знакомству съ силою нашего оружія на восточномъ Кавказѣ, предвидѣлъ, что участь послѣдняго недалека и для западнаго. Мало того, находясь въ постоянной распрѣ съ руководителемъ натухайцевъ и шапсуговъ Сеферъ-беемъ Заноко, который мѣшалъ его полновластію въ краѣ, онъ зналъ, что принесеніе имъ покорности будетъ чувствительнымъ ударомъ для его противника, а если къ его личному побужденію примкнутъ еще и абадзехи, то этотъ примѣръ неизбѣжно повліяетъ и на натухайцевъ, вслѣдствіе чего и роль, и власть Сеферъ-бея въ этомъ сильномъ народѣ будутъ окончательно подорваны. Умный Магометъ-Аминъ не ошибся въ своихъ соображеніяхъ. Первымъ орудіемъ для достиженія своей цѣли онъ избралъ силу своего слова, всегда производившаго вліяніе на абадзеховъ, и сталъ доказывать имъ, что „законъ Магомета не воспрещаетъ мусульманину быть подданнымъ христіанскаго Государя"—и они его послушали: всѣ старшины и до 2000 абадзеховъ разныхъ сословій, въ качествѣ депутатовъ своего стотысячнаго племени, явились въ ноябрѣ мѣсяцѣ на ур. Хамкеты и 20-го числа, въ присутствіи командующаго войсками праваго крыла генералъ-лейтенанта Филипсона, принесли намъ покорность и приняли присягу. Первымъ среди нихъ присягнулъ самъ Магометъ-Аминъ и съ этой минуты сдѣлался пособникомъ и помощникомъ нашихъ предначертаній и дѣяній въ закубанскомъ краѣ [1]).

Что ожидалъ Магометъ-Аминъ—то и случилось: едва зашевелились абадзехи, какъ по ихъ слѣдамъ пошли и натухайцы. Собравшись въ долинѣ Ахосъ, они рѣшили принести покорность за все свое племя отъ р. Пшады включительно по южной покатости до Анапы и отсюда по сѣверному склону до Адагума. Престарѣлый ихъ вожакъ Сеферъ-бей въ буквальномъ смыслѣ слова возопилъ противъ этого рѣшенія и всѣми силами старался разстроить его. Онъ увѣрялъ ихъ, что русскій отрядъ болѣе не прійдетъ въ ихъ землю, что весною султанъ и европейскія державы пришлютъ

---

[1]) Донесеніе г. л. Филипсона главнокомандующему 22-го ноября 1859 года № 5711.

флотъ и сильную армію для изгнанія русскихъ съ Кавказа, и пр., и пр.; но всѣ его увѣщанія остались напрасны: народъ ихъ рѣзко отвергнулъ и покорился намъ безусловно въ числѣ 25 т. душъ, населявшихъ пространство между Чернымъ моремъ, Кубанью, Адагумомъ и Неберджаемъ. Убило ли Сеферъ-бея окончательно это рѣшеніе, или подкосила старость—неизвѣстно; но довольно того, что онъ не увидѣлъ совершившагося 22-го декабря факта присяги и въ первыхъ числахъ декабря 1859 года отдалъ Богу душу [2]).

Таковы были послѣдствія дѣяній фельдмаршала князя Барятинскаго.

Съ принятіемъ покорности двумя столь важными племенами, оставалось только одно сильное, противъ котораго намъ предстояло сосредоточить наши силы и дѣйствія. Это—шапсуги, пріютившіе у себя между прочимъ сына Сеферъ-бея Карабатыра. Что касается до покорившихся натухайцевъ, то имъ хотя и предстояло увидѣть у себя наши войска, но уже на этотъ разъ не для раззоренія. Генералъ Бабичъ долженъ былъ пройти легкими отрядами по всѣмъ направленіямъ ихъ земли, въ особенности тамъ, гдѣ еще не были наши отряды, разработать главныя дороги и указать пункты для ауловъ, которые должны были весною переселиться съ мѣстъ ихъ прежняго жительства.

Къ 1-му января войска адагумскаго отряда [3]) стояли въ полной готовности къ походу у Псебедаха; 2-го числа они выступили къ укр. Крымскому и здѣсь приняли въ свой составъ 14-ть ротъ Крымскаго полка, анапскій горскій полуэскадронъ и шесть орудій. 8-го января отрядъ двинулся тремя колоннами въ землю натухайцевъ, на р. Кудако. Оттуда онъ перешелъ на Псебепсъ, далѣе къ Варениковскому укрѣпленію, потомъ на Гастогай, наконецъ по долинѣ Шухо до горы Абрау и 20-го января расположился у Анапы. 21-го января онъ двинулся къ укр. Константиновскому чрезъ бывшій фортъ Раевскій для обозрѣнія ущелья Суко и

[2]) Донесеніе г. л. Филипсона главнокомандующему 28-го ноября 1859 г. № 5782 и письмо его къ нач. гл. шт. кавказ. арміи 2-го февраля 1860 г. № 82.

[3]) 7½ баталіоновъ, 14 сотенъ, 12 орудій и 16 ракетныхъ станковъ.

пространство между Цемесомъ и моремъ—и потомъ двумя колоннами по баканскому и неберджайскому ущельямъ. 31-го января войска прибыли къ укр. Крымскому, имѣвъ по пути перестрѣлки съ шапсугами. 6-го февраля они вновь выступили къ Абину, исколесили землю шапсуговъ и 13-го возвратились на прежнее мѣсто. Результатомъ этого движенія было опустошеніе въ полномъ смыслѣ слова всей обширной и богато населенной шапсугской полосы по Абину и Бугундыру, враждебное населеніе которой удалилось верстъ на 25-ть отъ Адагума и отъ границы покорившихся натухайцевъ.

18-го февраля адагумскій отрядъ, продолжая давленіе на шапсуговъ, произвелъ движеніе въ айрнджскій лѣсъ, съ цѣлью захватить тамъ сѣно и оттѣснить населеніе также и съ этой стороны отъ адагумской линіи. Этотъ лѣсъ тянулся по низовьямъ р. Шипса и цѣлой сѣти болотистыхъ рѣчекъ. Войска заняли его, остановились въ 6-ти верстахъ отъ праваго берега Шипса, такъ какъ далѣе слѣдовать не было никакой возможности, раззорили нѣсколько хуторовъ, овладѣли ихъ запасами и, при сильной перестрѣлкѣ, возвратились назадъ, потерявъ 10 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ, поискъ этотъ оказался въ сущности безполезнымъ и для насъ невыгоднымъ. Въ восьми верстахъ выше Айрнджа былъ другой лѣсъ Мезижъ, въ неберджайской тѣснинѣ, который войска посѣтили 20-го февраля и, разрѣдивъ его въ теченіе трехъ дней усиленною рубкою, 24-го февраля разошлись по квартирамъ. Этимъ завершилась зимняя экспедиція адагумскаго отряда.

Весною 1860-го года войска праваго крыла усилились прибывшими съ восточнаго Кавказа стрѣлковыми баталіонами пѣхотныхъ полковъ, кавалерійскими частями и артилеріею—и въ половинѣ апрѣля начались военныя дѣйствія въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Съ этой минуты и до окончательнаго покоренія края происходили преимущественно: выжиганіе, выкуриваніе и вытѣсненіе закубанскихъ горцевъ. Адагумскій отрядъ, въ составъ котораго 21-го апрѣля вошли два съ половиною баталіона крымцевъ, занялъ при входѣ въ неберджайскую тѣснину урочище Богагэ и приступилъ къ постройкѣ Неберджайскаго укрѣпленія на двѣ роты. 25-го апрѣля въ отрядъ вступили изъ укрѣпленія Константиновскаго еще четыре

роты Крымскаго полка, взамѣнъ которыхъ въ гарнизонъ вошелъ откомандированный изъ отряда 18-й стрѣлковый баталіонъ, а через мѣсяцъ слишкомъ, 29-го мая, нѣсколько ротъ крымцевъ, въ составѣ колонны, подъ начальствомъ полковника кн. Шаликова, были отправлены къ укрѣпленію Крымскому для заготовленія сѣна на весь отрядъ. Въ это время шестой резервный баталіонъ Крымскаго полка находился въ составѣ урупскаго отряда, назначеніемъ котораго была постройка станицы на верхнемъ Урупѣ.

Между тѣмъ, положеніе дѣлъ среди племенъ, принесшихъ намъ покорность, стало нѣсколько измѣняться, и начались слабыя волненія, главною причиною которыхъ были росказни какихъ-то трехъ европейцевъ, разъѣзжавшихъ въ горахъ, а затѣмъ и турецкихъ эмисаровъ, явившихся изъ Константинополя, о близкой войнѣ Россіи съ Англіею и Турціею и о скоромъ прибытіи союзныхъ войскъ. При этомъ внушалось горцамъ, что помощь противъ русскихъ могутъ получить только тѣ племена, которыя останутся подданными султана, а остальныя должны ожидать отъ союзниковъ строгаго наказанія за измѣну [1]). Вліяніе на народъ разныхъ враждебныхъ намъ происковъ было такъ велико, что казавшіеся самыми преданными намъ натухайцы отшатнулись отъ насъ и явились съ просьбою не переселять ихъ на новыя мѣста. Среди абадзеховъ волненіе усилилось еще и потому, что Магометъ-Аминъ былъ съ депутаціею въ Петербургѣ, и некому было противодѣйствовать европейскимъ авантюристамъ. Хотя генералъ Филипсонъ на первый разъ уладилъ недоразумѣнія, и явившійся изъ поѣздки Магометъ-Аминъ, въ свою очередь, благодѣтельно для насъ повліялъ на абадзеховъ, но волненія доказали, что покорность натухайцевъ и абадзеховъ непрочная. Это подтверждалось и разными происшествіями на адагумской линіи, которыя хотя и были приписываемы шапсугамъ, но давали поводъ подозрѣвать въ нихъ и участіе натухайцевъ. Къ числу наиболѣе крупныхъ происшествій принадлежало нападеніе 7-го іюня по дорогѣ отъ Адагумскаго къ Крымскому укрѣпленію на командира Сѣверскаго драгунскаго полка полковника князя Багратіона, который палъ жертвою звѣрскаго истязанія хищниковъ.

---

[1]) Донесеніе г. л. Филипсона отъ 16-го іюня 1860 г. № 280.

Въ концѣ іюня Неберджайское укрѣпленіе было окончено, и 26-го числа войска переведены, для предстоящихъ новыхъ дѣйствій противъ шапсуговъ, къ укр. Крымскому. На Неберджаѣ оставлена, между прочимъ, одна рота Крымскаго полка, а въ гарнизонъ укр. Константиновскаго отправленъ 4-й баталіонъ, взамѣнъ котораго вытребованъ обратно опять 18-й стрѣлковый баталіонъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя начались проложеніемъ просѣки на сообщеніи укр. Крымскаго съ Бугундыремъ, приняли участіе стрѣлковый и 1-й баталіоны Крымскаго полка. Войска работали и оперировали по лѣвую сторону Шипса и между этою рѣкою и Шебикомъ, затѣмъ на р. Коафо, по р. Абину и въ абинскомъ ущельи и, независимо отъ значительнаго числа истребленныхъ ими съ 1-го по 8-е іюля жилищъ, они въ теченіе только 8-го и 9-го іюля уничтожили до 40 ауловъ. При взятіи съ боя на Абинѣ аула Кяухико, между прочимъ, отличились двѣ роты стрѣлковаго баталіона Крымскаго полка. 11-го іюля войска расположились ниже бывшаго Абинскаго укрѣпленія и приступили къ устройству укрѣпленнаго лагеря въ 997 саженей по линіи огня, для помѣщенія на зиму отряда. Работы эти перемежались ближайшими поисками въ окрестныя мѣста для раззоренія ауловъ и продовольственныхъ запасовъ горцевъ, рекогносцировками, столкновеніями съ непріятелемъ на покосахъ и незначительными нападеніями шапсуговъ на наши мелкія команды. 7-го августа крымцы принимали дѣятельное участіе въ истребленіи отрядомъ большаго аула Мерчанъ, находившагося на правой сторонѣ Абина, въ девяти верстахъ ниже лагеря, жители котораго были главными виновниками убійства князя Багратіона и коноводами нападеній, произведенныхъ 1-го и 4-го августа на нашихъ фуражировъ. Аулъ понесъ достойное возмездіе. Для поддержанія этого набѣга изъ укр. Крымскаго выступили, подъ начальствомъ подполковника Манятти, два баталіона крымцевъ, одно орудіе и полсотни донцовъ къ аулу Айриджъ. Колонна эта, заставъ жителей врасплохъ, захватила до 50 штукъ скота и, предавъ аулъ, вмѣстѣ съ его запасами, огню, возвратилась въ укрѣпленіе безъ потери.

Въ теченіе августа мѣсяца значительныя партіи горцевъ на-

чали показываться на просѣкѣ между рр. Коафо и Шипсъ. Хотя онѣ не производили открытыхъ нападеній на наши колонны, но, сожигая мосты, весьма затрудняли движеніе войскъ. По развѣдкамъ оказалось, что эти партіи гнѣздятся въ аулахъ на урочищѣ Хуаназукъ, куда постепенно прибываютъ жители равнинъ, тѣснимые нашими войсками. Генералъ-маіоръ Бабичъ 26—27 августа направилъ войска на это урочище, уничтожилъ всѣ безъ исключенія найденные тамъ аулы, взялъ 46 плѣнныхъ и свыше полутораста штукъ скота. Въ происшедшемъ при этомъ бою горцы оставили въ нашихъ рукахъ пять тѣлъ; у насъ же, благодаря быстротѣ нападенія, былъ раненъ одинъ только рядовой. Такія же движенія были произведены нашими колоннами 29 и 31 августа на Бугундыръ и въ абинское ущелье, и въ послѣднемъ, близь аула Одобричъ, взято у непріятеля одно орудіе. На обратномъ пути предали огню всѣ аулы отъ Николаевскаго укрѣпленія до Гвардейской поляны.

Имѣя въ виду оттѣснить непріязненное намъ населеніе подальше отъ адагумской линіи, генералъ-маіоръ Бабичъ предпринялъ 6-го сентября наступленіе тремя колоннами къ южному скату горъ, близь геленджикской бухты. Одна изъ колоннъ была направлена моремъ на пароходахъ, другая (полковника князя Шаликова) сухимъ путемъ, а третья (полковника Лыкова) демонстрировала изъ Константиновскаго. Всѣ аулы между этимъ послѣднимъ укрѣпленіемъ и бывшимъ Геленджикскимъ уничтожены и сожжены огромные запасы хлѣба и сѣна. Въ происходившихъ при этомъ схваткахъ раненъ Крымскаго полка прапорщикъ Климентовъ, а также артиллеріи штабсъ-капитанъ Будде; убитъ одинъ и ранено 8 нижнихъ чиновъ. Другой поискъ былъ произведенъ, съ участіемъ крымцевъ, 28-го сентября къ низовьямъ Бугундыра, гдѣ также уничтожены жилища горцевъ, и въ аулѣ Куй-Хабль, при занятіи его, взято еще одно орудіе съ полною принадлежностью. 8-го октября два баталіона Крымскаго полка оставили адагумскій отрядъ и отправились на адагумскую линію для постройки постовъ и батарееъ между укрѣпленіями Крымскимъ и Нижне-Адагумскимъ. Тамъ они оставались до открытія зимнихъ военныхъ дѣйствій.

Во второй половинѣ ноября адагумскому отряду данъ былъ отдыхъ; затѣмъ съ 28-го ноября начались совмѣстныя дѣйствія трехъ отрядовъ: главнаго шапсугскаго, средне-шапсугскаго и адагумскаго—въ землѣ шапсуговъ. Главною цѣлью этихъ дѣйствій было проложеніе удобной и безопасной дороги для движенія даже малыхъ колоннъ отъ укр. Григорьевскаго къ укр. Крымскому. Для этого командующій войсками генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ избралъ путь южнѣе анапской дороги, у самыхъ послѣднихъ отроговъ Черныхъ горъ, чтобы болѣе отхватить плоскости у непріятеля и совершенно лишить его возможности пользоваться поземельными угодьями этого богатаго края. Крымцы опять вошли въ составъ отряда г. м. Бабича, который 30-го ноября выступилъ изъ временнаго Абинскаго укрѣпленія на р. Бугундырь и началъ рубить просѣку на встрѣчу средне-шапсугскому отряду, пролагавшему ее изъ укрѣпленія Ильскаго. Одною изъ колоннъ отряда начальствовалъ командиръ Крымскаго полка полковникъ князь Шаликовъ. 7-го декабря была начата рубка лѣса отъ Антхыра къ р. Хабль, гдѣ былъ образованъ еще четвертый отрядъ—промежуточный. 17-го декабря отрядъ г. м. Бабича отошелъ на р. Абинъ. Дѣятельность всѣхъ отрядовъ прекратилась къ 25 декабря, и вся ихъ потеря въ теченіе почти мѣсяца состояла въ одномъ убитомъ оберъ-офицерѣ и 8-ми нижнихъ чинахъ, въ пяти оберъ-офицерахъ и 41 нижнемъ чинѣ ранеными. Въ числѣ раненыхъ офицеровъ былъ Крымскаго полка поручикъ Груберъ. Результатомъ дѣйствій отрядовъ было окончательное устройство просѣки отъ Крымскаго до Григорьевскаго укрѣпленія на протяженіи 74 верстъ и совершенное очищеніе всей плоскости между рр. Адагумомъ и Супомъ отъ непріятельскаго населенія. На этомъ пространствѣ, имѣющемъ свыше 2000 квадратныхъ верстъ, не осталось ни одного сколько нибудь значительнаго аула, и не только жилища шапсуговъ, но и всѣ ихъ запасы истреблены.

Въ зимнихъ дѣйствіяхъ адагумскаго отряда, происходившихъ въ первой трети 1861 года, участвовали 1-й и сводный баталіоны Крымскаго полка, съ полковникомъ княземъ Шаликовымъ. Съ 1-го по 10-е января отрядъ произвелъ движеніе отъ укрѣпленнаго абин-

скаго лагеря по проложенной просѣкѣ до укрѣпленія Ильскаго и обратно и потревожилъ тѣхъ туземцевъ, которые, бывъ оттѣснены въ горы, вышли опять на равнину, чтобы въ теченіе зимы кое-какъ прокормить свои стада. Послѣдствіемъ этой прогулки было уничтоженіе въ боковыхъ ущельяхъ, въ особенности вверхъ по Бугундыру, многихъ непріятельскихъ жилищъ и отбитіе свыше 1000 головъ разнаго скота. Второй поискъ произошелъ между 9 и 13 февраля къ верховьямъ Шебша и по ущельямъ, впадающимъ въ эту рѣку. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы наказать жителей этихъ горныхъ трущобъ за подстрекательство къ враждебности противъ насъ тѣхъ шапсугскихъ ауловъ, которые выражали наклонность покориться намъ. Непріятель оказалъ лишь ничтожное сопротивленіе и по большей части держался вдали отъ нашихъ войскъ, устрашенный дальнобойностью нашего стрѣлковаго оружія. Въ теченіе четырехъ дней всѣ его поселенія въ котловинѣ Шебша и Психабе были уничтожены. 29-го марта отрядъ, въ составъ котораго теперь входили 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Крымскаго полка съ ихъ стрѣлковыми ротами [5]), посѣтилъ верховья Бугундыра, гдѣ также уничтожилъ гнѣздившіеся тамъ аулы. Въ одной изъ перестрѣлокъ, происшедшихъ при этомъ, раненъ Крымскаго полка прапорщикъ Трипольскій. Промежутки между этими движеніями были посвящены лѣснымъ и дорожнымъ работамъ между укр. Крымскимъ и абинскимъ лагеремъ, а также въ ущельи Багаіокъ, по направленію къ Николаевской полянѣ.

По окончаніи дѣйствій въ плоской части земли шапсуговъ, адагумскій отрядъ, все въ томъ же составѣ, 10-го мая расположился у поста Великолагернаго. Такъ какъ, на основаніи общихъ предположеній въ этой части края, имѣлось въ виду утвердиться на берегу геленджикской бухты и проложить сообщеніе ея черезъ главный хребетъ съ дорогою по ущелью р. Абина и далѣе съ постомъ Ольгинскимъ на Кубани, то генералъ-маіоръ Бабичъ 13-го мая двинулъ войска къ укрѣпленному абинскому лагерю и

---

[5]) Общая численность отряда: $9^3/_4$ баталіоновъ, два дивизіона драгунъ, три сотни казаковъ и четырнадцать орудій.

потомъ, черезъ укрѣпленіе Николаевское, поднялся на хребетъ Кецегуръ. Спустившись затѣмъ въ ущелье Адерби и уничтоживъ находившіеся въ сторонѣ на р. Кокумъ аулы Казуко-Хабль, гдѣ были скрыты семейства и имущество шапсуговъ, онъ вышелъ къ геленджикской бухтѣ; отсюда онъ повернулъ назадъ къ упраздненному укрѣпленію Кабардинскому и, пройдя Николаевскую поляну, 28-го мая прибылъ въ абинскій лагерь. Въ происходившихъ при этомъ по пути перестрѣлкахъ, нерѣдко весьма жаркихъ, мы лишились убитыми одного офицера и 4 рядовыхъ, ранеными—трехъ офицеровъ и 42 нижнихъ чина. Съ 1-го по 17-е іюня отрядъ былъ занятъ уничтоженіемъ шапсугскихъ посѣвовъ на пространствѣ между рр. Абиномъ и Убиномъ, а затѣмъ приступилъ къ заготовленію сѣна въ раіонѣ своего расположенія, произведя, между прочимъ, 2-го іюля частью своихъ войскъ, въ средѣ которыхъ находилась одна стрѣлковая рота Крымскаго полка, набѣгъ на аулъ Хоупакъ, расположенный въ верховьяхъ Бугундыра. Въ теченіе послѣдующаго полутора мѣсяца отрядъ разработывалъ дорогу по непберджайскому ущелью, между укрѣпленіями Крымскимъ и Константиновскимъ; 18-го же сентября онъ раздѣлился на нѣсколько эшелоновъ и занялъ разныя мѣста между псебедахскою переправою и Константиновскимъ укрѣпленіемъ, гдѣ 21-го числа имѣлъ счастье привѣтствовать Государя Императора. Послѣ этого генералъ Бабичъ опять приступилъ къ разнаго рода работамъ, отправивъ 1-го октября одинъ баталіонъ Крымскаго полка для устройства ограды у укрѣпленія Варениковскаго, гдѣ въ будущемъ году предполагалось возвести станицу. Къ 20-му октября прямое сообщеніе отъ Ольгинскаго поста къ абинскому укрѣпленному лагерю было вполнѣ устроено, а къ 16-му декабря руками адагумскаго отряда разработаны дороги отъ укр. Крымскаго до р. Гечепсинъ, потомъ на Кудако и по разнымъ направленіямъ натухайскаго округа до укрѣпленія Варениковскаго и наконецъ отъ Гастогая къ форту Раевскому.

Новый 1862 годъ не принесъ полку ничего новаго ни въ его внутреннемъ быту, ни во внѣшней дѣятельности, и въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ этого года не было для полка отдыха. Адагумскій

отрядъ, нимало не тревожимый непріятелемъ, продолжалъ все тѣ же работы по проложенію дорогъ, устройству мостовъ, рубкѣ просѣкъ и въ особенности по возведенію оградъ для новыхъ станицъ: Натухайской, Анапской, Неберджайской, Нижне-Баканской. Окончивъ ихъ въ исходѣ марта, онъ только 31-го числа былъ расположенъ для двухнедѣльнаго отдыха въ этихъ станицахъ, или, лучше сказать, въ ихъ оградахъ. Съ половины апрѣля въ станицы начали прибывать разнаго рода переселенцы, которые тотчасъ же приступили къ постройкѣ своихъ домовъ изъ матеріала, по большей части заготовленнаго для нихъ войсками, а отрядъ, уступивъ имъ мѣста своего кратковременнаго отдыха, продолжалъ работы безъ выстрѣла все въ прежнемъ родѣ, но только въ другихъ пунктахъ [6]).

Обезпечивъ во всѣхъ отношеніяхъ натухайскій округъ и новыхъ поселенцевъ его, генералъ Бабичъ, согласно распоряженію графа Евдокимова, 1-го іюня сосредоточилъ отрядъ у ст. Крымской для наступательныхъ дѣйствій въ землю шапсуговъ [7]). Въ составъ отряда вошли 3-й, 4-й и 5-й баталіоны Крымскаго пѣхотнаго полка. Въ ночь на 6-е іюня войска двинулись внизъ по р. Антхыръ четырмя колоннами, первая изъ которыхъ имѣла съ непріятелемъ авангардное дѣло, стоившее намъ одного убитаго и восьми раненыхъ нижнихъ чиновъ. 8-го іюня отрядъ продолжалъ движеніе къ р. Хабль. Будучи встрѣченъ большою партіею и разогнавъ ее послѣ жаркаго боя, въ которомъ у насъ раненъ 1 штабъ-офицеръ и 26 нижнихъ чиновъ, отрядъ прибылъ къ р. Хабль и приступилъ къ возведенію ограды для станицы, предположенной къ заселенію въ будущемъ году. Въ теченіе всего іюня мѣсяца непріятель находился въ большихъ сборахъ, и отовсюду получались свѣдѣнія, что онъ выжидаетъ лишь удобнаго случая для нападенія на станицы Адагумскаго полка. Чтобы развлечь его силы и отклонить по возможности отъ этого предпріятія, 21-го, 22-го и 23-го іюня были произведены поиски по рр. Иль и Азипсъ, при-

---

[6]) Въ теченіе послѣдняго года вновь возведено въ Кубанской области 24 станицы.

[7]) Общая численность отряда: $7^3/_4$ баталіоновъ, команда охотниковъ (465 чел.), 12 орудій, 5 эскадроновъ и 6 сотенъ.

чемъ истреблено нѣсколько ауловъ, а 1-го іюля предпринято движеніе большею частью отряда по направленію къ бывшему Николаевскому укрѣпленію. Сюда вызваны были для объясненій старшины обществъ, обитающихъ по рѣчкамъ Коафо, Шебикъ и Шипсъ. Они уклонились отъ покорности и объявили, что населеніе намѣрено переселиться въ Турцію. Не имѣя противъ этого никакихъ препятствій, генералъ Бабичъ назначилъ имъ срокъ для выселенія до 1-го октября, взялъ аманатовъ и двинулся вверхъ по Адагуафу, потомъ въ верховья ущелья р. Богагэ и наконецъ 10-го числа возвратился на Хабль. Со стороны жителей вездѣ былъ одинъ отрицательный отвѣтъ насчетъ покорности и одно общее желаніе уйдти въ Турцію. Въ этой небольшой экспедиціи не обошлось и безъ перестрѣлки, происшедшей на Адагуафѣ, въ которой у насъ убито два и ранено 8 нижнихъ чиновъ, а также раненъ врачъ Крымскаго полка коллежскій ассесоръ Солицкій. Послѣ этого войска раздѣлились на двѣ части: одна, подъ начальствомъ подполковника Манятти, выступила 12-го іюля на р. Аушецъ для заготовленія сѣна, а другая осталась для той же надобности на мѣстѣ, произведя, между прочимъ, 20-го августа набѣгъ на урочище Карапашъ, и разогнавъ тамъ жителей, собравшихся для полевыхъ работъ.

Однако, горцы продолжали держаться сосредоточенно, и слухи объ ихъ рѣшительныхъ противъ нашихъ станицъ намѣреніяхъ все усиливались. Затѣмъ, сталъ извѣстенъ даже и самый пунктъ, на который были устремлены ихъ желанія. Этотъ пунктъ былъ станица Неберджайская. Вслѣдствіе этого, съ 3-го на 4-е сентября была послана на р. Шипсъ колонна изъ 7-ми ротъ, дивизіона драгунъ и двухъ орудій для наблюденія за дорогами, ведущими на адагумскую линію. Но колонна эта нигдѣ не открыла непріятеля и на другой день возвратилась въ абинскій лагерь. На нѣсколько дней слухи о враждебныхъ намѣреніяхъ горцевъ какъ бы притихли, но потомъ опять возобновились, и поэтому 27-го сентября отправлены изъ хабльскаго лагеря пять ротъ крымцевъ, подъ начальствомъ подполковника Манятти, для усиленія кордонныхъ войскъ на адагумской линіи. Наконецъ, непріятелю, вѣроятно, надоѣло длить время: 3-го октября онъ показался въ большихъ тол-

пахъ одновременно на высотахъ близь поста Георгіевскаго и близь станицы Неберджайской. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ противъ нея, отраженныхъ артиллерійскимъ огнемъ, горцы отступили и расположились въ недальнемъ разстояніи отъ обоихъ пунктовъ. Появленіе ихъ вызвало повсюду сигнальные выстрѣлы, по которымъ наши резервы приготовились къ движенію.

Пока все это происходило возлѣ Неберджая, другое скопище появилось изъ ущелья Мезекшихъ и накинулось на станицу Нижне-Баканскую. Не смотря на огромное превосходство силъ, непріятель сначала не имѣлъ успѣха; но когда отъ выстрѣловъ вспыхнулъ въ оградѣ стогъ сѣна, и огонь порывистымъ вѣтромъ былъ перенесенъ на плетневую ограду, образовавъ въ ней удобную для прохода брешь—непріятель ворвался внутрь станицы, оттѣснилъ гарнизонъ къ батареямъ и сталъ грабить дома. Въ это время показались наши резервы изъ лагеря въ баканскомъ ущельи и изъ ст. Крымской, предшествуемые драгунами и донцами, подъ начальствомъ завѣдывавшаго адагумскимъ кордономъ командира Сѣверскаго драгунскаго полка полковника Петрова. Послѣдній вихремъ налетѣлъ на непріятеля и, поддержанный пѣхотою, живо порѣшилъ дѣло: горцы, послѣ непродолжительной рукопашной схватки, бросили станицу и массою устремились къ верховьямъ Абина. По первымъ сигнальнымъ выстрѣламъ, командиръ Крымскаго полка полковникъ баронъ Фитингофъ, находившійся съ частью войскъ адагумскаго отряда въ укрѣпленномъ абинскомъ лагерѣ, двинулся съ шестью ротами, эскадрономъ драгунъ и сотнею казаковъ, при двухъ орудіяхъ, къ верховьямъ р. Шипсъ, имѣя въ виду или поспѣть къ атакованному пункту линіи, или принять на себя толпы отступавшаго непріятеля. Но въ три часа пополудни онъ нагналъ въ верховьи Шипса только хвостъ горскаго скопища, нападавшаго на Нижне-Баканскую станицу, и имѣлъ возможность лишь отхватить у него часть награбленной добычи и нанести ему кое-какой уронъ. Общая наша потеря въ этотъ день заключалась въ частяхъ войскъ въ двухъ офицерахъ и 17-ти нижнихъ чинахъ убитыми, въ четырехъ офицерахъ и 62-хъ нижнихъ чинахъ ранеными.

Къ 10-му октября работы въ раіонѣ адагумскаго отряда бы-

ли приведены въ такой видъ, что большая часть войскъ сдѣлалась свободною для дѣйствій въ полѣ. Поводъ къ нимъ состоялъ въ томъ, что шапсуги, обязавшіеся выселиться въ Турцію, и не думали трогаться съ мѣста, а, напротивъ, возобновили свои враждебныя противъ насъ дѣйствія и осязательнѣе всего доказали это нападеніемъ на Нижне-Баканскую станицу. Вслѣдствіе этого, генералъ Бабичъ 14-го октября двинулъ отрядъ въ верховья Антхыра и Бугундыра для подробнаго изслѣдованія мѣстности, предназначенной къ заселенію казачьими станицами. Исполнивъ эту задачу, Бабичъ 21-го октября возвратился съ войсками въ укрѣпленный абинскій лагерь, потерявъ въ перестрѣлкахъ 12 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Не ограничиваясь этимъ движеніемъ, онъ предпринялъ другое— для очищенія отъ туземнаго населенія пространства къ востоку отъ адагумскаго кордона, по обѣ стороны кавказскаго хребта, до Абина и Мезиба. Операціи въ этомъ раіонѣ производились съ 25-го октября по 5-е ноября—и на всемъ этомъ пространствѣ не осталось ни одной трущобы неосмотрѣнной; всѣ аулы и запасы были преданы огню, большая часть жителей ушла далѣе въ горы, а меньшая выселилась на плоскость. Вездѣ сопротивленіе горцевъ было незначительное, и отрядъ лишился одного безъ вѣсти пропавшаго и восьми раненыхъ нижнихъ чиновъ. Трофеемъ нашей экскурсіи были два чугунныхъ орудія, взятыя 5-го ноября при раззореніи одного аула близъ р. Абина. Съ 17-го по 24-е ноября отрядъ очистилъ отъ туземнаго населенія весь край, ограниченный съ сѣвера просѣкою отъ Хабльской станицы до укр. Ильскаго, съ юга—сѣверными отрогами главнаго хребта, съ востока—водораздѣльнымъ кряжемъ басейновъ рѣкъ Убина и Иля и съ запада рѣкою Хабль, потерявъ, не смотря на ежедневныя перестрѣлки, всего лишь одного убитаго и двухъ раненыхъ. 27-го—29-го ноября была произведена рекогносцировка верховьевъ рѣкъ Азипса и Хабль, а затѣмъ дѣятельность крымцевъ въ 1862 году была завершена движеніемъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, подъ начальствомъ ихъ командира полка, отъ Крымской станицы черезъ абинскій лагерь вверхъ по рр. Коафо, Азипсъ и Адагуафъ.

Послѣднія лѣтнія и осеннія дѣйствія нашихъ войскъ въ раз-

ныхъ мѣстахъ непріятельскаго края поставили значительную часть непокорныхъ туземцевъ, съ наступленіемъ суровой въ томъ году зимы, въ положеніе безвыходное. Волей-неволей они должны были подчиниться нашему давленію и нашему желанію и выходить на плоскость, чтобы съ весною переселиться на указанныя мѣста. Непрерывной и энергической дѣятельности адагумскаго отряда, который ни одного дня не далъ горцамъ вздохнуть свободно, мы обязаны выходомъ въ раіонъ его къ январю мѣсяцу 1863 года 1232 семействъ шапсуговъ, составлявшихъ 10375 душъ обоего пола.

По 6-е января 1863-го года адагумскій отрядъ отдыхалъ, а затѣмъ опять занялся работами въ ущельи р. Хабль, произведя между прочимъ поискъ въ верховья р. Антхыръ, гдѣ захватилъ у горцевъ еще одно новое мѣдное орудіе турецкой отливки, лафетъ котораго былъ сожженъ ими на нашихъ глазахъ. Съ 20-го по 30-е января отрядъ [8]) произвелъ наступательныя дѣйствія по рр. Иль и Убинъ, согласуя ихъ съ операціями шебшскаго отряда, уничтожилъ до тла десятки ауловъ и отбилъ много скота. Въ ежедневныхъ почти перестрѣлкахъ онъ лишился убитыми трехъ нижнихъ чиновъ, ранеными трехъ оберъ-офицеровъ и 32 рядовыхъ. Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ Крымскаго полка капитанъ Спасаревъ.

Начало 1863 года ознаменовалось на Кавказѣ прибытіемъ и вступленіемъ въ командованіе арміею Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, которому предлежало окончательно разрѣшить судьбу западнаго Кавказа. Для встрѣчи главнокомандующаго на боевомъ полѣ особыхъ приготовленій не нужно—и крымцы, въ составѣ отряда, произведя съ 17-го по 22-е февраля рубку просѣки въ тѣснинѣ р. Хабль, стали въ ружье для сопровожденія Его Высочества въ поѣздкѣ по натухайскому округу.

22-го февраля вечеромъ Государь Великій Князь прибылъ въ

---

[8]) 39 ротъ, 4 эскадрона, 2 сотни и 8 орудій. Кромѣ того, 23-го января прибыли къ отряду изъ Хабльской станицы 6 ротъ, одна сотня и два орудія

ст. Варениковскую и чрезъ станицу Гостогаевскую, Анапу и станицу Раевскую прослѣдовалъ въ укрѣпленіе Константиновское; затѣмъ 24-го числа, черезъ станицы Небержайскую, Крымскую и укрѣпленный абинскій лагерь, вступилъ въ хабльскій лагерь. Дальнѣйшее слѣдованіе Главнокомандующаго было обезпечено отрядомъ [9]), въ составъ котораго вошли, между прочимъ, три баталіона и охотничья команда Крымскаго полка. 26-го февраля войска сопровождали Его Высочество, имѣя по пути перестрѣлку, до укр. Григорьевскаго. Такъ какъ по дѣйствіямъ этого дня и по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, нужно было ожидать со стороны абадзеховъ значительнаго противодѣйствія безпрепятственному слѣдованію отряда, то въ укр. Григорьевскомъ онъ былъ усиленъ и 27-го числа двинулся лѣвымъ берегомъ Кубани къ ст. Бжедуховской, вновь заложенной на правомъ берегу р. Пшиша, въ составѣ 10-ти баталіоновъ, 4-хъ эскадроновъ драгунъ, 6-ти сотенъ кубанскаго казачьяго войска, кубанскаго конно-иррегулярнаго эскадрона, 12-ти пѣшихъ, конныхъ и горныхъ орудій, 4-хъ ракетныхъ станковъ, охотничьихъ командъ отъ пѣхотныхъ полковъ, трехъ командъ пластуновъ и конной милиціи бжедуховскаго округа. Абадзехи, дѣйствительно, не замедлили ознаменовать этотъ день жаркою перестрѣлкою, въ которой мы потеряли ранеными одного штабъ-офицера и 6 нижнихъ чиновъ. На слѣдующій день произошло извѣстное горячее кавалерійское псекупское дѣло, въ которомъ однако, среди немногихъ пѣхотныхъ частей, приняла дѣятельное участіе и охотничья команда Крымскаго полка. Мы потеряли убитыми двухъ нижнихъ чиновъ и ранеными 5 оберъ-офицеровъ и 28 рядовыхъ.

1-го марта адагумскій отрядъ съ Псекупса возвратился къ вагенбургу на р. Убинъ, а 4-го сталъ на Афипсѣ. Съ 5-го по 15-е марта часть его возводила на этой рѣкѣ мостъ, а другая была употреблена для изгнанія горскаго населенія между рр. Афипсъ и Шебшъ, къ югу отъ укр. Григорьевскаго. Въ ежеднев-

---

[9]) $7^{3}/_{4}$ баталіоновъ, 2 команды, 12 орудій, 5 эскадроновъ, 2 сотни и временная милиція изъ натухайцевъ, шапсуговъ и бжедуховъ.

ныхъ незначительныхъ перестрѣлкахъ въ теченіе этихъ десяти дней у насъ ранено 4 нижнихъ чина, а въ дѣлѣ 11-го числа на р. Хаблъ, въ которомъ довольно стройныя толпы непріятеля бросались съ ожесточеніемъ нѣсколько разъ на четвертую роту Крымскаго полка, прикрывавшую рубку лѣса, у насъ убито 3 и ранено 9 нижнихъ чиновъ этой роты. Въ теченіе всѣхъ остальныхъ дней марта мѣсяца, среди работъ въ глубинѣ хабльскаго ущелья, было произведено двѣ рекогносцировки: одна на хребетъ Папай, а другая черезъ Папай въ долину р. Ишады, и избрано мѣсто для новой станицы Антхырской, при рѣкѣ того же названія. 27-го марта отрядъ прибылъ въ ст. Хабльскую, не досчитавшись въ своихъ рядахъ 12-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ продолженіе апрѣля и мая мѣсяцевъ адагумскій отрядъ, съ участіемъ 16-ти ротъ Крымскаго полка, продолжалъ работы по устройству Абинской и Антхырской станицъ, изъ коихъ послѣднюю окончилъ 22-го апрѣля; затѣмъ разработывалъ дорогу въ долину Ишады, проложилъ просѣку отъ поста Алексѣевскаго на Хаблѣ до ст. Мингрельской въ верховьяхъ Абина, расчистилъ мѣсто подъ ст. Грузинскую, поставилъ на р. Псехо постъ Андрониковскій, устроилъ ограду станицы Эриванской и постъ на р. Кожахо; частью войскъ своихъ, подъ начальствомъ Крымскаго полка подполковника Маняти, произвелъ рекогносцировку въ ущелье Адерби и далѣе на Мезибѣ и завершилъ эти два мѣсяца пораженіемъ и разсѣяніемъ 29-го мая на Мезибѣ, колонною подъ начальствомъ маіора Саранчева, двухтысячной партіи убыховъ, абадзеховъ и шапсуговъ, собравшихся для нападенія на станицы вновь поселеннаго Адагумскаго коннаго полка. Въ этомъ дѣлѣ мы лишились убитыми двухъ нижнихъ чиновъ и ранеными двухъ оберъ-офицеровъ и двадцати рядовыхъ.

Въ теченіе іюня мѣсяца адагумскій отрядъ дѣйствовалъ подъ начальствомъ командира Крымскаго пѣхотнаго полка полковника барона Фитингофа, который отмѣтилъ этотъ періодъ командованія имъ окончательнымъ устройствомъ станицъ Ильской, Шапсугской, Эриванской и Грузинской, переселеніемъ натухайцевъ на указанныя имъ мѣста, возведеніемъ трехъ постовъ на Азипсѣ, Убинѣ и между Сухохабльскимъ и Пшециязскимъ постами (Драгунскаго); уни-

чтоженіемъ въ верховьяхъ Иля вновь устроенныхъ тамъ горцами временныхъ жилищъ и, наконецъ, разными хозяйственными работами на линіи, къ числу которыхъ главнѣе всего относится заготовленіе громаднаго количества сѣна для отряда. Съ 1-го іюля въ командованіе адагумскимъ отрядомъ вступилъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Сумароковъ-Эльстонъ, продолжавшій въ теченіе мѣсяца разныя дополнительныя работы въ районѣ Абинскаго и Адагумскаго полковъ.

Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что окончательное покореніе края и наше прочное и безповоротное утвержденіе въ немъ происходило не по днямъ, а по часамъ. Какъ ни осязательны были для упорствовавшаго еще кое-гдѣ населенія послѣднія минуты его историческаго владычества, тѣмъ не менѣе оно, въ своемъ заблужденіи, все какъ бы чего-то ждало и какъ бы на что-то надѣялось и изыскивало всѣ способы удержаться на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Къ числу наиболѣе упорныхъ въ этомъ случаѣ принадлежали нижніе абадзехи, которые значительно менѣе своихъ соплеменниковъ, верхнихъ абадзеховъ, были знакомы съ нашимъ оружіемъ и съ твердостью нашихъ цѣлей, такъ какъ только въ концѣ предыдущаго года въ первый разъ испытали наше настойчивое наступленіе и были, кромѣ того, возбуждаемы Магометъ-Аминомъ, проживавшимъ въ Константинополѣ, и главное—на нашемъ же содержаніи. Онъ имъ писалъ оттуда, чтобы они тянули переговоры съ нами возможно долѣе, стараясь оставаться на своихъ мѣстахъ, и ожидали бы его пріѣзда съ французскими и англійскими офицерами для размежеванія земель [10]). Абадзехи то-и-дѣло осаждали графа Евдокимова своими просьбами объ отсрочкѣ ихъ переселенія, и командующій войсками, наконецъ, уступилъ имъ, назначивъ окончательный срокъ, при самыхъ строгихъ гарантіяхъ въ исполненіи условія, по 1-е февраля 1864 года. Онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы не могъ заставить ихъ подчиниться тотчасъ же его требованію, но для того, чтобы дорогое время

[10]) Донесеніе гр. Евдокимова Главнокомандующему 20-го іюля 1863 г. № 112.

употребить для дѣйствій на южной покатости горъ по направленію къ Туапсе.

Въ этихъ соображеніяхъ адагумскій отрядъ 15-го августа перешелъ по вновь проложенной дорогѣ черезъ гору Кушарухо на южный склонъ Кецегура и, расположившись лагеремъ у рр. Гошъ и Куапузъ, приступилъ къ дорожнымъ работамъ отъ перевала у Кушарухо въ ущелье Адерби. Въ то же время отдѣльная колонна, въ составъ которой вошелъ баталіонъ Крымскаго полка, выступила къ Геленджику, гдѣ приступила къ устройству укрѣпленнаго поста. Черезъ три дня по выступленіи главныхъ силъ, 18-го августа, охотничьими командами, подъ руководствомъ маіора Саранчева, былъ произведенъ набѣгъ къ истокамъ Адерби, и захвачено тамъ скрытое горцами одно орудіе.

Отнеся къ числу второстепенныхъ предпріятій овладѣніе еще незанятой нами части сѣверной покатости кавказскаго хребта, и имѣя въ виду главнѣйшимъ образомъ занятіе южнаго склона, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ выдѣлилъ въ концѣ августа изъ адагумскаго отряда 9½ баталіоновъ, 2 эскадрона, три сотни, одну команду всадниковъ и 10 орудій и 27-го августа включилъ ихъ въ составъ новаго отряда—джубгскаго, ввѣривъ его графу Сумарокову-Эльстону. Съ этой минуты началось взаимодѣйствіе этихъ двухъ отрядовъ: адагумскому назначено было продолжать начатыя предпріятія на южномъ склонѣ для прочнаго занятія и утвержденія нашего на Пшадѣ, а джубгскому—дѣйствовать вверхъ по ущелью Шебша, проложить дорогу въ долину Джубги и утвердиться на этой рѣкѣ. При дальнѣйшемъ развитіи нашихъ операцій на южномъ склонѣ оба отряда должны были связать свои дѣйствія и очистить окончательно весь край, заключающійся между теченіемъ Джубги и восточнымъ берегомъ Чернаго моря.

За отдѣленіемъ исчисленныхъ частей войскъ въ составъ джубгскаго отряда, въ адагумскомъ отрядѣ остались 10 баталіоновъ пѣхоты, изъ коихъ пять баталіоновъ Крымскаго полка, 2 эскадрона драгунъ, кубанскій конно-иррегулярный эскадронъ, 16 сотенъ, 12 орудій и 4 ракетныхъ станка. Отрядъ снова вступилъ подъ начальство генералъ-маіора Бабича, который выдвинулъ часть

его въ натухайскій округъ для содѣйствія къ переселенію натухайцевъ на указанный имъ участокъ между Псебепсомъ и Зеймесомъ, а другую часть обратилъ на очищеніе отъ туземнаго населенія территорій Адагумскаго и Абинскаго полковъ. Къ концу сентября обѣ задачи были разрѣшены, и всѣ колонны, собравшись у Андрониковскаго поста, 28-го числа приступили къ разработкѣ дороги въ ущелье Адерби, вмѣстѣ съ войсками, находившимися на этой дорогѣ. Слѣдуя неуклонно предписанной программѣ, генералъ Бабичъ, разработывая дороги и устроивая посты, 14-го октября достигъ р. Пшады, расположился лагеремъ въ 4-хъ верстахъ отъ морскаго берега и направилъ колонну, подъ начальствомъ командира Крымскаго полка барона Фитингофа, въ ущелья рѣкъ Текоса и Вулана, которая разорила тамъ аулы и отодвинула ихъ населеніе до самаго моря. Въ перестрѣлкахъ по этому случаю у барона Фитингофа выбыли изъ строя ранеными 1 оберъ-офицеръ и 7 нижнихъ чиновъ.

До послѣднихъ чиселъ октября отрядъ былъ занятъ устройствомъ своего укрѣпленнаго лагеря, а 26-го числа большая часть его выступила къ р. Джубгѣ. Очистивъ отъ туземнаго населенія горное пространство между этою рѣкою и Пшадою, войска 2-го ноября возвратились въ лагерь. Въ теченіе ноября мѣсяца, оперируя въ верховьяхъ р. Тхабы, между Тхабою и моремъ, между рр. Пшадою, Мезибомъ и Жепо, проложивъ дорогу черезъ перевалъ Вардовуй, произведя поиски, при сопротивленіи непріятеля, въ верховьяхъ Убина, Афипса и Шебша, а также между истоками Вулана и Джубги; наконецъ, осмотрѣвъ устье р. Шапсухо, уничтоживъ повсюду аулы и устроивъ посты, отрядъ 24-го ноября перешелъ къ устью р. Джубги, гдѣ, расположившись лагеремъ, приступилъ къ разработкѣ дороги черезъ перевалъ между этою рѣкою и Шапсухо. Онъ окончилъ ее въ четыре дня и къ 1-му декабря стянулся у устья Небепсухо. Три дня высылались отдѣльныя колонны на поиски между Шапсухо и Нечепсухо и заставили до тысячи семействъ выйдти къ отряду съ покорностью.

Между тѣмъ, ближайшіе шапсуги и убыхи, недовольные поведеніемъ болѣе миролюбивыхъ своихъ соплеменниковъ, стали со-

бираться въ отдѣльныя партіи, разъѣзжали по ихъ auламъ, отнимали у нихъ дѣтей, имущество и скотину. Для устраненія этого была послана колонна вверхъ по лѣвому притоку Нечепсухо—Псебе—къ истокамъ рѣкъ Ту и Небухъ. Уничтоживъ на послѣдней рѣкѣ большой аулъ того же имени, и раззоривъ нѣсколько другихъ, колонна прибыла къ устью рѣки Востогако, повернула вверхъ по ней и въ тотъ же день пришла въ лагерь, потерявъ въ перестрѣлкахъ одного нижняго чина убитымъ и семь раненыхъ.

Съ переходомъ адагумскаго отряда на Шапсухо, онъ вошелъ въ раіонъ дѣйствій джубгскаго, а потому генералъ Евдокимовъ, для единства въ управленіи военными дѣйствіями отъ Шебша и Шапсухо до Псекупса и Туапсе, 8-го декабря расформировалъ его. Часть войскъ его была передана въ джубгскій отрядъ, а другая, вмѣстѣ съ крымцами, направлена для охраненія занятаго нами края отъ Джубги до Геленджика. Изъ этой послѣдней части выдѣлена была колонна изъ двухъ ротъ Крымскаго полка, съ сотнею казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Стражеца, которая по 20-е декабря выстроила два поста: одинъ при устьѣ рѣки Пешуяхъ, на правомъ берегу Джубги (постъ Джубгскій), а другой на рѣкѣ Чуэпсинъ (Чуэпсинскій). Въ остальное время до 18-го января этою колонною производились движенія въ горы по разнымъ направленіямъ между Джубгою и Мезибомъ, для уничтоженія оставшихся жилищъ горцевъ, и ежедневно съ 21-го по 25-е декабря происходили перестрѣлки въ окрестностяхъ постовъ: Текосскаго, Бжидскаго и Джубгскаго. Въ этихъ столкновеніяхъ съ непріязненными горцами убитъ одинъ и ранено два нижнихъ чина. 10-го же января, въ котловинѣ Схоштокъ, гдѣ въ схваткѣ съ шапсугами ранено три нижнихъ чина, былъ сдѣланъ крымцами послѣдній боевой выстрѣлъ на западномъ Кавказѣ—и съ той минуты прежнюю бранную жизнь, полную военныхъ тревогъ и подвиговъ, смѣнила тихая рабочая дѣятельность.

Въ началѣ марта Главнокомандующій сообщалъ военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада, что задача, возложенная на кавказскую армію Высочайше утвержденнымъ 10-го мая 1862

года положеніемъ о заселеніи предгорій западной части кавказскаго хребта, исполнена, и все пространство сѣвернаго склона къ западу отъ р. Лабы, а также южный склонъ отъ устьевъ Кубани до бывшаго укрѣпленія Вельяминовскаго, очищены отъ непріязненнаго намъ населенія. Такое положеніе дѣлъ дало возможность въ мартѣ мѣсяцѣ упразднить нижне-кубанскую, абадзехскую, нижне-лабинскую кордонныя линіи и кордонные участки баталпашинскій, ставропольскій, прочно-окопскій и усть-лабинскій, а въ апрѣлѣ—адагумскую, анапскую, абинскую, хабльскую, шебшскую, бѣлорѣченскую и пшишскую линіи. Во всемъ краѣ до времени остались только пять кордонныхъ линій [11]).

„*Честь и слава графу Евдокимову и славнымъ его войскамъ*"— была всемилостивѣйшая резолюція Государя Императора на всеподданнѣйшемъ докладѣ о военныхъ событіяхъ на западномъ Кавказѣ съ 7-го февраля по 15-е марта 1864 года.

Послѣ окончательнаго покоренія края, всецѣло завершившагося 21-го мая 1864-го года, часть войскъ Кубанской области была распредѣлена преимущественно для военно-дорожныхъ работъ по рр. малой Лабѣ, Мзымтѣ, Пшехѣ (въ бывшемъ Тубинскомъ обществѣ), Пшишу, Туапсе, Псекупсу и Пшадѣ, а другая часть, въ томъ числѣ и Крымскій пѣхотный полкъ, способствовала устройству новыхъ 55-ти станицъ на пространствѣ между Пшишемъ и Иlемъ, для связи Абинскаго съ № 26 полкомъ кубанскаго казачьяго войска, и на южномъ склонѣ отъ Геленджика до Туапсе.

Крымскій пѣхотный полкъ, вскорѣ послѣ своего послѣдняго боеваго выстрѣла на западномъ Кавказѣ, Высочайшимъ приказомъ 25-го марта 1864 года, названъ *73-мъ пѣхотнымъ Крымскимъ* полкомъ. 15-го же января 1865 года 3-й батальонъ былъ упраздненъ, 5-й принялъ названіе 3-го, а 4-й повелѣно имѣть въ кадровомъ составѣ. За славную боевую службу въ теченіе восьми лѣтъ со дня сформированія, полкъ всемилостивѣйше удостоенъ былъ знаковъ на шапкахъ съ надписью „за отличіе при покореніи

[11]) Урупская, верхне-лабинская, даховская, тубинская и вновь учрежденная береговая.

западнаго Кавказа въ 1864 году", Высочайше пожалованныхъ ему 20-го іюня 1865 года. Но высшею, безспорно, наградою за всѣ труды и подвиги крымцевъ въ теченіе прошлой кавказской войны, выразившеюся въ новой и особенной милости къ нему Государя Императора, было назначеніе 1-го апрѣля 1866 года шефомъ полка Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича. Всемилостивѣйшій выборъ шефа въ особѣ Его Высочества былъ тѣмъ болѣе отраденъ для полка, что онъ окончательно сталъ на высоту своей боевой славы и укрѣпилъ въ себѣ могучій духъ, рѣзко отличавшій старые кавказскіе полки, въ командованіе арміею Августѣйшаго Родителя юнаго Шефа, съ дорогимъ именемъ Котораго тѣсно связана вѣковѣчная слава этой арміи.

III.

Періодъ командованія 19-ю дивизіею г. л. Своева. Переформированіе баталіоновъ. Слѣдованіе полка изъ майкопскаго лагеря въ Тифлисъ. Составъ полка. Служба въ Тифлисѣ. Мобилизація. Состояніе ротнаго хозяйства. Прибытіе 1-й партіи призывныхъ и подготовка ихъ. Полушубки. Сдача полка. Окончательное укомплектованіе по штату военнаго времени. Новый командиръ полка. Подарокъ Шефа. Назначеніе полка въ составъ эриванскаго отряда. Прибытіе въ г. Эривань и пребываніе въ немъ. Смотръ. Доставка лошадей и осмотръ ихъ. Участь казеннаго имущества, оставленнаго въ г. Ставрополѣ. Открытіе въ Эривани общественнаго клуба. Выступленіе полка въ окрестныя селенія. Зимнія занятія. Отправленіе команды въ артиллерію. Приготовленія къ походу. Составъ полковаго обоза.

Съ назначеніемъ генералъ-лейтенанта Своева, 6-го января 1865 года, начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи, для крымцевъ наступилъ новый періодъ жизни, который по справедливости можно назвать образовательнымъ. Непогрѣшимый знатокъ строеваго дѣла, энергичный и неутомимый, генералъ Своевъ быстро подвинулъ впередъ полки ввѣренной ему дивизіи на поприщѣ современнаго всесторонняго воспитанія и въ теченіе десятилѣтняго слишкомъ

командованія ею [1]) поставилъ ихъ на степень образцовыхъ частей во всѣхъ отношеніяхъ. При немъ были введены и установлены незнакомые дотолѣ крымцамъ полковые лагерные сборы, затѣмъ бригадные и, наконецъ, дивизіонные учебные лагери.

Чтобы поставить полкъ въ лучшія условія расквартированія, онъ былъ переведенъ въ 1867 г. съ бывшей адагумской линіи въ г. Ейскъ, а въ 1875 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ г. Ставрополь. Въ томъ же году, въ августѣ, во время лагернаго сбора подъ Майкопомъ, по личному приказанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею, баталіоны Крымскаго полка были переформированы слѣдующимъ образомъ: изъ числа четырехъ стрѣлковыхъ ротъ, составлявшихъ 4-й баталіонъ, первыя три отошли каждая къ своему баталіону, а взамѣнъ ихъ поступили 4-я, 8-я и 12-я роты, которыя, вмѣстѣ съ 4-ю стрѣлковою ротою, образовали 4-й баталіонъ, принявъ нумерацію 13-й, 14-й, 15-й и 16-й ротъ. Кромѣ того, стрѣлковыя роты, поступивъ каждая въ соотвѣтственный баталіонъ, оставили у себя только по одному полувзводу стрѣлковъ [2]), а остальные три полувзвода выдѣлили въ каждую изъ трехъ ротъ своего баталіона и взамѣнъ ихъ получили отъ этихъ ротъ также по одному полувзводу. Такимъ образомъ, стрѣлковыя роты въ полку были упразднены, а вмѣсто ихъ при каждой изъ 16-ти ротъ образовался одинъ стрѣлковый полувзводъ [3]).

Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1876 года, во время пребыванія полка въ дивизіонномъ лагерномъ сборѣ подъ г. Майкопомъ, стали возникать серьезныя политическія затрудненія на Балканскомъ полуостровѣ, разрѣшившіяся, наконецъ, сербско-турецкою войною. Побѣда склонялась на сторону турокъ, и вмѣшательство Россіи казалось весьма вѣроятнымъ; но, не смотря на это, полкъ выступилъ въ лагерь вовсе не начиная приготовленій къ военному

[1]) 27-го октября 1876 г. генералъ Своевъ назначенъ въ распоряженіе Главнокомандующаго кавказскою арміею.

[2]) Въ то время рота состояла изъ 2-хъ взводовъ, дѣлившихся каждый на 2 полувзвода.

[3]) Съ такою организаціею стрѣлковъ полкъ находился въ кампаніи 1877—1878 гг.

походу. Только въ началѣ сентября прошелъ слухъ о скоромъ выступленіи полка въ Закавказье, а затѣмъ получилось и предписаніе окружнаго штаба объ экстренномъ слѣдованіи прямо изъ лагеря въ Тифлисъ, не заходя въ штабъ-квартиру, въ г. Ставрополь. Только впослѣдствіи выяснилась причина этого рѣшительнаго и быстраго распоряженія. Она заключалась въ томъ, что, въ виду происходившихъ въ то время политическихъ затрудненій, намъ было необходимо сосредоточить на кавказско-турецкой границѣ сильный корпусъ войскъ для приданія нагляднымъ образомъ возможно большаго вѣса и значенія нашей внѣшней политикѣ, для поддержанія, въ крайнемъ случаѣ, нашихъ законныхъ представленій Портѣ силою оружія, и наконецъ, для охраненія нашихъ границъ. Въ составъ этого корпуса вошла вся кавказская гренадерская дивизія, а взамѣнъ ея для внутренней службы въ Закавказьи вызваны полки съ сѣвернаго Кавказа—и прежде всѣхъ другихъ Крымскій и Ставропольскій. Вслѣдствіе столь неожиданнаго распоряженія окружнаго штаба, для полка явилось весьма много препятствій къ устройству его хозяйственной части, тѣмъ болѣе, что срокъ выступленія былъ назначенъ 17-го сентября, и оставалось очень мало времени для окончательныхъ приготовленій; но, не взирая на это, и благодаря энергическимъ мѣрамъ, принятымъ командиромъ и офицерами, ко дню посадки баталіоновъ на ростово-владикавказскую желѣзную дорогу удалось подвезти изъ Ставрополя всѣ необходимыя полковыя, офицерскія и солдатскія вещи, устроить въ штабъ-квартирѣ складъ излишнихъ вещей, организовать присмотръ за ними и сдать ротные огороды и заготовленное на зиму сѣно. Для всего этого пришлось послать изъ лагеря въ Ставрополь офицеровъ и команду нижнихъ чиновъ.

10-го сентября изъ лагеря выступили хлѣбопеки, а 17-го, послѣ напутственнаго молебствія, и весь полкъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, далеко не закончивъ, по программѣ, занятій учебнаго лагеря. Обыкновеннымъ походнымъ маршемъ полкъ прибылъ 23-го сентября на станцію Армавиръ, въ теченіе сутокъ былъ посаженъ на четыре поѣзда и перевезенъ въ г. Владикавказъ, гдѣ сосредоточился весь къ 25-му сентября. 27-го и 29-го сентября онъ вы-

ступилъ двумя эшелонами по военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ; на станціи Мцхетъ, второй эшелонъ присоединился къ первому. 7-го октября полкъ имѣлъ честь встрѣтить на дебаркадерѣ поти-тифлисской желѣзной дороги Августѣйшаго Главнокомандующаго арміею, проѣзжавшаго изъ Боржома въ Тифлисъ, а на другой день удостоился представиться Его Высочеству во время слѣдованія черезъ городъ. Послѣ смотра и церемоніальнаго марша, полкъ отправился на Авлабаръ и тамъ расположился въ свободныхъ казармахъ 15-го гренадерскаго Тифлисскаго полка.

Крымцы вступили въ Тифлисъ въ слѣдующемъ составѣ: штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 47, унтеръ-офицеровъ 108, музыкантовъ 105, рядовыхъ 1388, нестроевыхъ 136, врачей 4; лошадей строевыхъ 16, казенно-подъемныхъ 51; казеннаго обоза 22 повозки. По штату же должно было состоять: штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 57, унтеръ-офицеровъ 160, музыкантовъ 78, рядовыхъ 1600, нестроевыхъ 194, врачей 5, фельдшеровъ 22 и казенно-подъемныхъ лошадей 51. Изъ сравненія штатнаго и наличнаго состоянія воинскихъ чиновъ видно, что въ полку недоставало: оберъ-офицеровъ 10, унтеръ-офицеровъ 52, рядовыхъ 212, нестроевыхъ 58 и одного врача. Ротные обозы состояли изъ нѣмецкихъ фургоновъ на желѣзныхъ осяхъ, запряженныхъ парою лошадей въ дышло; сверхъ того, въ каждой ротѣ имѣлось еще по другой повозкѣ или по фургону, съ упряжкою парою или въ одну лошадь. Такой усиленный ротный обозъ сохранился въ полку со времени кавказской войны, въ виду особыхъ мѣстныхъ условій края.

Съ 11-го октября полкъ приступилъ къ отправленію караульной службы, чередуясь съ 74 пѣхотнымъ Ставропольскимъ полкомъ, прибывшимъ вслѣдъ за нимъ изъ майкопскаго лагеря. Обыкновенно въ ежедневный очередной нарядъ въ караулы, въ обходъ и на работы выходили: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 7, унтеръ-офицеровъ 55, музыкантовъ 5 и рядовыхъ 495; сверхъ того, въ полковой караулъ: оберъ-офицеръ 1, унтеръ-офицеровъ 2, музыкантъ 1, рядовыхъ 51; наконецъ, одна рота назначалась на случай пожара. Вслѣдствіе такого значительнаго рас-

хода людей, обычныя зимнія строевыя занятія могли производиться не болѣе двухъ разъ въ недѣлю; свободные дни отъ караульной службы посвящались отдыху, теоретическимъ занятіямъ и приведенію обуви и мундирной одежды въ надлежащій порядокъ.

Но обязанности, къ которымъ были призваны въ Тифлисѣ полки 19-й п. дивизіи, были для нихъ временныя, такъ какъ, по заранѣе предначертанному плану, и они, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, должны были, подобно гренадерскимъ полкамъ, вступить въ составъ корпуса, сосредоточеннаго у границы. Въ этомъ не могло быть сомнѣнія даже для всѣхъ и непосвященныхъ въ высшія предначертанія съ той минуты, какъ послѣдовало приказаніе, вскорѣ по прибытіи полка въ Тифлисъ, о комплектованіи его лошадьми до состава военнаго времени и о перевозкѣ изъ Ставрополя неприкосновеннаго запаса.

На основаніи этого распоряженія, 11-го октября былъ командированъ за покупкою лошадей командиръ нестроевой роты, а для перевозки неприкосновеннаго запаса, хранившагося въ полковомъ цейхгаузѣ въ г. Ставрополѣ—полковой казначей. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ приказъ о принятіи изъ тифлисскаго арсенала игольчатыхъ винтовокъ по штату военнаго времени. Такимъ образомъ, необходимыя распоряженія и приготовленія на случай мобилизаціи были сдѣланы вполнѣ своевременно.

Послѣ довольно продолжительной борьбы русской дипломатіи, добивавшейся рѣшенія славянскаго вопроса мирнымъ путемъ, и въ виду упорства оттоманскаго правительства, пришлось обратиться къ болѣе внушительнымъ мѣрамъ для достиженія нашихъ цѣлей; вслѣдствіе чего 2-го ноября 1876-го года Высочайше повелѣно мобилизовать часть нашей арміи, и въ томъ числѣ также 73-й пѣхотный Крымскій полкъ. По полученіи объ этомъ приказа, были командированы въ гор. Валуйки для образованія кадра запаснаго баталіона: подполковникъ 1, капитанъ 1, штабсъ-капитанъ 1, поручиковъ 2 и подпоручикъ 1 [4]). Съ откомандированіемъ ихъ некомплектъ офицеровъ противу штата достигъ до 15-ти человѣкъ;

---

[4]) Приказъ по полку 5-го ноября № 309.

мало того, предстояли новыя командировки офицеровъ: на пути военныхъ сообщеній, въ военно-временные госпитали, въ дивизіонный подвижной лазаретъ для занятія должностей смотрителя и коммисара, для завѣдыванія складами полковыхъ вещей въ гг. Тифлисѣ и Эривани и, наконецъ, нѣсколько человѣкъ находились въ различныхъ госпиталяхъ на излеченіи. Подобный непомѣрный расходъ былъ причиною тому, что въ день перехода полкомъ границы въ ротахъ осталось всего по одному офицеру.

Безпрерывныя передвиженія полка въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ значительно повліяли на упадокъ ротнаго хозяйства, которое и безъ того страдало по неимѣнію своихъ огородовъ. Всѣ продукты во время походовъ пріобрѣтались покупкою на рынкахъ по сравнительно возвышенной цѣнѣ, въ особенности во время квартированія полка въ г. Тифлисѣ, гдѣ на отпущенныя отъ казны порціонныя деньги не было никакой возможности продовольствовать солдатъ безъ прибавки изъ ротныхъ экономическихъ суммъ. Все это послужило къ крайнему истощенію запасныхъ ротныхъ денегъ, такъ что во многихъ ротахъ вовсе не оставалось харчевой суммы, и имъ приходилось продовольствоваться въ долгъ, т. е. забирать изъ полковыхъ суммъ порціонныя деньги за мѣсяцъ впередъ. Къ этому времени въ полку состояло всего 2114 р. 85 к. ротныхъ суммъ (харчевыхъ, хозяйственныхъ и образныхъ денегъ) или среднимъ числомъ по 124 р. 40 к. на роту [5]). Вслѣдствіе такого упадка экономическихъ ротныхъ суммъ и непрерывно возраставшей въ Тифлисѣ дороговизны на съѣстные припасы, по причинѣ скопленія въ городѣ войскъ, Его Императорское Высочество Главнокомандующій, по ходатайству командира полка, изволилъ разрѣшить отпустить въ полкъ на поддержаніе харчевыхъ ротныхъ суммъ по 200 руб. на роту, или 3200 р. на полкъ, изъ денегъ ассигнованныхъ по § 4 ст. 3 смѣты главнаго интендантскаго управленія и, сверхъ того, добавить для улучшенія пищи нижнихъ чиновъ еще ½ ф. мяса въ день на каждаго человѣка, съ возвратомъ за него

---

[5]) Приказъ по полку 16-го ноября № 320.

денегъ отъ казны [6]). Вспомогательный отпускъ по 200 руб. на роту оказался тѣмъ болѣе кстати, что, подъ вліяніемъ перемѣны климата и воды, начала развиваться болѣзненность между нижними чинами, и, въ виду предстоявшаго военнаго похода, необходимо было улучшить продовольствіе.

Къ 20-му ноября прибылъ изъ Ставрополя въ Тифлисъ транспортъ съ вещами неприкосновеннаго запаса, на 2237 человѣкъ [7]).

Одновременно съ этимъ офицеры получили не въ зачетъ полугодовое и третное жалованье и тотчасъ же пріобрѣли все необходимое для продолжительнаго военнаго похода.

24-го ноября въ полкъ прибыла первая партія запасныхъ нижнихъ чиновъ, въ числѣ 331 человѣка, и въ тотъ же день была распредѣлена поротно, а затѣмъ обмундирована, снаряжена и вооружена. Все это заняло не болѣе двухъ дней. Послѣ этого, началась провѣрка фронтоваго образованія призывныхъ, ознакомленіе съ новымъ для нихъ игольчатымъ оружіемъ и съ правилами его употребленія. Оказалось, что необходимо начать обученіе съ простаго одиночнаго образованія солдата, какъ строеваго такъ и теоретическаго, потому что запасные нижніе чины слишкомъ отстали отъ служ-

---

[6]) Приказъ по полку 11-го ноября № 315.

[7]) Въ числѣ вещей состояло: вьючныхъ сѣделъ 144, патронныхъ вьючныхъ ящиковъ 36, заручныхъ винтовокъ 614, и зачетные матеріалы, какъ-то: сукно, холстъ, сапожный товаръ, лазаретное бѣлье и вещи, церковный паметъ; котловъ десяточныхъ 64, котловъ ротныхъ 32, голенищъ, передовъ, подошвъ, сапоговъ готовыхъ по 2237 паръ, подметокъ 4474 пары, пуговицъ къ шинелямъ 559 партищъ, къ мундирамъ 5246, къ шароварамъ 1304; башлыковъ 2237, лѣтнихъ шароваръ 2188, холщевыхъ брюкъ 4474, галстуховъ 2237, шинелей 2237, холщевыхъ рубашекъ 4474, шапокъ 2237, мундировъ съ шароварами 2237, кителей 49, ремней ружейныхъ 2080, ремней поясныхъ 2221, сумъ тридцати-патронныхъ 4160, ранцевъ съ ремнями съ полнымъ приборомъ 2172, котловъ 2172, чемодановъ обозныхъ 49, свистковъ 160 и котелковъ обозныхъ 49. На перевозку всего этого было отпущено отъ казны 2336 р. 60 к.; въ дѣйствительности же израсходовано полкомъ 4096 р. 21 к. Слѣдовательно передержано 1759 р. 55 к. Счетъ полка еще не обревизованъ контрольною палатою, и потому перерасходованныя деньги не возвращены полку.

бы, а нѣкоторые и вовсе никогда не были въ строю. Чтобы возстановить ихъ познанія, роты, свободныя отъ караульной службы, пользуясь теплой и сухой погодой, выходили на ближайшій плацъ и тамъ обучали призывныхъ. Вообще, надо было скорѣе ознакомить ихъ съ новыми формами сомкнутаго и разсыпнаго строя, не обращая вниманія на частности одиночнаго образованія, такъ какъ выступленіе за границу могло послѣдовать въ непродолжительномъ времени. Въ промежуткахъ между строевыми и теоретическими ученіями производилась пригонка аммуниціи, осмотръ и исправленіе обуви, и тому подобное. Такой порядокъ продолжался все время по мѣрѣ прибытія остальныхъ трехъ партій призывныхъ и до дня выступленія изъ Тифлиса въ Эривань.

Въ расчетѣ на зимній походъ въ азіятской Турціи, гдѣ въ свое время не бываетъ недостатка въ сильныхъ стужахъ, послѣдовало приказаніе принять отъ интендантства на наличное число людей полушубки въ готовомъ видѣ. Полушубки эти были частью дубленые, а частью невыдѣланные; у всѣхъ овчина была наполовину выстрижена, отчего они не могли быть достаточно теплыми. Покрой былъ также неудовлетворителенъ: онъ имѣлъ форму по большей части какъ бы статскаго пиджака, съ чрезмѣрно широкимъ воротомъ и ременною застежкою на груди, вслѣдствіе чего полушубки не могли выполнять своего назначенія и не только не прикрывали всего тѣла, но даже и шеи отъ холода и сыраго воздуха; въ довершеніе всего, они не имѣли достаточной длины, отчего впослѣдствіи, когда побывали на дождѣ и подъ мокрымъ снѣгомъ, настолько сѣли, что стали едва на четверть ниже пояса. Запасные нижніе чины принесли съ собою домашніе длинные полушубки, сшитые по обыкновенному простонародному покрою: съ таліей, хорошимъ воротникомъ и рукавами, съ бортомъ, застегивавшимся на крючки, хорошо облегавшіе станъ и совершенно предохранявшіе тѣло отъ зимнихъ атмосферныхъ перемѣнъ. Этимъ нижнимъ чинамъ, имѣвшимъ свои полушубки, казенныхъ не выдавалось, а отпускалось отъ казны по три рубля за каждый и по три рубля за каждую исправную пару сапоговъ. Подобную мѣру нельзя не признать вполнѣ справедливою и полезною.

Чтобы вполнѣ приготовиться къ предстоявшему дальнему походу, оказалось необходимымъ образовать въ Тифлисѣ складъ полковыхъ и ротныхъ вещей, остававшихся въ излишкѣ за некомплектомъ нижнихъ чиновъ или непригодныхъ для военнаго похода. Съ этою цѣлью было разрѣшено оставить начальникомъ склада одного оберъ-офицера и въ помощь ему по одному унтеръ-офицеру отъ баталіона и по одному рядовому отъ каждой роты. По избраніи удобнаго помѣщенія для склада, немедленно приступили къ сдачѣ въ него всего излишняго имущества. Въ то же время послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, чтобы войска при выступленіи въ походъ брали принадлежности только одной походной формы; вслѣдствіе чего въ учреждавшійся складъ поступили и всѣ принадлежности парадной формы.

28-го ноября, къ общему сожалѣнію, командиръ полка генеральнаго штаба полковникъ Лебединскій, командовавшій полкомъ два года, получилъ новое назначеніе завѣдывающаго этапными пунктами на путяхъ военныхъ сообщеній отъ г. Тифлиса до гг. Александрополя и Эривани. Почти внезапно сдавъ полкъ старшему по себѣ подполковнику Макалинскому, впредь до назначенія себѣ преемника, полковникъ Лебединскій оставилъ крымцевъ въ самый разгаръ мобилизаціи и выѣхалъ къ новому мѣсту своей служебной дѣятельности [8]). Оставленіе полка старымъ командиромъ почти наканунѣ войны произвело на подчиненныхъ невыгодное впечатлѣніе. Лишаться командира, хорошо знающаго полкъ,

---

[8]) Передъ отъѣздомъ полковникъ Лебединскій отдалъ слѣдующій приказъ по полку отъ 28-го ноября за № 332:

„Получивъ новое назначеніе и разставаясь съ полкомъ, не могу не высказать, что за двухлѣтнее командованіе я выношу въ высшей степени пріятное для меня уваженіе къ достоинствамъ полка, основаннымъ на чувствѣ служебнаго долга и на желаніи самосовершенствованія. Нравственныя силы полка высоки и велики, и я ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что такія качества всегда поведутъ полкъ къ побѣдамъ, вполнѣ достойнымъ прежней боевой славы полка и заслуженныхъ имъ боевыхъ отличій. Всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ полка благодарю за доброе и трудовое служеніе со мною отъ всего сердца; молодцамъ же крымцамъ объявляю мое задушевное спасибо за ихъ службу подъ моимъ начальствомъ“.

и получить взамѣнъ его новое лицо, быть можетъ, совершенно иного характера и взгляда на дѣло и на бытъ подчиненныхъ—вообще довольно непріятно, потому что такая перемѣна иногда ведетъ за собою рядъ нововведеній, нерѣдко вредно отражающихся на внутреннемъ состояніи части. Съ новымъ командиромъ является, по обыкновенію, и ломка установившихся порядковъ, а слѣдовательно ожиданія полка были весьма тревожныя. Они представлялись каждому тѣмъ болѣе основательными, что въ это же время оставилъ дивизію ея испытанный начальникъ генералъ-лейтенантъ Своевъ, на мѣсто котораго былъ назначенъ генералъ Комаровъ. Среди всего этого только одно обстоятельство было весьма утѣшительнымъ, а именно: почти одновременно съ генераломъ Комаровымъ, командиромъ 1-й бригады, въ составъ которой входилъ Крымскій полкъ, былъ назначенъ бывшій командиръ этого полка и старый боевой кавказскій артиллеристъ, герой 1853—1856 гг., генералъ-маіоръ Броневскій, стяжавшій вездѣ, гдѣ ни служилъ, общую любовь своихъ подчиненныхъ.

Всѣ эти перемѣны не мѣшали, однако, безостановочной мобилизаціи полка. 29-го ноября прибыла вторая партія призывныхъ въ числѣ 298 человѣкъ; 2-го декабря прибыла третья, въ числѣ 353 человѣкъ, и наконецъ, 3-го декабря послѣдняя, въ числѣ 320 человѣкъ. Такимъ образомъ, всѣхъ призывныхъ прибыло въ полкъ 1302 человѣка. Въ числѣ нихъ было Воронежской губерніи, Валуйскаго уѣзда, унтеръ-офицеровъ 212, рядовыхъ 737; Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, унтеръ-офицеровъ 44 и рядовыхъ 309. По срокамъ службы они раздѣлялись такъ: ноября 1842 года 1, 1849—2, 1853—1, 1854—3, 1855—9, 1856—2, 1857—1, 1858—1, 1861—1, 1862—1, 1863—371, 1864—4, 1865—147, 1866—75, 1867—123, 1868—98, 1869—119, 1870—167, 1871—160, 1872—4, 1873—8 и 1874—4. По вѣроисповѣданіямъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православнаго—1156 человѣкъ, римско-католическаго—136, іудейскаго—9, ветхой секты—1. Въ числѣ призывныхъ нижнихъ чиновъ 26 человѣкъ поступили въ полкъ изъ служившихъ прежде въ гвардейскихъ войскахъ, но они, какъ призванные по ошибкѣ, были вскорѣ исключены изъ полка и

отправлены въ вѣдѣніе тифлисскаго губернскаго воинскаго начальника. За исключеніемъ гвардейцевъ, въ каждую роту поступило среднимъ числомъ по 16 унтеръ-офицеровъ и по 64 рядовыхъ.

По окончаніи мобилизаціи составъ полка былъ слѣдующій: штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 54, унтеръ-офицеровъ 389, музыкантовъ 93, рядовыхъ 2544, нестроевыхъ 164, врачей 6, священникъ 1, фельдшеровъ 14. По списочному состоянію въ каждой ротѣ числилось 25 унтеръ-офицеровъ и 159 рядовыхъ; въ дѣйствительности же, за исключеніемъ расхода и больныхъ, въ ротѣ состояло налицо не болѣе 22 унтеръ-офицеровъ и 145 рядовыхъ. Хотя мобилизація была объявлена 2-го ноября, но въ сущности она продолжалась 3 мѣсяца и 8 дней, такъ какъ начало ея должно считать съ 11-го октября, т. е. со дня отправленія офицеровъ за неприкосновеннымъ запасомъ въ г. Ставрополь, а окончаніе ея—съ прибытіемъ казенно-подъемныхъ лошадей (19-го января 1877 года [9]).

Изъ числа призывныхъ нижнихъ чиновъ около 250 человѣкъ вовсе никогда не были въ строю, а состояли на службѣ денщиками, нестроевыми, полицейскими, пограничными стражниками, таможенными и т. д. Хотя всѣ остальные и были въ свое время въ строю, но, какъ сказано выше относительно людей первой партіи, во время пребыванія въ запасѣ отстали отъ службы, въ особенности же отъ употребленія оружія. Чтобы познакомить ихъ съ новымъ оружіемъ и съ новыми порядками строевой службы, полку осталось до выступленія въ Эривань не болѣе двухъ недѣль, тогда какъ для прохожденія хотя сокращеннаго курса стрѣльбы требуется времени значительно болѣе. Къ счастью, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ призывные оказались болѣе или менѣе удовлетворительны: по наружному виду они были рослыми, здоровыми и сильными, затѣмъ выказывали вниманіе и усердіе на всѣхъ ученіяхъ и скоро освоились съ дисциплиною. Такимъ образомъ, они обѣщали быть хорошими боевыми солдатами. Нравственность нѣкоторыхъ изъ нихъ на первыхъ порахъ хотя была и не безупречна, но въ общемъ

---

[9]) Приказъ по полку 18-го декабря № 351.

они держали себя весьма хорошо и не заслуживали сколько нибудь серьезнаго упрека.

4-го декабря прибылъ въ г. Тифлисъ и вступилъ въ командованіе полкомъ, впредь до утвержденія въ должности, полковникъ Слюсаренко, командовавшій 7-мъ кавказскимъ линейнымъ баталіономъ. Первый шагъ его вступленія имѣлъ отпечатокъ довольно благопріятный: онъ собралъ офицеровъ и въ произнесенной къ нимъ рѣчи высказалъ намѣреніе въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ увеличить боевую славу полка. Дѣйствительно, онъ сдержалъ свое слово насколько могъ, показавъ на себѣ самомъ примѣръ отваги и мужества, за которыя заплатилъ жизнью. Но затѣмъ, будучи человѣкомъ добрымъ, другихъ выдающихся качествъ, необходимыхъ для современнаго полковаго командира, онъ не имѣлъ, а главное—съ первыхъ же дней обнаружилъ нѣкоторое своеправіе и далъ всѣмъ почувствовать, что въ дѣлѣ военнаго образованія не прошелъ той школы, которую создалъ генералъ Своевъ. Вступленіе его въ командованіе полкомъ ознаменовалось дорогимъ подаркомъ Шефа, который соизволилъ прислать крымцамъ, чрезъ посредство полковника Слюсаренко, свой фотографическій портретъ. Полкъ съ восторгомъ встрѣтилъ это приношеніе, такъ какъ видѣлъ въ немъ желаніе Шефа быть съ нимъ неразлучно въ бояхъ, если не лично—что было невозможно по случаю юнаго возраста Его Высочества—то по крайней мѣрѣ мысленно и чрезъ посредство своего портрета.

Вечеромъ 15-го декабря было получено приказаніе о выступленіи полка въ г. Эривань, гдѣ уже сосредоточивались войска эриванскаго отряда. Сборы не могли быть особенно затруднительны и продолжительны, такъ какъ крымцы давно были готовы къ походу по первому требованію. 16-го декабря, рано утромъ, полкъ построился въ баталіонныя колонны вблизи казармъ, отслушалъ напутственное молебствіе и перешелъ съ обозомъ на Головинскій проспектъ, гдѣ ожидалъ прибытія Главнокомандующаго. Въ 9 часовъ утра Его Высочество изволилъ подъѣхать къ фронту и, поздравивъ всѣхъ съ походомъ, выразилъ полную увѣренность, что Крымскій полкъ въ предстоящихъ бояхъ увеличитъ своими подвигами славу, пріобрѣ-

тепную въ кавказской войнѣ. Послѣ смотра и церемоніальнаго марша, полкъ остановился въ колоннахъ противъ дворца. Его Высочество приказалъ вызвать впередъ призывныхъ нижнихъ чиновъ и построить ихъ поротно. Осмотрѣвъ ихъ, Великій Князь нашелъ людей этихъ въ отличномъ состояніи. Затѣмъ, подъѣхавъ къ 1-й ротѣ съ Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ, Главнокомандующій представилъ полку Шефа и сказалъ: „прошу Его любить и жаловать". Громкое „ура" пронеслось по рядамъ крымцевъ. Это былъ первый день, въ который они имѣли честь видѣть и стоять лицомъ къ лицу съ своимъ Августѣйшимъ представителемъ. Послѣ этого Его Высочество изволилъ занять мѣсто передъ ротою, въ которой числился по спискамъ. Спустя нѣкоторое время, первый эшелонъ, состоявшій изъ 1-го и 2-го баталіоновъ, съ полковымъ штабомъ и обозомъ, двинулся по дорогѣ въ г. Эривань; черезъ сутки за нимъ послѣдовали 3-й и 4-й баталіоны. Движеніе полка поэшелонно произведено по случаю ограниченнаго числа пунктовъ, устроенныхъ по пути для ночлеговъ. По маршруту № 48-й, полкъ долженъ былъ сосредоточиться въ Эривани около 1-го января 1877 года, пройдя 262 версты въ 11-ть переходовъ, съ 4-мя дневками. При выступленіи изъ Тифлиса въ полку числилось 236 человѣкъ больныхъ, оставленныхъ разновременно въ госпиталяхъ; въ томъ числѣ были и призывные, заболѣвшіе на пути слѣдованія изъ Воронежской губерніи въ г. Тифлисъ.

Во время похода баталіоны размѣщались большею частью по татарскимъ, армянскимъ или духоборскимъ селеніямъ и только на двухъ станціяхъ—въ казармахъ, построенныхъ для проходящихъ командъ. Полкъ шелъ на сухарномъ довольствіи; подъ извозъ тяжестей взимались обывательскія подводы за прогоны. Въ теченіе всего марта погода стояла сухая и теплая, вслѣдствіе чего походъ казался легкимъ и пріятнымъ и не только не имѣлъ вреднаго вліянія на здоровье нижнихъ чиновъ, но, напротивъ, нѣкоторыя болѣзни, развившіяся въ ротахъ во время стоянки въ Тифлисѣ отъ перемѣны воды, совершенно прекратились; люди оправились и видимо поздоровѣли. При вступленіи въ предѣлы Эриванской губер-

ніи жители армянскихъ селеній выходили на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью, а въ селеніи Новая-Ахта даже былъ предложенъ обѣдъ всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ—послѣднимъ съ чаркою водки. Впрочемъ, подобное вниманіе населенія намъ пришлось встрѣтить только один разъ на всемъ пути.

30-го декабря къ вечеру первый эшелонъ вступилъ въ Эривань. Пройдя почти черезъ весь городъ, онъ остановился на площади и отсюда разошелся по обывательскимъ квартирамъ. Офицеры и чины полковаго штаба въ тотъ же день были любезно приглашены, для встрѣчи новаго года, губернаторомъ генералъ-маіоромъ Рославлевымъ. На вечерѣ присутствовалъ и начальникъ эриванскаго отряда генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, съ своимъ штабомъ, а также и всѣ высшіе чины, находившіеся въ городѣ. Радушіе, съ которымъ гостепріимный хозяинъ дома принялъ офицеровъ перваго эшелона, никогда не изгладится изъ ихъ памяти, тѣмъ болѣе, что этотъ новый годъ пришлось встрѣтить на далекой окраинѣ, вдали отъ семействъ и родныхъ, и съ неотвязчивою мыслью о томъ, что для многихъ онъ можетъ быть послѣднимъ годомъ ихъ жизни. Лишь только часовыя стрѣлки сошлись на цифрѣ XII, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ поднялъ бокалъ и провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. Въ одно мгновеніе всеобщее и дружное „ура“ слилось съ народнымъ гимномъ. Послѣ тостовъ за здоровье Наслѣдника Цесаревича, Его Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею и нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, генералъ Тергукасовъ, подмѣтивъ тихое настроеніе присутствовавшихъ, и угадавъ причину такого состоянія ихъ духа, еще разъ поднялъ бокалъ и провозгласилъ послѣдній тостъ за семейства офицеровъ, оставшіяся на далекой родинѣ. Такая предупредительность произвела въ высшей степени отрадное впечатлѣніе и навсегда осталась въ памяти крымцевъ, какъ примѣръ заботливости и вниманія покойнаго Тергукасова не только къ офицерамъ, но и къ ихъ семействамъ.

1-го января въ Эривань вступилъ второй эшелонъ полка, расположившійся также въ городѣ по обывательскимъ квартирамъ. Составъ полка въ это время былъ слѣдующій: штабъ-офицеровъ

7, оберъ-офицеровъ 37, унтеръ-офицеровъ 300, музыкантовъ 79, рядовыхъ 2000, нестроевыхъ 79, деньщиковъ 43 и врачей 4. Приказомъ по дѣйствующему корпусу на кавказско-турецкой границѣ [10]) части полка были зачислены въ составъ эриванскаго отряда: 1-й эшелонъ съ 30-го декабря, а 2-й—съ 1-го января. Съ 7-го августа 1876 г., т. е. со дня выступленія изъ г. Ставрополя въ учебный лагерь подъ Майкопомъ, по 1-е января 1877 года полкъ сдѣлалъ слишкомъ тысячу верстъ.

Эривань, гдѣ полку пришлось простоять нѣкоторое время, по своимъ особенностямъ заслуживаетъ, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Городъ до настоящаго времени сохранилъ восточный типъ, не смотря на то, что перешелъ къ намъ отъ персіянъ еще въ 1828 г. Причину первобытнаго состоянія его надо искать въ характерѣ и привычкахъ его коренныхъ обитателей, по большей части армянъ, персіянъ и татаръ. Русскій элементъ здѣсь составляетъ рѣдкость; даже чиновники, служащіе въ мѣстныхъ административныхъ учрежденіяхъ, и тѣ по большей части туземцы. Постройки города, довольно чистыя и опрятныя, возведены изъ жженаго кирпича, а нѣкоторыя изъ саманнаго или такъ называемаго сырца; плоскія кровли и желѣзныя рѣшетки въ окнахъ составляютъ необходимую ихъ принадлежность; главныя улицы достаточно широки и правильно распланированы, исключая татарскихъ кварталовъ, гдѣ онѣ кривыя, очень узкія и грязныя. Въ этихъ кварталахъ для полка квартиры не отводились, вѣроятно, потому, что татары въ высшей степени народъ несообщительный; семейства ихъ находятся въ затворничествѣ, а женщины чуждаются мужчинъ и показываются на улицахъ развѣ только для посѣщенія мечети и базара, и притомъ окутанныя съ головы до ногъ своими чадрами. Около старой персидской крѣпости, гдѣ теперь помѣщается госпиталь и мѣстный баталіонъ, тянется одна улица, населенная молоканами и другими старообрядческими сектантами, выселенными изъ Россіи въ закавказскій край еще при покойномъ Императорѣ Николаѣ I. Сектанты вообще народъ зажиточный,

---

[10]) Приказъ по корпусу 23-го января № 17.

грамотный и сравнительно развитой; они не подчиняются влiянiю мѣстныхъ армянъ и сохраняютъ вполнѣ свою самостоятельность въ торговыхъ дѣлахъ; колонiи ихъ процвѣтаютъ повсемѣстно въ закавказскомъ краѣ. У молоканъ заслуживаютъ особеннаго вниманiя фургоны, которые, по простотѣ своего устройства, прочности, легкости хода и вмѣстительности, представляютъ одинъ изъ совершенныхъ образцовъ для движенiя по гористымъ дорогамъ края. Эти фургоны обратили на себя вниманiе почти всѣхъ войскъ и покупались по весьма дорогой цѣнѣ, доходившей въ разгарѣ кампанiи до 500 руб. за каждый, тогда какъ нормальная цѣна такого фургона отъ 200 до 250 р. Надо сказать правду, что лучшаго обоза, чѣмъ молоканскiй фургонъ, для войскъ и желать нельзя; съ нимъ не сравнится никакая форменная повозка.

Около Эривани протекаетъ р. Занга съ чистою и здоровою водою. Въ городѣ зимы часто не бываетъ, но за то, иногда стужа перепадаетъ жестокая. По большей же части погода зимою стоитъ похожая на нашу хорошую сухую и теплую осень; то же самое бываетъ и на всей долинѣ Аракса. Лѣто, однако, чрезвычайно знойное и удушливое. Особенно сильно безпокоятъ мошки, невидимыя простымъ глазомъ, но причиняющiя на тѣлѣ сильный зудъ своимъ уязвленiемъ; поэтому болѣе состоятельные жители и вся мѣстная администрацiя на лѣто выѣзжаютъ въ мѣстечко Дарачичагъ, расположенное на живописной возвышенности, верстахъ въ тридцати отъ города.

Съ приходомъ полка жизненные продукты въ Эривани мало повысились въ цѣнѣ, но впослѣдствiи, при наплывѣ въ край войскъ, цѣны на все не только удвоились, но даже утроились вслѣдствiе возвышенiя платы за провозъ продуктовъ изъ Тифлиса. Такъ какъ по первоначальному предположенiю полку предстояло квартировать въ Эривани продолжительное время, то было обращено серьезное вниманiе на расквартированiе нижнихъ чиновъ по обывательскимъ квартирамъ, причемъ имѣлось въ виду, съ одной стороны, не стѣснять жителей постоемъ, а съ другой—предоставить нижнимъ чинамъ болѣе или менѣе удобныя помѣщенiя. Въ виду этого, роты поневолѣ пришлось разбросать на довольно

значительное разстояніе. Это, въ свою очередь, повело къ необходимости усилить мѣры для поддержанія въ ротахъ внутренняго порядка, тѣмъ болѣе, что жители, по преимуществу армяне, вовсе не привыкли имѣть у себя въ домахъ постояльцами солдатъ и не знали условій квартированія войскъ—что могло породить массу недоразумѣній и столкновеній, равно непріятныхъ какъ для домохозяевъ, такъ и для полка.

Чтобы избѣгнуть этихъ столкновеній и не помѣщать солдатъ съ хозяевами, подыскивались совершенно отдѣльныя нежилыя комнаты, амбары или чуланы, въ которыхъ устроивались нары, въ иныхъ мѣстахъ замѣняемыя просто подстилкою въ видѣ полстей, цыновокъ, холста и т. п. Въ каждой такой квартирѣ назначался старшій, къ воротамъ приклеивался ярлыкъ съ обозначеніемъ роты и числа квартирующихъ людей, и выставлялся дневальный. Для скорѣйшаго отысканія жилищъ фельдфебеля, командировъ ротъ, баталіоновъ и полка, у воротъ квартиръ этихъ лицъ вывѣшивались днемъ жалонерные значки, а ночью цвѣтные фонари съ надписью на стеклѣ [11]). На случай холодной погоды полкъ запасся дровами и доставилъ ихъ на квартиры нижнихъ чиновъ. Деньги на этотъ предметъ отпускала казна по расчету двухъ и $^{20}/_{30}$ вершка для каждыхъ десяти человѣкъ въ мѣсяцъ.

Одновременно съ устройствомъ квартиръ, роты приступили къ заведенію хлѣбопекарень, какъ для пополненія восьмидневнаго сухарнаго запаса, израсходованнаго во время перехода полка изъ Тифлиса въ Эривань, такъ и для довольствія людей свѣжимъ печенымъ хлѣбомъ. Устройство квартиръ и хлѣбопекарень встрѣтило много затрудненій и потребовало расхода экономическихъ ротныхъ денегъ, которыя съ каждымъ днемъ видимо уменьшались. По устройствѣ квартиръ—на что потребовалось два дня, полкъ приступилъ къ пристрѣлкѣ винтовокъ, принятыхъ изъ тифлисскаго арсенала на вооруженіе запасныхъ нижнихъ чиновъ, для чего раньше не было времени. По окончаніи пристрѣлки, въ ротахъ приступили къ прохожденію съ призывными сокращеннаго курса учебной стрѣльбы;

---

[11]) Приказъ по корпусу 12-го декабря 1876 г. № 21.

для нея было отпущено по 12 патроновъ на человѣка. Мѣсто для стрѣльбы было весьма удобное и недалеко отъ города. Не смотря на то, что призывные весьма мало обучались подготовительнымъ упражненіямъ къ стрѣльбѣ, они сверхъ всякаго ожиданія стрѣляли весьма удовлетворительно. Въ свободное отъ стрѣльбы время въ ротахъ продолжались теоретическія занятія и фронтовое образованіе. Для строевыхъ ученій роты выводились за городъ, и нерѣдко въ однихъ только мундирахъ, благодаря теплой и сухой погодѣ. Вскорѣ сокращенный курсъ стрѣльбы былъ законченъ, а ротныя ученья доведены до конца, особенно въ отношеніи разсыпнаго строя и примѣненія къ мѣстности. Призывные оказали большое соревнованіе и почти поровнялись съ кадровыми. Такимъ образомъ, полкъ въ короткое время успѣлъ окрѣпнуть и сталъ надежною тактическою единицею; разновидность вошедшихъ въ составъ его элементовъ сгладилась, и устранился главный недостатокъ мобилизированныхъ частей войскъ. Кромѣ учебной стрѣльбы и строевыхъ занятій, полкъ несъ еще караульную службу по городу, причемъ въ нарядъ каждый разъ выходили: оберъ-офицеръ 1, унтеръ-офицеровъ 6, музыкантъ 1 и рядовыхъ 72. Такой незначительный расходъ людей, конечно, нисколько не мѣшалъ строевымъ занятіямъ.

3-го января полку произвелъ смотръ начальникъ эриванскаго отряда генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ. Люди были выведены въ строй въ походной формѣ, въ мундирахъ; полушубки были сложены отдѣльно за фронтомъ и осмотрѣны особо. Смотръ прошелъ болѣе чѣмъ хорошо: полкъ представился отлично. Генералъ Тергукасовъ выразилъ свое удовольствіе за молодцеватый, бодрый и здоровый видъ людей и за обмундированіе и снаряженіе, найденныя имъ въ прекрасномъ видѣ—не смотря на то, что нижніе чины выступили изъ Тифлиса въ мундирной одеждѣ перваго срока, оставивъ вторые мундиры, согласно полученному приказанію, въ полковомъ складѣ въ г. Тифлисѣ. Это распоряженіе оказалось впослѣдствіи большою ошибкою, такъ какъ нижніе чины въ заграничномъ походѣ скоро обносились до того, что мундиры ихъ по большей части представляли изъ себя одни клочки, и конечно ихъ нечѣмъ было замѣнить; перевозка же вторыхъ мундировъ изъ Тифлиса въ то время стоила

не дешево [12]). Въ концѣ концовъ полкъ принужденъ былъ послать изъ Игдыря въ Тифлисъ свой казенный обозъ за вторыми мундирами, и только послѣ этого значительно облегчилась горькая доля солдата. Не менѣе ошибочно было и оставленіе въ тифлисскомъ складѣ солдатскихъ тюфяковъ, которые впослѣдствіи, не только при стоянкѣ полка на квартирахъ, но даже и во время военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ теченіе лѣта подъ Игдыремъ, могли бы быть употреблены въ дѣло съ большою пользою для сохраненія здоровья нижнихъ чиновъ.

Продовольствіе людей, благодаря усиленнымъ и щедрымъ отпускамъ отъ казны, было прекрасное: приварочныхъ денегъ отпускалось по пяти копѣекъ въ сутки на человѣка и еще на добавочную $1/2$ ф. мясную порцію по 4 коп., а всего по 9 коп. въ день на человѣка; кромѣ того, людямъ давали чай и сахаръ (на фунтъ чаю 1 р. 20 к. и на пудъ сахару 10 р. 40 коп.); для лошадей отпускалось на четверть ячменя 4 руб. 20 коп. и на пудъ сѣна 45 коп. [13]).

Къ 19-му января прибыли наконецъ въ Эривань казенно-подъемныя лошади, купленныя въ Ставропольской губерніи въ числѣ 148 головъ, на сумму 14,000 р. [14]). Онѣ были далеко не щеголеваты на видъ, большею частью малорослы и не молоды.

Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о командированіи офицеровъ въ Кубанскую область и Ставропольскую губернію въ октябрѣ мѣсяцѣ 1876 года для закупки казенно-подъемныхъ лошадей, особымъ росписаніемъ указаны были также и районы мѣстности, гдѣ какой именно части войскъ производить покупку ихъ. Такимъ распредѣленіемъ покупщиковъ и районовъ имѣлось въ виду предупредить скученность первыхъ въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ, и тѣмъ предотвратить слишкомъ большое возвышеніе цѣнъ на лошадей; но эта мѣра не привела къ желаемымъ результатамъ. Такъ какъ для каждой части войскъ требовались лошади выѣзженныя,

---

[12]) Провозъ пуда багажа отъ Тифлиса до Игдыря обходился до 4-хъ рублей.

[13]) Приказы по корпусу 3-го и 30-го января №№ 11-й и 23-й.

[14]) Приказъ по полку 19-го января № 19-й.

и притомъ къ извѣстному сроку, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возможно было достать только однихъ табунныхъ лошадей, то покупщики, будучи поставлены въ необходимость поскорѣе пріобрѣсти лошадей годныхъ для немедленной запряжки, поневолѣ отступали отъ росписанія и покупали подходящихъ лошадей гдѣ попало, отчего скученность покупщиковъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, происшедшая совершенно неожиданно, повліяла на возвышеніе цѣнъ упряжныхъ лошадей. Не смотря однако и на это, цѣны на лошадей были ниже казеннаго отпуска въ сто рублей. Такъ напримѣръ, за лошадь, которая стоила въ обыкновенное время 50 руб., платили 90 рублей.

Произведя осмотръ и пріемъ лошадей, командиръ полка остался ими вполнѣ недоволенъ. Онъ нашелъ почти всѣхъ ихъ несоотвѣтствующими показанной цѣнѣ, но впослѣдствіи, при запряжкѣ въ повозки и при движеніи тяжело нагруженнаго обоза по гористымъ и неразработаннымъ дорогамъ азіятской Турціи, лошади Крымскаго полка оказались по силѣ и выносливости далеко лучше лошадей другихъ частей войскъ. Преимущество это рѣзко обнаружилось при первомъ же движеніи отряднаго обоза, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, черезъ агры-дагскій перевалъ. Лошади прибыли въ полкъ подъ конвоемъ части нижнихъ чиновъ, оставленныхъ въ штабъ-квартирѣ при складахъ полковаго, ротнаго и офицерскаго имущества.

Нельзя, между прочимъ, обойти молчаніемъ и участь казеннаго имущества, оставленнаго въ г. Ставрополѣ. Приказаніемъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса [15]), разрѣшено было оставить при постоянныхъ штабъ-квартирахъ, для присмотра за полковымъ и ротнымъ имуществомъ, по одному офицеру и отъ каждой роты по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ. При выступленіи полка изъ Ставрополя для этой цѣли было оставлено по одному унтеръ-офицеру отъ баталіона и по одному рядовому отъ каждой роты, но потомъ командиръ полка приказалъ назначить для присмотра за вещами только одного унтеръ-офицера и пять рядовыхъ, а ос-

---

[15]) Приказаніе по дѣйствующему корпусу 30-го января 1877 г. № 14.

тальнымъ людямъ—сопровождать казенныхъ полковыхъ лошадей до Эривани. Вслѣдствіе такихъ распоряженій, равносильныхъ отсутствію всякаго присмотра, по возвращеніи полка изъ похода обнаружилось полное расхищеніе ротнаго и офицерскаго имущества. Въ особенности жаль было полковой библіотеки, изъ которой многія самыя лучшія сочиненія пропали, а остальныя были разрознены. Не оказалось также части имущества офицерскаго клуба, столоваго серебра и сервиза. Не лучше поступили съ ротными огородами и сѣномъ, заготовленнымъ для продовольствія артельныхъ лошадей: все это, по выступленіи полка въ Тифлисъ, продано за безцѣнокъ безъ должнаго вниманія и соблюденія интереса ротъ.

Общественная жизнь въ Эривани въ началѣ 1877 года была въ полномъ застоѣ; никакихъ увеселеній и развлеченій не существовало; мѣстная интеллигенція отличалась необщительностью и жила домашнею замкнутою жизнью; не было даже обычнаго клуба. Въ виду такого застоя общественной жизни, офицеры рѣшили на время стоянки въ городѣ открыть свое собраніе. Съ этою цѣлью начали хлопотать о пріисканіи приличнаго помѣщенія, меблировки и эконома. Все это было найдено въ одинъ день, и оставалось только испросить разрѣшеніе начальника отряда на открытіе временнаго офицерскаго собранія. Но какъ только вопросъ объ этомъ сталъ на офиціальную почву, городское общество какъ-бы очнулось и экстренно порѣшило открыть городской клубъ, въ то же время убѣдительно прося офицеровъ оставить свое намѣреніе. Предупредительность была хотя запоздалая и несвоевременная, но нельзя было ей не уступить—и горожане тотчасъ открыли общественный клубъ, въ которомъ офицеры были приняты гостями, за извѣстную плату.

Къ концу января политическія событія стали клониться къ мирному разрѣшенію восточнаго вопроса, и въ ожиданіи рѣшенія константинопольской конференціи послѣдовало распоряженіе—вывести полкъ изъ Эривани, чтобы, съ одной стороны, избѣгнуть стѣсненія жителей постоемъ, а съ другой—размѣстить и самый полкъ на широкихъ квартирахъ, при болѣе удобныхъ санитарныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого, 22-го января полкъ въ полномъ соста-

вѣ выступилъ изъ Эривани и расположился въ селеніяхъ по сѣверную сторону города, вдоль шоссе: 4-й баталіонъ въ сел. Кинакиры, въ пяти верстахъ отъ Эривани; полковой штабъ, съ 1-ю, 2-ю и нестроевою ротами—въ 60 верстахъ, въ сел. Новая-Ахта; 3-я рота—въ сел. Караванъ-Сарай, 4-я рота—въ сел. Рандаманъ, 2-й баталіонъ—въ сел. Константиновкѣ (Дарачичагъ); 9-я, 10-я и 12-я роты 3-го баталіона—въ сел. Еленовкѣ и 11-я рота—въ сел. Ордаклю. Впослѣдствіи, для еще болѣе широкаго размѣщенія людей, 2-я рота изъ сел. Новая-Ахта перешла въ сел. Кахсы. Всѣ эти селенія сравнительно съ Эриванью расположены на довольно значительной возвышенности, такъ напримѣръ: сел. Новая-Ахта стоитъ на высотѣ 5687 ф., а сел. Еленовка—6270 ф. надъ уровнемъ моря, почему зимою климатъ въ этой мѣстности весьма суровый, съ довольно сильными морозами и снѣжными заносами. Константиновка, Еленовка и часть Ахта населены сектантами, которые имѣютъ совершенно русскія избы, болѣе или менѣе возможныя для жилья; во всѣхъ же остальныхъ селеніяхъ живутъ одни армяне, у которыхъ жилища представляютъ собою нѣчто похожее на сараи, вырытые въ землѣ, съ земляною кровлею. Обыкновенно въ подобныхъ жилищахъ съ людьми помѣщаются буйволы, бараны, коровы, быки и лошади—отчего воздухъ въ нихъ чрезвычайно удушливый и спертый; всѣ зданія вентилируются весьма слабо чрезъ небольшія отверстія въ кровлѣ, но и тѣ остаются большую часть сутокъ закрытыми для предохраненія скота отъ холода. Подземелье не отапливается, а нагрѣвается испариною и выдыханіями животныхъ. Къ этимъ неудобствамъ надо еще прибавить и то, что армяне пекутъ для себя хлѣбъ (лаваши) въ своеобразныхъ печахъ, устроиваемыхъ въ земляномъ полу жилаго помѣщенія, и поэтому дымъ, при отсутствіи трубъ, расходится по всему подземелью такъ, что нѣтъ никакой возможности оставаться внутри. Для своего собственнаго помѣщенія армяне имѣютъ особыя отдѣленія, куда, впрочемъ, доступъ постороннимъ лицамъ воспрещается, такъ какъ женщины ихъ, по азіятскому обычаю, содержатся въ строгой замкнутости.

При описанныхъ условіяхъ, въ нѣкоторыхъ ротахъ предпочи-

талось избирать для жилья отдѣльныя отъ хозяевъ помѣщенія, по преимуществу выстроенныя на грунтѣ въ видѣ сараевъ, амбаровъ и т. п., а ежели, за недостаткомъ ихъ, располагали людей въ землянкахъ, то старались отдѣлять жилыя помѣщенія отъ животныхъ изгородью. Не смотря однакожъ на всѣ эти мѣры, въ занятыхъ помѣщеніяхъ преобладали сырость и затхлость воздуха. Среднимъ числомъ на каждой квартирѣ стояло отъ 5 до 6 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Продовольствовались они изъ котла, получая ежедневно фунтовую мясную порцію. Хлѣбъ выпекался въ пекарняхъ, устроенныхъ въ мѣстахъ расположенія ротъ, изъ муки хорошаго достоинства, получавшейся изъ эриванскаго продовольственнаго магазина. Въ Эриванской губерніи ржаной муки вовсе нѣтъ. Мука для продовольствія войскъ изготовлялась на мѣстныхъ водяныхъ мельницахъ весьма несовершеннымъ способомъ.

По расквартированіи ротъ въ селеніяхъ и по приведеніи хозяйственной части ихъ въ должный порядокъ, въ полку начались строевыя занятія. Для продолженія стрѣльбы съ призывными нижними чинами было отпущено 20 патроновъ на каждаго человѣка, помимо израсходованныхъ раньше на этотъ предметъ 12-ти патроновъ [16]). Какъ только позволяла погода, роты выводились за селенія и проходили очередные уроки учебной стрѣльбы, а также совершенствовались въ маневрированіи малыми частями и въ сторожевой и развѣдывательной службѣ.

Во время зимняго квартированія по армянскимъ селеніямъ роты вовсе не могли пользоваться банею, такъ какъ армяне не имѣютъ о ней никакого понятія. Устроить бани на войсковыя средства не было никакой возможности по случаю суровой зимы, и приступили къ этому только съ наступленіемъ оттепели. Для этого избиралась отдѣльно стоящая сакля, внѣ селенія, въ ней устроивался очагъ для образованія пара и нагрѣванія воды, и такимъ образомъ получалась готовая баня. Съ минуты устройства этихъ скоросиѣ-

---

[16]) Приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ 1-го февраля 1877 года № 16.

лыхъ бань люди могли поддерживать извѣстную чистоту тѣла и бѣлья, а до того—ограничивались стиркою бѣлья по саклямъ.

Съ наступленіемъ великаго поста роты начали говѣть: 2-й баталіонъ и 4-я рота въ церкви въ сел. Константиновскомъ, а остальныя роты перваго баталіона въ церковномъ наметѣ, разбитомъ въ сел. Новая-Ахта; въ 3-й же и 4-й баталіоны ѣздилъ полковой священникъ и отправлялъ богослуженіе въ отводившемся для этой надобности отдѣльномъ помѣщеніи.

Къ концу марта сталъ извѣстенъ неудачный исходъ константинопольской конференціи, и послѣ двухмѣсячнаго затишья снова повѣяло войной. 25-го марта получено было распоряженіе начальника эриванскаго отряда—быть готовыми къ выступленію по первому требованію. Въ полку снова закипѣла усиленная дѣятельность: приступили къ перевозкѣ сухарнаго запаса, хранившагося при ротахъ, къ мѣсту расположенія полковаго обоза въ сел. Новая-Ахта и всего лишняго имущества въ г. Эривань, на наемныхъ обывательскихъ подводахъ.

Праздникъ св. Пасхи удалось еще встрѣтить на зимнихъ квартирахъ и провести на мѣстѣ нѣсколько дней. По заведенному порядку, въ ротахъ успѣли приготовить куличи, пасху и другія яства. Роты, квартировавшія близь полковаго штаба, прибывъ въ сел. Новая-Ахта, встрѣтили свѣтлый праздникъ у заутрени, отслуженной полковымъ священникомъ въ нарочно разбитомъ для сего церковномъ наметѣ. Послѣ заутрени всѣ офицеры, разговѣвшись у командира полка, отправились съ ротами къ мѣстамъ квартированія. Погода въ то время стояла сухая и теплая, что дало возможность солдатамъ устроить качели и другія увеселенія на площадкахъ близь селеній. Все это немного удивляло армянъ, никогда не видѣвшихъ ничего подобнаго. Впрочемъ, нѣкоторые старожилы разсказывали, что они помнятъ, какъ у нихъ стояли солдаты эриванскаго отряда въ кампанію 1854—1855 годовъ; но „тогда ихъ было очень мало, и они все время перепекали сухари“.

24-го марта послѣдовалъ приказъ по корпусу, которымъ опредѣлялось количество офицерскаго обоза въ военное время, основанное на Высочайше утвержденномъ положеніи 11-го ноября 1876 г.

По этому положенію въ полку приказано имѣть нижеслѣдующее число повозокъ [17]): для полковаго штаба двѣ повозки, именно—завѣдывающему хозяйствомъ, старшему врачу, полковому священнику и дѣлопроизводителю одна повозка, полковому адъютанту, казначею квартермистру и завѣдывающему оружіемъ одна повозка; по одной повозкѣ въ каждомъ изъ 4-хъ баталіоновъ полка—командиру баталіона, баталіонному адъютанту и баталіонному врачу, всего 4 повозки; для офицеровъ каждыхъ двухъ ротъ по одной повозкѣ—8 повозокъ, а всего разрѣшено имѣть, не считая повозки для командира полка, трехконныхъ 6 повозокъ, четырехконныхъ 8 повозокъ; къ нимъ упряжныхъ 50 лошадей. Отпуска денегъ офицерамъ отъ казны для заведенія обоза не послѣдовало, а взамѣнъ того приказано было отпустить на лошадей фуражныя деньги, слѣдовавшія и безъ того офицерамъ со дня объявленія мобилизаціи, и на эти деньги завести обозъ, а дальше отпускать фуражныя деньги по положенію и по справочнымъ цѣнамъ. Взамѣнъ колеснаго обоза разрѣшалось, въ случаѣ надобности, имѣть вьючный, но съ тѣмъ однако, чтобы количество лошадей не превышало указаннаго числа ихъ для колеснаго обоза, т. е. 50 лошадей, безъ лошадей командира полка. Сверхъ того, каждому офицеру предоставлялось право имѣть свою верховую лошадь и содержать ее на свой счетъ. Не смотря на послѣднее нѣсколько невыгодное условіе, почти каждый офицеръ пріобрѣлъ себѣ верховую лошадь за плату не свыше 60 р.

Обычай имѣть верховыхъ лошадей сохранился въ кавказской арміи со временъ войны съ горцами, и съ тѣхъ поръ, даже и въ мирное время, офицеры въ походѣ и на маневрахъ постоянно были верхомъ.

---

[17]) Приказъ по полку 28-го марта № 88-й.

IV.

Обратное движеніе въ Эривань. Стоянка въ сел. Али-Камарлю. Выдѣленіе 2-го баталіона въ Кульпы. Подарокъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны. Телеграмма Шефа. Образованіе еще одного склада вещей. Рекогносцировка дорогъ. Объявленіе войны. Диспозиція. Движеніе на Орговскій постъ и на Чингильскія высоты. Переходъ границы. Занятіе нашими войсками Баязета. Неудобство колеснаго обоза. Стоянка въ Арзабѣ. Улучшенія по продовольствію. Открытіе полковаго лазарета. Присоединеніе 4-го баталіона. Ночная тревога. Переходъ къ Діадину. Затрудненіе на горѣ Оташа. Маркитантскій обозъ. Замокъ Діадинъ. Санитарныя условія лагеря. Устройство бань. Командированіе 4-го баталіона за паркомъ. Назначеніе 1-го баталіона на разработку дороги. Стоянка въ Сурпъ-Оганезѣ. Дѣйствія 2-го баталіона въ колоннѣ полковника гр. Граббе. Дороговизна и такса. Дѣйствія рекогносцировочной колонны съ участіемъ 4-го баталіона. Прибытіе 2-го и 4-го баталіоновъ въ Сурпъ-Оганезъ. Выступленіе 7-й и 8-й ротъ въ Баязетъ, а 5-й и 6-й ротъ въ Сурпъ-Оганезъ. Прибытіе дивизіоннаго лазарета.

1-го апрѣля курьеръ привезъ предписаніе о немедленномъ выступленіи полка обратно въ г. Эривань. Не было сомнѣнія, что въ этомъ распоряженіи таился признакъ близкой войны—на что указывали и самыя политическія событія, сильно въ то время обострившіяся. 2-го апрѣля 1-й, 2-й и 3-й баталіоны крымцевъ, со всѣмъ обозомъ, къ 7-ми часамъ утра собрались въ сел. Новая-Ахта и, двинувшись оттуда по эриванскому шоссе, къ вечеру вступили въ сел. Эйляръ; 3-го апрѣля, присоединивъ къ себѣ по пути квартировавшій въ сел. Канакиры 4-й баталіонъ, полкъ къ вечеру того же дня въ полномъ составѣ вступилъ въ гор. Эривань и расположился лагеремъ на южной сторонѣ его, близъ крѣпости.

На слѣдующій день была дневка, во время которой кипѣли приготовленія къ продолжительному походу. Оставалось сдать во вновь учреждавшійся складъ всѣ излишнія вещи, запастись необходимою провизіею и произвести медицинскій осмотръ всего полка, съ цѣлью выдѣленія людей, не могущихъ слѣдовать въ походъ, и отправленія ихъ въ эриванскій госпиталь. Для присмотра за скла-

домъ полковыхъ и ротныхъ вещей, на основаніи приказа по корпусу [1]), оставлены: одинъ офицеръ, по одному унтеръ-офицеру отъ баталіона и по одному рядовому отъ роты. 5-го апрѣля полкъ выступилъ изъ Эривани и, пройдя 18 верстъ, сталъ лагеремъ на ночлегъ около сел. Эчміадзина (Вагаршапатъ), постояннаго мѣстопребыванія католикоса всѣхъ армянъ. Почти всѣ офицеры и весьма многіе нижніе чины отправились осмотрѣть древній монастырь и его достопримѣчательности; всюду были видны наши солдаты, покупавшіе свѣчи къ иконамъ, точно въ своей церкви. Между тѣмъ, армянское духовенство не оказало ровно никакого вниманія прибывшимъ войскамъ. Въ этомъ отношеніи духовенство турецкихъ армянъ стоитъ несравненно выше: оно, завѣдомо зная, что за встрѣчу русскихъ подвергнется жестокимъ истязаніямъ, все-таки не останавливалось передъ послѣдствіями и вездѣ встрѣчало войска съ крестомъ, Евангеліемъ и съ молитвою; католикосъ же не только самъ не показался, но даже не выслалъ ни одного священника, какъ при вступленіи войскъ, такъ и при выступленіи ихъ изъ его резиденціи.

6-го апрѣля полкъ перешелъ въ сел. Алиджанъ, расположенное на берегу р. Аракса. Здѣсь начинался раіонъ зимняго квартированія 74 Ставропольскаго полка, который встрѣтилъ крымцевъ по старому кавказскому обычаю хлѣбомъ-солью: всѣ нижніе чины получили по хорошей чаркѣ водки и обѣдъ; офицеры также были приглашены къ обѣду. 7-го апрѣля выступили далѣе; къ двумъ часамъ пополудни прибыли въ новую штабъ-квартиру эриванскаго отряда—въ сел. Игдырь и, пройдя еще четыре версты, остановились въ сел. Али-Камарлю, гдѣ предназначалось простоять въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Погода въ этотъ день была до того жаркая, что нижніе чины едва могли дотащиться до сел. Али-Камарлю; многіе изъ нихъ отъ упадка силъ и чрезмѣрной жары были не въ состояніи продолжать движеніе и потому, съ разрѣшенія, останавливались въ тѣни около садовъ для необходимаго отдыха. Ни у кого не случилось подъ рукою термометра, но надо

[1]) 6-го января № 1.

полагать, что жара въ этотъ день доходила до 45°. При вступленіи въ Али-Камарлю полкъ имѣлъ слѣдующую численность: штабъ-офицеровъ 6, оберъ-офицеровъ 39, унтеръ-офицеровъ 341, рядовыхъ 2293, музыкантовъ 91, нестроевыхъ 138, врачей 6 и фельдшеровъ 12. 8-го апрѣля 2-й баталіонъ, по приказанію начальника отряда, былъ отправленъ въ с. Кульпы, въ составъ летучаго отряда, формировавшагося тамъ подъ начальствомъ полковника графа Граббе. Въ послѣдующіе затѣмъ дни до выступленія за границу полкъ занялся устройствомъ лагеря и хлѣбопекарень, такъ какъ послѣдовало распоряженіе довольствовать людей печенымъ хлѣбомъ, а сухари сберегать для предстоящаго похода въ предѣлы Турціи.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна изволила прислать въ полкъ для раздачи офицерамъ 40 экземпляровъ брошюры подъ названіемъ „Первая перевязка на полѣ сраженія“. Брошюра имѣла видъ небольшой книжки, въ $^1/_{16}$ долю листа, обернутой въ клеенчатый футляръ, наподобіе бумажника; въ этой книжкѣ заключались правила для перевязки ранъ, а въ футлярѣ находилась косынка, кровоостанавливающая вата, пластырь, бинтъ и пружинныя булавки. Такое вниманіе Ея Высочества глубоко тронуло офицеровъ, принявшихъ подарокъ съ чрезвычайною признательностью. Одновременно съ этимъ была получена на имя командира полка телеграмма отъ Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Шефа, въ отвѣтъ на поздравленіе съ днемъ рожденія Его Высочества, принесенное полкомъ. Въ этой телеграммѣ было выражено: „благодарю васъ и всѣхъ въ полку за оказанное мнѣ любезное вниманіе и теплыя слова; отъ души желаю вамъ полнаго благополучія и боевой славы“.

Устроившись лагеремъ, полкъ стоялъ на мѣстѣ, производя небольшія строевыя ученья и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляясь къ заграничному походу, для чего пришлось учредить въ сел. Игдырѣ еще одинъ складъ полковыхъ и ротныхъ вещей. Въ складъ этотъ поступили: полушубки, въ которыхъ миновала надобность по случаю наступившей теплой погоды, заручное оружіе и аммуниція съ больныхъ нижнихъ чиновъ, лишнія палатки, котлы, принадлеж-

ности для хлѣбопеченія и изготовленія кваса и проч. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказалось четыре разновременно устроенныхъ склада: въ гг. Ставрополѣ, Тифлисѣ, Эривани и въ сел. Игдырѣ. Хотя это и повело къ лишнему расходу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, но было крайне необходимо и неизбѣжно. Въ Игдырѣ всѣ жизненные продукты оказались несравненно дороже чѣмъ въ Эривани; возвысились цѣны и на фуражъ, такъ напримѣръ: по справочной цѣнѣ съ 16-го февраля по 16-е мая отпускалось за четверть ячменя 4 р. 40 к. и за пудъ сѣна 55 к. [2]). Въ видахъ упрощенія формы одежды офицеровъ въ предстоявшемъ заграничномъ походѣ, было разрѣшено—вмѣсто мундировъ носить сюртуки и вмѣсто форменной сабли съ металлическими ножнами имѣть азіятскія шашки. Эта замѣна оружія одного другимъ была всѣми принята съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ форменная сабля неудобна для похода.

Для ознакомленія офицеровъ съ мѣстностью, на которой предстояло вести войну, отрядный штабъ выдалъ въ полкъ для каждаго баталіоннаго и ротнаго командира по четыре карты окраинъ Эриванской губерніи и мѣстности азіятской Турціи, гдѣ предполагались военныя дѣйствія. Карты эти были сдѣланы отчетливо, на хорошей бумагѣ, въ масштабѣ 5-ти верстъ въ дюймѣ. По полученіи ихъ, командировано было нѣсколько офицеровъ для изслѣдованія направленія дорогъ, пролегавшихъ къ турецкой границѣ, которая начинается отъ горы большаго Арарата и тянется къ западу по высшимъ точкамъ хребта Агры-дагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ офицеры начали знакомиться по планамъ съ мѣстностью будущаго театра войны въ азіятской Турціи и усвоивать названія городовъ, селеній и замковъ. Отъ Игдыря граница лежитъ всего въ 24 верстахъ; къ ней ведетъ болѣе другихъ удобная дорога черезъ Орговскій постъ на Чингильскій перевалъ, но она усыпана большими каменьями, дурно разработана, чрезвычайно гориста и обилуетъ весьма крутыми спусками и подъемами. Не смотря на всѣ эти неудобства, до выступленія отряда за границу съ нашей стороны даже не было

---

[2]) Приказъ по корпусу 2-го апрѣля № 49.

сдѣлано попытки къ исправленію этой дороги, хотя, нужно сказать, войска стояли въ окрестностяхъ Игдыря въ продолженіе цѣлой зимы ровно ничего не дѣлая. Когда же началось движеніе отряда на Чингильскій перевалъ, тогда только распорядились экстренно исправить дорогу, но, по недостатку времени, этого не сдѣлали, и потому артилеріи и обозу пришлось перенести не малыя бѣдствія.

11-го апрѣля прибылъ въ Игдырь генералъ Тергукасовъ вмѣстѣ съ отряднымъ штабомъ. Никакихъ новостей онъ не привезъ и на другой день, въ настроеніи совершенно спокойномъ, предпринялъ объѣздъ лагеря. Въ полдень, во время своего осмотра, онъ получилъ съ курьеромъ [3]) телеграмму, содержаніе которой въ одно мгновеніе радостно охватило всѣ войска. Объявленіе войны Турціи и Высочайшее повелѣніе о переходѣ границы—только и былъ возгласъ во всѣхъ углахъ лагеря. Но, къ сожалѣнію, эта торжественная новость не могла осуществиться не только сейчасъ же, но даже на другой день, потому что она застала отрядъ неготовымъ къ движенію: онъ ожидалъ денегъ и провіанта, безъ которыхъ подняться не могъ, и къ моменту полученія телеграммы вообще не привелъ въ исправное состояніе своей хозяйственной части. Только черезъ два дня представилась возможность всѣмъ войскамъ сняться съ мѣста. Впрочемъ, это замедленіе не касалось собственно боевой готовности отряда, который могъ двинуться въ тотъ же день, и еслибы, дѣйствительно, выступилъ тотчасъ по полученіи телеграммы, а на другой день вступилъ въ предѣлы Турціи, то, быть можетъ, находившіеся въ Баязетѣ два баталіона турецкой пѣхоты, съ артилеріею и кавалеріею, не ушли бы безнаказанно въ г. Ванъ, и не послѣдовало бы баязетскихъ событій и всѣхъ связанныхъ съ ними затрудненій. Выступленіе отряда изъ Игдыря было назначено на 15-е апрѣля по слѣдующей диспозиціи:

Лѣвая колонна. 1) Авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Амилахвари: 2-й Сунженскій казачій полкъ (4 сотни), 2-я саперная рота (1), 2-й баталіонъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка (1), Переяславскій драгунскій полкъ (4 эскадрона), 1-я кон-

---

[3]) Помощникъ уѣзднаго начальника Силичъ.

ная батарея (8 орудій), куртинскаго дивизіона полусотня (итого, 5 ротъ пѣхоты, 4 эскадрона, 4½ сотни и 8 орудій). II) Главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-маіора Броневскаго: 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1¾ баталіона 74 п. Ставропольскаго полка (1¾ бат.), 1¾ бат. 73 п. Крымскаго полка (1¾), 1-я батарея 19-й артил. бригады (8 орудій), 4-я (4 орудія), 5-я (8 орудій), сотня Уманскаго казачьяго полка (1), полусотня куртинскаго дивизіона (½ сотни) (итого, 4½ баталіона, 20 орудій и 1½ сотни). III) Арріергардъ, подъ начальствомъ командира баталіона Ставропольскаго пѣхотнаго полка: 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка одинъ баталіонъ (1), Уманскаго казачьяго полка одна сотня (1). *Правая колонна*, подъ начальствомъ полковника Шипшева: 73-го п. Крымскаго полка одинъ баталіонъ (1), 4-й батареи 19-й артил. бригады два орудія (2 орудія), Уманскій конный полкъ (4 сотни), полусотня куртинскаго дивизіона (½ сотни). Изъ числа баталіоновъ Крымскаго п. полка первымъ началъ движеніе 15-го апрѣля 4-й баталіонъ. Онъ направился со взводомъ орудій 4-й батареи 19-й артилерійской бригады (шт. к. Юдина) на караванъ-сарайскій перевалъ хребта Агры-дагъ, и, присоединившись тамъ къ Уманскому казачьему полку, вступилъ подъ начальство командира этого полка полковника Шипшева. Эта колонна, названная летучимъ отрядомъ, должна была дѣйствовать одновременно съ главными силами. Вечеромъ 15-го апрѣля выступили изъ лагеря у Али-Камарлю и остальные три баталіона, оставивъ одну роту (10-ю) въ с. Игдырѣ, въ распоряженіи тамошняго войскаго начальника, для занятія карауловъ при складахъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и для прикомандированія къ ней всѣхъ командъ, остававшихся отъ различныхъ частей войскъ, какъ въ самомъ Игдырѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Пройдя за сел. Игдырь не болѣе четырехъ верстъ, баталіоны остановились на ночлегъ бивакомъ; авангардъ же отряда въ этотъ день отошелъ всего 12-ть верстъ отъ Игдыря и расположился близъ Орговскаго поста. Такимъ образомъ, эриванскій отрядъ началъ свое движеніе поздно и вяло, почему на первыхъ порахъ въ средѣ офицеровъ Крымскаго полка сложилось мнѣніе далеко не въ пользу хозяйственнаго бла-

гоустройства отряда. 16-го апрѣля съ разсвѣтомъ были высланы впередъ двѣ роты—4-я Крымскаго и одна Ставропольскаго полковъ для разработки дороги отъ сел. Аргачъ до Орговскаго поста, находившагося на сѣверномъ скатѣ хребта Агры-дагъ. По слѣдамъ ихъ вскорѣ двинулись и главныя силы. Роты, слѣдуя впереди ихъ на четыре версты, едва и кое-какъ успѣвали очищать дорогу отъ камней, потому что при безостановочномъ движенiи позади ихъ отряда такую работу исполнить добросовѣстно не было никакой возможности. Къ вечеру Крымскiй полкъ сосредоточился на Орговскомъ посту; авангардъ же отряда прошелъ далѣе черезъ Чингильскiй перевалъ и вступилъ въ предѣлы Турцiи. Обозъ всего отряда стянулся къ Орговскому посту едва къ утру 17-го апрѣля. Съ приходомъ послѣдней повозки, крымцы поднялись съ бивака и, въ составѣ главныхъ силъ, выступили на Чингильскiй перевалъ, прикрывая артилерiю и обозъ. Дорога оказалась еще хуже, чѣмъ до Орговскаго поста: довольно крутые подъемы и спуски встрѣчались чуть не на каждой верстѣ, почему орудiя и повозки часто приходилось втаскивать на людяхъ, тѣмъ болѣе, что большая часть лошадей, въ особенности въ 1-й батареѣ 19-й артилерiйской бригады, оказалась недружною, норовистою. Эту батарею почти всю дорогу пришлось авангардному баталiону вывозить при подъемахъ на людяхъ; въ противуположность ей, 5-я батарея той же бригады поднималась на самые крутые подъемы безъ всякой помощи. Полковой и ротные обозы у крымцевъ оказались лучшими изъ всего отряда: лошади брали дружно и везли тяжело нагруженныя повозки безъ посторонней помощи; при этомъ поломокъ не было вовсе. Несравненно хуже двигался обозъ 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка, въ которомъ поломки случались весьма часто, въ особенности въ полковыхъ патронныхъ ящикахъ. Между тѣмъ въ приказѣ по бригадѣ обозъ и лошади этого полка были найдены лучше 73 Крымскаго полка, изъ чего слѣдуетъ, какъ иногда легко ошибиться въ опредѣленiи качества предметовъ по одному лишь наружному ихъ виду. Больше всѣхъ другихъ задерживалъ общее движенiе артилерiйскiй обозъ.

Съ наступленiемъ сумерокъ пошелъ дождь, дорога стала

скользкая и еще болѣе трудная; въ нѣкоторыхъ зарядныхъ ящикахъ лошади совершенно стали; офицеръ, находившійся при нихъ, счелъ за лучшее ихъ выпрячь, дать имъ отдыхъ и выкормить. 4-я рота крымцевъ, слѣдовавшая въ арріергардѣ, осталась при ящикахъ и только къ разсвѣту ей кое-какъ удалось втащить ихъ на Чингильскія высоты, куда къ тому времени собрались главныя силы. Въ теченіе всей ночи обозъ прибывалъ частями и останавливался гдѣ попало. Вслѣдствіе такой неурядицы, войска оставались всю ночь безъ палатокъ и отдыхали подъ холоднымъ дождемъ; по той же причинѣ людямъ на ужинъ не приготовлялось горячей пищи. Вообще, въ теченіе первыхъ сутокъ движеніе главныхъ силъ было весьма трудное и безпорядочное; произошло же это отъ того, что войска выступили въ походъ съ лошадьми не привыкшими возить тяжести по труднымъ гористымъ дорогамъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи, какъ уже сказано, представляла 5-я батарея 19-й артиллерійской бригады, которою командовалъ полковникъ Жукевичъ-Стошъ: она нигдѣ ни разу не задержала движенія ни пѣхоты, ни войсковаго обоза.

Рано утромъ 18-го апрѣля три баталіона Крымскаго полка въ составѣ главныхъ силъ, пройдя отъ мѣста ночлега не болѣе одной версты, вступили въ предѣлы азіятской Турціи. Съ вершины Агры-дага взору представилась обширная баязетская равнина, съ озеромъ Шехли-гель и Баязетомъ, пріютившимся у подножія горы; въ то же время можно было различить вдали авангардъ нашего отряда, тонкою длинною полосою двигавшійся мимо озера Шехли-гель по направленію къ Баязету. Въ бинокль многіе разсмотрѣли, какъ изъ крѣпости уходили турецкія войска по направленію къ г. Вану [1]).

Баязетъ былъ въ тотъ же день занятъ безъ выстрѣла. Главныя силы отряда, спустившись къ полудню съ Агры-дага въ баязетскую долину, повернули направо и къ вечеру остановились на ночлегъ

---

[1]) По турецкимъ источникамъ, изъ Баязета выступили въ Ванъ 2 баталіона пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и одна полевая батарея, подъ начальствомъ Ахметъ-бея.

у селенія Арзабъ, куда долженъ былъ прибыть къ тому времени и весь обозъ, остававшійся вагенбургомъ на Чингильскомъ перевалѣ.

По случаю занятія нами Баязета, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ прислать на имя начальника отряда слѣдующую телеграмму: „спѣшу поздравить васъ и славныя ваши войска съ первымъ успѣхомъ; дай Богъ и впередъ тоже. Михаилъ“.

Въ продолженіе трехдневнаго движенія главныхъ силъ до селенія Арзаба, горячая пища для нижнихъ чиновъ не приготовлялась, и люди оставались на однихъ сухаряхъ. Произошло это по причинѣ слишкомъ медленнаго движенія войсковаго обоза, который въ пути задерживался безпрестанными поломками и остановками по случаю разработки дороги на крутыхъ спускахъ и подъемахъ. Колесный обозъ оказался совершенно непригоднымъ для гористыхъ дорогъ Турціи. Лучше было бы имѣть часть вьючнаго обоза, съ продовольствіемъ, лагеремъ и патронными ящиками; тогда войска далеко не терпѣли бы тѣхъ невзгодъ и лишеній, которыя пришлось перенести имъ.

Арзабъ—небольшая армянская деревушка, лежитъ въ 14 верстахъ отъ Баязета и въ 15 верстахъ отъ нашей границы. Она не представляетъ ничего замѣчательнаго; жители ея весьма бѣдны, промышляютъ хлѣбопашествомъ и ведутъ небольшую торговлю съ нашими пограничными селеніями. Въ двухъ верстахъ отъ Арзаба находится минеральный источникъ, съ обильнымъ выдѣленіемъ угле-кислаго газа; вода въ немъ вяжущая и кисловатая на вкусъ. Источникъ этотъ, какъ говорятъ, прекрасно дѣйствуетъ на организмъ послѣ изнурительныхъ болѣзней, въ особенности послѣ лихорадки, а также при недостаткѣ пищеваренія и при страданіяхъ печени и селезенки. Въ кампанію 1854—1855 годовъ въ селеніи Арзабѣ находился лазаретъ эриванскаго отряда. Здѣсь полкъ простоялъ до 24-го апрѣля. Раньше этого дня отрядъ не могъ двинуться впередъ по случаю неисправной доставки интендантствомъ продовольствія и фуража. Повидимому, война застала эту часть отрядной администраціи совершенно врасплохъ. Госпитальная же часть вовсе отсутствовала, и въ отрядѣ не было ни одного подвижнаго лазарета, который могъ бы слѣдовать за войсками и открывать

при надобности свои дѣйствія. Все это въ сложности на первыхъ порахъ производило дурное впечатлѣніе на войска. Къ причинамъ, замедлявшимъ наступленіе отряда, надо также отнести еще и то, что потребовалось нѣкоторое время для образованія въ нашемъ тылу гражданскаго управленія въ занятомъ баязетскомъ санджакѣ.

Съ разрѣшенія Его Высочества Главнокомандующаго, приказомъ по эриванскому отряду 20-го апрѣля за № 75, былъ установленъ отпускъ мяса съ 15-го апрѣля по $1\frac{1}{2}$ ф. въ день на человѣка, а офицерамъ назначены полевыя порціонныя деньги [5]). При хорошемъ качествѣ мяса, усиленный отпускъ его долженъ былъ бы сдѣлать пищу превосходною; но на самомъ дѣлѣ она немного улучшилась, такъ какъ подрядчикъ поставлялъ мясо отъ тощаго скота и вообще крайне плохаго качества. Къ тому же въ походѣ не представлялось никакой возможности варить щи или борщъ, за неимѣніемъ квасу и зелени, а если и приходилось кое-гдѣ раздобыть бураки, капусту, уксусъ и т. п., то это бывало весьма рѣдко. Вслѣдствіе всего этого преимущественно варился супъ. Такая прѣсная пища, непривычная для нашего солдата, потреблялась имъ весьма неохотно и потому не могла идти въ прокъ для его здоровья; напротивъ, она только предрасполагала къ цынгѣ. Чтобы улучшить качество мяса, было строго внушено подрядчику покупать лучшій скотъ; но это ни къ чему не повело: во всемъ краѣ нельзя было отыскать ни одного быка порядочно откормленнаго, да и плохой скотъ добывался съ большими затрудненіями и по дорогой цѣнѣ. Поневолѣ приходилось ограничиваться тѣмъ мясомъ, какое возможно было достать при неблагопріятныхъ условіяхъ военнаго времени.

Съ 12-го апрѣля послѣдовало разрѣшеніе на отпускъ войскамъ отъ интендантства денегъ для покупки нижнимъ чинамъ чаю, сахару и спирта [6]). Деньги приказано требовать по нижеслѣдующему расчету: съ 1-го сентября по 1-е мая $\frac{3}{4}$ ф. чаю и 1

[5]) Приказъ по полку 21-го апрѣля № 112.

[6]) Приказъ по корпусу 25-го апрѣля № 65.

ф. сахару на 100 человѣкъ въ день и по четыре получары спирта въ мѣсяцъ на человѣка. Тѣмъ же приказомъ, пунктъ 2-й, порціонныя деньги увеличены до 16 к. въ день на человѣка. Въ мирное время, въ учебныхъ лагеряхъ, для приготовленія нижнимъ чинамъ чаю, въ полку служили мѣдные котлы, заведенные въ каждой ротѣ на счетъ экономическихъ ротныхъ суммъ; въ военное же время такой способъ приготовленія чаю не могъ считаться удобнымъ по весьма многимъ причинамъ: вопервыхъ, лишній котелъ въ походѣ составляетъ и лишнюю тяжесть, и его притомъ даже негдѣ помѣщать; вовторыхъ, для варки чаю въ большомъ котлѣ требуется значительное количество дровъ, которыхъ въ походѣ часто нельзя достать даже для приготовленія горячей пищи; втретьихъ, варку чаю въ котлахъ можно производить только при расположеніи на мѣстѣ лагеремъ, а во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда отсутствуетъ обозъ, люди должны оставаться безъ чаю. По всѣмъ этимъ причинамъ признано за лучшее выдавать чай и сахаръ на руки, на недѣлю впередъ. Имѣя ихъ всегда при себѣ, люди, при удобномъ случаѣ, могли согрѣвать себѣ чай въ котелкахъ и для этого доставать топливо на всякой мѣстности. Такой способъ практиковался въ продолженіе всей кампаніи, и его надо признать наилучшимъ.

Несвоевременное прибытіе къ отряду военно-временныхъ госпиталей и подвижнаго дивизіоннаго лазарета заставило начальника главныхъ силъ эриванскаго отряда генерала Броневскаго приказать открыть при Крымскомъ полку лазаретъ на 24 кровати, такъ какъ въ околоткахъ частей войскъ стали появляться больные, требовавшіе отдѣльнаго помѣщенія, лучшаго ухода и серьезнаго леченія.

Самый дальній пунктъ, до котораго доходилъ 4-й баталіонъ, бывшій въ колоннѣ полковника Шишева—это сел. нижній Даракъ. Съ занятіемъ Баязета послѣдовало распоряженіе о присоединеніи этого баталіона, со взводомъ артиллеріи, къ полку; вслѣдствіе чего онъ направился изъ нижняго Дарака черезъ селенія Мысунъ и Корумъ въ Арзабъ. Какъ только онъ спустился съ Агры-дага въ мысунскую долину и занялъ позицію около названнаго

селенія, начальникъ колонны получилъ приказаніе изъ отряднаго штаба двинуться на сел. Хамуръ. По картѣ оказалось, что сел. Хамуръ отстоитъ отъ Арзаба въ разстояніи около 95 верстъ и нѣсколько ниже селенія Кара-Килиса, по теченію р. Ефрата; по свѣдѣніямъ же, доставленнымъ лазутчиками и разъѣздами, въ долинѣ Ефрата находились значительныя силы непріятеля, превосходившія колонну числомъ въ нѣсколько разъ. Въ виду очевидной несообразности движенія горсти войскъ въ глубь непріятельской страны, полковникъ Шипшевъ усумнился въ правильности полученнаго приказанія и, не трогаясь съ мѣста, послалъ за справками нарочнаго въ отрядный штабъ. Оказалось, что колоннѣ слѣдовало идти не въ Хамуръ, а въ селеніе Корумъ, отстоящее отъ Арзаба всего въ 12-ти верстахъ; ошибка же произошла отъ нѣкотораго созвучія въ названіи селеній. Хорошо, что это случилось въ то время, когда ошибку возможно было исправить; но при другихъ обстоятельствахъ послѣдствія могли быть весьма прискорбныя. 4-й баталіонъ прибылъ въ Арзабъ 21-го апрѣля.

Во время стоянки полка у сел. Арзабъ, дрова и фуражъ добывались съ особеннымъ трудомъ; для розыска ихъ въ окрестныхъ селеніяхъ ежедневно нужно было наряжать въ прикрытіе одну роту. Почти всѣ селенія были оставлены жителями, которые удалились со стадами въ горы. Найденное въ аулахъ сѣно тотчасъ забирали, а такъ какъ лѣса нигдѣ не оказывалось, то впослѣдствіи сдѣлано было распоряженіе, чтобы при фуражировкахъ въ тѣхъ аулахъ, гдѣ остались еще жители, войска покупали фуражъ и топливо за деньги. Какъ только курды узнали объ этомъ—а они узнавали все—то во время фуражировокъ немедленно одинъ или два человѣка выходили изъ брошеннаго аула на встрѣчу колоннѣ и требовали деньги за все, что брали наши войска; при этомъ они объявляли самыя непомѣрныя цѣны. Во избѣжаніе жалобъ и отвѣтственности, конечно, имъ уступали—хотя и знали, что деньги платятъ аферистамъ, вовсе не живущимъ въ томъ аулѣ. Вообще, надо сказать, что на первыхъ порахъ послѣ перехода границы мы относились къ курдамъ съ истинно русскимъ великодушіемъ; но когда они отплатили намъ за это осадою Баязета, постоянными измѣнами,

грабежами и разными хищническими продѣлками, которыя насъ убѣдили, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ полудикимъ, вѣроломнымъ и намъ вполнѣ враждебнымъ, тогда только разрѣшено было забирать сѣно и дрова изъ брошенныхъ ауловъ безплатно; возбранялось разорять лишь армянскія сакли, хотя бы и въ курдскихъ селеніяхъ.

25-го апрѣля полкъ, въ составѣ главныхъ силъ отряда, перешелъ изъ сел. Арзабъ на правый берегъ р. Балыкъ-чай и расположился лагеремъ въ разстояніи около 10 верстъ отъ Арзаба, въ широкой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами и имѣющей 5172 футъ высоты надъ поверхностью моря. Въ первую же ночь, по случаю донесенія разъѣздовъ о появленіи непріятеля, внезапно потребовали отъ полка одинъ баталіонъ. 1-й баталіонъ подполковника Пацевича, безъ суеты и шума, чтобы не тревожить другихъ, въ пять минутъ сталъ въ ружье и, спустя нѣкоторое время, двинулся впередъ; но встрѣтившійся на пути казакъ объяснилъ, что тревога была фальшивая и баталіонъ возвратился назадъ. Этотъ случай однако имѣлъ то значеніе, что показалъ прекрасную выдержку и дисциплинировку баталіона, который спокойно и безъ замѣшательства приготовился встрѣтить непріятеля, такъ сказать, чуть не во мгновеніе ока.

На слѣдующій день авангардъ отряда, стоявшій подъ Баязетомъ, двинулся по дорогѣ къ замку Діадину; вслѣдъ за нимъ выступилъ и полкъ, въ составѣ главныхъ силъ: 3-й и 4-й баталіоны въ головѣ обоза, а 1-й баталіонъ въ арріергардѣ. Въ этотъ день предстоялъ переходъ въ 24 версты. Движеніе началось по ровной большой транзитной дорогѣ, идущей отъ Эрзерума на Баязетъ и далѣе на границу Персіи. До прибытія нашихъ войскъ, на этомъ пути находился телеграфъ, но турки при отступленіи изъ Баязета совершенно уничтожили его, оставивъ лишь пни отъ срубленныхъ столбовъ. Къ вечеру главныя силы достигли перевала горы Оташа высотою въ 6814 футъ. При первомъ же подъемѣ, небольшомъ, но весьма крутомъ, артилерія и обозъ встрѣтили сильное затрудненіе, которое стало еще значительнѣе съ наступленіемъ темноты; но, къ счастью, вблизи нашлись телеграфные столбы, изъ которыхъ

развели нѣсколько костровъ и освѣтили дорогу. Это обстоятельство указало на необходимость имѣть въ обозѣ достаточное количество хорошихъ морскихъ фонарей. Съ помощью людей арріергарда, къ разсвѣту кое-какъ наконецъ удалось всѣмъ повозкамъ подняться на гору, гдѣ хотя и пошла лучшая дорога, но встрѣтилось новое препятствіе, опять пріостановившее отрядъ: нѣсколько маркитантовъ вздумали тутъ кормить лошадей и пасти свой скотъ, для чего и распустили ихъ по окрестнымъ горамъ; тутъ же оказалось и нѣсколько поломанныхъ съ разными прдоуктами арбъ. Потребовалось не мало времени, чтобы все это собрать, устроить и отправить далѣе въ Діадинъ.

На маркитанскій обозъ, въ военныхъ походахъ, въ особенности за границею, должно быть обращено особенное вниманіе. Маркитанты, какъ люди коммерческіе, въ интересахъ скорой и вѣрной наживы, обыкновенно снаряжаютъ свой обозъ самымъ жалкимъ образомъ, и потому часть нерѣдко терпитъ недостатокъ въ продуктахъ, какъ вслѣдствіе малаго запаса ихъ, такъ и вслѣдствіе постояннаго несвоевременнаго прибытія маркитантскаго обоза къ мѣстамъ остановокъ и ночлеговъ по случаю крайней неисправности его. Обыкновенно маркитантскій обозъ составляется изъ самыхъ плохихъ и дешевыхъ повозокъ и арбъ, которыя запрягаются тощимъ скотомъ, купленнымъ за дешевую цѣлу и предназначеннымъ для порціоннаго довольствія нижнихъ чиновъ. Такой обозъ постоянно ломается въ дорогѣ, будучи нагружаемъ несообразно своей прочности; слабосильный скотъ, запряженный въ него, выбивается изъ послѣднихъ силъ и отказывается везти повозки, въ особенности по неудобнымъ гористымъ дорогамъ и въ сырую погоду; животныя въ это время выдерживаютъ страшныя истязанія отъ побоевъ и понужденій всякаго рода, обозъ растягивается по дорогѣ и задерживаетъ арріергардъ, который поэтому сплошь и рядомъ проводитъ цѣлыя сутки въ пути, а переднія войска, прибывая раньше на ночлегъ, остаются безъ пищи.

Къ утру 27-го апрѣля весь полкъ сосредоточился въ общемъ лагерѣ близь Діадина. Замокъ этотъ расположенъ у верховьевъ Ефрата, который здѣсь беретъ свое начало изъ горы Ала-дагъ,

составляющей высшую точку (11547 ф.) хребта Гуджъ-Яйласы. Отъ Діадина начинается провинція Каза-Діадинъ, входящая въ составъ баязетскаго вилаета. Долина Ефрата образуется двумя хребтами: съ юга Ала-дагомъ и съ сѣвера Агры-дагомъ. Вся мѣстность изобилуетъ минеральными источниками, выдѣляющими большое количество сѣро-водорода; насколько извѣстно, температура ихъ достигаетъ до 80° Р. Произведенный въ кампанію 1854—1855 годовъ анализъ этой воды показалъ, что она содержитъ: свободно растворяемую угольную кислоту, сѣро-водородный газъ, угле-кислую известь, сѣро-кислую воду, сѣро-кислую магнезію и закись желѣза. Туземцы въ этой водѣ въ нѣсколько минутъ варятъ баранину. Около источниковъ въ скалѣ выдолблены ванны, для охлажденія въ нихъ воды, которыми жители пользуются съ большою пользою въ ревматическихъ и нѣкоторыхъ сыпныхъ болѣзняхъ. Въ описываемой мѣстности довольно часто случаются землетрясенія. Одно изъ нихъ было и 28-го апрѣля, когда полкъ стоялъ лагеремъ у Діадина: чувствовалось колебаніе земли, происходившее въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и имѣвшее направленіе съ юга на сѣверъ, но не сопровождавшееся подземными ударами. Множество потухшихъ вулкановъ опредѣляютъ собою свойство почвы этой мѣстности.

Соблюденіе санитарныхъ условій вообще весьма важно, особенно въ походахъ, при кратковременныхъ стоянкахъ на бивакахъ. Одинъ изъ полковыхъ врачей замѣтилъ, что нижніе чины преимущественно заболѣвали тифоидными формами во время болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ на одномъ мѣстѣ, напротивъ того, процентъ больныхъ замѣтно уменьшался во время частыхъ передвиженій полка съ мѣста на мѣсто. Такое явленіе онъ объяснялъ тѣмъ, что войска, стоя на одномъ мѣстѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, не обращаютъ должнаго вниманія на соблюденіе чистоты въ лагерѣ, отчего всѣ нечистоты въ жаркое время дня подвергаются свободному гніенію и заражаютъ воздухъ. Во избѣжаніе развитія болѣзней, онъ совѣтовалъ передвигать полкъ возможно чаще и мѣнять мѣсто стоянки хотя бы на разстояніи двухъ верстъ. Но такъ какъ въ военное время это не всегда возможно, то оставалось только строго слѣдить за чистотою и он-

рятностью. Съ этою цѣлью были приняты надлежащія мѣры относительно устройства ретирадныхъ мѣстъ, удаленія скотобоенъ и т. п. Дѣйствительно, послѣ того санитарныя условія улучшились, и болѣзненность ослабѣла. Отсутствіе бани также весьма вредно отзывалось на здоровьи нашего солдата, привыкшаго въ ней. Чтобы устранить и это неудобство, прибѣгали къ нехитрому и несложному способу, практиковавшемуся во время прошлой долголѣтней кавказской войны: на берегу рѣки или ручья складывали обыкновенно изъ булыжника круглую небольшую печь безъ трубы, сильно накаляли ее и затѣмъ разбивали надъ нею двойную солдатскую палатку, которую окапывали и обливали водою, чтобы парусина меньше пропускала паръ. Послѣ всего этого печку задѣлывали наглухо, герметически, и сверху поливали горячею водою. При этомъ условіи получался обильный и чистый паръ, безъ малѣйшаго угара, котораго хватало на весьма продолжительное время и на цѣлую роту людей. Для предбанника же разбивали нѣсколько палатокъ нагрѣвали въ котлахъ воду, а холодную собирали въ ушаты, въ палаткѣ разстилали рогожи или брезенты и прорывали канавки для стока воды. Въ такихъ скороспѣлыхъ баняхъ могли париться въ одинъ разъ десять человѣкъ, успѣвая въ тоже время выстирать себѣ бѣлье. Во избѣжаніе простудъ, для бани выбирали теплый безвѣтренный день.

28-го апрѣля 4-й баталіонъ Крымскаго полка выступилъ для сопровожденія артилерійскаго парка изъ Баязета въ Діадинъ; онъ возвратился вмѣстѣ съ паркомъ 1-го мая. Вмѣстѣ съ нимъ двинулся и 2-й баталіонъ, для разработки дороги отъ Діадина до Сурпъ-Оганеза, гдѣ, по слухамъ, стояли непріятельскія войска, вслѣдствіе чего баталіонъ слѣдовалъ со всѣми военными предосторожностями. Отойдя отъ лагеря верстъ шесть, три роты, составивъ ружья и снявъ аммуницію, разошлись вдоль дороги для работъ, а 4-я, подъ командою штабсъ-капитана Протасова, назначена была для прикрытія ихъ. Отойдя на версту впередъ, Протасовъ остановился на небольшой возвышенности и выставилъ наблюдательные посты. Впереди и влѣво находилась довольно пересѣченная мѣстность, которая не могла быть вполнѣ осмотрѣна, такъ какъ каза-

ковъ для разъѣздовъ наряжено не было. Около одиннадцати часовъ дня съ непріятельской стороны стали показываться небольшія группы вооруженныхъ всадниковъ, которые частью ѣхали по дорогѣ отъ Сурпъ-Оганеза, а частью спускались съ горъ, находившихся по лѣвую сторону р. Ефрата, причемъ всѣ они скрывались въ небольшой балкѣ. Вскорѣ съ пикетовъ донесли, что внизу, около Ефрата, слышенъ большой шумъ, и что всадники все продолжаютъ прибывать въ балку. Предполагая, что впереди въ скрытыхъ мѣстахъ могла находиться значительная непріятельская кавалерійская часть, командиръ роты принялъ необходимыя мѣры на случай нападенія. Спустя нѣкоторое время, около 2-хъ сотенъ турокъ выѣхали изъ балки на дорогу и направились къ мѣсту расположенія роты. Когда они приблизились на 800 шаговъ, Протасовъ приказалъ сдѣлать три выстрѣла, направляя пули мимо кавалеріи, собственно для того, чтобы заставить ее остановиться и обнаружить свои намѣренія. Но всадники, не обращая вниманія на нашу пальбу, продолжали съ джигитовкой подвигаться впередъ. Командиръ роты велѣлъ сдѣлать еще нѣсколько такихъ же безвредныхъ выстрѣловъ, но и они не остановили непріятеля. Тогда только приказано было стрѣлкамъ открыть дѣйствительную стрѣльбу. Послѣ первыхъ выстрѣловъ, всадники пришли въ замѣшательство, бросились назадъ и скрылись въ балкѣ. Три роты, бывшія на работѣ, услышавъ выстрѣлы, поспѣшили присоединиться къ 4-й ротѣ. Чтобы узнать о намѣреніи скрывшихся всадниковъ, командиръ баталіона подполковникъ Пацевичъ пригласилъ находившагося вблизи пастуха сходить въ балку, но въ это время выѣхали нѣсколько всадниковъ и стали приближаться къ баталіону. Подъѣхавъ къ нему на нѣсколько шаговъ, они кое-какъ объяснили, что вся кавалерія имѣетъ въ виду проѣхать въ нашъ лагерь къ начальнику отряда, для изъявленія покорности; оказалось, что это были курды, во главѣ съ ихъ владѣтельнымъ бекомъ. Конечно, депутацію пропустили, но бекъ, прибывъ къ генералу Тергукасову, не замедлилъ принести жалобу на то, что въ него стрѣляли и ранили двухъ человѣкъ и нѣсколько лошадей. Вечеромъ того же числа состоялся приказъ по отряду объ арестованіи на пять сутокъ командира

1-го баталіона подполковника Пацевича, за безпорядки, допущенные на работахъ, послѣдствіемъ которыхъ было пораненіе двухъ курдовъ; у штабсъ-капитана же Протасова велѣно отобрать роту.

Очень скоро оказалось, что наше чрезмѣрное вниманіе къ курдамъ, расположенія которыхъ мы заискивали, равно и строгость генерала Тергукасова къ Пацевичу и Протасову, были черезчуръ поспѣшны, потому что этотъ же самый куртинскій бекъ, съ шайкой своей, участвовалъ, вопервыхъ, въ нападеніи 13-го іюня на Сурпъ-Оганезъ, во время пребыванія нашего отряда на Драмъ-дагѣ, а вовторыхъ, съ огромнымъ скопищемъ принималъ также дѣятельное участіе въ избіеніи жителей Баязета, при блокадѣ цитадели.

2-го мая полкъ, въ составѣ 1-го, 2-го и 4-го баталіоновъ, въ общей колоннѣ, перешелъ изъ Діадина въ Сурпъ-Оганезъ; 3-й же баталіонъ оставленъ въ Діадинѣ для прикрытія артилерійскаго парка. Дорога къ Сурпъ-Оганезу пролегаетъ по правую сторону р. Ефрата, по долинѣ Муратъ-Кентъ. Горы, окружающія эту долину, не представляютъ уже тѣхъ голыхъ скалъ, какъ въ баязетскомъ санджакѣ, зелень ярче покрываетъ ихъ. Это подавало надежду на порядочный подножный кормъ, появленіе котораго ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ въ добываніи фуража встрѣчалось крайнее затрудненіе. Къ полудню баталіоны прибыли къ Сурпъ-Оганезу и расположились лагеремъ внутри стараго турецкаго укрѣпленнаго лагеря, построеннаго въ кампанію 1854—1855 годовъ. Въ селеніи мы увидѣли весьма древній монастырь св. Іоанна, сооруженный въ 814 году по Р. Хр. Не смотря на такую древность и на неоднократное раззореніе его турками и курдами, онъ сохранился весьма хорошо; только живопись была исколота острымъ орудіемъ, въ особенности лики святыхъ. Внутренняя обстановка монастыря крайне бѣдна. Въ немъ мы застали нѣсколько монаховъ изъ армянъ, проживавшихъ также въ нуждѣ и бѣдности.

На другой день прибылъ 3-й баталіонъ, вмѣстѣ съ артилерійскимъ паркомъ. У Сурпъ-Оганеза полкъ простоялъ до 21-го мая. Погода все время была дождливая; утренніе холода доходили до 3°,

и сильно давали себя чувствовать нижнимъ чинамъ, въ особенности по ночамъ въ караулахъ и на аванпостахъ; они породили разныя простудныя болѣзни и преимущественно лихорадку. Конечно, подобной погоды никто не могъ предвидѣть, иначе ни въ какомъ случаѣ не оставили бы полушубковъ въ игдырскомъ складѣ. Продовольствіе людей въ это время производилось при самыхъ дурныхъ условіяхъ. Не смотря на то, что отрядъ находился недалеко отъ нашей границы и отъ интендантскихъ запасовъ, полкъ не получалъ крупы въ теченіе восьми дней, а также не имѣлъ вовсе соли, хотя мѣсторожденіе ея (сел. Кульпы)—находилось въ какихъ нибудь 40 верстахъ отъ Сурпъ-Оганеза. Сухарей тоже не было и на скорый ихъ подвозъ трудно было расчитывать. По счастью, въ Сурпъ-Оганезѣ нашлось достаточное количество муки, приготовленной для довольствія турецкихъ войскъ. Эту муку мы, конечно, сейчасъ прибрали и стали изъ нея выпекать хлѣбъ. Но въ пекарныхъ принадлежностяхъ, въ особенности въ дежахъ и въ дровахъ, встрѣтилось большое затрудненіе; однако, нечего дѣлать, за дровами стали посылать въ стороны, и иной разъ приходилось ихъ разыскивать за 60 верстъ, а дежи ухитрились замѣнить импровизованными: для этого вырывали ямы, обмазывали ихъ внутри глиною, высушивали кострами и бока обтягивали холстомъ. По недостатку топлива и вслѣдствіе плохой зачинки тѣста, которое не могло на холодѣ достаточно вскисать, хлѣбъ выпекали прѣсный и съ большимъ содержаніемъ песку. Но и такимъ хлѣбомъ дорожили и раздавали его не болѣе какъ по фунту въ день на человѣка. Для лошадей фуражъ также не доставлялся, и ихъ выпускали на только-что пробивавшійся подножный кормъ, отчего онѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе худѣли. Всѣ эти лишенія начались на 17-й день по переходѣ границы. Что же могло ожидать войска при тѣхъ же условіяхъ тогда, когда они еще далѣе углубятся въ эту злополучную страну? Мѣстные жители, по бѣдности своей, ничего не могли доставлять, исключая кислаго молока, маленькихъ вязанокъ дровъ и небольшихъ вьюковъ сѣна и ячменя, которые покупались на расхватъ, не смотря на то, что торговцы брали за нихъ сколько хотѣли. Къ довершенію всѣхъ невзгодъ, отрядъ по-

лучалъ содержаніе кредитными бумагами [7]), и хотя нашъ кредитный рубль принимался туземными торговцами, но только за половину его стоимости; поэтому вовсе нельзя считать, чтобы войска въ теченіе войны получали содержаніе больше чѣмъ въ мирное время.

Чтобы положить конецъ возраставшей съ каждымъ днемъ дороговизнѣ, отрядный гевальдигеръ, по приказанію генерала Тергукасова, объявилъ таксу на всѣ продукты; но подобная мѣра вскорѣ оказалась несостоятельною, такъ какъ торговцы вовсе перестали ѣздить въ лагерь, а войска начали еще больше бѣдствовать. Полковой маркитантъ, поставлявшій въ полкъ продукты по таксѣ, составленной въ Эривани, нашелъ невозможнымъ продолжать подрядъ, такъ какъ цѣны на все значительно поднялись, и перевозка ихъ изъ Эривани обходилась весьма дорого; поэтому, назначенная отъ полка коммисія, по соглашенію съ подрядчикомъ, опредѣлила новыя цѣны на всѣ жизненные припасы [8]).

Во время стоянки въ Сурпъ-Оганезѣ полкъ отбывалъ караульную и сторожевую службы по слѣдующему наряду: одна дежурная рота на случай тревоги, одна на аванпосты, одна дежурная для карауловъ, одна для прикрытія военно-временнаго № 16 госпиталя. Отъ караульной роты выходили въ нарядъ: въ лагерный караулъ 2 унтеръ-офицера, 1 ефрейторъ, 1 музыкантъ и 25 рядо-

---

[7]) За всю кампанію только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отпустили незначительную часть содержанія золотомъ и банковымъ серебромъ.

[8]) За пудъ говядины 3 р. 20 к., баранины 3 р., за фунтъ курдючьяго сала 20 к., говяжьяго 18 к., за пудъ свинаго сала 8 р., перцу чернаго 1 ф. 40 к., за фунтъ лавроваго листа 30 к., за ведро водки 10 р., за ведро спирта хлѣбнаго 16 р., пудъ соли 90 к., крупъ сарачинскихъ 1 ф. 8 к., водки очищенной бутылка 60 к., вина 1 бутылка 1-го сорта 2 р., 5 бутылокъ 2-го сорта 1 р. 50 к., ветчины 1 ф. 25 к., сардинокъ коробка 40 к., масла коровьяго 1 ф. 40 к., муки крупчатой 1-го сорта 1 ф. 15 к., кислоты фруктовой 1 ф. 10 к. крупъ манныхъ 1 ф. 20 к., перловыхъ 25 к., макаронъ 1 ф. 25 к., вермишеля 1 ф. 25 к., свѣчъ стеариновыхъ 40 к., сальныхъ 20 к., сахару Бродскаго 1 пудъ 12 р., сыру голландскаго 1 ф. 80 к., осетинскаго 25 к., табаку махорки 1 ф. 16 к., уксусу ведро 2 р. 40 к., кишмишу 1 ф. 20 к., миндалю 1 ф. 25 к., кофе мокко 1 ф. 60 к., горчицы 1 ф. 40 к., масла деревяннаго 1 ф. 80 к., гусакъ бараній 20 к.

выхъ; въ полевой караулъ 2 унтеръ-офицера, 1 ефрейторъ, 1 музыкантъ и 28 рядовыхъ; въ заднiй караулъ 2 унтеръ-офицера, 2 ефрейтора и 30 рядовыхъ; въ караулъ къ ставкѣ начальника отряда 2 унтеръ-офицера, 1 ефрейторъ и 12 рядовыхъ; къ полевому казначейству 1 ефрейторъ и 3 рядовыхъ; къ полевому почтовому отдѣленiю 1 ефрейторъ и 3 рядовыхъ; къ начальнику главныхъ силъ отряда 1 ефрейторъ и 3 рядовыхъ; въ караулъ къ двумъ отдѣленiямъ парка 1 унтеръ-офицеръ, 1 ефрейторъ и 18 рядовыхъ. Ординарцевъ и вѣстовыхъ: къ начальнику отряда ординарецъ 1 и вѣстовой 1; къ начальнику штаба отряда ординарецъ 1 и вѣстовой 1; къ начальнику главныхъ силъ ординарецъ 1 и вѣстовой 1; къ командиру полка ординарецъ 1 и вѣстовой 1. Дежурная рота на случай тревоги находилась всегда въ полной готовности: ружья стояли на линейкѣ, люди оставались въ продолженiе сутокъ въ караульной аммуницiи и ночью отдыхали не раздѣваясь.

4-го мая изъ Сурпъ-Оганеза выступила колонна, подъ командою генералъ-маiора князя Амилахвари, къ Баязету для рекогносцировки къ сторонѣ г. Вана, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣнiямъ, собирались турецкiя войска для дѣйствiй на Баязетъ и на наши сообщенiя. Въ составъ этой колонны вошелъ 4-й баталiонъ полка. Сдѣлавъ въ одинъ день 60 верстъ, войска остановились вечеромъ у Баязета. Къ тому времени сюда же успѣлъ прибыть летучiй отрядъ полковника графа Граббе, въ составѣ котораго находился 2-й баталiонъ полка. Вся дѣятельность этого отряда со дня объявленiя войны заключалась въ томъ, что онъ занялъ безъ боя г. Кагызманъ. Съ присоединенiемъ его къ колоннѣ генерала князя Амилахвари, послѣдняя увеличилась до трехъ баталiоновъ пѣхоты, четырехъ полковъ кавалерiи и восьми конныхъ орудiй. Въ этомъ составѣ она выступила изъ Баязета къ г. Вану, слѣдуя нѣсколько дней безъ дорогъ и даже безъ порядочныхъ проводниковъ вдоль ала-дагскаго хребта, по снѣжнымъ сугробамъ, лежавшимъ въ то время на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ. Дѣйствiя войскъ князя Амилахвари ограничились достиженiемъ рѣки Соукъ-су, гдѣ было встрѣчено нѣсколько сотенъ курдовъ, съ которыми наши ка-

заки имѣли небольшую перестрѣлку; затѣмъ колонна сначала отступила къ Баязету, а 11-го мая прибыла къ отряду въ Сурпъ-Оганезъ.

Во время стоянки подъ Сурпъ-Оганезомъ баталіоны нѣсколько разъ назначались для исправленія дороги, идущей отъ этого селенія къ Кара-Килиса, по правую сторону р. Ефрата, а 1-й и 3-й баталіоны работали даже и въ день Вознесенія [9]).

Стоявшая все время холодная и сырая погода, при недостаткѣ хлѣба и соли, не могла не повліять вреднымъ образомъ на здоровье нижнихъ чиновъ. Болѣзненность между ними стала замѣтно увеличиваться, и въ это время въ полку состояло ежедневно не менѣе 212 человѣкъ больныхъ; кромѣ того, въ маѣ мѣсяцѣ было отправлено 96 человѣкъ въ госпиталь, а въ предыдущіе мѣ-

---

[9]) Нельзя не поставить въ заслугу командира полка полковника Слюсаренко, что онъ, сознавая всю пользу отъ веденія офицерами дневниковъ, предложилъ имъ, въ приказѣ по полку, чтобы они записывали всѣ событія, а также свои впечатлѣнія и наблюденія, съ цѣлью дать обширный и разносторонній матеріалъ для будущаго описанія боевой жизни полка; но, къ сожалѣнію, офицеры въ то время не придали надлежащаго значенія этому полезному распоряженію,—да, въ сущности, при тяжелой походной жизни, это не всегда и возможно. Между тѣмъ, это отступленіе теперь только сказывается весьма печально, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нерѣдко очень важныхъ, приходится ограничиваться неточными и недостаточными свѣдѣніями участниковъ похода, такъ какъ время изгладило у всѣхъ изъ памяти многія интересныя подробности.

Замѣчаніе автора вполнѣ справедливо. Хотя веденіе дневниковъ и обязательно всегда для полковыхъ адъютантовъ, но послѣдствія показали, что они вовсе не занимались этимъ полезнымъ дѣломъ, и послѣ войны частями войскъ, по требованію штаба кавказскаго военнаго округа, представлены были не дневники, а краткія указанія событій или чаще—даже просто маршрутныя вѣдомости, масса которыхъ и теперь хранится въ военно-историческомъ отдѣлѣ штаба безъ всякой пользы. Исключенія усматриваются только въ весьма немногихъ частяхъ. Послѣдствіемъ этого нелюбезнаго отношенія командировъ къ исторіи ввѣренныхъ имъ полковъ являются особенные труды при обработкѣ описаній боевой жизни сихъ послѣднихъ въ минувшую войну, замедленіе въ изданіи въ свѣтъ этихъ описаній и нерѣдко отсутствіе въ нихъ оживленности и даже необходимыхъ частностей. Этотъ поучительный урокъ долженъ бы намъ послужить съ пользою въ будущемъ, и весьма не мѣшало бы, чтобы онъ вызвалъ общее и рѣшительное распоряженіе къ устраненію на будущее время такого недостатка.

Ред.

сяцы поступило въ госпитали: въ январѣ 179, въ февралѣ 48, въ мартѣ 41 и въ апрѣлѣ 71 человѣкъ. Изъ шести числившихся въ полку врачей, къ маю мѣсяцу остался только одинъ; остальные же были командированы въ госпитали и въ подвижной дивизіонный лазаретъ. При подобномъ порядкѣ, люди, заболѣвавшіе при полку, оставались почти безъ всякой медицинской помощи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ скоромъ времени госпитали переполнились больными разныхъ частей войскъ.

Для усиленія гарнизона г. Баязета, гдѣ находился одинъ баталіонъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка, по приказанію начальника эриванскаго отряда, были направлены еще 14-го мая 7-я и 8-я роты Крымскаго полка, въ составѣ 5 оберъ-офицеровъ, 44 унтеръ-офицеровъ, 4 музыкантовъ и 296 рядовыхъ. Въ то же время, для прикрытія военно-временнаго № 16 госпиталя и для наблюденія въ тылу отряда за путями сообщеній, были командированы въ с. Сурпъ-Оганезъ 5-я и 6-я роты, въ составѣ 1 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицеровъ, 45 унтеръ-офицеровъ, 6 музыкантовъ и 288 рядовыхъ, подъ начальствомъ командира 2-го баталіона маіора Крапивнаго. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ воинскимъ начальникомъ Сурпъ-Оганеза и начальникомъ военно-временнаго № 16 госпиталя [10]).

По случаю все болѣе развивавшейся между нижними чинами болѣзненности (преимущественно лихорадки и страданія желудка) было признано весьма вреднымъ и строго воспрещено употребленіе въ пищу кислаго молока, которое покупалось войсками у мѣстныхъ жителей въ значительномъ количествѣ [11]). Не смотря однако на это, лихорадки и желудочныя болѣзни нисколько не уменьшались, такъ какъ развитіе ихъ зависѣло отъ совершенно другихъ причинъ, какъ напримѣръ: отъ сырой и холодной погоды и отъ внезапныхъ перемѣнъ ея, отъ разнокачественной воды и отъ нѣкоторыхъ чисто санитарныхъ невзгодъ, которыхъ устранить было нельзя. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало новое распоряженіе, противорѣчившее первому,

---

[10]) Приказъ по эриванскому отряду 12-го мая № 93.

[11]) Приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса 15-го мая № 49.

согласно которому, по невозможности въ отрядахъ варить щи, разрѣшено употреблять въ пищу кислое молоко [12]), для предупрежденія развитія въ войскахъ цынги.

Съ образованіемъ гражданскаго управленія въ занятыхъ нами турецкихъ провинціяхъ, для общаго начальствованія войсками, поставленными въ баязетскомъ округѣ, въ тылу дѣйствій эриванскаго отряда, и для охраненія нашихъ путей сообщенія, а также и продовольственныхъ складовъ, находившихся въ Эриванской губерніи, былъ назначенъ командиръ 1-го баталіона подполковникъ Пацевичъ [13]). Этотъ штабъ-офицеръ весьма неохотно принялъ новое назначеніе, какъ бы предчувствуя по случаю его гибельный для себя конецъ. И, дѣйствительно, вскорѣ, при осадѣ непріятелемъ Баязета, онъ получилъ тяжелую рану пулею, отъ которой и умеръ.

Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ, прибылъ въ Сурпъ-Оганезъ подвижной лазаретъ 19-й пѣхотной дивизіи, съ ротою носильщиковъ, который формировался при штабѣ дивизіи въ г. Ставрополѣ. Вмѣстѣ съ лазаретомъ прибыло нѣсколько сестеръ милосердія, по преимуществу жены офицеровъ.

Въ началѣ кампаніи общество Краснаго Креста совершенно забыло про эриванскій отрядъ, почему всѣ средства для поданія помощи раненымъ въ первыхъ бояхъ заключались въ одномъ подвижномъ лазаретѣ. Впослѣдствіи, когда войска отступили и расположились близъ Игдыря, въ отрядъ прибыли отдѣленія отъ московскаго, финляндскаго и тифлисскаго обществъ „Краснаго Креста“.

Во все время продолжительной стоянки полка подъ Сурпъ-Оганезомъ не было ни одного столкновенія съ непріятелемъ, не смотря на то, что нѣсколько разъ турки собирались сдѣлать ночное нападеніе на нашъ лагерь.

---

[12]) Приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса 25-го мая № 61.

[13]) Приказъ по эриванскому отряду 20-го мая № 97.

V.

Выступленіе полка изъ Сурпъ-Оганеза. Бой 4-го іюня на Драмъ-дагѣ. Замыслы Мухтаръ-паши. Сраженіе 9-го іюня при с. Даяръ. Результатъ его. Вступленіе въ завѣдываніе полкомъ маіора Гурова. Приказъ по отряду.

Наконецъ, 22-го мая отрядъ двинулся въ глубь непріятельской страны,—и слава Богу, потому что надоѣло стоять въ бездѣйствіи на одномъ мѣстѣ. Никто изъ непосвященныхъ не зналъ задачъ, возложенныхъ на эриванскій отрядъ; поэтому всякое новое движеніе возбуждало интересъ, отчасти поясняя общее невѣдѣніе. Полкъ выступилъ въ трехбаталіонномъ составѣ, имѣя въ строю: 3 штабъ-офицера, 28 оберъ-офицеровъ, 231-го унтеръ-офицера, 74 музыканта и 1569 рядовыхъ; всего выступило изъ Сурпъ-Оганеза 11 ротъ, составомъ каждая изъ 21 унтеръ-офицера и 142 рядовыхъ; 3-й баталіонъ вошелъ въ составъ авангарда, а 1-й и 4-й въ составъ главныхъ силъ. На пути баталіонамъ пришлось разработать дорогу на протяженіи версты для болѣе удобнаго подъема обоза и артиллеріи. Къ вечеру войска достигли сел. Авамоссіоанъ [1]) и остановились на ночлегъ, а на слѣдующій день, сдѣлавъ переходъ въ 20 верстъ, вступили въ сел. Кара-Килиса, около котораго расположились лагеремъ на р. Дараби-чай. Въ два послѣдніе перехода полкъ прошелъ внизъ по теченію р. Ефрата не болѣе 40 верстъ, по дорогѣ относительно ровной и удобной для движенія колеснаго обоза. Съ приходомъ въ Кара-Килиса положеніе войскъ значительно улучшилось, какъ въ санитарномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Благодаря густому населенію окрестностей, добываніе топлива—въ чемъ въ послѣднее время особенно нуждался полкъ въ Сурпъ-Оганезѣ, облегчилось; у жителей также можно было пріобрѣтать различные продукты за сравнительно недорогую цѣну и притомъ въ изобиліи.

Вся мѣстность, окружающая Кара-Килиса, обильно орошается многими рѣчками, а прилегающая къ селенію обширная равнина

---

[1]) На картѣ—Авамаси, на р. Ташлы-чай.

даетъ отличные урожаи. Вообще, алашкертская долина по справедливости слыветъ житницею сѣверныхъ провинцій азіятской Турціи. Въ Кара-Килиса нашему авангарду снова удалось захватить довольно значительные запасы пшеницы, заготовленной для продовольствія турецкихъ войскъ. Въ виду неисправности нашего отряднаго интендантства, подобная находка имѣла весьма существенное значеніе. Пшеницу немедленно стали перемалывать въ муку, устроили въ селеніи хлѣбопекарни и приступили къ хлѣбопеченію; на мѣстныхъ водяныхъ небольшихъ мельницахъ, весьма плохаго устройства, конечно далеко не успѣвали заготовлять муку въ пропорціи достаточной для всего отряда, но все-таки хлѣбъ оказался довольно доброкачественный и послужилъ большимъ подспорьемъ нашему интендантству.

По западной сторонѣ сел. Кара-Килиса, перпендикулярно къ дорогѣ, идущей на Зейдеканъ, протекаетъ р. Ташма. Она имѣетъ у береговъ чрезвычайно топкія мѣста, неудобныя для проѣзда тяжелаго обоза и артиллеріи, вслѣдствіе чего для разработки дороги и постройки моста 25-го мая отъ полка былъ назначенъ 1-й баталіонъ и команда отъ роты 2-го кавказскаго саперняго баталіона, находившейся въ составѣ отряда. Баталіонъ, выйдя утромъ изъ лагеря, къ обѣду успѣлъ продѣлать дорогу и совмѣстно съ саперами устроить мостъ на козлахъ изъ турецкихъ телеграфныхъ столбовъ. За р. Ташмой, параллельно ей, тянется небольшая возвышенность, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ селенія Кара-Килиса. Найденные на ней поспѣшной профили турецкіе окопы, протяженіемъ въ одну версту, обращенные фронтомъ къ селенію, указывали на то, что турки намѣревались здѣсь встрѣтить насъ и не допустить въ алашкертскую долину; но такъ какъ эта укрѣпленная позиція вовсе не представляла выгодъ для упорной защиты, по причинѣ совершенно открытыхъ фланговъ и удобныхъ подступовъ съ фронта, то вѣроятно по этому случаю непріятель бросилъ работы и счелъ за лучшее укрѣпиться на Драмъ-дагѣ, гдѣ встрѣтилъ содѣйствіе самой природы.

28-го мая 1-й и 4-й баталіоны, подъ командою генералъ-маіора Броневскаго, выступили изъ лагеря по транзитной дорогѣ и

къ вечеру дошли до селенія Сундензикъ (въ 16 верстахъ отъ селенія Кара-Килиса); 3-й баталіонъ остался въ селеніи Кара-Килиса для сопровожденія на другой день прямо въ селеніе Зейдекянъ артилерійскаго парка, военно-временнаго госпиталя и интендантскаго транспорта. Переночевавъ у селенія Сундензикъ, 1-й и 4-й баталіоны 29-го мая прошли еще около 20-ти верстъ и достигли Зейдекяна, гдѣ расположились лагеремъ по южную его сторону. Селеніе это раскинуто на небольшой рѣкѣ Чатъ, у подножія горъ, носящихъ общее названіе Дахаръ. Здѣсь оканчивается простирающаяся отъ селенія Кара-Килиса алашкертская долина, а за дахарскимъ горнымъ узломъ начинается долина Аракса. Зейдекянъ стоитъ на транзитной дорогѣ изъ Эрзерума въ Персію. Хотя, повидимому, онъ расположенъ на равнинѣ, но въ этомъ мѣстѣ послѣдняя возвышается до 6297 футъ надъ поверхностью моря. Верстахъ въ десяти отъ Зейдекяна вздымается высшая точка дахарской толчеи—Коса-дагъ или Хопусъ, имѣщая 11,276 футъ; остальныя вершины, къ которымъ, между прочимъ, относится и Драмъ-дагъ, достигаютъ не болѣе 8286 футъ.

Алашкертскую долину населяютъ по большей части армяне и курды; коренныхъ османовъ между ними весьма мало. Зажиточности въ армянскихъ селеніяхъ не видно; да, впрочемъ, здѣсь христіанинъ не можетъ обнаруживать своего матеріальнаго благосостоянія, такъ какъ турки и курды почти безнаказанно и произвольно распоряжаются имѣніями христіанъ и не обираютъ только того, у кого нечего взять. Вслѣдствіе этого армяне поневолѣ должны притворяться крайними бѣдняками и терпѣть во всемъ нужду, хотя многіе изъ нихъ имѣютъ порядочныя средства и при другихъ условіяхъ могли бы жить съ большими удобствами. Армяно-католики пользуются сравнительно большими льготами и менѣе терпятъ отъ произвола турецкихъ чиновниковъ и отъ насилія полудикихъ курдовъ. Такое благопріятное исключеніе зависитъ отъ большаго вліянія на внутреннія дѣла Турціи консуловъ и посланниковъ католическихъ европейскихъ державъ, которое особенно усилилось послѣ невыгоднаго для насъ исхода крымской кампаніи.

Нестроевые нижніе чины, обозные и писаря выступили въ

походъ безоружными. Для вооруженія обозныхъ въ полку хранились гладкоствольныя 7-ми линейныя ружья, но они, какъ не отвѣчающія современнымъ требованіямъ, не были взяты изъ полковаго цейхгауза. Вообще, на нестроевыхъ нижнихъ чиновъ смотрѣли не какъ на частицу боевой силы войскъ, а какъ на простыхъ рабочихъ, и потому они не имѣли оружія необходимаго хотя бы для личной самообороны. Вслѣдствіе особенныхъ условій войны, наконецъ, обращено было вниманіе на такой ненормальный порядокъ, и послѣдовало распоряженіе, въ приказѣ по дѣйствующему корпусу, на основаніи приказа военнаго министра 1876 г. № 37, чтобы всѣхъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ вооружить игольчатыми винтовками, которыя остались заручными отъ больныхъ.

Въ Зейдекянѣ оказались большіе запасы пшеницы, заготовленной для продовольствія турецкихъ войскъ, а также много брошеннаго оружія и шанцеваго инструмента. Жители Зейдекяна и окрестныхъ селеній доставляли въ лагерь различные съѣстные продукты и продавали все относительно недорого. Наше интендантство стало нѣсколько исправнѣе въ отношеніи своевременной доставки провіанта. Трава оказалась въ изобиліи и превосходнаго качества; она добывалась посредствомъ фуражировокъ на алашкертской долинѣ. Все это, при сухой и теплой весенней погодѣ, значительно подбодрило войска и лошадей, а четыре дня отдыха окончательно изгладили утомленіе отъ предшествовавшаго похода, совершеннаго при не совсѣмъ благопріятныхъ условіяхъ.

2-го іюня полкъ, въ составѣ главныхъ силъ, выступилъ изъ Зейдекяна и, пройдя семь верстъ, сталъ бивакомъ близъ селенія Курдалю, расположеннаго въ довольно узкомъ ущельи. Между селеніями Зейдекяномъ и Курдалю оказалась еще другая турецкая укрѣпленная позиція на первой пологой возвышенности отъ Зейдекяна, обращенная къ нему фронтомъ. Судя по землянымъ далеко неоконченнымъ работамъ, надо полагать, что окопы воздвигались тутъ только передъ нашимъ приходомъ въ Зейдекянъ. Эта позиція хотя и командовала окружающею мѣстностью, но фланги ея довольно слабы, и путь отступленія на Драмъ-дагъ далеко не обез-

печенъ—что, вѣроятно, заставило турокъ бросить и эту позицію подобно предыдущей и отступить на Драмъ-дагъ.

Вечеромъ 2-го іюня нашимъ войскамъ первый разъ пришлось увидѣть непріятеля: турецкая кавалерія въ небольшомъ числѣ выѣхала на ближайшую гору и завязала перестрѣлку съ нашими казачьими наблюдательными постами. Безплодная стрѣльба продолжалась недолго: какъ только изъ лагеря выдвинулась впередъ на возвышенность одна стрѣлковая рота и открыла огонь—турецкая кавалерія немедленно скрылась за гору и больше не показывалась. По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятельскія войска находились въ разстояніи не болѣе 12 верстъ. Въ виду такого близкаго сосѣдства, послѣдовало распоряженіе выставить на ночь усиленные аванпосты. Для этой цѣли, кромѣ другихъ частей войскъ, отъ Крымскаго полка вышла 4-я рота, которая выставила посты на правой оконечности общей сторожевой линіи; остальныя же три роты 1-го баталіона были назначены для прикрытія 1-й батареи 19-й артиллерійской бригады, выдвинутой изъ лагеря, на всякій случай, на позицію позади аванпостовъ. Ночь прошла спокойно.

3-го іюня, съ зарею, авангардъ отряда, въ составъ котораго вошелъ 4-й баталіонъ полка, выступилъ изъ лагеря и, пройдя черезъ сторожевую цѣпь, началъ подниматься по транзитной дорогѣ на ближайшую крутую возвышенность, за которой вскорѣ и скрылся. Почти одновременно съ авангардомъ выступили и главныя силы, подъ командою генералъ-маіора Броневскаго; обозъ же остался на мѣстѣ ночлега вагенбургомъ, подъ прикрытіемъ 4-го баталіона 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка.

Дорога, по которой пришлось проходить главнымъ силамъ, начиналась крутымъ и длиннымъ подъемомъ на гору, совершенно неразработаннымъ, заваленнымъ большими камнями и съ весьма крутыми поворотами. Такой путь пролегалъ на разстояніи двухъ верстъ и преодолѣть его стоило большихъ трудовъ. Всѣ зарядные ящики (кромѣ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады) пришлось вытаскивать на людяхъ, разработывая дорогу и отбрасывая большіе камни. Подъемъ на гору главныхъ силъ продолжался съ 5½ часовъ утра до 3-хъ часовъ пополудни, и только къ означенному

времени 1-й и 3-й баталіоны полка, окончивъ работу, сосредоточились на вершинѣ горы и вмѣстѣ съ другими войсками расположились на отдыхъ. Авангардъ отряда въ это время находился впереди не далѣе пяти верстъ, у драмъ-дагскаго перевала, въ виду сильно занятой непріятелемъ позиціи; главныя силы подошли къ авангарду только въ пять часовъ пополудни, и такъ какъ атаковать непріятеля предполагалось на другой день, то полкъ расположился бивакомъ на ночлегъ.

Какъ только баталіоны заняли свои мѣста и составили ружья въ козлы, всѣ офицеры, не отдохнувъ, спѣшили взойти на ближайшую возвышенность, чтобы засвѣтло хорошенько познакомиться съ мѣстностью и оцѣнить тактическія выгоды турецкой позиціи и подступовъ къ ней. Эта позиція оказалась превосходною для упорной обороны; только твердыни возвышенностей, доходящихъ до восьми тысячъ футъ высоты, могутъ образовывать подобныя позиціи. Фронтъ ея, въ разстояніи пяти верстъ отъ занятой нашимъ отрядомъ возвышенности, имѣвшій направленіе съ сѣвера на югъ, совершенно перпендикулярное къ дорогѣ и къ путямъ нашего наступленія, состоялъ изъ одного общаго кряжа, съ сѣдловиной у транзитной дороги. Оба фланга, въ особенности лѣвый, командовали всею впереди лежащею мѣстностью и хорошо прикрывались отъ обходовъ. Правый флангъ составляли двѣ возвышенности перпендикулярныя къ фронту обороны, сѣверные скаты которыхъ кончались у дороги, проходившей отъ насъ къ центру позиціи, а южные—у подножія возвышенностей, у большаго оврага, почти съ отвѣсными обрывистыми берегами, по дну котораго протекала рѣка Шарьянъ; обѣими возвышенностями и оврагомъ непріятельская позиція весьма хорошо обезпечивалась отъ скрытаго обхода праваго фланга; кромѣ того, совершенно устранялась возможность дѣйствія съ этой стороны нашей артиллеріи.

Лѣвый флангъ позиціи непріятеля былъ еще болѣе обезпеченъ отъ обходовъ и, командуя всею впереди лежащею мѣстностью, могъ съ удобствомъ служить для обзора направленія нашей атаки. Отъ высшей точки лѣваго непріятельскаго фланга кряжъ развѣтвлялся, шелъ дальше на сѣверъ и терялся въ горахъ 8 т. футовой высоты;

отъ насъ, къ лѣвому флангу, шла дорога, извиваясь узкою лентою по скалистымъ утесамъ, вездѣ сильно обстрѣливаемая изъ траншей лѣваго фланга непріятельской позиціи. Поэтому обходъ по такой неудобной и совершенно открытой дорогѣ на неприступный флангъ позиціи казался немыслимымъ; напротивъ того, непріятель, пользуясь скрытою мѣстностью, легко могъ по этой дорогѣ внезапно появиться на возвышенностяхъ праваго фланга нашего пути наступленія, лежавшихъ перпендикулярно къ протяженію боеваго порядка, и поражать фланговымъ огнемъ. Въ 300—400 шагахъ впереди фронта непріятельской позиціи находился глубокій и широкій оврагъ, съ весьма крутыми боками; черезъ него проходила только одна транзитная дорога; вся мѣстность, какъ до оврага, такъ и за нимъ, открыта на дальній орудійный выстрѣлъ. Только въ разстояніи около 600 саженей на пути нашего наступленія виднѣлись небольшія отдѣльныя возвышенности, которыя можно было занять нашей артилеріей; остальная мѣстность до этихъ вершинъ, а также и за ними, представляла общую обширную котловину, перерѣзанную балками, небольшими оврагами, и покрытую холмами; кое-гдѣ виднѣлись топкія мѣста и извилистая дорога, имѣвшая тамъ и сямъ неудобные короткіе подъемы. Вся мѣстность была покрыта молодою травою; но за то, не было никакихъ признаковъ лѣса.

Атака турецкой позиціи съ фронта, при современномъ развитіи ружейнаго огня, не представляла вѣроятія на успѣхъ, такъ какъ нашимъ войскамъ приходилось спускаться къ оврагу и, пройдя его, подниматься къ фронту этой позиціи по довольно открытой мѣстности, сильно обстрѣливаемой изъ за возвышенностей, занятыхъ непріятелемъ. Грозная, такимъ образомъ, отъ природы позиція была кромѣ того, на всемъ своемъ протяженіи искусственно укрѣплена траншеями на нѣсколько тысячъ стрѣлковъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, непріятель имѣлъ только 16-ть баталіоновъ пѣхоты, 7 орудій и небольшое число кавалеріи; по турецкимъ же источникамъ, противъ эриванскаго отряда на Драмъ-дагѣ дѣйствовала 3-я турецкая дивизія Мехмедъ-паши, въ составѣ 6000 человѣкъ пѣхоты, 300 коней и 12 орудій. Послѣ обзора не-

пріятельской позиціи большинство офицеровъ пришло къ тому заключенію, что удобнѣе всего атаковать правый флангъ турокъ, пользуясь для подступовъ закрытою мѣстностью—что на другой день вполнѣ осуществилось.

По диспозиціи на 4 іюня (приложеніе I), для атаки непріятельской позиціи баталіоны полка были распредѣлены такъ: 4-й баталіонъ поступилъ въ правую колонну и вмѣстѣ съ 3-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ предназначался для дѣйствія на лѣвомъ флангѣ непріятельскаго расположенія; 1-й и 3-й баталіоны вошли въ составъ общаго резерва и должны были вмѣстѣ съ тѣмъ образовать центръ боеваго порядка и прикрывать артилерію. Остававшіеся затѣмъ два баталіона 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка предназначались для атаки праваго фланга турецкой позиціи.

Достопамятное утро 4-го іюня было ясное, тихое и теплое. Къ 6 часамъ всѣ три баталіона крымцевъ стояли подъ ружьемъ въ полной готовности къ движенію. 1-я батарея (9 ф.) 19-й артилерійской бригады заняла ближайшую возвышенность впереди бивака и ожидала приказанія открыть огонь по турецкимъ батареямъ, находившимся ниже ея, не далѣе четырехъ верстъ; въ то же время два баталіона 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка, подъ командою командира полка полковника фонъ-Шака, двинулись съ бивака внизъ по дорогѣ на правый флангъ непріятельскаго расположенія. Какъ только эти баталіоны вышли на возвышенность, турецкая артилерія немедленно открыла по нимъ огонь. За ставропольцами послѣдовала правая колонна полковника Борделіуса, въ которой находился 4-й баталіонъ Крымскаго полка; вслѣдъ за нею начали спускаться 1-й и 3-й баталіоны полка, подъ командою полковаго командира полковника Слюсаренко; между баталіонами слѣдовала 4-я батарея 19-й артилерійской бригады, которая вмѣстѣ съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами должна была дѣйствовать въ центрѣ нашего боеваго порядка. Лишь только всѣ три колонны, перестроившись поротно въ двѣ линіи, съ разомкнутыми рядами, начали спускаться по дорогѣ въ низменную котловину, непріятельская артилерія немедленно встрѣтила ихъ огнемъ. Наша 9 ф. батарея, съ своей довольно удобной позиціи, также открыла пальбу, преимуществен-

но по турецкимъ батареямъ, снаряды которыхъ ложились весьма мѣтко между рядами наступавшихъ баталіоновъ, но не причиняли никому ни малѣйшаго вреда. Хотя въ воздухѣ стоялъ ревъ и гулъ, но наши необстрѣлянныя еще войска шли впередъ весело, точно на ученьи, не обращая вниманія на грозную обстановку и на непріятельскія гранаты, бороздившія кругомъ землю и разрывавшіяся съ сильнымъ трескомъ. Не смотря на то, что приходилось идти по горамъ и оврагамъ, части сохраняли стройность, полный порядокъ, и безъ суеты, шагъ за шагомъ, подвигались къ заранѣе намѣченнымъ пунктамъ. Наступленіе было эфектное и видимо предвѣщало несомнѣнный успѣхъ.

Между тѣмъ, выстрѣлы непріятельскихъ батарей учащались въ особенности по 4 батареѣ, двигавшейся подъ прикрытіемъ 1-го и 3-го баталіоновъ Крымскаго полка; колонна эта представляла наибольшую цѣль. Турки, заранѣе пристрѣлявшись до различныхъ точекъ дороги, по которой неизбѣжно должна была проходить наша артилерія, дѣйствовали съ поразительною мѣткостью даже и тогда, когда наши войска скрывались въ складкахъ мѣстности. Когда 1-й и 3-й баталіоны спустились въ котловину, то оказалось, что тамъ необходимо разработать дорогу, такъ какъ иначе 4-я батарея не могла бы слѣдовать далѣе. Баталіоны, съ саперною ротою, сдѣлали это подъ огнемъ турокъ въ теченіе не болѣе получаса, вынося орудія и зарядные ящики на рукахъ, гдѣ это оказывалось нужнымъ. Преодолѣвъ всѣ трудности, батарея, наконецъ, стала на позицію, хотя и не совсѣмъ удобную, и открыла огонь съ сравнительно близкой дистанціи. Къ этому времени всѣ пѣхотныя колонны разошлись на мѣста указанныя диспозиціею: 1-й баталіонъ крымцевъ сталъ въ прикрытіе 4-й батареи; 1-я и 2-я роты, подъ командою штабсъ-капитана Шумакова, по правую сторону, а 3-я и 4-я роты, шт. к. Протасова—по лѣвую сторону; 3-й баталіонъ, подъ командою маіора Гурова, составляя общій резервъ, сталъ за горою, лѣвѣе 3-й и 4-й ротъ. Вскорѣ затѣмъ въ центръ боеваго порядка прибыла 1-я конная батарея кубанскаго казачьяго войска и заняла позицію лѣвѣе и нѣсколько впереди 4-й батареи. Съ этой минуты канонада вступила въ полный разгаръ, и у насъ стали появляться убитые и раненые люди и лошади. Съ на-

шей стороны гремѣли 22 орудія, посылая массу чугуна въ самые окопы, окружавшіе непріятельскія батареи; надъ пѣхотнымъ прикрытіемъ то и дѣло разрывались турецкія картечныя гранаты, разносившія повсюду осколки и ложившіяся весьма мѣтко также близъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, но опять-таки существеннаго вреда пока не приносившія.

Около 10 часовъ дня два баталіона 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка, пользуясь закрытою мѣстностью, успѣли подойти къ правому флангу непріятельскаго расположенія, заняли гребень возвышенности ближайшей къ турецкимъ траншеямъ, возведеннымъ параллельно горѣ къ пути нашего наступленія и оканчивавшимся около оврага, и завязали перестрѣлку. Обозрѣвъ впереди лежащую мѣстность, полковникъ фонъ-Шакъ нашелъ подступы совершенно открытыми и превосходно обстрѣливаемыми; обойти же траншеи, для дѣйствія во флангъ, не было никакой возможности, поэтому фонъ-Шакъ, не рѣшаясь атаковать турокъ съ своими двумя баталіонами, прислалъ просить у начальника отряда въ подкрѣпленіе еще хотя одинъ баталіонъ. Но въ это время атака не была достаточно подготовлена артилерійскимъ огнемъ и потому въ просьбѣ фонъ-Шака было отказано. Правая колонна полковника Борделіуса не имѣла удобной позиціи для дѣйствія, и потому, какъ стрѣлковый баталіонъ, такъ и 4-й баталіонъ 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка, по приказанію начальника колонны, начали поротно спускаться внизъ, въ оврагъ, лежавшій впереди турецкихъ окоповъ, чтобы оттуда, сообразно съ мѣстностью, предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія. Какъ только роты стали нисходить по открытой для турецкихъ выстрѣловъ покатости, немедленно турки открыли убійственный ружейный огонь изъ траншей, который долго не умолкалъ; наша же пѣхотная цѣпь не отвѣчала ни однимъ выстрѣломъ. Когда колонна полковника Борделіуса углубилась въ оврагъ, то, при помощи 1-й и 2-й ротъ крымцевъ, 5-я батарея 19-й артилерійской бригады тотчасъ заняла то мѣсто, на которомъ находилась колонна, при чемъ два орудія, по приказанію полковника Слюсаренко, были ввезены на ближайшую высоту, съ которой превосходно можно было обстрѣливать всѣ непріятельскія

траншеи, а остальныя шесть орудій стали правѣе на менѣе удобной позиціи. 5-я батарея открыла огонь по турецкимъ стрѣлкамъ, укрывавшимся въ траншеяхъ. Почти одновременно съ нею прибыла въ центръ нашего боеваго порядка и 1-я батарея, остававшаяся до того времени на возвышенности близь бивака, и смѣнила конную батарею, которая съ частью 4-й батареи отошла назадъ въ резервъ. Въ это время, около 11-ти часовъ дня, наши батареи сгруппировались на протяженіи не болѣе полутораста саженей и, за неимѣніемъ достаточно свободнаго мѣста, конечно, вмѣстѣ дѣйствовать не могли.

Около полудня, турки, расчитывая на превосходство своихъ силъ, предприняли обходъ нашего праваго фланга, съ цѣлью занять ближайшія высоты и анфилировать нашъ боевой порядокъ; но маневръ этотъ былъ своевременно замѣченъ казаками, охранявшими дорогу на нашемъ правомъ флангѣ. и они тотчасъ дали знать о немъ командиру Крымскаго полка, какъ ближайшему начальнику, находившемуся на правой оконечности боеваго порядка. Полковникъ Слюсаренко немедленно направилъ бывшія подъ рукою 1-ю и 2-ю роты крымцевъ, подъ командою штабсъ-капитана Шумакова, на возвышенности, прилегавшія къ нашему правому флангу. для противодѣйствія обходу. и въ то же время объ этомъ послалъ доложить начальнику пѣхоты генералъ-маіору Броневскому. Вскорѣ къ 1-й и 2-й ротамъ изъ резерва были направлены два ракетныхъ станка, а также 3-я и 4-я роты, для усиленія нашего праваго фланга. 1-я и 2-я роты довольно скоро заняли гребень высоты, командовавшей надъ нашимъ правымъ флангомъ, и тутъ почти столкнулись съ нѣсколькими таборами турецкой пѣхоты, взбиравшимися съ противуположной стороны. Встрѣченные бѣглымъ огнемъ нашихъ ротъ, турки въ смятеніи бросились назадъ. Въ то же время изъ занятаго колонною полковника Борделіуса оврага выдвинулась вправо на вершину горы рота 3-го стрѣлковаго баталіона, которая также открыла огонь по бѣжавшимъ, а изъ подоспѣвшихъ двухъ станковъ казаки пустили имъ въ догонку нѣсколько конгревовыхъ ракетъ. Такимъ образомъ обходъ непріятелемъ нашего праваго фланга своевременно былъ пред-

упрежденъ. Какъ только выяснилось, что турки отбиты, слѣдовавшія изъ резерва 3-я и 4-я роты, подъ командою штабсъ-капитана Протасова, были повернуты назадъ, спущены снова внизъ и поставлены правѣе 5-й батареи, въ прикрытіе ея. Около часа пополудни, начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, убѣдившись, что успѣхъ атаки достаточно подготовленъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, отдалъ приказаніе командиру 3-го баталіона Крымскаго полка маіору Гурову, находившемуся до того времени съ баталіономъ въ резервѣ, немедленно слѣдовать на подкрѣпленіе лѣвой колонны полковника фонъ-Шака. Всѣ знали, что бой долженъ рѣшиться на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и потому 3-й баталіонъ тронулся съ особеннымъ удовольствіемъ. Лишь только онъ обогнулъ уголъ горы и вступилъ на отлогій скатъ близь оврага, чтобы оттуда подняться къ баталіонамъ 74-го Ставропольскаго полка, какъ изъ турецкихъ траншей былъ открытъ внезапно сильнѣйшій ружейный огонь. Баталіонъ остановился и легъ, чтобы перевести духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выждать, пока пронесется свинцовый градъ и охладится горячій порывъ непріятеля. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ двинулся далѣе подъ сильнымъ огнемъ. Въ это время баталіоны 74-го Ставропольскаго полка, находившіеся уже вблизи турецкихъ траншей, воспользовались отвлеченіемъ непріятельскаго огня на 3-й баталіонъ крымцевъ и быстро заняли ближайшую траншею, изъ которой весьма удобно можно было поражать непріятельскія войска, какъ отступившія изъ занятыхъ ставропольцами траншей, такъ и расположенныя въ окопахъ, шедшихъ къ центру турецкой укрѣпленной позиціи. Непріятель, вытѣсненный изъ траншей своего праваго фланга, попалъ подъ выстрѣлы колонны полковника Борделіуса, скрывавшейся въ оврагѣ передъ фронтомъ турецкихъ окоповъ. Турки, видя Ставропольскіе баталіоны у себя на флангѣ, совершенно растерялись и немедленно, безпорядочно начали отступать по всей своей линіи. Оба баталіона ставропольцевъ и 3-й баталіонъ крымцевъ дружно преслѣдовали ихъ на всѣхъ пунктахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ перешла въ наступленіе и колонна полковника Борделіуса, гдѣ находился 4-й баталіонъ Крымскаго полка, а вслѣдъ за нею также и центръ боеваго порядка:

КРОКИ

Боя Эриванск. отряд. на Драмъ-дагъ 4 іюня 1877 года

Русскія Войска
Турецк. Войска
Русскія Войска
Турец. Войска

артилерія, саперная рота и 3-я и 4-я роты Крымскаго полка. Такимъ образомъ, вся наша боевая линія почти одновременно и дружно двинулась впередъ и весьма скоро овладѣла непріятельскою позиціею на всемъ ея протяженіи.

Къ началу атаки баталіоновъ Ставропольскаго полка, турецкая артилерія принуждена была замолчать, вслѣдствіе отличнаго дѣйствія нашихъ батарей, и даже вовсе оставить свои позиціи; она отступила далеко за свои резервы. Вѣроятно, предвидя заранѣе невозможность устоять противъ нашей атаки, турки заблаговременно приготовились къ отступленію. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что, по занятіи нами турецкой позиціи, на ней не оказалось ни обоза, ни лагеря: они были увезены заранѣе по дорогѣ къ Дали-Баба. Вслѣдствіе такой предусмотрительности, турецкія войска отступили за своими тяжестями такъ быстро, что наша утомленная пѣхота не могла гнать ихъ по пятамъ; кавалерія же почему-то опоздала, и когда доскакала до турецкаго аррієргарда, то онъ успѣлъ уже нѣсколько устроиться и даже встрѣтилъ ее огнемъ.

Принимая въ расчетъ трудность подступовъ къ позиціи непріятеля, значительный перевѣсъ его силъ и семи-часовой огонь турецкой артилеріи и пѣхоты, можно сказать, что побѣда намъ обошлась сравнительно не дорого: мы лишились 150 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ и трехъ офицеровъ. У крымцевъ былъ тяжело раненъ командиръ 4-го баталіона маіоръ Свіонтницкій (впослѣдствіи умершій отъ раны) и выбыло изъ строя убитыми 8 и ранеными 53 нижнихъ чина [2]). Большая часть раненыхъ и убитыхъ оказалась въ 4-мъ баталіонѣ полка, находившемся въ колоннѣ полковника Борделіуса. Въ бою 4-го іюня турки лишились убитымъ своего начальника отряда Мехмедъ-паши и оставили въ нашихъ рукахъ 86 тѣлъ, 15 раненыхъ и трехъ плѣнныхъ. По показанію сихъ послѣднихъ, они понесли большія потери преимущественно отъ дѣйствія нашей артилеріи, едва успѣвая, при помощи жителей окрестныхъ селеній, убирать тѣла и относить назадъ раненыхъ.

[2]) Приказъ по полку 6-го іюня № 158.

Къ пяти часамъ пополудни эриванскій отрядъ расположился бивакомъ близъ турецкой позиціи. Немедленно офицеры и нѣкоторые нижніе чины отправились осмотрѣть непріятельскіе окопы. Къ немалому удивленію всѣхъ, оказалось, что турки выпустили громадное число патроновъ: всѣ траншеи по крайней мѣрѣ на четверть аршина были завалены металлическими гильзами; артилерійскіе окопы оказались сильно поврежденными нашими гранатами, причемъ весьма многіе снаряды пропали совершенно даромъ, вслѣдствіе небольшаго недолета и отклоненія вправо отъ батареи.

Изъ приведеннаго описанія боя 4-го іюня видно, что весь успѣхъ его зависѣлъ отъ совокупнаго дѣйствія нашихъ батарей, которыя въ теченіе семи часовъ громили турокъ и заставили ихъ рѣшиться на отступленіе. Пѣхота же наша дѣйствовала не особенно энергично, и только тогда, когда артилерія подготовила успѣхъ атаки болѣе чѣмъ было необходимо, она совершенно легко заняла траншеи, такъ какъ турки держались въ нихъ только до перваго серьезнаго натиска; поэтому, относить главный успѣхъ боя къ дѣйствію пѣхоты было бы несправедливо.

Для уборки раненыхъ въ дѣлѣ 4-го іюня находилось при каждой ротѣ двое носилокъ съ ротными санитарами; кромѣ того, принимали также участіе въ уборкѣ люди изъ роты носильщиковъ подвижнаго дивизіоннаго лазарета 19-й пѣхотной дивизіи. Но, къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что рота эта заслужила общее порицаніе за свою распущенность, не говоря уже о томъ, что неаккуратно и медленно доставляла раненыхъ къ перевязочному пункту. На перевязочномъ же пунктѣ работа вообще шла успѣшно и, по отзыву врачей, сестры милосердія весьма много содѣйствовали имъ [3]).

---

[3]) О драмъ-дагскомъ боѣ въ турецкихъ источникахъ упоминается лишь вскользь, какъ о незначительномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности же бой 4-го іюня далеко не похожъ на турецкое описаніе. Турки говорятъ слѣдующее: „16-е іюня ознаменовалось дѣломъ у Зейдекяна (Драмъ-дагъ), которое вызвано было тѣмъ, что Мехмедъ-паша, получивъ приказаніе противупоставить русскимъ болѣе серьезное сопротивленіе, вознамѣрился снова занять позицію, оставленную имъ за день передъ тѣмъ. Намѣреніе это не удалось, благодаря усиленному огню

На другой день, 5-го іюня, 3-я и 4-я роты полка, подъ командою штабсъ-капитана Протасова, были отправлены назадъ къ вагенбургу, остававшемуся близъ сел. Курдалю, для конвоированія отдѣленія артиллерійскаго полупарка, съ которымъ къ вечеру возвратились обратно въ лагерь. Въ ихъ отсутствіе произошло погребеніе убитыхъ нижнихъ чиновъ. Отрядъ былъ выстроенъ въ колоннахъ вокругъ общей могилы и, послѣ панихиды, почтилъ павшихъ героевъ прощальнымъ салютомъ изъ всѣхъ орудій. 6-го іюня отрядъ оставался на позиціи и отправилъ всѣхъ раненыхъ въ с. Зейдеканъ, въ военно-временный № 16 госпиталь; конвоировалъ этотъ скорбный транспортъ 1-й баталіонъ Крымскаго полка, причемъ тяжело раненыхъ несли всю дорогу на носилкахъ. 7-го іюня этотъ баталіонъ вернулся обратно къ Драмъ-дагу.

Однако, позиція, занятая отрядомъ, оказалась весьма неудобною въ санитарномъ отношеніи, какъ по случаю массы нечистотъ, оставленныхъ турецкими войсками, находившимися здѣсь долгое время, такъ и вслѣдствіе свѣжихъ могилъ, усѣявшихъ ее послѣ драмъ-дагскаго боя. Въ виду этого начальникъ отряда перевелъ войска 8-го іюня на р. Абизгяръ. Новое мѣсто хотя и представляло большія удобства въ санитарномъ отношеніи, но за то вовсе не имѣло тактическихъ выгодъ: впереди бивака не было сколько нибудь удобной оборонительной позиціи на случай боя, и подобная оплошность легко могла имѣть гибельныя послѣдствія.

Главнокомандующій анатолійскою арміею Мухтаръ-паша, зная малочисленность эриванскаго отряда, его неудобное расположеніе и возникшія затрудненія въ тылу, вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ намъ курдовъ, рѣшился предпринять съ 22 баталіонами наступленіе изъ долины Дали-Баба черезъ Кара-Дербентъ, съ цѣлью обойти эриванскій отрядъ со стороны селенія Даяръ и отрѣзать ему путь отступленія съ Драмъ-дага въ алашкертскую долину. Но это намѣреніе турецкаго главнокомандующаго было намъ въ то время не-

---

превосходной численъ русской артиллеріи. Вслѣдствіе этого турки, начальникъ которыхъ погибъ при этомъ геройскою смертью, отступили и, не смотря на то, что уронъ ихъ былъ незначителенъ (всего 129 челов.), и что русскіе ихъ не преслѣдовали, очистили всю страну, лежащую на востокъ отъ дефиле Дали-Бабы."

извѣстно, и всѣ въ лагерѣ оставались въ полной увѣренности, что турки послѣ боя 4-го іюня не посмѣютъ атаковать отрядъ. Вотъ почему наша кавалерія не была посылаема для развѣдыванія о томъ, куда отступилъ, и что дѣлалъ непріятель послѣ неудачнаго для него сраженія. Кромѣ того, въ распоряженіи отряднаго штаба не было хорошихъ лазутчиковъ, которые могли бы сообщить хоть какія нибудь свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ противника.

По турецкимъ источникамъ, въ это время около Дали-Баба были сосредоточены 25 баталіоновъ, 18 орудій и 21 эскадронъ, всего 12500 человѣкъ и 2000 лошадей [4]). Еслибы наша кавалерія заблаговременно открыла эти силы, то нѣтъ сомнѣнія, что намъ не пришлось бы принять бой 9-го іюня на совершенно невыгодной мѣстности при селеніи Даяръ, и онъ не вышелъ бы для насъ случайнымъ и неожиданнымъ; кромѣ того, войска эриванскаго отряда не были бы поставлены въ отчаянное положеніе, изъ котораго они хотя и вышли съ честью, но за то подверглись крайне тяжелымъ испытаніямъ.

Рано утромъ 9-го іюня съ бивака, по вечернему приказу, выступили двѣ колонны: одна фуражирная, подъ прикрытіемъ 3-го баталіона Крымскаго полка, по дорогѣ къ Кара-Дербенту, а другая кавалерійская. Послѣдняя, при участіи въ ней 4-го баталіона Ставропольскаго полка, была назначена для рекогносцировки мѣстности отъ селенія Даяръ по направленію къ Кара-Дербенту. Остальныя войска отдыхали.

Не успѣли обѣ колонны отойти и четырехъ верстъ, какъ замѣтили значительную непріятельскую кавалерію, вслѣдъ за которою показались и таборы пѣхоты, дебушировавшіе изъ кара-дербентскаго ущелья и наступавшіе по дорогамъ на нашъ бивакъ. Не остава-

---

[4]) Войска эти были слѣдующія: 3-я бригада (6 баталіоновъ), 4-я бригада (7 баталіоновъ, включая сюда четыре, прибывшіе изъ Керникея), 5-я бригада (6 баталіоновъ), 6-я бригада (6 баталіоновъ), 1-я полевая батарея (6 орудій), 1-я горная батарея (6 орудій) и еще 6 орудій, 1-я кавалерійская бригада (5-ть эскадроновъ, 460 коней), 2-я кавалерійская бригада (6-ть эскадроновъ), 3-я кавалерійская бригада (10-ть эскадроновъ). „Военный Сборникъ“ 1879 года, № 11.

лось сомнѣнія въ томъ, что турки намѣрены неожиданно атаковать отрядъ. Объ этомъ немедленно дали знать изъ передовыхъ нашихъ колоннъ въ отрядный штабъ, и затѣмъ донесенія въ этомъ родѣ слѣдовали одно за другимъ. Наконецъ, около восьми часовъ утра даже съ бивака можно было разсмотрѣть турецкія войска, появившіяся на вершинахъ возвышенностей, видиѣвшихся со стороны Кара-Дербента. Между тѣмъ, обѣ наши колонны, въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, постепенно отступали къ биваку. Наступилъ критическій моментъ, когда медлить долѣе было невозможно, такъ какъ намѣреніе непріятеля оказалось слишкомъ очевиднымъ—и безотлагательно были приняты мѣры для встрѣчи его. Всѣ войска стали въ ружье, но никто не зналъ, куда ихъ направить, такъ какъ мѣстность впереди не была намъ знакома; къ счастью, находившіяся впереди двѣ колонны, уже нѣсколько ознакомившіяся съ нею, могли болѣе или менѣе удобно избрать для себя оборонительныя позиціи, которыми затѣмъ уже опредѣлялось общее направленіе нашего боеваго порядка.

Мѣстность впереди нашего бивака представляла цѣлую систему возвышенностей полукруглой формы, съ болѣе или менѣе удобными спусками и подъемами для движенія пѣхоты, кавалеріи и даже артилеріи; большая часть этихъ возвышенностей имѣла направленіе параллельное нашему биваку, противъ котораго была мѣстность довольно открытая. Правѣе бивака, къ селенію Даяръ, возвышенности были значительнѣе и закрывали собою отъ взора дальнѣйшее пространство; небольшіе холмы противъ бивака переходили у селенія Эшакъ-Эльясъ въ открытую равнину, прилегающую къ большому снѣговому хребту Халіасъ-дагъ, высотою въ 7770 футъ, идущему перепендикулярно къ биваку. Поэтому, обходъ нашего лѣваго фланга не представлялъ выгодъ непріятелю, тогда какъ на правомъ флангѣ, около селенія Даяръ, возвышенности имѣли видъ довольно значительныхъ отроговъ и образовывали дефиле, чрезвычайно удобныя для скрытыхъ обходовъ. Къ тому же, мимо селенія Даяръ пролегала горная дорога, съ занятіемъ которой непріятель легко могъ отрѣзать намъ путь отступленія. Отъ мѣста расположенія бивака на западъ, къ Кара-Дербенту,

шли три дороги: правая мимо селенія Даяръ, средняя, транзитная—через нашъ бивакъ, и лѣвая—черезъ бивакъ къ селенію Эшакъ-Эльясъ; центръ позиціи находился правѣе транзитной дороги и, при открытомъ мѣстоположеніи, не представлялъ непріятелю выгодъ для атаки съ фронта. Вся описанная позиція отъ возвышенностей впереди и правѣе селенія Даяръ (гдѣ турки начали обходъ) и до лѣвыхъ отроговъ хребта Халіасъ-дагъ имѣла протяженіе около пяти верстъ; мѣстность была безлѣсная и во многихъ низменныхъ мѣстахъ имѣла топкія трясины.

Для обороны этой огромной позиціи въ день 9-го іюня мы имѣли 6 баталіоновъ Крымскаго и Ставропольскаго полковъ, 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и роту саперъ, а всего 7 баталіоновъ и одну роту или 29 ротъ. Но въ дѣйствительности, изъ этого числа 10-я рота Крымскаго полка оставалась въ Игдырѣ, а одна рота Ставропольскаго полка на р. Араксѣ, для охраненія моста; слѣдовательно, два баталіона были трехротнаго состава. Кромѣ того, 1-я рота Крымскаго полка въ этотъ день вся находилась въ караулѣ по отряду, а 3-я рота съ утра вышла для прикрытія пастьбы отрядныхъ лошадей. За исключеніемъ этихъ четырехъ ротъ, въ отрядѣ было въ наличности всего 25 ротъ. Чтобы занять пять верстъ одною цѣпью, полагая на пару стрѣлковъ четыре шага, потребовалось бы 3750 человѣкъ, а у насъ состояло въ баталіонѣ среднимъ числомъ не болѣе 550 человѣкъ; слѣдовательно, могло участвовать въ бою только 3300 человѣкъ пѣхоты, и притомъ въ резервѣ могли оставаться только одни знаменные взводы каждаго изъ семи баталіоновъ.

Бой начался въ рекогносцировочной колоннѣ полковника Медвѣдовскаго, которая съ трудомъ держалась противъ турокъ, наступавшихъ отъ Даяра въ обходъ нашего праваго фланга. Видя передъ собою подавляющія массы, Медвѣдовскій прислалъ просить подкрѣпленія. Между тѣмъ, 3 баталіонъ Крымскаго полка, посланный съ фуражирами, отступилъ на возвышенности по правую сторону транзитной дороги и занялъ оборонительную позицію ближе къ дорогѣ, идущей отъ сел. Даяръ къ Кара-Дербенту, чтобы этимъ оказать поддержку 4-му баталіону Ставропольскаго полка, находивше-

муся въ колоннѣ полковника Медвѣдовскаго; баталіонъ этотъ занялъ позицію у этой же дороги и уже велъ съ наступавшимъ непріятелемъ сильную перестрѣлку. Къ тому же, командиръ 3-го Крымскаго баталіона маіоръ Гуровъ, сознавая опасность отъ обхода турками нашего фланга со стороны сел. Даяръ, при отступленіи съ фуражировки прямо держалъ направленіе не на бивакъ, а больше въ ту сторону, куда слѣдовали превосходныя непріятельскія силы, т. е. къ селенію Даяръ. Такимъ образомъ организовался первый отпоръ непріятелю.

Какъ только выразилось намѣреніе противника обойти насъ со стороны сел. Даяръ—изъ лагеря были высланы: 1-й баталіонъ Ставропольскаго полка—на усиленіе 3-го баталіона Крымскаго и 4-го баталіона Ставропольскаго полковъ, образовавшихъ правое крыло нашего боеваго порядка; 5-я батарея 19-й артиллерійской бригады, съ 3-мъ баталіономъ Ставропольскаго полка—для занятія центра, правѣе транзитной дороги, и двѣ роты 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона—въ промежутокъ между 3-мъ баталіономъ Ставропольскаго и 3-мъ баталіономъ Крымскаго полковъ; 4-й же баталіонъ крымцевъ и двѣ роты стрѣлковаго баталіона были назначены на лѣвый флангъ боеваго порядка.

Въ началѣ, какъ сказано, бой завязался въ рекогносцировочной колоннѣ полковника Медвѣдовскаго. 4-й баталіонъ Ставропольскаго полка, занявъ позицію на покатости горы, по правую сторону даярскаго ущелья, едва сдерживалъ натискъ спѣшившейся турецкой кавалеріи и черкесовъ, вооруженныхъ магазинными ружьями. Около девяти часовъ утра къ турецкой кавалеріи начали подходить таборы пѣхоты; но на нашъ правый флангъ также успѣлъ прибыть 1-й баталіонъ Ставропольскаго полка, который развернулся правѣе 3-го баталіона крымцевъ. Къ этому времени бой на правомъ флангѣ принялъ весьма серьезные размѣры, и нашимъ войскамъ приходилось бороться съ непріятелемъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшимъ. По турецкимъ источникамъ, въ лѣвую колонну, отъ деревни Эшакъ-Эльясъ, поступили въ 10 часовъ утра: черкесская бригада Гоци-Мехмеда (10 эскадроновъ), бригада Хаки-бея (7 баталіоновъ пѣхоты) и кромѣ того еще одинъ баталіонъ изъ бригады Шахима.

Къ 11-ти часамъ утра турки сосредоточили свои силы передъ нашимъ правымъ флангомъ и начали сильно тѣснить 4-й баталіонъ Ставропольскаго полка, находившійся на самой оконечности этого фланга. Въ то же время непріятельская кавалерія, объѣхавъ гору, небольшою частью успѣла занять сел. Даяръ, находившееся позади и нѣсколько правѣе нашего боеваго порядка; но бывшій вблизи Сунженскій казачій полкъ вскорѣ выбилъ ее изъ селенія и остался въ немъ. Къ этому времени турецкая пѣхота, занявъ ближайшую горную вершину отрога Топъ-дагъ, командовавшую надъ всею впереди лежащею мѣстностью, стала осыпать сверху градомъ пуль весь нашъ правый флангъ. Уронъ въ людяхъ началъ сильно возрастать; прикрываться мѣстностью стало уже невозможно, такъ какъ пули достигали самыхъ закрытыхъ мѣстъ. Тутъ былъ раненъ командиръ 4-го баталіона Ставропольскаго полка маіоръ Карпинскій и почти всѣ командиры ротъ. Турки все прибывали и усиливали огонь, очевидно готовясь перейти въ атаку, сбить обезсиленный баталіонъ и занять сел. Даяръ, откуда уже можно было дѣйствовать намъ во флангъ и въ тылъ. Для этого они начали притягивать свои резервы, и ихъ стрѣлки вели уже перестрѣлку съ 4-мъ баталіономъ Ставропольскаго полка на разстояніи всего 200 шаговъ. 1-й баталіонъ Ставропольскаго и 3-й Крымскаго полковъ, находясь лѣвѣе даярской дороги, также едва сдерживали наступленіе непріятеля и никакимъ образомъ не могли подать помощи 4-му баталіону Ставропольскаго полка. Наступилъ моментъ поистинѣ критическій: этотъ баталіонъ не могъ долѣе держаться безъ поддержки на занятой имъ съ утра позиціи; съ минуты на минуту надо было ожидать, что турки разомъ перейдутъ въ наступленіе и окончательно сомнутъ его остатки. Къ счастью, съ бивака подоспѣлъ единственный нашъ резервъ, состоявшій изъ 2-й и 4-й ротъ Крымскаго полка, съ 6-ю орудіями 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады и съ саперною ротою, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бропевскаго; его послалъ около 10-ти часовъ утра генералъ Тергукасовъ, который получилъ нѣсколько донесеній о безнадежномъ положеніи дѣлъ на правомъ флангѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ генералу Бропевскому и

начальствованіе всѣми войсками этого фланга. Какъ только резервъ вошелъ въ сферу огня, 4-я батарея развернулась на небольшой полянѣ около Даяра и открыла учащенный огонь по массамъ турецкой пѣхоты, тѣснившей 4-й баталіонъ Ставропольскаго полка; саперная рота осталась въ прикрытіи батареи, а 2-я и 4-я роты Крымскаго полка быстро были направлены къ 4-му баталіону ставропольцевъ. Роты эти, перебѣжавъ ущелье подъ градомъ пуль, направились по скату горы—2-я рота правѣе Ставропольскаго баталіона, а 4-я лѣвѣе, къ даярской дорогѣ. Съ прибытіемъ свѣжихъ двухъ ротъ и шести орудій, турки нѣсколько подались назадъ и уже не такъ назойливо насѣдали на правый флангъ. Очевидно, они желали ввести въ дѣло свою артилерію, которая пока бездѣйствовала. Вскорѣ на позицію подошли еще три взвода 3-й роты Крымскаго полка, бывшіе до того въ прикрытіи пастьбы отрядныхъ лошадей, и въ резервѣ не осталось болѣе ни одной части.

Здѣсь, кстати, нельзя не упомянуть о фактѣ, который доказываетъ высокое нравственное качество нашего солдата: когда въ лагерѣ, вѣроятно отъ раненыхъ, узнали, что наше дѣло очень плохо, то часть людей 1-й роты Крымскаго полка, оставшихся свободными отъ караула по отряду, тотчасъ же, по собственному побужденію, поспѣшно выступила вмѣстѣ съ командою изъ нѣсколькихъ человѣкъ хоровыхъ музыкантовъ, прибыла на правый флангъ въ подкрѣпленіе товарищамъ и оставалась въ цѣпи до самаго окончанія боя. Хотя, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, правый флангъ и усилился чѣмъ было возможно, но все же представлялъ изъ себя одну довольно рѣдкую цѣпь, безъ всякихъ поддержекъ [5]).

---

[5]) Объ этомъ періодѣ боя турки въ своемъ описаніи говорятъ слѣдующее: „*въ 4½ часа пополудни* (по турецкому времени) *на подкрѣпленіе праваго фланга прибыли три русскихъ баталіона въ 800 человѣкъ каждый.*“ Это были 2-я, 3-я и 4-я роты Крымскаго полка. Сообразно этой правдоподобности у турокъ показана и численность эриванскаго отряда. По ихъ источникамъ, у насъ было 10 баталіоновъ и 32 орудія, тогда какъ въ дѣйствительности, кромѣ пѣхоты, составъ которой приведенъ выше, у насъ было 30 орудій. На нашемъ правомъ флангѣ они показываютъ батарею въ 12 орудій; на самомъ же дѣлѣ на правомъ флангѣ находилось 6 орудій 4-й батареи 19-й артилерійской бригады,

Около двухъ часовъ пополудни—что совпадаетъ съ прибытіемъ трехъ турецкихъ баталіоновъ изъ Гайдаркіоя *), турки встащили батарею на одну изъ возвышенностей противъ расположенія 3-го баталіона Крымскаго полка, живо окопали ее и вступили въ состязаніе съ нашею батареею, стоявшею на позиціи близъ сел. Даяръ. Въ то же время они повидимому рѣшились во что бы ни стало прорвать нашъ слабый боевой порядокъ праваго фланга и вмѣстѣ съ тѣмъ, для отвлеченія нашихъ силъ, произвели демонстрацію на лѣвый флангъ, гдѣ, какъ выше уже сказано, находился 4-й баталіонъ Крымскаго полка, двѣ роты стрѣлковаго баталіона, 8 конныхъ орудій и 6 орудій 1-й батареи 19-й бригады, полкъ драгунъ и казаки. Съ открытіемъ огня турецкою батареею, бой разгорѣлся донельзя. Наша цѣпь, подъ покровительствомъ мѣткихъ выстрѣловъ своей батареи, даже пробовала перейти въ наступленіе, чтобы оттѣснить непріятельскихъ стрѣлковъ и занять лучшую командующую позицію; но это не удалось: турки встрѣтили ее такимъ адскимъ огнемъ, что она принуждена была остановиться и отказаться отъ своей геройской рѣшимости. Одновременно съ движеніемъ впередъ этой цѣпи, въ даярскомъ ущельи показалось нѣсколько сотенъ казаковъ, вознамѣрившихся атаковать непріятеля, но и эта попытка, совершенно несвоевременная, не принесла ровно никакой пользы. Какъ только казаки выскочили впередъ, турецкіе стрѣлки встрѣтили ихъ такимъ огнемъ, что они, понеся моментально чувствительный урокъ, повернули назадъ, не достигнувъ даже до линіи нашей пѣхотной цѣпи. Затѣмъ снова закипѣлъ ожесточенный бой между пѣхотою обѣихъ сторонъ. Вскорѣ непріятельская артилерія, вслѣдствіе превосходнаго дѣйствія нашей батареи, принуждена была замолчать и отъѣхать назадъ. Въ то же время 2-я рота Крымскаго полка, охвативъ турокъ съ фланга, окончательно выбила ихъ стрѣлковъ изъ за крайней возвышенности, бывшей правѣе даярской до-

---

а всей пѣхоты къ 12 часамъ дня собралось на нашемъ правомъ флангѣ 17-ть ротъ: 2, 3, 4, 9, 11 и 12 роты Крымскаго полка, 8 ротъ Ставропольскаго полка (1-й и 4-й баталіоны), 2 роты 3-го стрѣлковаго баталіона и рота саперъ 2-го кавказскаго баталіона.

*) „Военный Сборникъ" 1879 г. № 11, стр. 32.

роги, и они, съ частью кавалеріи, направились подъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ къ центру позиціи нашего праваго фланга. Это произошло около четырехъ часовъ пополудни. Генералъ Броневскій, видя передъ собою сосредоточеніе турецкихъ войскъ и совершенное удаленіе ихъ отъ оконечности нашего праваго фланга, приказалъ вывести 4-ю роту крымцевъ изъ боевой линіи и черезъ даярскую дорогу направить на усиленіе 3-го баталіона Крымскаго и 1-го баталіона Ставропольскаго полковъ, противъ которыхъ массировались турецкія войска, видимо, для нанесенія рѣшительнаго удара. Дѣйствительно, непріятель, стянувъ у горы Топъ-дагъ значительныя силы, не замедлилъ бросить въ атаку нѣсколько баталіоновъ, сопровождаемыхъ густыми цѣпями стрѣлковъ. Они появились на возвышенности въ полномъ порядкѣ, съ знаменами, но наша цѣпь, находившаяся всего въ какихъ нибудь 400 шагахъ, встрѣтила ихъ учащеннымъ мѣткимъ огнемъ, а гранаты нашихъ батарей въ то же время ложились какъ-разъ въ серединѣ турецкой колонны. Не выдержавъ такого огня, атакующіе немедленно отступили и скрылись за возвышенностью, усѣявъ ее массою убитыхъ и раненыхъ. Этотъ успѣхъ сильно воодушевилъ войска, которыя, не обращая вниманія на превосходство силъ противника, неудержимо рвались впередъ, чтобы овладѣть командующею вершиною горы Топъ-дагъ, откуда турецкая цѣпь наносила намъ наибольшій вредъ.

Между тѣмъ непріятель настойчиво продолжалъ возобновлять атаки. Устроившись за вершиною горы, турецкіе таборы вновь показались на возвышенности, но, будучи встрѣчены мѣткимъ огнемъ нашей пѣхоты и артиллеріи, тотчасъ скрылись за горою. Этотъ маневръ они повторяли три раза, и каждый разъ должны были отказываться отъ дальнѣйшаго наступленія въ виду громадныхъ жертвъ, которыми сопровождались ихъ безуспѣшныя попытки. Наконецъ, къ восьми часамъ вечера они окончательно отказались отъ намѣренія сбить нашъ правый флангъ и начали отступать. Тогда только наша цѣпь двинулась впередъ, вытѣснила турецкихъ стрѣлковъ [7]) и заняла высоты Топъ-дага, откуда мѣткимъ огнемъ поражала

[7]) Здѣсь въ особенности отличился рядовой 3-й роты Крымскаго полка

непріятеля, отступавшаго въ густыхъ колоннахъ къ селенію Эшакъ-Эльясъ. Вскорѣ начало смеркаться, и бой на правомъ флангѣ совершенно стихъ.

Турки оставили на мѣстѣ битвы массу убитыхъ и раненыхъ, много оружія, значковъ, сигнальныхъ трубъ и до 30 патронныхъ ящиковъ съ металлическими патронами. Наступившая темнота помѣшала болѣе точно опредѣлить все остальное, что было ими брошено сверхъ того. По турецкимъ источникамъ, непріятель ожидалъ изъ Дали-Баба прибытія резерва въ количествѣ четырехъ баталіоновъ, съ присоединеніемъ которыхъ начальникъ турецкаго лѣваго фланга Муса-паша долженъ былъ перейти въ рѣшительное наступленіе. Но паша не дождался этихъ баталіоновъ и въ 4¼ часа двинулся въ атаку съ своими наличными силами. Этотъ неудавшійся подвигъ турокъ описанъ у нихъ слѣдующимъ образомъ: „изъ 9-ти имѣвшихся баталіоновъ, 7½ направлены были на штурмъ противулежащихъ высотъ—6 баталіоновъ противъ сѣверо-западнаго фронта непріятельскихъ окоповъ, а 1½ баталіона противъ юго-западныхъ. Передъ тѣмъ четыре турецкія горныя пушки въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обстрѣливали противулежащіе ложементы русской пѣхоты безъ особеннаго успѣха,—тѣмъ не менѣе, штурмъ удался почти съ перваго же натиска, благодаря храбрости баталіонныхъ начальниковъ редифа Кара-Хасаръ и Арабъ-Кюрда. Весь сѣверо-западный фронтъ русскихъ окоповъ былъ взятъ; находившійся на крайнемъ лѣвомъ крылѣ баталіонъ (редифа изъ Секаса) обошелъ этотъ фронтъ и бросился на находившуюся позади русскую батарею, которая вынуждена была удалиться; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ обстрѣливать сѣверо-западные окопы съ праваго фланга, а юго-западные съ тыла. Обороняющіеся оставили всѣ эти позиціи и въ перемежку съ атакующими бросились къ южному участку обороняемыхъ высотъ, гдѣ, впрочемъ, также не могли долго удержаться, не смотря на то, что заняли заблаговременно приготовленные стрѣлковые ровики. Въ то самое время, когда спускавшіеся съ

Иванъ Асташкинъ, который, слѣдуя впереди всѣхъ остальныхъ товарищей, ворвался въ ряды турокъ и заколол штыкомъ значконосца.

южныхъ скатовъ занятыхъ высотъ редифы стали уже серьезно угрожать деревнѣ Тархикой (т. е. Даяръ)—двинуты были въ дѣло доселѣ еще нетронутые русскіе резервы въ числѣ трехъ баталіоновъ [8]). Принявъ на себя опрокинутыя части [9]), они энергически ударили на безпорядочно наступавшихъ турокъ, отбросили ихъ на высоты праваго крыла и снова овладѣли частью сѣверо-западныхъ окоповъ, которые, впрочемъ, черезъ короткое время опять были взяты турками". Далѣе говорится, что 10-ть турецкихъ баталіоновъ будто бы вновь ходили въ атаку, еще разъ сбили русскихъ, заняли окопы и потомъ снова отступили. Словомъ, турки во всемъ своемъ описаніи боя 9-го іюня безцеремонно исказили истину. Они упоминаютъ, напримѣръ, о возведенныхъ окопахъ, тогда какъ на всемъ протяженіи боевой линіи не было ни одного стрѣлковаго ровика,—да, естественно, и быть не могло, потому что, вступивъ на позицію, мы не имѣли ни времени, ни возможности, ни свободныхъ рукъ для устройства его; мало всего этого: они сѣтуютъ, въ заключеніе, на свою малочисленность, а нашему отряду приписываютъ непомѣрныя силы и т. д.

Бой на нашемъ правомъ флангѣ начался въ 8 часовъ утра, а окончился около 9 часовъ вечера. Наши войска, двинувшись съ бивака для встрѣчи непріятеля, не только не позволили оттѣснить себя или обойти, но даже къ вечеру заняли турецкую позицію и такимъ образомъ предотвратили весьма серьезныя послѣдствія, которыя бы произошли, еслибы непріятель овладѣлъ правофланговыми высотами и дорогою, идущею въ тылъ нашего расположенія.

Обращаясь къ дѣйствіямъ нашего центра, гдѣ находилась 5-я батарея 19-й бригады съ 3-мъ баталіономъ Ставропольскаго полка, видимъ, что батарея выбрала позицію весьма удачно и превосходно обстрѣливала все пространство какъ впереди, такъ и по сторонамъ, вслѣдствіе чего турки ничего здѣсь не предпринимали; даже цѣпь, прикрывавшая расположеніе батареи, не имѣла съ ними перестрѣлки. Все время дѣйствовала только одна 5-я батарея,

---

[8]) 2-я, 3-я и 4-я роты 73-го п. Крымскаго полка.

[9]) 4-й баталіонъ 74 Ставропольскаго полка.

направлявшая свои выстрѣлы по непріятельскимъ колоннамъ, переходившимъ по дорогѣ отъ Эшакъ-Эльяса, изъ резерва въ боевую линію.

На лѣвомъ флангѣ дѣйствовалъ 4-й баталіонъ Крымскаго полка, двѣ роты стрѣлковаго баталіона, 1-я конная батарея кубанскаго казачьяго войска, 6 орудій 1-й батареи 19-й бригады, полкъ драгунъ и нѣсколько сотенъ казаковъ. Нападеніе на лѣвый флангъ турки произвели гораздо позже, чѣмъ на правый. Они совершенно вѣрно расчитали сперва отбросить нашъ правый флангъ, потомъ обойти весь боевой порядокъ по дорогѣ, идущей отъ сел. Даяръ на драмъ-дагскую позицію къ нашему тылу, и затѣмъ отрѣзать путь отступленія всему отряду въ алашкертскую долину. Но когда они убѣдились, что одержать успѣхъ на нашемъ правомъ флангѣ не такъ легко, тогда только рѣшились открыть дѣйствія своимъ правымъ флангомъ противъ нашего лѣваго.

Около 12 часовъ показалась турецкая пѣхота по дорогѣ изъ сел. Эшакъ-Эльясъ, а въ два часа пополудни непріятельская густая цѣпь приблизилась къ нашему боевому порядку на разстояніе дальняго ружейнаго выстрѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ выѣхали на позицію турецкія батареи и открыли огонь по нашимъ двумъ батареямъ, стоявшимъ на мѣстѣ бивачнаго расположенія отряда. 4-й баталіонъ Крымскаго полка и двѣ роты стрѣлковаго баталіона, занявъ холмы небольшой возвышенности, завязали съ турецкими стрѣлками живую перестрѣлку. Между тѣмъ, непріятель все прибывалъ и усиливался. Сначала онъ просто демонстрировалъ противъ нашего праваго фланга, въ надеждѣ отвлечь резервы, которыхъ у насъ не было, къ лѣвому нашему флангу; но когда убѣдился, что правый флангъ стоитъ крѣпко, тогда перемѣнилъ намѣреніе и попытался опрокинуть нашъ лѣвый флангъ, для чего и началъ сосредоточивать силы къ своему правому флангу. Бой длился въ продолженіе трехъ часовъ безъ всякаго результата для турокъ, такъ какъ нашъ лѣвый флангъ и не думалъ подаваться назадъ, не смотря на то, что противъ него наступалъ непріятель въ превосходныхъ силахъ. Видя такую упорную оборону, турки рѣшились прорвать его, для чего бросили въ атаку на нашу цѣпь свою

КРОКИ

Боя у. с. Даяръ Эриванскаго отряда 9 iюня 1877 года

250 500 750 1000

кавалерію; вмѣстѣ съ тѣмъ турецкая цѣпь и резервы перешли въ общее наступленіе, расчитывая занять ближайшія высоты къ нашему бивану. Турецкіе драгуны [10]) и черкесы, подскакавъ на 300 шаговъ, были встрѣчены залпами сомкнутыхъ частей, пальбою артиллеріи и мѣткимъ одиночнымъ огнемъ цѣпи. Цѣпь Крымскаго полка этимъ мужественнымъ отпоромъ много обязана распорядительности 15-й роты фельдфебеля Кирилы Колпакова и старшаго унтеръ-офицера Корнея Винды, а также 16-й роты старшаго унтеръ-офицера Емельяна Кулева и ефрейтора Амвросія Девяткина, которые, находясь на оконечности нашего боеваго расположенія, приняли подъ свое начальство цѣлый рядъ сосѣднихъ звѣньевъ и геройски отстояли свою позицію, въ сущности весьма неудобную. Какъ нарочно, въ этотъ самый критическій моментъ въ ротахъ 4-го баталіона Крымскаго полка и 3-го стрѣлковаго баталіона вышли всѣ патроны, которыхъ не успѣли своевременно доставить въ цѣпь. Но на выручку явилась часть 16-й роты Крымскаго полка, бывшая до того въ резервѣ подъ командою штабсъ-капитана Лукина: она быстро приблизилась къ цѣпи и мѣткими залпами встрѣтила атакующую кавалерію, положивъ на мѣстѣ почти весь передній эскадронъ; остатки драгунъ и всѣ черкесы обратились въ безпорядочное бѣгство, усѣявъ трупами людей и лошадей равнину, по которой наступали. Между тѣмъ, въ цѣпь успѣли доставить патроны, и перестрѣлка вновь загорѣлась съ насѣдавшимъ непріятелемъ, который вскорѣ послѣ неудачной атаки кавалеріи началъ отступать. Затѣмъ, видя вообще безуспѣшность для себя боя на нашемъ лѣвомъ флангѣ противъ 6-ти ротъ пѣхоты, турки повсюду прекратили его и удалились.

Войска праваго фланга остались ночевать тамъ, гдѣ окончили бой, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій. Баталіоны собрались къ своимъ знаменамъ, выставили секреты и пикеты; солдаты, утомленные двѣнадцати-часовымъ сраженіемъ и остававшіеся весь день безъ пищи и питья, получили, наконецъ, разрѣшеніе отдохнуть. Не смотря на наступившій довольно значительный холодъ, они распо-

[10]) По турецкимъ источникамъ, иностранный легіонъ.

ложились на землѣ, прижались плотнѣе другъ къ другу и, съ винтовками въ рукахъ, вскорѣ заснули богатырскимъ сномъ. На пикетахъ же и секретахъ далеко за полночь раздавались одиночные выстрѣлы по непріятельскимъ всадникамъ, обозрѣвавшимъ наше расположеніе, и по туркамъ, подбиравшимъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Взошедшая луна освѣтила всю нагорную мѣстность; непріятельскіе разъѣзды поспѣшили скрыться—и водворилась полная тишина. Бодрствовали только офицеры, въ ожиданіи какого нибудь распоряженія. Наконецъ, не задолго до разсвѣта, получено было приказаніе, чтобы всѣ войска праваго фланга оставили позицію и возвратились на бивакъ.

Турки, въ числѣ 22 баталіоновъ пѣхоты, при 18 орудіяхъ, съ массою регулярной и иррегулярной кавалеріи, подъ личнымъ начальствомъ своего главнокомандующаго, хотѣли уничтожить малочисленный по составу, но сильный боевымъ духомъ эриванскій отрядъ. Введя въ дѣло силы, превышавшія вчетверо слишкомъ численность нашихъ войскъ, они заставили насъ растянуть нашу боевую линію на пять верстъ, израсходовать при началѣ дѣла послѣдніе резервы и выдержать, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, двѣнадцати-часовой бой. Отъ исхода этого боя зависѣла, можно сказать, участь кампаніи въ азіятской Турціи: въ случаѣ нашей неудачи, турки, взявъ осажденный въ то время Баязетъ, завладѣли бы Эриванскою губерніею, гдѣ все мусульманское населеніе готово было при первомъ удобномъ случаѣ возстать и присоединиться къ нимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ поставили бы корпусъ Измаилъ-паши въ тылу главныхъ силъ кавказскаго корпуса, дѣйствовавшаго подъ крѣпостью Карсомъ, откуда войска наши поневолѣ должны были бы отступить, чтобы воспрепятствовать непріятелю войти въ предѣлы Тифлисской губерніи. Ко всему этому надо прибавить еще возможность общаго возстанія кавказскихъ мусульманъ, которое потребовало бы большого напряженія силъ и средствъ, чтобы поправить первоначальную ошибку.

Уронъ нашъ въ дѣлѣ 9-го іюня простирался до 15-ти офицеровъ и 450 человѣкъ нижнихъ чиновъ выбывшими изъ строя. Въ десяти ротахъ Крымскаго полка, участвовавшихъ въ бою, убыли

ранеными: командиръ полка полковникъ Слюсаренко, командиръ 12-й роты штабсъ-капитанъ Юргенсъ (оба впослѣдствіи отъ ранъ умерли), прапорщики Колпиковъ и Сироткинъ и 94 нижнихъ чина; контужены: кап. Кульбицкій и прапорщикъ Кончаковскій; убито 16 н. чиновъ [11]).

Турки, по показанію лазутчиковъ и мѣстныхъ жителей, понесли потерю до 2500 человѣкъ [12]). Жители окрестныхъ деревень, вызванные турецкимъ главнокомандующимъ для уборки убитыхъ и раненыхъ, цѣлыми сотнями отвозили ихъ на арбахъ въ Дали-Баба въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

На мѣсто раненаго въ сраженіи 9-го іюня полковника Слюсаренко, въ завѣдываніе полкомъ вступилъ единственный оставшійся въ полку налицо штабъ-офицеръ—командиръ 3-го баталіона маіоръ Гуровъ [13]).

Черезъ три дня по эриванскому отряду послѣдовалъ приказъ г. л. Тергукасова слѣдующаго содержанія:

„Сподвижники мои, гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины эриванскаго отряда! Ввѣренный мнѣ отрядъ предназначался для содѣйствія главному корпусу, облегчая ему трудности въ преодолѣніи непріятеля, защищающаго главныя преграды турецкой Арменіи, искусственныя и природныя. Вы надѣялись дать бой тотчасъ же по оставленіи любезнаго отечества, но непріятель, не смотря на похвальбу оказать упорное сопротивленіе близъ границы, поспѣшно отступалъ, а Баязетъ сдался разъѣзду. Вы шли дальше, вездѣ встрѣчая возведенныя непріятелемъ укрѣпленія, которыя онъ однако покидалъ по однимъ слухамъ о вашемъ приближеніи. Наконецъ, онъ укрѣпился за высокими горами Драмъ-дага, надѣясь остановить васъ передъ недоступными позиціями, повсемѣстно укрѣпленными, и здѣсь поразить тѣмъ вѣрнѣе, что вы уже далеко ушли въ глубь Турціи. Ни недоступность горъ, ни сила укрѣпленій, ни стойкость почти втрое многочисленнаго против-

---

[11]) Приказъ по полку 11-го іюня № 162. Раны и контузіи офицерамъ внесены въ послужные списки въ іюнѣ мѣсяцѣ 1878 г., на основаніи приказа по военному вѣдомству 6-го февраля 1874 г. № 60.

[12]) Сами турки опредѣляютъ свой уронъ въ 2000 человѣкъ.

[13]) Приказъ по 1-й бригадѣ 19-й пѣхотной дивизіи 11-го іюня № 16.

ника не остановили васъ. Послѣ шестичасоваго боя (4-го іюня) турецкій корпусъ бѣжалъ передъ малочисленнымъ, но крѣпкимъ духомъ, эриванскимъ отрядомъ.

„Но этимъ славнымъ дѣломъ еще не закончились ваши обязанности: непріятель, зная какія послѣдствія будетъ имѣть ваша побѣда, смѣнилъ разбитый отрядъ свѣжимъ и еще болѣе сильнымъ корпусомъ, въ числѣ 22 баталіоновъ, съ многочисленной кавалеріей, подъ личнымъ предводительствомъ самого главнокомандующаго анатолійскою арміею Мухтара-паши, надѣясь раздавить васъ своею многочисленностью. Такъ наступилъ бой 9-го іюня. Непріятель, пользуясь тѣмъ, что былъ почти вчетверо сильнѣе васъ, хотѣлъ обойти оба фланга, и потому нужно было растянуть позицію слишкомъ на 5 верстъ и противупоставить его баталіонамъ наши роты. Я сдѣлалъ это, потому что былъ увѣренъ въ геройской стойкости моего отряда—и не ошибся: въ теченіе десятичасоваго упорнаго боя вы отбили всѣ приступы непріятеля и показали себя такими же стойкими въ оборонѣ этого дня, какъ непреодолимыми въ наступленіи предшествовавшаго боя 4-го іюня. Отброшенный со всѣхъ пунктовъ, непріятель на другой день просилъ позволенія взять своихъ убитыхъ и раненыхъ съ поля битвы, усѣяннаго его тѣлами.

„Горы турецкой Арменіи, прославленныя побѣдами нашихъ предшественниковъ, старыхъ закаленыхъ кавказскихъ войскъ, предводимыхъ посѣдѣлыми въ бояхъ начальниками, теперь были свидѣтелями дивныхъ подвиговъ молодыхъ солдатъ. Войска эриванскаго отряда! Вы достойно поддержали славу вашихъ боевыхъ предшественниковъ! Пѣхота, артилерія и кавалерія, соревнуя въ усердіи и во взаимной помощи, явили себя одинаково достойными. Я любовался спокойнымъ огнемъ нашей пѣхоты передъ суетливой стрѣльбой турокъ. Стойкость и хладнокровіе пѣхоты не уступали искусству и достойному удивленія самоотверженію артилеріи, лихости и бдительности кавалеріи. Драгуны и казаки показали себя такими же лихими наѣздниками, какъ и ловкими пѣхотинцами. Я счастливъ, командуя такими войсками; я счастливъ, что могу донести нашему Августѣйшему Главнокомандующему о ихъ мужествѣ и о доблести и распорядительности ихъ достойныхъ

начальниковъ. Врачи, фельдшера и санитары эриванскаго отряда! Чины общества Краснаго Креста и сестры милосердія! Выражаю вамъ мою глубокую, сердечную благодарность. Въ дѣлѣ братолюбивой помощи раненымъ вы достойно соревновали съ доблестными подвигами вашихъ боевыхъ товарищей. Войска эриванскаго отряда! Ваши славные подвиги, порадуя нашего возлюбленнаго Государя и отечество, возлагаютъ на васъ обязанность и впредь быть столь же достойными имени русскихъ и столь же грозными противнику“ [15]).

VI.

Переходъ отряда на Драмъ-дагъ. Извѣстіе о блокадѣ Баязета. Знаменитое отступленіе отряда. Отправленіе колонны въ Баязетъ. Вступленіе отряда въ предѣлы Эриванской губерніи. Смятеніе между жителями пограничныхъ селеній. Дѣйствія пограничнаго отряда и попытка его освободить Баязетъ. Выступленіе полка на Орговскій постъ. Движеніе къ Баязету. Бой 28-го іюня и освобожденіе баязетскаго гарнизона отъ блокады. Положеніе 7-й и 8-й ротъ, находившихся въ цитадели. Отступленіе. Потери въ дѣлѣ 28-го іюня и убыль въ 7-й и 8-й ротахъ въ теченіе осады. Смерть командира полка. Переходъ въ сел. Игдырь.

Оставаться далѣе на р. Абизгирѣ, въ виду возможности повторенія даярскаго событія, было бы весьма рисковано; почему 10-го іюня, рано утромъ, предавъ землѣ безъ всякихъ почестей тѣла убитыхъ товарищей, отрядъ былъ передвинутъ на три версты назадъ и снова сталъ бивакомъ на прежнемъ мѣстѣ. Въ двухъ верстахъ впереди его находилась позиція съ узкимъ фронтомъ и съ надежными прикрытіями противъ обходовъ. Эту позицію поочередно занимали каждыя сутки полки 1-й бригады, съ пѣшею батареею, до самаго дня отступленія съ Драмъ-дага, т. е.

---

[15]) Приказъ по эриванскому отряду 12-го іюня № 102.

до 14-го іюня. 11-го іюня на ней находился Крымскій полкъ. Непріятель, занявъ всѣ вершины на прежней нашей позиціи, быстро возвелъ рядъ траншей и батарей; ночью полкъ, въ свою очередь, получилъ приказаніе устроить немедленно окопы тамъ, гдѣ признается это нужнымъ. При свѣтѣ луны 1-й и 4-й баталіоны вышли на работу и, подъ руководствомъ завѣдывающаго полкомъ маіора Гурова, возвели два ложемента, каждый на одну роту, правѣе транзитной дороги, на совершенно открытомъ скатѣ и, сверхъ того, вырыли до 20 стрѣлковыхъ ровиковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подступъ казался болѣе удобнымъ; въ остальныхъ пунктахъ позиціи никакихъ работъ не производилось, такъ какъ мѣстность и безъ того представляла достаточныя закрытія.

Турки все время продолжали вести себя смирно: сидѣли въ своихъ траншеяхъ и не обнаруживали ни малѣйшаго желанія вступать съ нами въ новый бой. Нельзя не замѣтить, что это было весьма кстати, такъ какъ эриванскій отрядъ находился въ очень затруднительномъ положеніи: онъ не могъ ни отступить, ни произвести наступленіе, потому что долженъ былъ ожидать на то распоряженія корпуснаго командира. Въ лагерѣ же тѣмъ временемъ ходили слухи, что часть главныхъ силъ корпуса двинулась на Зивинъ и, пройдя соганлугскій хребетъ, должна соединиться съ эриванскимъ отрядомъ. Было ли это справедливо, или нѣтъ—никто изъ строевыхъ офицеровъ ручаться не могъ; но всѣ знали навѣрное, что Баязетъ находился въ блокадѣ, и что вслѣдствіе этого сообщенія въ тылу отряда съ Игдыремъ прерваны. Кромѣ того, подвозъ продовольствія совершенно прекратился; въ отрядѣ ощущался крайній недостатокъ въ патронахъ и въ снарядахъ; границамъ Эриванской губерніи, а также продовольственнымъ и боевымъ запасамъ въ Игдырѣ—грозила серьезная опасность. При вступленіи отряда внутрь непріятельской земли, для защиты границъ Эриванской губерніи ничего не было предпринято, и только тогда, когда непріятель обложилъ Баязетъ, были присланы двѣ роты александропольскаго крѣпостнаго баталіона, къ которымъ присоединилась 10-я рота Крымскаго полка, оставшаяся въ Игдырѣ, и 12-я рота Ставропольскаго полка, находившаяся для прикрытія моста черезъ р.

Араксъ. Но такія ничтожныя силы, конечно, не могли охранять границу на протяженіи 60 верстъ. Ко всему этому нужно прибавить, что въ отрядѣ находилось до 500 человѣкъ раненыхъ, для сопровожденія которыхъ не было ни средствъ, ни возможности. Масса этихъ страдальцевъ поневолѣ должна была оставаться въ отрядѣ и переносить всѣ лишенія наравнѣ съ здоровыми людьми.

Наконецъ, 14-го іюня получено было извѣстіе о неудачномъ исходѣ зивинскаго дѣла, а также и приказаніе—поспѣшить для защиты границъ Эриванской губерніи и на выручку осажденнаго непріятелемъ Баязета. Въ тотъ же день рано утромъ отрядъ началъ отступленіе. Сперва выступилъ весь обозъ и часть артилеріи; 4-й и 3-й баталіоны Крымскаго полка шли въ головѣ, а 1-й въ хвостѣ обоза. Турки преслѣдовали отступавшія войска весьма слабо, одною только кавалеріею, при незначительной перестрѣлкѣ. У крымцевъ въ этотъ день былъ раненъ только одинъ рядовой. Повидимому непріятель вовсе не ожидалъ отступленія отряда и потому не приготовился къ преслѣдованію его. Къ 11-ти часамъ почти полкъ собрался въ сел. Зейдекянъ и сталъ лагеремъ на берегу р. Чатъ.

На слѣдующій день дана была дневка. Предполагалось отправить назадъ раненыхъ, запасы продовольствія и военно-временный № 16 госпиталь. Рано утромъ 15-го числа изъ лагеря выступила въ Баязетъ колонна, состоявшая изъ кавалеріи, конной артилеріи и 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, для освобожденія осажденнаго въ крѣпости гарнизона. Это выдѣленіе части войскъ давало поводъ думать, что начальникъ отряда вовсе не надѣялся, чтобы турки рѣшились насъ преслѣдовать на открытыхъ равнинахъ—алашкертской и ефратской. Между тѣмъ, вышло совершенно наоборотъ: около 10-ти часовъ утра неожиданно обнаружилось наступленіе всего турецкаго отряда съ Драмъ-дага къ Зейдекяну. Не оставалось больше сомнѣнія, что непріятель можетъ атаковать эриванскій отрядъ, поэтому колоннѣ, посланной съ утра въ Баязетъ, было приказано повернуть назадъ и спѣшить на присоединеніе къ отряду. Къ 11-ти часамъ утра непріятельская кавалерія оттѣснила нашихъ казаковъ, занимавшихъ передовую позицію въ турецкихъ окопахъ, отстоявшихъ въ пяти верстахъ отъ сел. Зейдекяна, близъ

сел. Кюрдалю, а вслѣдъ затѣмъ подошли и передовыя колонны непріятельской пѣхоты.

Наше расположеніе оказалось весьма невыгоднымъ: лагерь былъ окруженъ командующими высотами, въ особенности съ западной стороны около г. Хопусъ, занявъ которыя прежде насъ, непріятель безнаказанно могъ поражать наши войска въ самомъ лагерѣ. Къ отступленію мы еще не были готовы, слѣдовательно приходилось поневолѣ принять бой и поторопиться предупредить непріятеля занятіемъ командующихъ высотъ, находившихся близь лагеря. Для этого немедленно, по приказанію генералъ-маіора Броневскаго, выступила 4-я рота Крымскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Протасова, которому было приказано: занять возвышенности лѣвѣе транзитной дороги за р. Чатъ, наблюдать оттуда за непріятелемъ и черезъ каждыя четверть часа доносить, посредствомъ конныхъ нарочныхъ, о результатахъ этихъ наблюденій. Одинъ баталіонъ Ставропольскаго полка былъ направленъ для занятія главной командующей высоты по правую сторону транзитной дороги, ближе къ горѣ Хопусъ (Коса-дагъ). Штабсъ-капитанъ Протасовъ, занявъ ротою указанную ему высоту, вскорѣ извѣстилъ запискою о явномъ намѣреніи непріятеля атаковать нашъ правый флангъ со стороны г. Хопусъ, такъ какъ туда было направлено больше войскъ; противъ же 4-й роты Крымскаго полка было выставлено имъ только четыре баталіона пѣхоты и небольшая часть кавалеріи. По полученіи этого донесенія, для занятія правыхъ возвышенностей немедленно были направлены остальные два баталіона Ставропольскаго и 3-й баталіонъ Крымскаго полковъ; прочія же три роты 1-го баталіона Крымскаго полка, съ 5-ю батареею 19 бригады, отправились изъ лагеря на позицію, которую занимала 4-я рота; 4-й баталіонъ Крымскаго полка остался въ резервѣ за центромъ, на транзитной дорогѣ.

Съ появленіемъ непріятеля, въ нашемъ лагерѣ произошло нѣкоторое смятеніе: начали снимать палатки, укладывали обозъ, собирали временный госпиталь и дивизіонный подвижной лазаретъ, навьючивали интендантскій транспортъ—словомъ, происходили всѣ приготовленія къ отправленію тяжестей назадъ; кромѣ того, пред-

стояло уничтожить все то, чего не въ состояніи были взять съ собою, въ томъ числѣ и захваченные нами еще при наступленіи турецкіе хлѣбные запасы.

Между тѣмъ, турки успѣли приблизиться и уже начали перестрѣлку на нашемъ правомъ флангѣ, а орудія ихъ, занявъ позицію въ окопахъ близь сел. Кюрдалю, открыли канонаду по нашей 1-й батареѣ, стоявшей на транзитной дорогѣ, которая лишь изрѣдка отвѣчала имъ. Пользуясь скрытою мѣстностью, турки подвезли довольно близко одну горную пушку и произвели нѣсколько выстрѣловъ по лагерю; гранаты ложились въ серединѣ его, но никому не причинили вреда. Вскорѣ эта пушка была быстро увезена назадъ.

Непріятель, какъ оказалось, дѣйствительно намѣревался обойти нашъ правый флангъ со стороны г. Хопусъ, но принятыя нами заблаговременно мѣры свели все дѣло къ одной перестрѣлкѣ. Однако, преслѣдованіе его, хотя вялое и безплодное, продолжалось вплоть до самаго вечера и только прекратилось съ наступленіемъ темноты. Къ 4-мъ часамъ пополудни прибыла въ лагерь колонна, посланная утромъ въ Баязетъ. Очень можетъ быть, что возвращеніе ея было для нея къ лучшему, такъ какъ она, по своей малочисленности, освободить гарнизонъ не могла.

Передъ вечеромъ обозъ всего отряда, подъ прикрытіемъ кавалеріи, двинулся назадъ, по дорогѣ въ Кара-Килиса. Большого труда стоило размѣстить 500 человѣкъ раненыхъ. Для перевозки ихъ были взяты въ Зейдеканѣ арбы, запряженныя волами; кромѣ того, на всѣ ротныя и полковыя повозки посадили по одному, а гдѣ было возможно—по два человѣка, и только этимъ способомъ кое-какъ размѣстили больныхъ и раненыхъ и отправили съ обозомъ. Съ отрядомъ потянулись многіе жители Зейдекяна, преимущественно армяне, съ своими семействами и домашними пожитками, такъ какъ боялись остаться въ своихъ домахъ, зная заранѣе, что будутъ разграблены за сочувствіе къ русскимъ. Къ разсвѣту слѣдующаго дня весь отрядъ вышелъ на алашкертскую долину, а оставленные въ Зейдеканѣ казаки подожгли всѣ склады, запасы и излишнія тяжести. Къ вечеру 17-го іюня войска расположились

лагеремъ близь сел. Чилканы. Въ этотъ день турки вовсе не преслѣдовали, если не считать перестрѣлки одиночныхъ черкесовъ съ нашею казачьею цѣпью. Невниманіе ихъ къ намъ, конечно, слѣдуетъ приписать тому, что главныя ихъ силы направились отъ Зейдекяна на сел. Молла-Сулейманъ и на г. Алашкертъ (Топрахъ-Кале), чтобы оттуда идти на Кара-Килиса. Движеніе это турки ознаменовали истребленіемъ армянскаго населенія въ Молла-Сулейманѣ и части жителей, оставшихся въ Зейдекянѣ.

18-го іюня, полкъ, въ составѣ главныхъ силъ отряда, перешелъ въ селеніе Кара-Килиса. На пути стало извѣстно распоряженіе начальника отряда о занятіи позиціи для ночлега за селеніемъ, въ двухъ или въ трехъ верстахъ, на возвышенности, командующей совершенно ровною впереди мѣстностью, и это распоряженіе вызвало общее одобреніе, такъ какъ на этой позиціи туркамъ не представлялось возможности атаковать нашъ отрядъ или потревожить его, какъ это случилось въ селеніи Зейдекянѣ. Но каково же было общее удивленіе, когда при спускѣ къ Кара-Килиса увидѣли, что лагерь занятъ на западной его сторонѣ, какъ-разъ вблизи командовавшей имъ турецкой укрѣпленной позиціи. Положимъ, въ селеніи Кара-Килиса находился продовольственный магазинъ, временный № 16 госпиталь и дивизіонный лазаретъ съ ранеными и больными, недавно прибывшими изъ Зейдекяна; но ради всего этого не только не слѣдовало отряду становиться, такъ сказать, подъ выстрѣлы непріятельскихъ орудій, а, напротивъ, въ виду перехода турокъ въ Алашкертъ, надо было бросить селеніе какъ можно поспѣшнѣе и отправить всѣ тяжести назадъ въ Сурпъ-Оганезъ. Оставаясь вблизи Кара-Килиса, мы очевидно рисковали вступить въ бой съ непріятелемъ при самыхъ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ, а главное, при недостаткѣ боевыхъ припасовъ,—и хотя всѣ одинаково горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ нимъ, но тѣмъ не менѣе должны были покориться горькой участи отступать безъ боя. При этомъ невольно вспомнилось весьма важное и, къ сожалѣнію, оставшееся безъ удовлетворенія требованіе начальника артиллеріи эриванскаго отряда генералъ-маіора Барсова, который еще во время продолжительной стоянки у Сурпъ-Оганеза настаи-

валъ, чтобы часть боевыхъ патроновъ и снарядовъ заблаговременно была доставлена изъ Игдыря въ Сурпъ-Оганезъ—съ тѣмъ, чтобы, сложивъ ихъ въ монастырѣ, образовать передовой запасъ для пополненія подвижнаго парка. Грустныя послѣдствія неудачнаго выбора позиціи не замедлили сказаться на другой же день.

Въ предупрежденіе занятія непріятелемъ укрѣпленной позиціи, находившейся впереди селенія Кара-Килиса, на ней оставили 4-й баталіонъ Крымскаго полка, одинъ баталіонъ Ставропольскаго полка и 4-ю батарею 19-й артиллерійской бригады. На ночь 4-й баталіонъ крымцевъ былъ смѣненъ 1-мъ баталіономъ, съ тѣмъ, чтобы дать возможность 4-му подкрѣпить себя пищею, такъ какъ онъ прямо съ похода былъ поставленъ на бивакъ и въ теченіе дня не обѣдалъ.

Рано утромъ 19-го іюня, отъ казачьяго полка, находившагося въ разъѣздахъ, на нашу передовую позицію стали прибывать донесенія о выступленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ изъ г. Алашкерта по направленію къ Кара-Килиса. Съ передовой позиціи объ этомъ сообщили въ отрядный штабъ. Не смотря однако на подобное извѣстіе, въ лагерѣ спокойствіе не нарушалось—вѣроятно, въ тѣхъ расчетахъ, что турки не посмѣютъ атаковать насъ на открытой мѣстности. Когда же они къ 9-ти часамъ утра подошли къ передовой позиціи и начали выстраивать боевой порядокъ, то только тогда нашъ бивакъ поднялся на ноги: стали готовиться къ отправленію назадъ обоза, запасовъ продовольствія, госпиталя, лазарета и всѣхъ раненыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ войска двинулись на передовую позицію, гдѣ два баталіона находились еще съ предыдущаго дня. Баталіоны эти, завидя приближавшагося непріятеля, выдвинулись впередъ и заняли, съ батареею, позицію болѣе или менѣе удобную для встрѣчи его. Замѣтивъ это, турки пріостановились и начали осматривать наше расположеніе; при этомъ весьма легко можно было понять опасеніе ихъ, какъ бы русскіе сами не перешли въ наступленіе. Долго производили они у насъ на виду совершенно безцѣльныя передвиженія во всѣ стороны, все не рѣшаясь начать бой: части то наступали, то снова отходили назадъ. Ихъ передвиженія были видны отчетливо; все коли-

чество ихъ войскъ можно было безошибочно опредѣлить въ 16-ть баталіоновъ, съ двумя полками кавалеріи. Полюбовавшись на турецкіе маневры около двухъ часовъ, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ отдалъ приказаніе немедленно начать отступленіе. Нижніе чины, не зная о крайнемъ недостаткѣ у насъ патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ, совершенно недоумѣвали о причинахъ отступленія, и притомъ еще на ровной мѣстности, на которой они давно хотѣли помѣряться съ врагомъ; поэтому всѣ они смотрѣли съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая: не шутятъ ли съ ними. Но дѣлать нечего, а отступать-таки пришлось. Роты Крымскаго полка поднялись съ мѣста и медленно, неохотно, шагъ за шагомъ, стали въ полномъ порядкѣ отходить назадъ. Турки, не ожидая съ нашей стороны такой уступчивости, не вѣрили своимъ глазамъ, и потому не думали преслѣдовать. Наши баталіоны и батареи спустились подъ горку, перешли въ бродъ нѣсколько топкихъ рѣченокъ и стали подходить къ селенію Кара-Килиса. Тогда только турецкая артиллерія, занявъ покинутыя нами возвышенности, открыла огонь, а черезъ нѣкоторое время послышались торжествующіе крики располагавшихся безъ выстрѣла на оставленной нами позиціи турокъ.

Въ это время полкъ проходилъ черезъ сел. Кара-Килиса, гдѣ царила положительная паника. Турецкіе снаряды изъ дальнобойныхъ орудій разрывались между верблюдовожатыми, по большей части персіянами и татарами, и вблизи раненыхъ. Надо было видѣть страданія этихъ несчастныхъ, чтобы искренно пожалѣть ихъ. Кое-какъ, второпяхъ, укладывали ихъ на повозки, не обращая вниманія на сильные стоны, выражавшіе ужаснѣйшую боль, и на рысяхъ, по косогорамъ, вывозили за селеніе. Надрывающая душу картина тутъ же смѣнялась сценами противуположнаго свойства: интендантскій верблюжій транспортъ также торопился убраться скорѣе въ безопасное мѣсто, и часть верблюдовъ его уже была навьючена мѣшками крупы и муки; но вдругъ, въ середину транспорта упала одна граната и съ трескомъ разорвалась. Верблюдовожатые бросили нагрузку и пустились въ бѣгство кто куда попало, а верблюды подняли ревъ; физіономіи тѣхъ персіянъ, которыхъ

неожиданность вкопала въ землю, вытянулись, и они, вмѣсто того, чтобы вести верблюдовъ, отъ испуга начали обрѣзывать вьюки, и затѣмъ, когда немного приходили въ себя, садились на верблюдовъ и гнали ихъ во всю мочь. Иной, чтобы ускорить аллюръ неповоротливаго животнаго, сидя уже на вьюкахъ, обрѣзывалъ веревки и бросалъ по дорогѣ чувалы съ мукою и крупою. Нѣкоторыя роты полка, проходя черезъ селеніе, увидѣли, что въ печахъ интендантскихъ пекарень сидитъ совершенно выпеченый хлѣбъ. Нижніе чины, зная навѣрное, что онъ достанется непріятелю, хотѣли разобрать его по сумкамъ, которыя были совершенно пусты. но въ это время подвернулся отрядный интендантскій чиновникъ и строго воспретилъ самоуправство. Конечно, хлѣбъ остался нетронутымъ и перешелъ въ руки турокъ, которые въ это время, нѣтъ сомнѣнія, были менѣе голодны, чѣмъ нашъ солдатъ. Вообще, картина нашего отступленія изъ Кара-Килиса оставила по себѣ самое тяжелое воспоминаніе среди всѣхъ эпизодовъ турецкой кампаніи. Если кто и сохранилъ полное присутствіе духа, такъ это только одни строевыя войска, которыя оставались совершенно спокойными и соблюдали должный порядокъ.

Къ двумъ часамъ пополудни полкъ расположился уже на той позиціи, на которой ему слѣдовало стать по первоначальному соображенію начальника отряда. Турки видимо удовлетворились безкровнымъ успѣхомъ, и вѣроятно предводитель ихъ донесъ падишаху о блистательной побѣдѣ надъ русскими войсками. Мы должны быть обязаны Измаилъ-пашѣ, начальствовавшему турецкими войсками, за его крайнюю нерѣшительность въ преслѣдованіи эриванскаго отряда. Поведи онъ гдѣ нибудь энергическую атаку, не позволяя намъ уклониться отъ боя—трудно сказать, что было бы съ отрядомъ, когда у солдатъ находилось въ подсумкахъ не болѣе какъ по двадцати пяти патроновъ на человѣка.

Продовольствіе было не въ лучшемъ видѣ, какъ и боевое снаряженіе: люди имѣли на рукахъ не болѣе какъ по фунту сухарей, поэтому не мудрено, что, слѣдуя черезъ сел. Кара-Килиса, они подбирали муку и сарачинскую крупу, вездѣ валявшуюся въ мѣшкахъ, брошенныхъ съ верблюдовъ. Благодаря этой случайно-

сти, они могли въ этотъ день кое-какъ подкрѣпиться, выпекая на шанцевыхъ лопатахъ прѣсныя лепешки; варка же горячей пищи не производилась, такъ какъ весь обозъ, подъ прикрытіемъ кавалеріи, былъ отправленъ въ Сурпъ-Оганезъ. Около 11-ти часовъ ночи послѣдовало приказаніе о выступленіи туда же и всего отряда. Бивачные огни приказано было не тушить, а войскамъ отступать съ соблюденіемъ полной тишины. Отсюда легко понять, что, наконецъ, мы перестали относиться къ непріятелю съ пренебреженіемъ и поняли свое положеніе. Крымскій полкъ выступилъ въ арріергардѣ и остальную часть ночи шелъ безостановочно; только къ 12 часамъ слѣдующаго дня, сдѣлавъ 40 верстъ, онъ расположился бивакомъ въ двухъ верстахъ отъ Сурпъ-Оганеза. Къ вечеру людямъ сварили горячую мясную пищу. 21-го іюня двинулись дальше. Около сел. Сурпъ-Оганеза къ полку присоединились остававшіяся здѣсь 5-я и 6-я роты. Такъ какъ весь обозъ, раненые и больные выступили еще ночью, то отступленіе продолжалось безостановочно; перестрѣлку вели только казаки съ партіями черкесовъ, неотступно слѣдовавшими за арріергардомъ.

Пройдя верстъ шесть за Сурпъ-Оганезъ, отрядъ направился не по старой дорогѣ на замокъ Діадинъ, а влѣво, по дорогѣ на нижній Даракъ, чтобы черезъ селеніе Мысунъ и караванъ-сарайскій перевалъ на другой день войти въ предѣлы Эриванской губерніи. Поровнявшись съ горою Оташа, мы получили свѣдѣніе о томъ, что она сильно занята непріятельскими войсками, пришедшими отъ Баязета. Предполагали, что вѣроятно непріятель расчитывалъ на движеніе нашего отряда по старой дорогѣ на Баязетъ и занялъ гору съ цѣлью воспрепятствовать этому, но видңѣвшіяся на г. Оташа войска простояли въ бездѣйствіи и только смотрѣли, какъ отрядъ проходилъ въ сторонѣ отъ нихъ. Въ обвинительномъ актѣ о Фаикъ-пашѣ по этому случаю говорится такъ: „когда отрядъ Тергукасова, разбитый у Халіаса, отступилъ по большой баязетской дорогѣ, Фаикъ-паша получилъ приказаніе отъ Измаилъ-паши—съ ввѣреннымъ ему отрядомъ ударить во флангъ непріятелю близъ Діадина или Килиса (Сурпъ-Оганеза), и это приказаніе равнымъ образомъ исполнено не было. Фаикъ-паша ограничился лишь высыл-

кою 18-го іюня двухъ тысячъ иррегулярныхъ войскъ подъ начальствомъ полковника Ахметъ-бея, да и этотъ, опоздавъ, не могъ уже угрожать тылу непріятеля—что видно изъ показанія Ахметъ-бея" [1]). Это показаніе Ахметъ-бея невѣрно: онъ прибылъ съ баши-бузуками на г. Оташа вовремя, но ничего не могъ сдѣлать противъ цѣлаго отряда.

Къ вечеру полкъ стянулся на бивакъ близь селенія нижній Даракъ. Лишь только 1-й баталіонъ составилъ ружья въ козлы, не успѣвъ даже снять ранцевъ, какъ его потребовали назадъ, такъ какъ въ это время турки успѣли подойти довольно близко къ биваку и открыли по арріергарду артилерійскій огонь. Имъ отвѣчала 1-я батарея 19-й бригады. Въ то же время непріятельская кавалерія сильно стала насѣдать на казаковъ, остававшихся позади арріергарда, и совершенно не давала имъ отступить. 1-й баталіонъ, построившись въ боевой порядокъ лѣвѣе 1-й батареи, немедленно двинулся на выручку казаковъ. Какъ только цѣпь его открыла огонь, непріятельская кавалерія тотчасъ же подалась назадъ и прекратила преслѣдованіе. Между тѣмъ, огонь турецкой артилеріи все усиливался; наши двѣ батареи изрѣдка отвѣчали непріятелю, сберегая остатки снарядовъ для критическаго момента, а 5-й батареѣ, снаряды которой не долетали до турецкой позиціи, приказано было сняться и отступить на бивакъ. Вскорѣ на вершинахъ горъ показались колонны турецкой пѣхоты, направлявшіяся въ обходъ нашего праваго фланга. Это обстоятельство заставило поторопиться отправленіемъ обоза на караванъ-сарайскій перевалъ. Съ наступленіемъ сумерокъ артилерійская канонада смолкла; 1-я батарея возвратилась на бивакъ, а 1-й баталіонъ оставался на позиціи въ теченіе всей ночи. Правѣе 1-го баталіона, черезъ батарейный интервалъ, расположился баталіонъ Ставропольскаго полка. По обоюдному соглашенію командировъ, оба баталіона выставили аванпосты: 1-й баталіонъ Крымскаго полка по лѣвую, а 3-й баталіонъ Ставропольскаго полка по правую сторону дороги, протянувъ фланги до возвышенностей; сторожевою цѣпью

---

[1]) „Военный Сборникъ" 1879 года.

пришлось охватить значительное пространство, такъ что въ каждой ротѣ могъ остаться въ заставѣ только одинъ взводъ. Въ продолженіе ночи партіи черкесовъ нѣсколько разъ подъѣзжали къ постамъ, но постоянно были встрѣчаемы выстрѣлами.

На бивакѣ также никто не зналъ покоя: всѣ торопились отправить обозъ, но дѣло это оказалось далеко не легкимъ. Отъ с. нижній Даракъ начинался подъемъ, по которому шла извилинами узкая и каменистая дорога между утесами горы Али-Чими. По ней можно было слѣдовать не иначе, какъ только въ одну повозку, а такъ какъ лошади, не знавшія отдыха, утомились и не могли везти, то потребовалась помощь людей не менѣе изнуренныхъ. Темная ночь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и масса армянскихъ арбъ съ семействами, бѣжавшими изъ Турціи, слѣдовавшая съ отрядомъ, еще болѣе увеличивали затрудненіе; арбы эти безпрестанно ломались и опрокидывались, а выбившійся изъ силъ худой и тощій скотъ положительно отказывался ихъ везти. Вмѣстѣ съ ними двигались повозки съ ранеными и больными, составляя, въ общемъ, среди ночной темноты, какую-то нестройную массу, среди которой невозможно было отличить отдѣльныхъ предметовъ. Чтобы ускорить переходъ черезъ перевалъ обоза и артиллеріи, были высланы для пособія имъ 3-й и 4-й баталіоны 73-го Крымскаго полка. Не смотря на ихъ энергическое содѣйствіе въ продолженіе всей ночи, обозъ только на другой день утромъ сосредоточился въ мысунской долинѣ, гдѣ его ожидала колонна изъ всей кавалеріи, конной батареи и 5-й и 6-й ротъ Крымскаго полка, наканунѣ вечеромъ высланная съ бивака для предупрежденія обхода нашего транспорта турецкою пѣхотою съ правой стороны.

22-го іюня, рано утромъ, 1-й баталіонъ Крымскаго и 3-й Ставропольскаго полковъ начали отступать съ ночной позиціи, гдѣ занимали сторожевую цѣпь. Какъ только они тронулись, черкесы, находившіеся за возвышенностью, открыли огонь; но баталіоны, не обращая на него никакого вниманія, даже не отвѣчая на выстрѣлы, медленно и спокойно продолжали отходить. Когда они приблизились къ горамъ, гдѣ дорога входитъ въ дефиле, 1-й баталіонъ вступилъ въ составъ арріергарда, стоявшаго здѣсь на по-

зицiи, и расположился на вершинахъ лѣвѣе 5-й батареи. Тогда часть непрiятельской кавалерiи, обойдя арьергардъ съ лѣваго фланга, спустилась въ мысунскую долину, гдѣ уже находился нашъ обозъ, а другая часть продолжала вести перестрѣлку съ арьергардною цѣпью. Около десяти часовъ дня, черкесы, обскакавшiе лѣвый флангъ арьергарда, сосредоточились у селенiя Мысуна, лежащаго невдалекѣ отъ дороги, и, не видя близъ растянувшагося обоза ровно никакого прикрытiя, начали подъѣзжать партiями, угрожая нападенiемъ. Въ обозѣ произошелъ переполохъ, но, къ счастью, въ это время подошелъ дивизiонъ драгунъ Переяславскаго полка и подбѣжала саперная рота, работавшая на переправѣ черезъ р. Мысунъ. Одно появленiе этихъ частей заставило черкесовъ быстро отступить и больше не показываться, такъ что обозъ сталъ спокойно переходить черезъ хребетъ Агры-дагъ и къ вечеру находился въ нашихъ владѣнiяхъ, внѣ всякой опасности.

Около 12-ти часовъ дня началъ отступать и арьергардъ. Сначала двинулась 5-я батарея, а вслѣдъ за нею вся пѣхота. Перестрѣлка съ черкесами съ фронта прекратилась, но за то, на правомъ флангѣ, гдѣ занимали позицiю, въ предупрежденiе непрiятельскаго обхода, 3-й баталiонъ и 5-я и 6-я роты Крымскаго полка, турки успѣли обойти гору и занять позицiю противъ этого фланга. Выставивъ одну горную батарею, они открыли по крымцамъ огонь. Но когда обозъ отряда сталъ подниматься на Агры-дагъ, и не было уже никакой надобности увеличивать число жертвъ въ безцѣльномъ бою, то шесть ротъ Крымскаго полка были немедленно спущены въ мысунскую долину. Турки совершенно прекратили преслѣдованiе. Уронъ въ этотъ день въ полку состоялъ изъ одного убитаго гранатою и четырехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Въ мысунской долинѣ полкъ отдыхалъ до четырехъ часовъ пополудни, а затѣмъ выступилъ въ арьергардѣ на караванъ-сарайскiй перевалъ и еще засвѣтло перешелъ границу и вступилъ въ предѣлы Эриванской губернiи. Задерживаемый артиллерiею, онъ спускался внизъ съ Агры-дага по горной и плохо разработанной дорогѣ въ теченiе всей ночи и только къ разсвѣту расположился для привала у стараго караванъ-сарайскаго поста. 23-го iюня, въ

9-ть часовъ утра, полкъ попрежнему шелъ въ арріергардѣ. День выпалъ чрезвычайно жаркій, а идти пришлось по безводному пути; солдаты, отъ чрезмѣрнаго утомленія и вслѣдствіе скудной и сухой пищи, совершенно обезсилѣли и едва передвигали ноги. Не менѣе печально выглядѣли и офицеры, такъ какъ и имъ пришлось перенести много трудностей и лишеній. Всѣмъ одинаково отдыхъ былъ необходимъ. Наконецъ, около 5-ти часовъ вечера взорамъ изнуреннаго отряда представились густые тѣнистые сады, съ обильною водою, раскинутые по долинѣ Аракса, вокругъ селеній, расположенныхъ у подножія хребта Агры-дагъ. Къ 7-ми часамъ вечера полкъ прибылъ къ селенію Чарухчи и сталъ на ночлегъ подъ тѣнью роскошныхъ садовъ. Всѣ вздохнули свободно.

24-го іюня полкъ перешелъ въ Игдырь, за которымъ расположился лагеремъ у канавы Ханъ-Агова. Проходя черезъ селеніе, онъ обогналъ транспортъ съ ранеными, задержанный навремя въ узкихъ улицахъ. Чрезвычайно больно было смотрѣть на этихъ страдальцевъ: всѣ они сидѣли или лежали на повозкахъ и арбахъ подъ палящими лучами солнца, запыленные и загрязненные. Начиная отъ самаго селенія Зейдекяна, ихъ везли какъ попало: объ удобствахъ и помина не было; даже некогда было приготовлять для нихъ горячую пищу, давать чай и перевязывать раны. Дни же стояли жаркіе, а потому даже легкія раны отъ гнойнаго зараженія крови дѣлались смертельными. Никого изъ общества Краснаго Креста при эриванскомъ отрядѣ не было, и только впослѣдствіи явились уполномоченные и прочій персоналъ. Но время уже ушло, и они далеко не могли принести той пользы, которую слѣдовало ожидать отъ нихъ при началѣ кампаніи.

25-го іюня весь отрядъ имѣлъ дневку—первую послѣ выступленія съ Драмъ-дага, а на слѣдующій день снова перешелъ границу для освобожденія осажденнаго баязетскаго гарнизона, въ составѣ котораго томились, между прочимъ, 7-я и 8-я роты крымцевъ. Какъ офицеры, такъ и нижніе чины были въ полной увѣренности, что роты эти не посрамятъ полка и, какъ бы ни было для нихъ тяжело, будутъ отстаивать ввѣренный имъ постъ до послѣдней крайности, а затѣмъ живыми не сдадутся непріятелю. Онѣ оправда-

ли надежды товарищей, которые, въ свою очередь, не взирая на чрезмѣрную усталость, выражали желаніе поспѣшить на выручку осажденныхъ, не дѣлая дневки. Но благоразуміе не позволяло удовлетворить жаждѣ этого лишняго подвига.

День 25-го іюня прошелъ въ приготовленіяхъ къ предстоящему движенію. Продовольствіе было получено, и боевые запасы, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи, пополнены. Солдаты, тѣмъ временемъ, перемыли бѣлье, почистили одежду и обувь, а нѣкоторые получили новую изъ хранившихся въ игдырскомъ запасномъ складѣ ротныхъ вещей. Въ одинъ день матеріальная и хозяйственная часть полка по возможности были приведены въ порядокъ. Всѣ отдохнули, оправились и вооружились силами для выполненія своего священнаго долга.

Въ это время баязетскій гарнизонъ, дѣйствительно, испытывалъ ужасное положеніе. Обстоятельства, предшествовавшія осадѣ крѣпости, были слѣдующія:

Во время пребыванія эриванскаго отряда на Драмъ-дагѣ, курды, наконецъ, демаскировали себя передъ нами и, безъ труда уступивъ требованію турецкихъ властей, начали производить нападенія въ тылу на наши сообщенія и грабить пограничныя селенія, а 13-го іюня, въ довольно значительныхъ силахъ, накинулись и на Сурнъ-Оганесъ. Но здѣсь они были отражены съ весьма большимъ урономъ 5-ю и 6-ю ротами Крымскаго полка [2]). Въ довершеніе всего, они въ громадныхъ скопищахъ присоединились къ турецкимъ войскамъ, осаждавшимъ баязетскую цитадель. Когда, вслѣдствіе этой явной враждебности къ намъ курдовъ, сообщенія съ Игдыремъ прекратились, тогда между жителями пограничныхъ селеній стали ходить самые нелѣпые слухи объ эриванскомъ отрядѣ, почерпнутые, конечно, изъ турецкихъ источниковъ, и заключавшіеся въ томъ, будто онъ совершенно уничтоженъ, а гарнизонъ баязетской цитадели взятъ въ плѣнъ. Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ свѣдѣній,

---

[2]) Въ этомъ дѣлѣ раненъ Крымскаго полка штабсъ-капитанъ Бизяевъ, которому рана занесена въ послужной списокъ въ іюнѣ 1878 г., на основаніи приказа по военному вѣдомству 16-го апрѣля 1874 г. № 60.

ожидая съ часа на часъ появленія куртинскихъ кровожадныхъ партій, армяне рѣшились покинуть свои жилища и удалялись, со всѣмъ имуществомъ, въ г. Эривань и въ болѣе отдаленные отъ границы уѣзды. Вслѣдствіе этого селеніе Игдырь также почти опустѣло. Но по прибытіи туда отряда, жители, убѣдившись въ полной лживости распущенныхъ слуховъ, мало по малу стали возвращаться къ своимъ очагамъ и обратились къ обычнымъ мирнымъ занятіямъ. Чтобы хотя отчасти обезпечить пограничное населеніе отъ набѣговъ хищныхъ курдовъ и въ особенности охранить склады продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ въ сел. Игдырѣ, въ отсутствіе отряда была сформирована небольшая колонна, въ составъ которой вошла оставшаяся въ Игдырѣ 10-я рота Крымскаго полка. Колонна эта, силою около 8-ми ротъ пѣхоты, съ одною батареею и съ небольшою частью милиціи, расположилась на чингильскомъ перевалѣ, откуда ходила 12-го іюня подъ Баязетъ и пыталась выручить его гарнизонъ; но, по своей малочисленности, не могла этого исполнить. Переночевавъ въ 10-ти верстахъ отъ Баязета, она вернулась обратно на чингильскій перевалъ, при непрерывной перестрѣлкѣ преслѣдовавшихъ ее курдовъ. 10-я рота все время шла въ арріергардѣ и принимала дѣятельное участіе въ отраженіи громадныхъ скопищъ, неоднократно пытавшихся атаковать войска. Занявъ старую позицію на чингильскомъ перевалѣ, колонна простояла тамъ до возвращенія главныхъ силъ въ Игдырь. Движеніе чингильской колонны 12-го іюня къ Баязету хотя не достигло намѣченной цѣли, тѣмъ не менѣе показало непріятелю, что наши границы не беззащитны.

Таково было положеніе дѣлъ, которое засталъ эриванскій отрядъ у себя въ тылу послѣ знаменитаго своего отступленія. 26-го іюня онъ двинулся изъ Игдыря къ Баязету, имѣя въ своемъ составѣ, между прочимъ, тринадцать ротъ Крымскаго полка. Небольшой переходъ до Орговскаго поста (въ 12 верстъ) вышелъ какъ бы продолженіемъ дневки, тѣмъ болѣе, что для облегченія людей ранцы были оставлены въ Игдырѣ; батареи же выступили въ 6-ти орудійномъ составѣ, съ усиленною запряжкою отъ четвертыхъ взводовъ, также оставленныхъ, съ зарядными ящиками, въ Игдырѣ.

На другой день, рано утромъ, полкъ, слѣдуя въ главныхъ силахъ отряда, сталъ подниматься на Чингильскія высоты. На этотъ разъ наше движеніе по трудной дорогѣ на вершину Агры-дага ничѣмъ не задерживалось: артилерія шла безостановочно, и войсковой обозъ, съ облегченною поклажею, не отставалъ отъ частей. Вслѣдствіе этого, къ 11-ти часамъ дня войска уже остановились на отдыхъ на чингильскомъ перевалѣ и затѣмъ, послѣ непродолжительнаго привала, двинулись далѣе и во второй разъ перешли турецкую границу. Подойдя къ началу спуска, отрядъ остановился, и чтобы извѣстить баязетскій гарнизонъ о близкой выручкѣ, сдѣлалъ нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, въ Баязетѣ не слышали этихъ сигналовъ—какъ по отдаленности цитадели отъ Чингильскихъ высотъ, такъ и потому, что въ это самое время вокругъ крѣпости кипѣла ожесточенная перестрѣлка. Въ виду присутствія войскъ Измаилъ-паши въ Діадинѣ, для прикрытія тыла отряда на Чингильскихъ высотахъ было оставлено 6 ротъ пѣхоты, съ казаками, въ томъ числѣ и 10-я рота Крымскаго полка, а къ отряду присоединены двѣ роты александропольскаго крѣпостнаго полка. Послѣ полудня войска спустились по южному склону хребта Агры-дагъ въ баязетскую равнину, къ селенію Карабулахъ, и послѣ получасоваго отдыха направились далѣе. Полкъ слѣдовалъ въ авангардѣ главныхъ силъ. По пути вездѣ встрѣчались трупы убитыхъ курдами армянъ, бѣжавшихъ изъ Баязета отъ неистовствъ этого хищнаго племени. Пройдя въ этотъ день около 30 верстъ, отрядъ къ вечеру остановился бивакомъ въ шести верстахъ отъ Баязета, выставивъ усиленные аванпосты къ сторонѣ Діадина, гдѣ стояли турецкія войска Измаилъ-паши, преслѣдовавшія эриванскій отрядъ при отступленіи съ Драмъ-дага.

Подступъ къ г. Баязету съ сѣверо-западной стороны начинается обширною равниною съ озеромъ Шехли-гель. Равнина эта возвышена на 4472 фута надъ поверхностью моря и пересѣкается по всѣмъ направленіямъ множествомъ небольшихъ ручейковъ; почва ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глинистая и топкая. Въ Баязетъ ведутъ три дороги: одна изъ Діадина, транзитная, въ восьми верстахъ поворачивающая на востокъ къ персидской гра-

ницѣ, другая отъ хребта Агры-дагъ съ Чингильскихъ высотъ и третья черезъ мысунскую долину съ караванъ-сарайскаго перевала. Кромѣ нихъ есть еще много второстепенныхъ путей, пролегающихъ по горамъ къ югу отъ Баязета, доступныхъ лишь для вьюковъ. Къ западу отъ упомянутой выше равнины начинаются горы подъ общимъ названіемъ Зіаретъ-дагъ; къ нимъ присоединяется кряжъ Гирне-Легме, отстоящій отъ Баязета по прямому направленію не болѣе десяти верстъ и составляющій собою персидскую границу. Съ сѣверо-восточной стороны Баязетъ облегаетъ гора, называемая Кызылъ-дагъ. Въ одной изъ котловинъ ската ея расположенъ самый городъ; вокругъ него находятся отдѣльныя вершины, изъ которыхъ одна—Котисъ имѣетъ 6700 ф., а другая Зядукъ-тави—7760 ф. Отъ этихъ вершинъ по сѣверную сторону города тянется скалистый кряжъ подъ названіемъ Кая-Бурунъ, защищающій городъ отъ холодныхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Всѣ горы, окружающія Баязетъ, скалистыя, безлѣсныя; во многихъ мѣстахъ скалы отвѣсны, и вершины ихъ представляютъ рядъ острыхъ каменистыхъ шпилей. Баязетъ разбросанъ по холмамъ котловины; посрединѣ его возвышается цитадель. До войны онъ былъ населенъ армянами и турками, поэтому и раздѣляется на армянскій и турецкій кварталы. Большая половина, и притомъ лучшая, принадлежала армянскому населенію. Городъ снабжался водою изъ одного небольшого родника и изъ колодца, расположеннаго внизу его, съ отличною водою.

По турецкимъ источникамъ [3]), непріятельскія войска, блокировавшія баязетскую цитадель, находились подъ начальствомъ Мехмедъ-Мунибъ-паши и состояли изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, и массы иррегулярной кавалеріи, численность которой съ точностью не опредѣлена [4]). Неприступная

---

[3]) „Военный Сборникъ" 1879 г. № 11.

[4]) Весь ванскій отрядъ, по инструкціи, долженъ былъ состоять изъ 60 тысячъ человѣкъ, но въ дѣйствительности, по турецкому исчисленію, въ составъ его входили 3500 человѣкъ регулярныхъ войскъ, 2000 человѣкъ иррегулярной кавалеріи и 6000 человѣкъ иррегулярной пѣхоты. Инструкція опредѣлила даже, изъ какихъ частей долженъ былъ быть составленъ ванскій отрядъ, а именно: изъ 2-хъ баталіоновъ, расположенныхъ въ г. Баязетѣ, одного баталіона изъ

мѣстность, окружавшая Баязетъ, значительная сила блокаднаго корпуса, доходившаго, какъ говорили тогда, до 20-ти тысячъ человѣкъ, и близость войскъ Измаилъ-паши, стоявшихъ въ Діадинѣ, обѣщали не мало труда и потерь при освобожденіи гарнизона; но, не смотря на это, каждый, сознавая свою обязанность, охотно готовъ былъ жертвовать жизнью за честь и славу русскаго оружія.

Наступило достопамятное утро 28-го іюня. Крымскій полкъ, поднявшись съ бивака, выступилъ по дорогѣ къ Баязету, имѣя въ своемъ составѣ четыре роты 1-го баталіона, двѣ 2-го, три роты 3-го и четыре роты 4-го баталіоновъ. По диспозиціи, баталіоны распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1-й долженъ былъ дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ, и въ резервъ къ нему назначался 4-й баталіонъ; 5-я же и 6-я роты 2-го баталіона и весь третій баталіонъ поступили въ составъ колонны, которая предназначалась противъ войскъ Измаилъ-паши, ожидавшихся со стороны Діадина, а также должны были обезпечивать нашъ правый флангъ отъ обхода по ванской дорогѣ.

Къ 7-ми часамъ утра войска построились въ боевой порядокъ въ разстояніи около трехъ верстъ отъ Баязета и двинулись впередъ. Въ городѣ царствовала полная тишина, какъ будто тамъ не было живой души. Наконецъ, съ одной изъ вершинъ праваго фланга непріятельской позиціи раздался орудійный выстрѣлъ; граната упала, далеко не долетѣвъ до ротныхъ колоннъ 1-го баталіона, и разорвалась [5]). Когда непріятель обнаружилъ мѣсто рас-

---

гарнизона Гвари, 2-го и 3-го баталіоновъ ванскаго резерва, трехъ баталіоновъ изъ мушскихъ редифовъ 3-го призыва и трехъ ротъ изъ Альпак; всего $6^1/_2$ баталіоновъ и двѣ батареи—одна легкая, другая батарейная. Кромѣ того, въ составъ отряда имѣли поступить два эскадрона кавалеріи, около 5 т. человѣкъ волонтеровъ и, наконецъ, два отряда кавалеріи или пѣхоты въ четыре или пять тысячъ каждый, которые должны были быть собраны шейхами изъ курдовъ. Во второмъ обвинительномъ актѣ процесса Фаикъ-паши силы турокъ подъ Баязетомъ и Таперизомъ опредѣляются прокуроромъ Ахметъ-Вагибъ-пашею въ 8 и 9 тысячъ человѣкъ.

[5]) По турецкимъ источникамъ видно, что на правомъ флангѣ турецкой позиціи противъ 1-го баталіона Крымскаго полка находилось два баталіона и-

положенія своей батареи, тогда и наши батареи заняли позицію, весьма неудобную, на ровной мѣстности, не доѣзжая до города, и открыли огонь.

Между тѣмъ, 1-й и 4-й баталіоны Крымскаго полка продолжали наступать безостановочно. Миновавъ пригородные сады, 1-й баталіонъ сталъ подниматься на скалистыя высоты. Роль этого баталіона имѣла рѣшающее значеніе, такъ какъ, съ выбитіемъ непріятеля изъ за скалистыхъ высотъ, весь правый флангъ его подвергался продольному обстрѣливанію и обходу съ тыла. Для достиженія этой цѣли, одного баталіона оказалось недостаточнымъ, а потому въ боевую линію были двинуты 13-я и 14-я роты. Въ это время непріятель изъ за скалистыхъ возвышенностей открылъ довольно сильный ружейный огонь. Наша цѣпь не только не могла ему отвѣчать, такъ какъ была расположена внизу и видѣла лишь одни дымки изъ за остроконечныхъ вершинъ горъ, но даже не могла двигаться впередъ, такъ какъ сомкнутыя роты второй линіи (2-я и 3-я) взяли ошибочное направленіе вправо отъ 1-й и 4-й ротъ, находившихся въ первой линіи, вслѣдствіе чего позади резерва не было. Надо было подождать прибытія 2-й и 3-й ротъ. Цѣпь первой линіи занимала весьма пересѣченную мѣстность, поэтому командиру роты не представлялось возможности управлять болѣе какъ тремя звѣньями. При подобныхъ условіяхъ, роль начальниковъ участковъ цѣпи дѣлалась въ высшей степени пассивною: часть выходила изъ рукъ офицеровъ, и почти каждое звѣно цѣпи иначе не могло дѣйствовать какъ вполнѣ самостоятельно. По справедливости надо сказать, что, не смотря на крайне пересѣченную мѣстность и смѣшеніе въ цѣпи людей разныхъ частей войскъ, наша цѣпь двигалась впередъ по первому приказанію офицеровъ.

Начальникъ пѣхоты эриванскаго отряда генералъ-маіоръ Броневскій, усмотрѣвъ важность обхода непріятельскаго праваго фланга хотя одною ротою, послалъ черезъ адъютанта приказаніе, что-

---

хоты, съ двумя орудіями; одинъ изъ этихъ баталіоновъ, названный Джиере, занималъ оконечность позиціи, а другой—Мехмедъ-паши, занималъ позицію внизу, ближе къ цитадели. „Военный Сборникъ“ 1879 г. № 11.

бы 4-я рота Крымскаго полка, отдѣлившись отъ боеваго порядка, предприняла обходное движеніе праваго фланга противника. Но такъ какъ три взвода этой роты уже находились въ цѣпи и подъ огнемъ непріятельскихъ стрѣлковъ, то отозвать роту изъ смѣшанной цѣпи оказалось, по меньшей мѣрѣ, трудно, а потому взамѣнъ ея для обхода назначена была 2-я и часть 3-й роты, подъ командою капитана Шумакова. Командиру же 4-й роты завѣдывающій 1-мъ баталіономъ приказалъ дѣйствовать противъ старой крѣпости, расположенной на возвышенности, неподалеку отъ цитадели, гдѣ турки, засѣвъ въ значительномъ числѣ, сильно обстрѣливали всѣ подступы какъ къ городу, такъ и къ своему правому флангу. Каменная стѣна или завалъ, за которымъ находились турки, имѣлъ болѣе сажени высоты. Цѣпь отъ 4-й роты и части 3-й, 13-й и 14-й ротъ, приблизившись къ стѣнѣ на 400 шаговъ, залегли за закрытіями, съ тѣмъ, чтобы выбрать пунктъ, съ котораго часть цѣпи могла бы продольнымъ огнемъ поражать непріятеля, скрывавшагося за стѣною. Турки между тѣмъ продолжали осыпать насъ сильнымъ огнемъ, но цѣпь все-таки не отвѣчала. Гарнизонъ цитадели, видя всю трудность борьбы съ непріятелемъ, укрывавшимся за заваломъ, открылъ изъ амбразуръ оживленный ружейный огонь, но онъ не приносилъ никакого вреда хорошо укрытому противнику. Въ такомъ положеніи были дѣла на нашемъ лѣвомъ флангѣ до 11 часовъ дня, когда на усиленіе прибыли двѣ роты 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Одна изъ нихъ направилась въ обходъ праваго фланга непріятеля, куда уже несравненно раньше были двинуты 2-я и часть 3-й роты, подъ командою капитана Шумакова, а другая, разсыпавшись, вошла въ цѣпь 1-го и 4-го баталіоновъ полка.

На правомъ флангѣ нашего боеваго порядка, правѣе города, дѣйствовали два баталіона Ставропольскаго полка [6]). Одна изъ ротъ этихъ баталіоновъ при самомъ началѣ боя вошла въ улицы города и, пользуясь закрытіями домовъ, приблизилась къ цитадели

---

[6]) Изъ турецкихъ офиціальныхъ описаній боя 28-го іюня видно, что лѣвый флангъ боеваго порядка непріятеля занимали одинъ баталіонъ и шесть ротъ, подъ начальствомъ полковника Ахметъ-бея.

и передала ея гарнизону боевые патроны, такъ какъ предполагалось, что осажденные въ нихъ сильно нуждались. Правѣе расположенія двухъ баталіоновъ Ставропольскаго полка, турки на дальней возвышенности къ 11-ти часамъ дня поставили свои дальнобойныя орудія и начали поражать во флангъ наши 9 ф. батареи, дѣйствовавшія въ центрѣ боевой линіи. Этимъ огнемъ они заставили ихъ перемѣнить свои позиціи. Къ этому времени изъ Таперива прибылъ къ Баязету резервъ, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и ванскихъ редифовъ 2-го и 3-го призыва, съ пятью орудіями, подъ личнымъ начальствомъ Фаикъ-паши, начальника ванской дивизіи. Эти войска тотчасъ начали обходъ по ванской дорогѣ нашего праваго фланга. Дѣйствуя съ этой стороны, турки расчитывали войти въ связь съ войсками Измаилъ-паши, которыхъ ожидали съ часа на часъ изъ Діадина, и тогда рѣшительнымъ ударомъ отбросить насъ отъ Баязета. Для противодѣйствія обходу, изъ резерва былъ высланъ 3-й баталіонъ Крымскаго полка, подъ командою маіора Гурова. Онъ занялъ оборонительную позицію на высотѣ селеній Майрамангъ и Кызылъ-Дизе и вступилъ въ перестрѣлку съ турецкою пѣхотою. Но, спустя нѣкоторое время, сильный огонь непріятельской цѣпи заставилъ его нѣсколько отступить назадъ, чтобы укрыться на болѣе удобной позиціи. Здѣсь баталіонъ оставался до вечера, сдерживая наступленіе непріятеля. Фаикъ-паша, по прибытіи съ войсками изъ Таперива, направилъ полковника Хаджи-Ахметъ-бея, съ баталіономъ 2-го призыва, и Ахметъ-Турки-эфенди, тоже съ баталіономъ, по лѣвую сторону Зангязора. По всѣмъ вѣроятіямъ, эти баталіоны и дѣйствовали противъ трехротнаго баталіона Крымскаго полка.

Изъ колонны, собранной для встрѣчи непріятеля, ожидавшагося со стороны Діадина, по приказанію начальника отряда, были отправлены на усиленіе войскъ, дѣйствовавшихъ противъ цитадели, 1-й баталіонъ Ставропольскаго полка и двѣ роты александропольскаго крѣпостнаго полка. Эти войска, по распоряженію генералъ-маіора князя Амилахвари, заняли позицію на горахъ въ интервалѣ между 3-мъ баталіономъ Крымскаго полка и войсками нашего праваго фланга, но простояли все время въ бездѣйствіи, не при-

неся ровно никакой пользы. 5-я и 6-я роты крымцевъ, а также драгунскій и казачій полки, съ конною батареею, предназначены были для встрѣчи войскъ Измаилъ-паши, и вмѣстѣ съ тѣмъ роты прикрывали 5-ю батарею 19-й бригады.

Около трехъ часовъ пополудни показалась непріятельская кавалерія, быстро приближавшаяся изъ Діадина, при которой слѣдовало нѣсколько орудій. Въ то же время по ванской дорогѣ также двигалась турецкая кавалерія съ двумя дальнобойными орудіями, которыя открыли огонь по 5-й батареѣ и заставили ее сняться съ позиціи и отъѣхать значительно назадъ, ближе къ Баязету. Вмѣстѣ съ тѣмъ отступили и всѣ войска, находившіяся съ батареею. Къ этому времени нашъ отрядъ уже держалъ въ своихъ рукахъ полную побѣду надъ непріятелемъ, блокировавшимъ цитадель, и потому свободно могъ встрѣтить кавалерію, наступавшую изъ Діадина, которая, впрочемъ, вскорѣ отступила и совершенно скрылась изъ вида—вѣроятно, опасаясь полнаго пораженія; пѣхота же турецкая не прибыла до самаго вечера. Такимъ образомъ, 5-я и 6-я роты крымцевъ въ этотъ день непосредственнаго участія въ бою не принимали.

Около двухъ часовъ пополудни, 2-я и часть 3-й роты 1-го баталіона, преодолѣвъ всѣ трудности, взобрались по едва проходимымъ въ скалахъ тропинкамъ на высоты, откуда представилась возможность зайти въ тылъ праваго фланга непріятельской позиціи. Какъ только турки замѣтили обходъ, тотчасъ же стали снимать свои орудія съ высоты, съ которой до того времени дѣйствовали; вмѣстѣ съ тѣмъ отступила и пѣхота, находившаяся на позиціи за скалами впереди своихъ орудій. Она заняла другую позицію противъ наступавшихъ 2-й и части 3-й роты Крымскаго полка и открыла по нимъ частый ружейный огонь. Съ присоединеніемъ къ крымцамъ роты 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, численный перевѣсъ въ силахъ все-таки былъ на сторонѣ турокъ, но, не смотря на это, роты дружнымъ ударомъ оттѣснили непріятеля и зашли ему въ тылъ. Съ этой минуты турки не могли долго держаться на своемъ правомъ флангѣ; для окончательнаго же снятія ими блокады оставалось только вытѣснить ихъ изъ за каменной стѣны

близъ цитадели. Находившійся противъ этой стѣны (завала) съ 4-ю ротою Крымскаго полка штабсъ-капитанъ Протасовъ послалъ просьбу генералу Бропевскому, черезъ ординарца, пріѣзжавшаго къ нему освѣдомиться о положеніи дѣла, чтобы артилерія обстрѣляла стѣну орудійнымъ огнемъ и тѣмъ дала бы возможность цѣпи приблизиться къ ней. Просьба была уважена, и вскорѣ два орудія въѣхали въ городъ, заняли позицію на юго-западной его окраинѣ и открыли пальбу по стѣнѣ. Но гранаты не причиняли ей ровно никакого вреда, вслѣдствіе чего артилеристы перешли къ шрапнели и начали ею поражать турокъ, засѣвшихъ за стѣною. Когда шрапнель разрывалась надъ ихъ головами, они на нѣсколько секундъ прекращали огонь, а цѣпь, пользуясь этимъ моментомъ, подпималась изъ за закрытій и, пробѣжавъ по крутому подъему нѣсколько десятковъ шаговъ, останавливалась и ложилась. День былъ чрезвычайно жаркій, и по близости не было капли воды, чтобы утолить томившую всѣхъ жажду. Такимъ образомъ, пользуясь каждымъ разрывомъ шрапнели, цѣпь, хотя и медленно, но все же подвинулась впередъ шаговъ на двѣсти. Достигнувъ послѣдняго оврага, штабсъ-капитанъ Протасовъ немедленно направилъ влѣво по балкѣ ближайшее звѣно 4-й роты, подъ командою старшаго унтеръ-офицера Ивана Тарасенко, приказавъ ему по дорогѣ взять еще нѣсколько расторопныхъ стрѣлковъ изъ роты, выползти съ ними скрытно на правый флангъ и открыть огонь вдоль стѣны; онъ указалъ ему даже и пунктъ, съ котораго удобнѣе всего можно было поражать непріятеля. Тарасенко съ неимовѣрными затрудненіями сталъ пробираться впередъ. Вскорѣ товарищи его, за исключеніемъ рядоваго Егора Шарабаркина, отъ крайняго изнуренія отстали, но взамѣнъ ихъ примкнули къ нему три нижнихъ чина другихъ частей войскъ. Эти герои ползкомъ подобрались къ пункту, съ котораго обнаруживалась внутренняя сторона каменной стѣны, нетороплнво утвердились на немъ и открыли по непріятельскому фронту мѣткій анфиладный огонь съ разстоянія не далѣе 300 шаговъ. Удивленные такою неожиданностью, турки сперва нѣсколько замялись, но потомъ обратили безпорядочный огонь на непрошеныхъ гостей. Воспользовавшись этимъ моментомъ, цѣпь дружно броси-

лась впередъ и, напрягая послѣднія силы, по чрезвычайно крутому скату ворвалась на стѣну. Одновременно съ нею изъ цитадели вышла небольшая команда, быстро заняла позицію по правую сторону каменной стѣны и отрѣзала непріятелю путь отступленія. Растерявшіеся турки не оказали сопротивленія; часть ихъ была переколота штыками, а до 80 человѣкъ положили оружіе и сдались военноплѣнными.

По овладѣніи каменною стѣною, вся наша боевая линія обоихъ фланговъ, не мѣшкая, дружно двинулась впередъ, преслѣдуя остатки разбитаго непріятеля. Миновавъ городъ и цитадель, войска спѣшили занять командующія высоты на горѣ Зядукъ-тави. Непріятель, безпорядочно отстрѣливаясь, бѣжалъ за вершины горъ и по дорогѣ бросалъ свои горныя орудія. Во время этого преслѣдованія, впереди цитадели, на горахъ, сосредоточились части различныхъ войскъ: цѣпь и резервы изъ ротъ Крымскаго и Ставропольскаго полковъ, кавказскаго стрѣлковаго баталіона, а также небольшая часть спѣшеныхъ казаковъ. Всѣ они немедленно спустились внизъ и заняли огромный непріятельскій лагерь. Турки же безостановочно бѣжали по направленію къ персидской границѣ; пересѣченная и незнакомая намъ мѣстность не позволила далѣе преслѣдовать ихъ, и они весьма быстро скрылись изъ вида. Наши войска остановились на занятыхъ ими вершинахъ, чтобы удержать ихъ за собою до выхода изъ цитадели всего гарнизона, съ ранеными и больными. Все вышеописанное произошло около четырехъ часовъ пополудни. Въ это время еще слышна была перестрѣлка, которую велъ съ непріятелемъ 3-й баталіонъ, а также 5-я и 6-я роты Крымскаго полка на діадинской дорогѣ. Но уже появленіе съ этой стороны непріятеля для насъ не имѣло особеннаго значенія, потому что въ данный моментъ у насъ находилось полныхъ $9\frac{1}{2}$ баталіоновъ.

Очистка баязетской цитадели продолжалась до наступленія сумерокъ. Особенно много времени заняла переноска раненыхъ и больныхъ, а также уборка имущества военно-временнаго госпиталя; однако вся эта работа окончилась еще задолго до наступленія темноты. Находившіяся все время въ составѣ баязетскаго гарни-

зона 7-я и 8-я роты Крымскаго полка имѣли крайне изнуренный видъ, который былъ лучшимъ доказательствомъ сильныхъ физическихъ и нравственныхъ страданій, перенесенныхъ ими. Для поправленія здоровья нижнихъ чиновъ этихъ ротъ требовалось продолжительное время, при хорошихъ санитарныхъ и гигіеническихъ условіяхъ. Надо было видѣть восторженное состояніе ротъ, когда онѣ, по выходѣ изъ цитадели, присоединились къ полку. Никакое краснорѣчивое описаніе не можетъ изобразить полной картины радостной встрѣчи съ товарищами и того особеннаго удовольствія, которое рельефно выражалось на лицахъ баязетскихъ затворниковъ отъ сознанія, что они честно исполнили свой долгъ. Вечеромъ, послѣ столь долгаго томленья, они въ первый разъ получили по чаркѣ водки и горячую мясную пищу.

Баязетъ представлялъ грустное зрѣлище: въ городѣ не было и признаковъ жизни; многіе дома стояли полуразрушенными или полуобгорѣвшими, въ уцѣлѣвшихъ же были выбиты двери и окна. Вездѣ бросались въ глаза слѣды звѣрства: на всѣхъ улицахъ и площадкахъ города валялись тѣла убитыхъ армянъ и трупы животныхъ, разлагавшіеся подъ жгучимъ солнцемъ и наполнявшіе воздухъ удушливымъ смрадомъ. Около родника, откуда гарнизонъ добывалъ себѣ воду, найдено нѣсколько убитыхъ солдатъ и казаковъ, какъ надо полагать, изъ оконъ ближайшихъ укрѣпленныхъ сакль, гдѣ помѣщались турецкіе стрѣлки, охранявшіе подступы къ водѣ. Одна улица близъ цитадели оказалась особенно заваленною большимъ числомъ убитыхъ людей и лошадей. 20-го іюня полкъ рано утромъ двинулся съ отрядомъ обратно въ Игдырь — конечно, безъ преслѣдованія непріятеля. Баязетъ, какъ совершенно утратившій военное значеніе, былъ оставленъ. При движеніи отряда встрѣтилось большое затрудненіе въ перевозкѣ раненыхъ, вынесенныхъ изъ баязетской цитадели, которыхъ было очень много. Такъ какъ они по большей части были ранены тяжело и не могли ѣхать на тряскихъ повозкахъ дивизіоннаго лазарета, то пришлось нести ихъ на носилкахъ. Ночлегъ былъ у сел. Карабулаха.

По повѣркѣ, уронъ нашъ 28-го іюня оказался невѣроятно малымъ: убыло изъ всего отряда только 20-ть нижнихъ чиновъ,

въ числѣ которыхъ 11 убитыхъ и раненыхъ Крымскаго полка. Что касается офицеровъ Крымскаго полка, то изъ числа ихъ раненъ только одинъ—прапорщикъ Шереметовъ [7]). Такую незначительную потерю въ серьезномъ дѣлѣ надо отнести единственно къ искуcству лицъ, начальствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ нашего боеваго порядка. Участники этого боя могутъ гордиться тѣмъ, что ими была преслѣдуема единственная цѣль—одолѣть непріятеля съ возможно меньшими жертвами, сберегая вездѣ дорогую жизнь солдата. За все время осады баязетской цитадели убыль нижнихъ чиновъ 7-й и 8-й ротъ Крымскаго полка состояла изъ 91 человѣка, въ томъ числѣ 37-мь убитыхъ, 47-мь раненыхъ и 7-мь человѣкъ безъ вѣсти пропавшихъ—что, по отношенію къ общему наличному числу 344 человѣкъ обѣихъ ротъ, составитъ 27%.

По освобожденіи баязетскаго гарнизона, полкъ снова собрался въ полномъ своемъ составѣ. Выдержавъ въ короткое время нѣсколько серьезныхъ дѣлъ съ непріятелемъ, перенеся массу разнаго рода лишеній, истощенный физически, онъ тѣмъ не менѣе не оскудѣлъ нравственными силами и еще болѣе укрѣпился въ своемъ боевомъ духѣ; сверхъ этого, къ чести офицеровъ нужно отнести особенную заботливость о сбереженіи здоровья и силъ солдата. Генералъ Тергукасовъ глубоко чувствовалъ и понималъ положеніе отряда и всѣ труды его, потому что пережилъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ какъ простой солдатъ, и онъ запечатлѣлъ ихъ въ новомъ прочувствованномъ приказѣ слѣдующаго содержанія:

„Войска эриванскаго отряда! Слишкомъ три недѣли вы провели среди лишеній, въ безпрерывныхъ трудахъ, походахъ и сраженіяхъ, но не оставили непріятелю ни одного изъ 600 раненыхъ и больныхъ и спасли болѣе 20,000 человѣкъ тѣхъ несчастныхъ христіанъ турецкой Арменіи, которымъ угрожала смерть отъ неистовства баши-бузуковъ. Наконецъ, 23-го іюня достигли вы предѣловъ отечества, но на васъ еще лежала священная обязанность спасти своихъ товарищей, осажденныхъ въ баязетской цитадели.

[7]) Рана эта занесена ему въ послужной списокъ въ іюнѣ 1878 г., на основаніи приказа по военному вѣдомству 6-го февраля 1874 г. № 60.

Въ то время, какъ вы сражались въ горахъ Драмъ-дага и на равнинахъ Алашкерта, гарнизонъ баязетской цитадели, атаковавшый регулярными непріятельскими войсками и огромными скопищами курдовъ и баши-бузуковъ, геройски боролся съ неравными силами, испытывая необычайныя лишенія. Томимый голодомъ и жаждой, гарнизонъ цѣною крови добывалъ себѣ воду, можно сказать, по каплѣ изъ ручья, заваленнаго гніющими трупами. Но, не смотря на всѣ страданія, гарнизонъ съ презрѣніемъ отвергалъ унизительныя для русскаго оружія неоднократныя предложенія непріятеля. Доведенный лишеніями до крайней степени изнеможенія, онъ уже рѣшился умереть со славой—но въ это время явились вы, спасители собратій!

„Войска эриванскаго отряда! Едва возвратились вы изъ труднаго похода, какъ вѣсть о несчастномъ положеніи товарищей призвала васъ къ новымъ подвигамъ. Я видѣлъ утомленіе моего отряда, но видѣлъ и нетерпѣніе его броситься на помощь погибавшимъ, а потому, не давъ вамъ необходимаго отдыха, я немедленно повелъ васъ къ стѣнамъ Баязета. 28-го іюня вы атаковали 13-титысячный непріятельскій корпусъ, при 13-ти орудіяхъ, занявшій почти недоступныя вершины скалъ, окружающихъ Баязетъ. Послѣ 8-ми часовой перестрѣлки, вы взяли штурмомъ непріятельскую позицію, покрытую его тѣлами, и овладѣли четырмя орудіями, всѣмъ лагеремъ и большими военными запасами.

„Объ этихъ новыхъ подвигахъ ввѣреннаго мнѣ отряда я имѣлъ счастіе донести Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему слѣдующей телеграммой: „сегодня въ 8-мь часовъ утра войска ввѣреннаго мнѣ отряда, въ составѣ 8-ми баталіоновъ пѣхоты, 24 орудій, 15 сотенъ и 4 эскадроновъ, атаковали непріятельскій тринадцати-тысячный корпусъ, осаждавшій цитадель. Послѣ 8-ми часовой перестрѣлки и канонады, войска взяли штурмомъ командующія городомъ высоты; весь непріятельскій корпусъ наголову разбитъ и разсѣянъ. Сверхъ нанесенной ему огромной потери убитыми и ранеными, взято четыре орудія, около 80 плѣнныхъ, весь лагерь и много военныхъ и другихъ запасовъ. Цитадель освобождена; гарнизонъ ея и всѣ больные и раненые до послѣдняго че-

ловѣка выведены, такъ какъ городъ, разрушенный до основанія послѣдними событіями, лишился всякаго значенія. Съ нашей стороны потеря весьма незначительна, но въ точную извѣстность еще не приведена. Всѣ роды войскъ мужествомъ и братскимъ содѣйствіемъ явили себя попрежнему достойными всякой похвалы. Имѣю счастіе поздравить Ваше Высочество съ освобожденіемъ геройскаго гарнизона, бодро выдержавшаго двадцати-трехдневную осаду, при чрезвычайныхъ лишеніяхъ всякаго рода". На это донесеніе я былъ осчастливленъ слѣдующимъ отвѣтомъ Его Высочества: „отъ всего сердца поздравляю, благодарю и обнимаю. Его Величество изволилъ приказать поздравить васъ съ Георгіемъ 3-й степени, передать Свое спасибо всѣмъ начальникамъ, офицерамъ и нижнимъ чинамъ; поспѣшите представленіемъ всѣхъ отличившихся. Государь желаетъ знать, кто составлялъ гарнизонъ баязетской цитадели, и кто имъ командовалъ. Надѣюсь, до скораго свиданія. Михаилъ".

„Войска эриванскаго отряда! Теперь вы вдвойнѣ счастливы: и доблестнымъ исполненіемъ священныхъ обязанностей воиновъ и заслуженнымъ Царскимъ „спасибо". Войска бывшаго баязетскаго гарнизона! Въ этомъ приказѣ я перечислилъ лишь вкратцѣ геройскіе подвиги ваши посреди необычайныхъ лишеній и страданій, подвиги, достойные русскаго солдата, которые навсегда останутся примѣромъ вашимъ потомкамъ, и которые такъ милостиво оцѣнены Государемъ Императоромъ и нашимъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ. Я твердо увѣренъ, что вы всегда останетесь достойными славы, вами заслуженной, милостей возлюбленнаго Государя и благодарности отечества" [8]).

30-го іюня полкъ перешелъ на Орговскій постъ. На пути было получено извѣстіе о смерти въ Игдырѣ полковника Слюсаренко, послѣдовавшей отъ раны, полученной въ дѣлѣ у Даяра.

1-го іюля полкъ вступилъ въ селеніе Али-Камарлю и расположился лагеремъ по тѣнистымъ фруктовымъ садамъ, принадлежащимъ обывателямъ. Для прикрытія чингильскаго перевала осталась

---

[8]) Приказъ по отряду 30-го іюня № 108.

колонна, организованная раньше для этой цѣли; въ составъ ея входила 10-я рота Крымскаго полка. Для наблюденія же за караванъ-сарайскимъ переваломъ былъ отправленъ Уманскій казачій полкъ кубанскаго войска.

Этими дѣйствіями заканчивается первый періодъ войны эриванскаго отряда въ азіятской Турціи. Планъ, начертанный для него въ началѣ кампаніи, былъ разрушенъ неудачнымъ исходомъ боя подъ Зивиномъ, вслѣдствіе чего отрядъ принужденъ былъ отступить съ Драмъ-дага, а главныя силы кавказскаго корпуса, осаждавшія кр. Карсъ, отошли къ Кюрюкъ-Дара. На всѣхъ пунктахъ, гдѣ только мы встрѣчались съ непріятелемъ, наши силы оказывались значительно слабѣе. Нужно было навремя отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій, чтобы выждать прибытія подкрѣпленій, уже слѣдовавшихъ съ Кавказа и изъ внутреннихъ губерній, и принять оборонительное положеніе. Въ виду послѣдняго условія, назначеніемъ эриванскаго отряда стало—защищать границы на протяженіи слишкомъ 60 верстъ, считая отъ горы Арарата до селенія Кульпы.

VII.

Двадцати-трехдневная осада турками Баязета. Пребываніе отряда въ Игдырѣ. Пріѣздъ Главнокомандующаго. Приказъ. Награды.

Осада Баязета въ минувшую войну представляетъ собою отдѣльный эпизодъ, замѣчательный не столько въ стратегическомъ отношеніи, сколько лестный для нашего оружія и славный для кавказской арміи, въ особенности для частей войскъ, составлявшихъ злополучный гарнизонъ цитадели. Этотъ эпизодъ однако нельзя относить къ случайнымъ и неожиданнымъ явленіямъ кампаніи 1877—1878 годовъ, подобно сраженію при Даярѣ; напротивъ, онъ истекалъ изъ обширнаго и смѣлаго общаго плана дѣйствій Мух-

таръ-паши, цѣль котораго была—во что бы ни стало вторгнуться въ Эриванскую губернію и возбудить противъ насъ все мусульманское населеніе. Въ телеграммѣ къ командующему ванскимъ отрядомъ Фаикъ-пашѣ онъ писалъ: „въ виду незначительности непріятельскихъ силъ въ Эриванской губерніи, слѣдуетъ, насколько возможно, стараться проникнуть въ глубь этой страны. Иррегулярныя войска наши, благодаря ихъ алчности къ добычѣ, могутъ съ успѣхомъ исполнить эту задачу“. Къ нашему счастью, Фаикъ-паша неумѣло и нерѣшительно отнесся къ этому важному порученію, которое могло повести за собою для насъ рядъ чрезвычайныхъ затрудненій, въ особенности послѣ роковаго зивинскаго боя и при томъ невѣдѣніи нашемъ о всѣхъ преднамѣреніяхъ и силахъ противника, въ которомъ мы постоянно пребывали.

Какъ извѣстно, рекогносцировка генералъ-маіора кн. Амилахвари изъ Сурпъ-Оганеза къ Вану не открыла никакихъ непріятельскихъ сборовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они существовали, и лазутчики намъ о нихъ удостовѣряли. Однако безуспѣшность этой рекогносцировки не усыпила энергическаго, предусмотрительнаго и осторожнаго генерала Тергукасова, и онъ, имѣя въ виду двинуться на Драмъ-дагъ, счелъ нужнымъ усилить баязетскій гарнизонъ, не взирая даже на то, что слабость его отряда вовсе не допускала такой жертвы, и каждая лишняя въ немъ рота была неоцѣненнымъ для него достояніемъ. Согласно его распоряженію, на усиленіе баязетскаго гарнизона двинулись 14-го мая изъ Сурпъ-Оганеза 7-я и 8-я роты Крымскаго полка, въ составѣ 5 оберъ-офицеровъ, 44 унтеръ-офицеровъ, 4 музыкантовъ и 296 рядовыхъ, съ ротнымъ обозомъ, состоявшимъ изъ двухъ нѣмецкихъ фургоновъ, и съ тремя полковыми фургонами въ 12 лошадей.

Вскорѣ по прибытіи крымцевъ въ Баязетъ, лазутчики снова начали доставлять свѣдѣнія о сборѣ значительныхъ силъ и о приближающейся, вслѣдствіе этого, серьезной опасности для нашего малочисленнаго гарнизона. Но, къ сожалѣнію, ихъ свѣдѣнія были крайне разнорѣчивы и поэтому, теряя значительную долю правдоподобности, заставляли относиться къ нимъ не безъ оттѣнка нѣкотораго равнодушія. Одни изъ нихъ утверждали, что непріятельскія

войска уже собрались и скоро двинутся на Баязетъ; другіе увѣряли, что они уже идутъ и находятся близко, и наконецъ, третьи, изъ преданности къ туркамъ, просто обманывали насъ, удостовѣряя, что всѣ эти слухи ложны, что никакихъ сборовъ нѣтъ и ничему вѣрить не слѣдуетъ. Если мы склонны были допустить дѣйствительность даже послѣдняго свѣдѣнія, то и тогда намъ не должно было оставлять его безъ развѣдокъ и разслѣдованія уже въ виду того, что мы хорошо знали объ удаленіи изъ Баязета въ г. Ванъ, при занятіи его 16-го апрѣля казачьимъ разъѣздомъ, двухъ баталіоновъ непріятельской пѣхоты, съ артиллеріею и кавалеріею, которые могли послужить хорошимъ кадромъ для комплектованія новыхъ частей. Но если всѣмъ слухамъ первымъ двухъ категорій мы придавали хоть какое нибудь значеніе—чего иначе и быть не должно—да при этомъ еще знали, что имѣемъ въ Баязетѣ весьма слабый гарнизонъ, то намъ неизбѣжно, непремѣнно и заблаговременно нужно было принять энергическія мѣры на случай внезапной и даже продолжительной осады, т. е. запастись водой, хлѣбомъ и привести цитадель въ хорошее оборонительное положеніе. Но этого не сдѣлано, и на донесенія лазутчиковъ продолжали слишкомъ мало обращать вниманія, хотя курды часто угрожали баязетскимъ армянамъ близкою кровавою расправою за ихъ дружеское расположеніе къ намъ.

Не задолго до начала осады, командующимъ войсками баязетскаго округа, на мѣсто Ставропольскаго полка подполковника Ковалевскаго, былъ назначенъ Крымскаго полка подполковникъ Пацевичъ. Онъ, наконецъ, рѣшился, хотя и поздно, сдѣлать рекогносцировку. Взявъ съ собою полусотню казаковъ и двѣ сотни милиціонеровъ, Пацевичъ 4-го іюня отправился по дорогѣ къ г. Вану. Верстахъ въ десяти отъ г. Баязета онъ встрѣтилъ около 500 курдовъ и, послѣ небольшой съ ними перестрѣлки, возвратился въ Баязетъ, потерявъ двухъ или трехъ нижнихъ чиновъ ранеными. Только съ этой минуты комендантъ Баязета капитанъ Штоквичъ началъ дѣлать приготовленія на случай осады; но благопріятное время ушло, до кризиса оставалось его немного, и нельзя было снабдить цитадель всѣмъ необходимымъ. Запаса сухарей не было; да-

ПЛАНЪ Г. БАЯЗЕТА

Масштабъ 1 верста въ дюймѣ

же десятидневная ихъ пропорція, хранившаяся по положенію въ 7-й и 8-й ротахъ Крымскаго полка, была вся израсходована, такъ какъ къ этимъ ротамъ прикомандировывались на довольствіе всѣ проходящія команды; подрядчики же сухарнаго довольствія, турецкіе армяне Мустафа-ага и Саркисъ-ага, не успѣвали выпекать на гарнизонъ достаточнаго количества хлѣба. Такъ какъ о замѣнѣ ихъ другими, болѣе исправными, вопросъ не возбуждался, то гарнизонъ цитадели остался съ самымъ ограниченнымъ запасомъ сухарей. 5-го іюня перевезли въ цитадель остатки сухарей и найденную пшеницу и ячмень.

Внутри цитадели были фонтанъ и басейнъ довольно порядочныхъ размѣровъ, который наполнялся изъ родника, находившагося на горѣ, верстахъ въ четырехъ къ востоку. Но, къ несчастью, басейнъ оказался испорченнымъ. Не смотря на все стараніе исправить его, за недостаткомъ времени этого исполнить не удалось. Поэтому комендантъ приказалъ 4-го іюня собрать всю наличную посуду, какъ то: бочки, ведра, котелки и прочая и ежедневно наполнять ихъ водою. Цитадель также не успѣли приспособить къ ружейной и артиллерійской оборонѣ—что и было причиною большой потери въ людяхъ въ первые дни осады. Хотѣли заранѣе на стѣнахъ цитадели построить изъ мѣшковъ, набитыхъ землею, или, за неимѣніемъ ихъ, изъ камней и земли закрытія для стрѣлковъ, а въ казармахъ, гдѣ безъ крайней необходимости нельзя было заваливать окна, хотѣли около нихъ также заготовить камни и мѣшки съ землею; наконецъ, позади цитадели площадку съ каменной стѣной, гдѣ впослѣдствіи стояли наши два орудія, также предполагали привести въ оборонительное положеніе, но ничего этого не успѣли сдѣлать, и орудія на площадкѣ остались совершенно открытыми. Всѣ эти приспособленія и исправленія были произведены уже во время осады самими солдатами, безъ всякаго понужденія со стороны коменданта.

6-го іюня, въ четыре часа утра, подполковникъ Пацевичъ предпринялъ вторую усиленную рекогносцировку къ сторонѣ Вана, для окончательнаго опредѣленія силъ уже собиравшагося, какъ стало навѣрное извѣстно, тамъ непріятеля. Въ составъ колонны

вошли три роты 2-го баталіона Ставропольскаго полка и 7-я рота Крымскаго полка, бывшая подъ командою капитана Лебедева, три сотни казаковъ и вся наличная милиція. Въ Баязетѣ остались: 8-я рота Крымскаго полка, рота Ставропольскаго полка подъ командою поручика Гапонова, два орудія 4-й батареи 19 бригады и команда казаковъ. Рекогносцировочная колонна, отойдя отъ Баязета 18-ть верстъ, встрѣтила большія скопища курдовъ и, перестроившись изъ походнаго въ боевой порядокъ, спустилась съ горъ на долину. Передовые непріятельскіе разъѣзды отступили безъ выстрѣла. Между тѣмъ, съ противуположныхъ горъ стали также спускаться въ долину другія скопища, предварительно раздѣлившись на три сильныхъ партіи; они начали наступать съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Нашему отряду, въ виду большой несоразмѣрности силъ, ввязываться въ бой не приходилось, тѣмъ болѣе, что рекогносцировка достигла цѣли, поэтому колонна начала медленно отступать обратно къ Баязету. Замѣтивъ это движеніе, курды стали все болѣе и болѣе насѣдать. Вскорѣ между ними и нашею цѣпью разгорѣлась сильнѣйшая перестрѣлка. Колонна сначала отступала спокойно и правильно, но, по мѣрѣ того, какъ была охватываема съ фланговъ, и уронъ ея становился все сильнѣе, начала спѣшить, суетиться и сбиваться въ плотную массу. Курды, пользуясь ея замѣшательствомъ, съ трехъ сторонъ осыпали ее градомъ пуль. Не смотря на то, что, вслѣдствіе спѣшнаго отступленія, резервъ перемѣшался съ цѣпью, и боевой порядокъ потерялъ свою правильную форму, 7-я рота крымцевъ, у которой старшими въ цѣпи были унтеръ-офицеры Францъ Верховскій и Кондратій Жаркихъ, не потеряла своей связи и по мѣрѣ силъ отбивалась отъ направшей на нее лавины. Мужество и распорядительность этихъ двухъ нижнихъ чиновъ воодушевляли ихъ остальныхъ товарищей, среди которыхъ особенно славными въ этотъ день именами записаны въ лѣтописи полка имена рядовыхъ: Михаила Пѣшкова, Ивана Назарова, Ивана Кузнецова, Андрея Пивненко, Осипа Шепюховича, Петра Тетеркина, Недоруба и Любимова. Едва сдерживая натиски громадныхъ силъ, колонна поспѣшно, безпорядочно, но вполнѣ геройски отступала къ Баязету, не упуская подбирать по

пути своихъ убитыхъ и раненыхъ, число которыхъ достигло, наконецъ, до 40 человѣкъ. Командиръ 2-го баталіона Ставропольскаго полка подполковникъ Ковалевскій былъ убитъ еще при первыхъ натискахъ курдовъ; подполковникъ же Пацевичъ, съ тремя сотнями казаковъ, ускакалъ въ Баязетъ для распоряженій; уѣзжая, онъ поручилъ командованіе колонною войсковому старшинѣ 1-го Хоперскаго полка Квашину, который привелъ ее обратно къ вечеру того же дня.

До послѣдней нашей войны съ турками курды почему-то считались нами народомъ воинственнымъ, но множество фактовъ прошлой кампаніи и въ особенности рекогносцировка 6-го іюня даютъ объ нихъ совершенно обратное заключеніе. Въ этотъ день они превышали нашу колонну болѣе чѣмъ въ пятьдесятъ разъ и ограничились всего лишь ружейнымъ огнемъ, давъ ей возможность отступить болѣе или менѣе благополучно, тогда какъ должны были совершенно истребить ее. Это даетъ поводъ предполагать, что храбрости курдовъ мы вѣрили по турецкимъ и персидскимъ источникамъ, которые не разъ уже давали намъ возможность убѣдиться, что мусульманская храбрость—не стойкость и мужество, а кратковременное увлеченіе и выраженіе звѣрства и кровожадности при подавленіи слабаго и притомъ не страшнаго для нихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ противника.

Когда колонна подошла къ Баязету на семь верстъ, къ ней присоединились высланныя изъ крѣпости остававшіяся тамъ двѣ роты. 8-я рота крымцевъ заняла позицію вправо отъ дороги, а рота Ставропольскаго полка влѣво. Открывъ мѣткій огонь по толпамъ курдовъ, роты разомъ осадили ихъ назадъ, хотя и не заставили прекратить перестрѣлку и самое преслѣдованіе. Вслѣдствіе этого, безпорядочныя толпы непріятеля, въ увлеченіи своемъ, попали подъ орудійные выстрѣлы нашихъ двухъ 4 фунт. орудій, привѣтствовавшихъ ихъ изъ крѣпости. Гранаты ложились очень удачно въ самую середину скопища, и оно быстро разсыпалось въ разныя стороны. Такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ двухъ свѣжихъ ротъ и двухъ орудій, колонна вошла въ цитадель, принеся съ собою всѣхъ раненыхъ и убитыхъ. 7-я рота крымцевъ этимъ

сбереженіемъ своихъ пострадавшихъ товарищей обязана своему фельдфебелю Ивану Ляпину, который на этотъ случай получилъ категорическое приказаніе капитана Лебедева и исполнилъ его въ точности.

Въ турецкихъ источникахъ [1]), о рекогносцировкѣ 6-го іюня находимъ слѣдующее: „съ цѣлью отбить угнанный скотъ, небольшой отрядъ русскихъ вышелъ изъ Баязета 6-го іюня, т. е. на другой день послѣ прибытія турецкаго отряда въ Таперизъ, и утромъ того же дня достигъ мѣстности Инджe-су, находившейся въ получасовомъ разстояніи отъ Тапериза. Непріятельскій отрядъ вступилъ здѣсь въ дѣло съ придаточными войсками, находившимися на правомъ флангѣ расположенія ванскаго отряда, не подозрѣвая присутствія всего отряда, прибывшаго сюда лишь 24 часа тому назадъ. Неожиданное появленіе двухъ ротъ пѣхоты и двухъ эскадроновъ кавалеріи, съ нѣсколькими орудіями, заставило ихъ обратиться въ бѣгство. Наши солдаты преслѣдовали и перебили значительное число ихъ; остальные скрылись въ оборонительныхъ казармахъ Баязета". Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 17, говорится, что противъ рекогносцировочной колонны сперва было выслано, для подкрѣпленія курдовъ, два эскадрона кавалеріи и потомъ два баталіона пѣхоты, причемъ иррегулярныя войска преслѣдовали отступавшую къ Баязету колонну. И далѣе: „отступавшую колонну къ Баязету преслѣдовала иррегулярная пѣхота и кавалерія и два эскадрона регулярной кавалеріи".

Въ оправдательномъ рапортѣ Фаикъ-паши находимъ весьма интересное показаніе о нашей рекогносцировкѣ 6-го іюня [2]):

„На другой день по прибытіи моемъ въ Таперизъ, часть ввѣренныхъ мнѣ войскъ самовольно продвинулась впередъ на разстояніе около $1^1/_2$ часа отъ Инджe-су, гдѣ вступила въ дѣло съ непріятелемъ. Будучи увѣдомленъ объ этомъ нашими передовыми постами, я сейчасъ поднялся на возвышенность, откуда и увидѣлъ отступленіе нашихъ иррегулярныхъ войскъ. Немедленно я приказалъ двумъ

[1]) „Военный Сборникъ" 1879 г. № 11.
[2]) „Военный Сборникъ" 1879 г. № 12.

эскадронамъ кавалеріи, подъ начальствомъ адъютанта маіора Гусейнъ-ага, а позже и 2-му баталіону 6-го полка, съ двумя горными орудіями, подъ начальствомъ маіора Мехмедъ-Али, двинуться на выручку. Вслѣдъ за этими частями я направилъ и 3-й баталіонъ полка Ибрагимъ-паши, отправившись и самъ къ мѣсту боя. Кавалерія, быстро обойдя правый флангъ непріятеля, поражала его сильнымъ огнемъ въ то время, какъ подходили наши баталіоны. Противникъ принужденъ былъ отступить къ Баязету, оставивъ шесть или семь тѣлъ на мѣстѣ. Кавалерія наша, курды и иррегулярная пѣхота преслѣдовали его до города. Непріятель, отойдя къ Баязету, пытался продолжать свое отступленіе къ Карабулаху, но былъ задержанъ вооруженными жителями окрестностей Баязета. Тогда, перемѣнивъ направленіе, онъ бросился къ границѣ Персіи, но и здѣсь снова былъ остановленъ вооруженными жителями Джеламо. Не имѣя другаго исхода, онъ принужденъ былъ укрыться въ баязетской оборонительной казармѣ. Свѣдѣніе это сообщилъ мнѣ къ вечеру того же дня Гусейнъ-ага, по возвращеніи его въ Таперизъ,—что служитъ доказательствомъ тому, что непріятель не самовольно. занялъ баязетскую казарму, но былъ къ тому вынужденъ".

Подобное искаженіе фактовъ доказываетъ желаніе турокъ замаскировать всѣ свои неудачныя дѣйствія. Когда наша колонна вошла въ цитадель, курды, обскакавъ по горамъ городъ, появились въ огромныхъ массахъ съ его южной стороны. Съ этой минуты началась блокада, и нашимъ войскамъ не представлялось возможнымъ оставаться въ лагерѣ. Настала необходимость занять прочно цитадель.

Рекогносцировкой 6-го іюня мы привели непріятеля у себя на плечахъ, обнаружили передъ нимъ свою малочисленность и ускорили блокаду Баязета. Около шести часовъ вечера всѣ войска вошли въ цитадель, забравъ съ собою лагерь и прочее имущество. Но такъ какъ для казачьихъ и милиціонныхъ лошадей помѣщенія не оказалось, то приказано было оставить ихъ внѣ цитадели, около турецкой казармы, находившейся у воротъ ея съ восточной стороны; въ цитадель же были введены только лошади, принадлежавшія взводу 4-й батареи 19-й бригады, а также всѣ артельныя и

казенно-подъемныя. Остававшихся за стѣнами цитадели казачьихъ лошадей, съ наступленіемъ ночи, курды безнаказанно забрали вмѣстѣ съ сѣдлами и даже съ переметными сумками, въ которыхъ находились сухари и походное имущество казаковъ и милиціонеровъ.

Съ минуты блокады наши войска уже не имѣли возможности выходить въ городъ, занятый непріятелемъ, и добывать себѣ воду и продовольствіе. Въ этотъ же вечеръ непріятель отвелъ воду родника, изъ котораго могъ наполняться басейнъ. Вслѣдъ затѣмъ, курды, разсыпавшись по всему городу, произвели такія неистовства, о которыхъ безъ содроганія нельзя вспомнить. На глазахъ всего гарнизона они занялись поголовнымъ истребленіемъ армянскаго населенія, рѣзали его сотнями и бросали живыхъ дѣтей въ пламя горѣвшихъ домовъ; городъ во многихъ мѣстахъ пылалъ. Сначала войска одиночными выстрѣлами и залпами разгоняли толпы курдовъ, но потомъ комендантъ цитадели запретилъ это въ виду сбереженія патроновъ, остававшихся у насъ въ ограниченномъ числѣ.

Рѣзня въ городѣ продолжалась дня три или четыре. Непріятель, занявъ ближайшія возвышенности, примыкавшія къ цитадели, и обывательскіе дома, продолжалъ неустанно днемъ и ночью осыпать градомъ пуль окна и площадки, находившіяся наверху цитадели. 7-го же іюня къ ружейному огню прибавился артилерійскій изъ 4-хъ орудій, привезенныхъ турками утромъ. Вмѣстѣ съ артилеріей вѣроятно прибыли и пѣхотныя части изъ Вана, такъ какъ въ этотъ день турки пытались овладѣть цитаделью штурмомъ: они произвели атаку, но были встрѣчены такимъ мѣткимъ и убійственнымъ огнемъ, что, понеся огромныя потери (до 300 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ), быстро отступили за возвышенности и за городскія строенія [3]). Послѣ этой дорого стоющей попытки, непріятель уже не рѣшался взять цитадель приступомъ, а обратился къ блокадѣ, производя почти круглыя сутки безпрерывный ружейный и артилерійскій огонь. Наши дежурныя части, находившіяся по-

[3]) Во время штурма тяжело раненъ подполковникъ Пацевичъ.

стоянно около амбразуръ, стрѣляли только по видимымъ цѣлямъ. Чтобы сберечь патроны къ своимъ игольчатымъ винтовкамъ, стрѣлки производили стрѣльбу по большей части изъ 12-ти турецкихъ ружей Снейдера, оставленныхъ турками въ цитадели съ огромнымъ запасомъ патроновъ. Не смотря на постоянное расходованіе почти исключительно только этихъ однихъ патроновъ, ко дню освобожденія отъ блокады ихъ все-таки осталось еще очень много.

Дня три или четыре турки никакъ не могли выбрать удобной позиціи для своихъ орудій. Когда они ставили ихъ на высотѣ, находившейся прямо противъ воротъ цитадели, то наши стрѣлки сбивали ихъ оттуда ружейнымъ огнемъ; если же занимали позицію на высотѣ къ югу отъ цитадели, то наши орудія послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ заставляли ихъ умолкать. Высоты же къ сѣверу отъ цитатели не представляли удобной позиціи. Наконецъ, въ ночь съ 11-го на 12-е іюня непріятель построилъ три батареи на высотахъ, окружающихъ цитадель. Одна батарея на два орудія находилась съ восточной стороны, прямо противъ воротъ цитадели; другія двѣ—на сѣверо-востокъ отъ цитадели, каждая на одно орудіе. При этомъ новомъ положеніи батарей, наши стрѣлки потеряли возможность наносить вредъ орудійной прислугѣ, такъ какъ она имѣла хорошія закрытія. Наши же орудія вовсе не могли дѣйствовать по средней батареѣ съ площадки, бывшей позади цитадели, такъ какъ казармы закрывали собою эту цѣль. Вслѣдствіе такого неудобнаго расположенія нашихъ орудій, поставили одно орудіе на второй этажъ казармы, расположенной между первымъ и вторымъ дворомъ, и окно ея обратили въ амбразуру. Отсюда командиръ взвода поручикъ Томашевскій часто заставлялъ умолкать среднюю батарею. Мѣткая стрѣльба его чрезвычайно не нравилась туркамъ, и они прилагали всѣ усилія, чтобы подбить орудіе. Дѣйствительно, разъ они чуть-чуть не достигли цѣли: граната попала въ дульную часть тѣла, но, къ счастью, особеннаго ущерба ему не причинила. Вообще говоря, артиллерійскій огонь непріятеля не приносилъ намъ ровно никакого вреда; стѣны цитадели и казармъ оказались несокрушимыми.

Недостатокъ въ водѣ началъ ощущаться съ первыхъ же дней осады. До 9-го іюня выдавали ее только по одной крышкѣ въ день на человѣка, а послѣ 9-го числа эту порцію еще уменьшили,—и такая дача уже оказывалась совсѣмъ ничтожною, въ особенности при стоявшихъ въ то время жарахъ и при усиленной дѣятельности, какая кипѣла тогда въ цитадели. Чтобы избавить гарнизонъ отъ мучительныхъ страданій, происходившихъ отъ жажды, рѣшено было предпринять вылазку за водою; но такъ какъ до ручья приходилось пробѣгать по совершенно открытой мѣстности, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, то для устраненія этого неудобства 9-го іюня прорыли отъ ретираднаго мѣста до ручья траншею, которая бы нѣсколько могла прикрывать людей, высылаемыхъ за водою. Впрочемъ, эта траншея, какъ оказалось впослѣдствіи, не много помогала. Турки и курды зорко наблюдали какъ днемъ, такъ и ночью за ручьемъ; у нихъ постоянно находился значительный караулъ вблизи его. Въ особенности сильный караулъ стоялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ болѣе удобный спускъ къ ручью. Для помѣщенія караула они приспособили дома обывателей, расположенные вдоль ручья, и потому подходить къ водѣ скрытно не было никакой возможности. Но, не смотря на перекрестный обстрѣлъ подступа къ водѣ и на очевидную опасность при добываніи ея, всегда находились охотники для этой экскурсіи, которыхъ не останавливала даже самая смерть. Они кое-какъ продолжали добывать воду въ самомъ небольшомъ количествѣ, хотя при этомъ многіе изъ нихъ оставались у родника навѣки. Видя со стороны гарнизона такое безпримѣрное самоотверженіе, турки придумали новое средство, чтобы лишить его этой живительной влаги. Они въ верховьяхъ ручья набросали въ воду тѣла убитыхъ армянъ и трупы собакъ и павшихъ лошадей; но тѣмъ не менѣе жажда не разбирала свойства воды, и люди охотно пили ее, даже повидимому безъ отвращенія. Но и такой воды далеко недоставало для всего гарнизона; поэтому страданія отъ недостатка ея, а также, конечно, и отъ недоброкачественности, разрѣшались болѣзнями и преимущественно какими-то припадками, отъ которыхъ страдальцы валялись на землѣ то въ бреду, то почти въ безчувственномъ

состоянии. Когда команды охотниковъ возвращались съ добытой кровью водой, то не всегда возможно было принять мѣры къ отобранію у нихъ котелковъ и къ распредѣленію воды всѣмъ поровну. Въ этихъ случаяхъ на охотниковъ накидывалась цѣлая толпа, отнимала воду и нерѣдко разливала ее по пути.

Въ сухаряхъ также началъ ощущаться недостатокъ съ первыхъ же дней осады цитадели. Гарнизонъ отдыхалъ въ сутки не болѣе 3-хъ часовъ; остальное время онъ былъ на ногахъ, а дача сухарей все сокращалась и, наконецъ, снизошла до $^1/_8$ обыкновенной порціи. Впослѣдствіи дошло до того, что принуждены были рѣзать лошадей и раздавать людямъ небольшія порціи сырого мяса. Въ дополненіе къ сухарямъ отпускались бывшіе въ запасѣ пшеница и ячмень, но также въ небольшомъ количествѣ.

Непріятель, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, въ теченіе двухъ сутокъ 10-го и 11-го іюня не производилъ ни артиллерійскаго, ни ружейнаго огня; поэтому гарнизонъ предположилъ, что курды и турецкія войска ушли, а если и остались, то въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Желая повѣрить это обстоятельство и пользуясь наступившимъ затишьемъ, а также имѣя въ виду побольше запастись водою, 12-го числа рѣшили произвести вылазку въ городъ. По вызовѣ для этого предпріятія охотниковъ, ихъ набралось до полутораста человѣкъ; вести ихъ вызвались Крымскаго полка прапорщики Латышевъ и Волковъ, 2-го Хоперскаго казачьяго полка сотникъ Гвоздикъ и Елисаветпольскаго конно-иррегулярнаго полка поручикъ Басинъ. Команды вышли изъ цитадели одновременно и направились въ различныя части города, но тотчасъ же оказалось, что заключеніе объ уходѣ непріятеля было невѣрно: непріятель встрѣтилъ охотниковъ со всѣхъ сторонъ ружейнымъ огнемъ. Такимъ образомъ, вылазка эта, кромѣ вреда, ничего намъ не принесла; даже не удалось набрать воды. Потеря въ людяхъ оказалась довольно велика, въ особенности въ командѣ прапорщика Латышева, который, выйдя изъ воротъ цитадели, направился вправо по улицѣ города. Здѣсь непріятель встрѣтилъ эту команду перекрестнымъ огнемъ, вслѣдствіе чего она немедленно повернула назадъ, принеся съ собою убитыхъ и раненыхъ. При большей пре-

досторожности вылазка могла бы выйти сравнительно удачнѣе; но на этотъ разъ она привела къ совершенно отрицательной цѣли потому, что охотники вышли изъ цитадели съ шумомъ, сейчасъ же разбрелись по улицамъ, чтобы отыскать что нибудь съѣстное въ оставленныхъ жителями домахъ, и, конечно, не замедлили обратить на себя вниманіе непріятеля. Другой вылазки днемъ не предпринималось; но за то, каждую ночь охотники выходили для добыванія воды, и всѣ эти ночныя вылазки разрѣшались болѣе или менѣе удачно.

13-го іюня гарнизонъ замѣтилъ колонну, спускавшуюся съ Чингильскихъ высотъ въ баязетскую равнину. Среди осажденныхъ произошло общее ликованіе, въ особенности, когда они окончательно убѣдились, что наши войска пришли къ нимъ на выручку. Турки, выйдя изъ города на встрѣчу колоннѣ, вступили съ нею въ перестрѣлку; гарнизонъ, надѣясь на скорое освобожденіе, не жалѣлъ снарядовъ и патроновъ, чтобы поддержать прибывшихъ и до предѣловъ возможности усилилъ артилерійскій и ружейный огонь. Но что могла сдѣлать, какъ оказалось впослѣдствіи, весьма незначительная колонна генералъ-маіора Келбали-хана противъ громадныхъ скопищъ непріятеля? Къ вечеру того же дня она отступила и стала лагеремъ въ долинѣ Баязета; утромъ 14-го іюня гарнизонъ убѣдился, что она и вовсе ушла обратно на Чингильскія высоты, и что мелькнувшая, такимъ образомъ, надежда выйти изъ ужаснаго положенія на этотъ разъ потеряна.

17-го и 18-го іюня ночью изъ цитадели были произведены особенно удачныя вылазки. Почему-то непріятель позволилъ командамъ охотниковъ совершенно свободно спуститься въ городъ и сдѣлалъ по нимъ лишь немного одиночныхъ выстрѣловъ. Охотники воспользовались этимъ до дерзости, и въ городъ отправилась чуть ли не половина гарнизона; ходили безпрепятственно не только къ ручью за водою, но даже спускались со стѣнъ цитадели на веревкахъ съ сѣверной стороны площадки и проникали оттуда въ самый городъ; они принесли муку и масло, найденныя въ оставленныхъ жителями домахъ. Еслибы при подобныхъ вылазкахъ сохранялись тишина и какой нибудь порядокъ, то, можетъ быть,

онѣ и не прекратились бы такъ скоро; но команды держали себя чрезвычайно неосторожно: онѣ шумѣли, кричали и даже ходили со свѣчами. Все это послужило къ тому, что турки и курды начали снова энергически преслѣдовать охотниковъ и въ городѣ, и у ручья, и тѣмъ принудили прекратить эти прогулки. Послѣ этого хотя и продолжались ночныя вылазки за водой, подъ прикрытіемъ цѣпи, но курды и шкамъ, засѣвшіе снова въ домахъ около ручья и въ старой крѣпости, которая находилась къ сѣверу отъ цитадели, своимъ мѣткимъ и сильнымъ огнемъ дѣлали эти вылазки почти невозможными. Едва успѣвали добывать нѣсколько ведеръ воды, и за это платили тоже нѣсколькими убитыми и ранеными.

Недостатокъ въ водѣ и сухаряхъ, упадокъ силъ и безвыходное положеніе осажденныхъ—все это, наконецъ, начало наводить на солдатъ уныніе; но, не смотря на это, ни одинъ изъ нихъ не помышлялъ о сдачѣ. Турки же, между тѣмъ, во все время осады не переставали присылать къ намъ различнаго рода капитуляціонныя предложенія. Но на всю ихъ неумѣстную любезность комендантъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, а затѣмъ, чтобы положить конецъ оскорбительной турецкой назойливости, приказалъ повѣсить послѣдняго парламентера, оказавшагося прежнимъ нашимъ лазутчикомъ [4]). Если вѣрить корреспонденціи „Тифлисскаго Вѣстника“ [5]), капитанъ Штоквичъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ командующимъ иррегулярною кавалеріею блокаднаго отряда, сыномъ Шамиля Кази-Магомою, генераломъ турецкой службы, который убѣждалъ его сдаться представляя всю безуспѣшность защиты. На эти доводы комендантъ будто бы отвѣчалъ: „неужели вашъ отецъ никогда вамъ не говорилъ, что русскіе не сдаютъ крѣпостей, а сами берутъ“ [6])?

[4]) Обстоятельство это свидѣтельствуется иначе авторомъ исторіи 19-й артиллерійской бригады. Онъ говоритъ, что было письменно заявлено, „что если затѣмъ еще явится въ цитадель хотя одинъ парламентеръ, то будетъ разстрѣлянъ“. *Ред.*

[5]) № 164, 1877 г.

Кажется, лучше бы ей не вѣрить.

Ред.

[6]) Это указаніе для Кази-Магомы не могло быть новостью, потому что

Послѣ этого отвѣта Кази-Магома перестал даже присылать письма съ предложеніемъ о сдачѣ цитадели.

Письма же эти, нелишенныя интереса, были слѣдующія:

I.

„Севодни мы присланы здѣсь изъ порученія правительства и народнаго совѣта, для увѣренія васъ, что въ моей личности можетъ сложить оружіе, и увѣряю васъ, что вся ваша личность будетъ убезпечена и прежній поступокъ здѣшнихъ курдовъ правительство строга наискиваетъ и въ передъ ничево подобнаго не повторится и я всѣ мои средства употреблю васъ честью сохранить отъ всѣхъ худыхъ послѣдствій если хотитѣ для переговоры заутра пришлю моего родственика собственнаго Его Величества конвоя отставной ротмистръ Даудпова въ обявить свое желаніе заутра въ 7-мь часовъ утра. Генералъ-лейтенантъ свиты Его Величества Султана Шамиль“.

II.

„На посланное вамъ письмо до сихъ поръ никакого отвѣта не получено, время прежняго переговора я самъ здѣсь пріѣхалъ и узнавъ о вашемъ положеніи и находящееся съ вами женщины [7]) человѣческимъ чувствомъ предлагаю вамъ изъ моей стороны во время сложенія оружія содержаніе всѣхъ человѣческій условій и въ томъ не только изъ стороны правительства но и отъ себя честнымъ моимъ словомъ увѣряю—время до завтра утра 7-мь часовъ извѣстія ожидаю генералъ-губернаторъ Ерзерумскаго вилаета и г. командиръ Исмаилъ-паша“.

онъ сотни разъ имѣлъ возможность въ этомъ лично убѣдиться, начальствуя горскими сконищами самостоятельно или подъ руководствомъ своего отца во время минувшей кавказской войны.

Ред.

[7]) Въ цитадели находилась жена убитаго подполковника Ковалевскаго; она была при госпиталѣ сестрой милосердія.

III.

„Отъ главнаго командира распоряженіе прислано еще разъ обратиться къ вамъ если оружіе сложитѣ мирно безъ бѣдъ вамъ всѣмъ чесно по чинамъ забезпечено всѣ ваши желанія. Вѣроятно вамъ извѣстно что не получите никакой помощи напрасно время не пропроводите мы знаемъ ваши положенія, послѣ этого увѣряемъ васъ что не останется ни однаго и послѣдствіе будетъ зависить отъ васъ, ожидаемъ отъ васъ свѣдѣнія до вечера. Находящійся въ этой минутѣ и присланы для вашего забезпеченія полякъ маіоръ Камеръ“.

24 іюня 1877 г.

IV.

„Хотя нихотитѣ никакихъ условій однако моя обязанность, еще разъ обращаюсь вамъ напрасно не ожидайте отъ своихъ ничего теперь и я имѣю распоряженіе васъ увѣрить отъ правительства турецкаго что вся вѣжливость будетъ сохранена. Ахметъ“.

V.

„Вчера я забылъ извѣстить о положеніи за кавказскаго войска ге. Лорисъ Меликовъ имѣя желанія свои войска соединить изъ генераломъ Терхухасовымъ въ Ерзерумѣ, будучи побиты въ сраженіи Савалы-дагъ вернулся назадъ и отступилъ отъ Карса какъ г. Терхухасовъ будучи въ нѣсколько сраженій побѣденъ съ потерею около семи тысячи, въ среду перешелъ границу остались только вы въ этой крѣпости, потому я обращаюсь къ вамъ изъ чувствомъ чисто человѣческимъ чтобы васъ избавить отъ очевидной потери и потому этое извѣстіе вамъ посылаю какъ съ тѣмъ и моего родственника ротмистра Даудова для словеснаго переговора и вашего забезпеченія еще совѣтую вамъ напрасно непродолжайте времени и присылайте свое условіе или ково нибудь для переговора. Генералъ-лейтенантъ Его Величества Султана Шамилъ“.

25 іюня 1877 г. Баязытъ.

Чтобы увѣдомить начальника эриванскаго отряда о безвыходномъ положеніи баязетскаго гарнизона, 8-го и 9-го іюня были отправлены лазутчики, которые весьма удачно пробрались черезъ непріятельскую цѣпь и исправно доставили по назначенію отосланныя съ ними бумаги.

15-го и 16-го іюня турки открыли бомбардированіе по цитадели изъ полевыхъ орудій; до того же времени они дѣйствовали только изъ одн҃ихъ горныхъ пушекъ. 22-го іюня ночью комендантъ цитадели получилъ черезъ лазутчика извѣстіе отъ начальника штаба эриванскаго отряда, что положеніе гарнизона въ отрядѣ извѣстно, чтобы онъ мужался и крѣпился до скораго прибытія къ нему помощи. Радостное извѣстіе это, быстро распространившееся въ гарнизонѣ, воскресило въ немъ прежнія надежды, и всѣ навремя забыли свои бѣды и лишенія. Но прошло нѣсколько дней и даже недѣля—и ожиданія не оправдывались, а положеніе осажденныхъ съ каждою минутою становилось хуже и хуже. Послѣдніе запасы продовольствія истощились; сильнѣе же всего чувствовался недостатокъ въ водѣ. Наконецъ, въ ночь на 24-е іюня прошелъ сильнѣйшій дождь, который значительно освѣжилъ воздухъ, а главное—далъ возможность гарнизону собрать въ достаточномъ количествѣ относительно хорошаго качества дождевую воду. Для этого воспользовались всею посудою, какую только можно было найти въ цитадели; солдаты даже снимали сапоги и въ нихъ набирали воду. Послѣ дождя гарнизонъ пересталъ нуждаться въ водѣ, и совершенно прекратились вылазки для добыванія ея. Обыкновенно для собиранія дождевой воды употреблялся способъ весьма не хитрый: развѣшивали подъ крышами палаточный холстъ и по немъ проводили воду въ разныя посуды.

24-го, 25-го и 26-го іюня турки вновь произвели бомбардированіе, сопровождавшееся сильною ружейною стрѣльбою. Но особенно разразились они надъ цитаделью 27-го числа, забрасывая ее снарядами съ трехъ сторонъ, такъ что гарнизонъ счелъ это признакомъ скораго штурма или началомъ какого нибудь другаго энергическаго образа дѣйствій и приготовился къ рѣшительному бою. Впослѣдствіи, изъ расспросовъ у плѣнныхъ, обнаружилось,

что Фаикъ-паша получилъ изъ Константинополя приказаніе—взять баязетскую цитадель во что бы ни стало въ три дня. Свѣдѣніе это въ судебномъ процесѣ Фаикъ-паши не подтвердилось, почему надо полагать, что оно или вымышленное, или, что вѣрнѣе—скрыто военнымъ судомъ.

27-го числа гарнизонъ увидѣлъ спускавшіяся съ Чингильскихъ высотъ наши войска, которыя, не доходя до Баязета верстъ 6 или 7, расположились бивакомъ на ночлегъ. Какъ только непріятель замѣтилъ движеніе этого отряда, то немедленно прекратилъ бомбардированіе, начатое имъ съ ранняго утра. Слѣдовавшій къ Баязету отрядъ казался весьма значительнымъ, поэтому гарнизонъ предполагалъ, что непріятельскія войска отступятъ безъ боя. Но на другой день, т. е. 28-го іюня, оказалось противное: турки не отступили, вѣроятно, расчитывая на скорое прибытіе изъ Діадина войскъ Измаилъ-паши.

28-го іюня, въ 6 часовъ утра, стройныя сомкнутыя колонны нашей пѣхоты, съ артилеріею, предшествуемыя патрулями и боковыми охранительными разъѣздами, стали быстро приближаться къ городу. Непріятель не вышелъ на встрѣчу отряду, а началъ выдвигать свои резервы ближе къ избранной заранѣе боевой позиціи на скалахъ, по сѣверную сторону города. Первый салютъ туркамъ сдѣлала наша артилерія изъ 9-ти ф. орудій; цѣпь же отъ баталіоновъ Крымскаго полка смѣло входила подъ выстрѣлами непріятеля въ городъ и подымалась по горамъ къ правому флангу непріятельской позиціи. Дальнѣйшій ходъ боя для освобожденія баязетскаго гарнизона изложенъ въ предыдущей главѣ.

Изъ рапорта капитана Штоквича къ начальнику эриванскаго отряда отъ 8-го іюня видно, что гарнизонъ 6-го іюня, до вступленія въ баязетскую цитадель, состоялъ изъ 6-ти штабъ-офицеровъ, 30-ти оберъ-офицеровъ, 126 унтеръ-офицеровъ и 1461 рядоваго. Съ 6-го іюня по 29-е выбыло изъ строя: вообще:—2 штабъ-офицера, 9 оберъ-офицеровъ, 17 унтеръ-офицеровъ и 142 рядовыхъ. Изъ 7-й и 8-й ротъ 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка, какъ уже сказано выше, убыло всего 91; убыль эта въ отношеніи къ другимъ частямъ, находившимся въ Баязетѣ, весьма значительная.

такъ какъ на долю четырехъ ротъ 2-го баталіона Ставропольскаго полка, трехъ сотенъ казаковъ, нѣсколькихъ сотъ милиціонеровъ и взвода артилеріи приходится только 68 человѣкъ.

Въ день выхода гарнизона изъ цитадели оставалось еще небольшое количество сухарей и много неизрасходованнаго ячменя.

Изъ цитадели вывели живыми, но крайне изнуренными только 8 лошадей; остальныя или были съѣдены гарнизономъ, или пали вслѣдствіе недостатка воды. Во взводѣ артилеріи 4-й батареи 19-й бригады еще оставалось нѣсколько зарядовъ на орудіе—что доказываетъ крайнюю осмотрительность въ расходованіи ихъ во время осады.

Нельзя не упомянуть, между прочимъ, о случайномъ совпаденіи обстоятельствъ во время двухъ турецкихъ кампаній 1829-го и 1877-го годовъ. Въ первую изъ нихъ гарнизонъ Баязета составляли 2-й баталіонъ Нашебургскаго и баталіонъ Козловскаго пѣхотныхъ полковъ, которые вошли впослѣдствіи въ составъ нынѣшняго Крымскаго и Ставропольскаго полковъ и повторили свой подвигъ при новой оборонѣ той же крѣпости подъ нумераціею вторыхъ баталіоновъ. Сорокъ восемь лѣтъ назадъ Нашебургскій и Козловскій полки получили георгіевскія знамена „за оборону крѣпости Баязета 20-го и 21-го іюня 1829-го года", а въ 1878-мъ году крымцамъ и ставропольцамъ къ этой надписи была прибавлена еще другая: „за дѣла 4-го и 9-го іюня и освобожденіе Баязета 28-го іюня 1877 года".

Вскорѣ по приходѣ полка въ Игдырь стало извѣстно о пріѣздѣ въ эриванскій отрядъ Главнокомандующаго кавказскою арміею, имѣвшаго въ виду осмотрѣть войска и ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ. Между прочимъ, Государь Великій Князь телеграфировалъ начальнику отряда, чтобы почетный караулъ до пріѣзда Его Высочества не выставлять. Вѣроятно, Главнокомандующій сдѣлалъ подобное распоряженіе для того, чтобы предоставить людямъ, только-что возвратившимся изъ тяжелаго похода, больше времени для отдыха, въ которомъ они дѣйствительно нуждались. Подобное приказаніе во всякомъ случаѣ какъ нельзя больше доказываетъ, съ какимъ вниманіемъ и заботливостью Его Высочество относился къ своимъ войскамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ отряда получилъ знаки отличія военнаго ордена для награжденія нижнихъ чиновъ. Желая обставить это событіе большею торжественностью, онъ назначилъ на 2-е іюля общій сборъ войскъ для выслушанія благодарственнаго молебна, по случаю благополучнаго окончанія заграничнаго похода. Полкъ сталъ на правомъ флангѣ отряда, на площади близь сел. Игдыря. По окончаніи молебна, генералъ Тергукасовъ выдалъ въ полкъ по семи георгіевскихъ крестовъ на роту, которые тутъ же и были навѣшены особенно отличившимся нижнимъ чинамъ. Роты же баязетскаго гарнизона получили по двѣнадцати крестовъ и, сверхъ того, приказано было немедленно войти съ представленіемъ о награжденіи еще десяти человѣкъ изъ каждой роты крестами разныхъ степеней. Затѣмъ, войска баязетскаго гарнизона были перестроены въ особую колонну и, подъ звуки полковыхъ хоровъ, изъ которыхъ каждый игралъ свой маршъ, проведены по фронту отряда, державшаго все время „на караулъ". Въ заключеніе торжества войска прошли мимо начальника отряда церемоніальнымъ маршемъ и разошлись по своимъ мѣстамъ. При вступленіи ихъ въ лагерь они встрѣтили баталіонъ 150 пѣхотнаго Таманскаго полка, слѣдовавшій изъ Владикавказа и доставленный экстренно въ лагерь на молоканскихъ фургонахъ. Въ каждомъ фургонѣ помѣщалось около 10 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Баталіонъ проѣхалъ прямо въ Кульпы, гдѣ у насъ не было войскъ, и граница оставалась обнаженною. Черезъ нѣсколько дней ожидались и остальные баталіоны, такъ что эриванскій отрядъ усиливался вдругъ цѣлымъ пѣхотнымъ полкомъ.

Вслѣдъ за прибытіемъ таманцевъ, по отряду распространился слухъ, что главныя силы дѣйствующаго корпуса сняли осаду Карса и отступили къ Кюрюкъ-Дара. Извѣстіе это произвело чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, потому что никто не ожидалъ такого оборота дѣлъ. Въ этомъ печальномъ извѣстіи всѣ видѣли, что наши предшествовавшія работы пропали даромъ, и приходилось кампанію начинать вновь, при гораздо худшихъ условіяхъ. А непріятель, между тѣмъ, успѣлъ ободриться и энергически усиливалъ свои войска на всѣхъ пунктахъ, угрожая перейти въ наступленіе.

Такимъ образомъ, будущее сулило войскамъ новые труды, и, конечно, болѣе тяжкіе, чѣмъ всѣ предыдущіе.

По оставленіи нами Баязета, туда немедленно перешли войска Измаилъ-паши, стоявшія до того времени въ Діадинѣ. Турецкій лагерь широко раскинулся по баязетской равнинѣ, въ виду Чингильскихъ высотъ. Измаилъ-паша собралъ разсѣянный нами въ дѣлѣ 28-го іюня блокадный баязетскій корпусъ и присоединилъ его къ себѣ. Въ непріятельскомъ лагерѣ кипѣла усиленная дѣятельность: прибывали новобранцы, формировались новые таборы пѣхоты, производились безпрерывныя ученья со стрѣльбою и т. п. По всему этому легко можно было догадаться, что турки расчитывали, при превосходствѣ своихъ силъ, перейти въ наступленіе. Но насъ они пока почти не безпокоили; только кавалерія иногда подъѣзжала къ Чингильскимъ высотамъ и затѣвала перестрѣлку съ войсками, охранявшими перевалъ.

Пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля, полкъ продолжалъ стоять въ тѣнистыхъ садахъ вокругъ селенія Игдыря, не неся никакой службы. Все вниманіе обращено было на приведеніе обуви и мундирной одежды въ возможный порядокъ, на что потребовалось не мало средствъ, хлопотъ и времени. Также были исправлены хлѣбопекарныя печи, находившіяся въ селеніи Али-Камарлю, а равно приступлено къ исправленію ротнаго и полковаго обоза, съ упряжью, и приведенію всей матеріальной хозяйственной части въ полный порядокъ.

4-го іюля изволилъ прибыть въ Игдырь Его Высочество Главнокомандующій. Въ почетномъ караулѣ имѣла честь представиться 1-я рота Крымскаго полка. 5-го іюля, къ 8-ми часамъ утра, весь отрядъ построился въ полѣ за Игдыремъ, отдѣливъ отъ себя особо бывшій баязетскій гарнизонъ. Его Высочество, объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, вызвалъ впередъ всѣхъ офицеровъ и обратился къ нимъ съ глубоко прочувствованною рѣчью, въ которой коснулся дѣятельности отряда и его подвиговъ въ недавнихъ бояхъ. Рѣчь была закончена слѣдующими милостивыми словами: „господа! заслуги свои будете видѣть изъ тѣхъ наградъ, которыя получите“. Послѣ этого отрядъ еще разъ отдалъ честь баязетскому

гарнизону, а въ заключеніе всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Въ тотъ же день Его Высочество соизволилъ отдать слѣдующій приказъ:

„Именемъ Государя Императора объявляю вамъ, войска эриванскаго отряда, Царское спасибо за вашу доблестную молодецкую службу, за ваши подвиги, за новую славу, которой покрыли вы ваши знамена. Сраженіе на высотахъ Драмъ-дага и подъ Даяромъ, геройскую оборону баязетскаго гарнизона и спасеніе нѣсколькихъ тысячъ семействъ несчастныхъ христіанъ Турціи, искавшихъ въ вашихъ рядахъ защиты отъ неистовства дикихъ курдинскихъ племенъ, исторія занесетъ на свои страницы и съ ними передастъ памяти и примѣру потомства имена ваши и вашего доблестнаго предводителя. Ура! эриванскому отряду! Ура! вождю его генералу Тергукасову. *Михаилъ*".

Передавая въ части этотъ приказъ, начальникъ отряда прибавилъ:

„Войска эриванскаго отряда! Этотъ новый знакъ милостиваго вниманія Его Императорскаго Высочества да послужитъ новымъ залогомъ, что и впредь вы будете столь же достойными воинами, какими вы явили себя съ самаго начала вашего боеваго поприща".

Къ 5 часамъ пополудни послѣдовало распоряженіе собраться къ ставкѣ Его Высочества офицерамъ всѣхъ частей, представленнымъ къ наградамъ. Когда они сошлись къ назначенному мѣсту, Августѣйшій Главнокомандующій поздравилъ ихъ съ наградами, соотвѣтствующими сдѣланнымъ представленіямъ, и тутъ же приказалъ роздать ихъ, причемъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ милостиво изволилъ разговаривать. Кромѣ того, вслѣдствіе особыхъ заслугъ и потерь баязетскаго гарнизона, Его Высочество приказалъ выдать въ пособіе офицерамъ полугодовой окладъ жалованья, а нижнимъ чинамъ по два рубля на человѣка. Но и этимъ не ограничились милости Государя Великаго Князя, изыскивавшаго всѣ случаи достойно отплатить баязетцамъ за ихъ мужество, терпѣніе и стойкость: немного спустя, именно въ сентябрѣ, Его Высочество изволилъ наградить 7-ю и 8-ю роты крымцевъ вторичнымъ отпу-

скомъ денегъ въ размѣрѣ 1641 рубля, которые были выданы офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Рано утромъ 6-го іюля Главнокомандующій изволилъ отбыть въ Эривань.

VIII.

Взглядъ на предшествовавшія событія. Краткій очеркъ границъ Эриванской губерніи и Сурмалинскаго уѣзда. Продовольствіе полка. Выступленіе полка на Орговскій постъ, а 7-й и 8-й ротъ въ Дарачичагъ. Прибытіе въ полкъ восьми офицеровъ. Перемѣна позиціи непріятеля. Усиленіе отряда. Отступленіе полка въ Игдырь. Прибытіе новаго командира полковника Юрковскаго. Переходъ полка въ сел. Гулюджа. Рекогносцировка. Пребываніе 1-го и 3-го баталіоновъ въ с. Чарухчи. Переходъ въ Игдырь. Прибытіе новобранцевъ, а также вновь произведенныхъ офицеровъ. Развитіе болѣзней. Охотничьи команды. Откомандированіе гвардейскихъ офицеровъ. Занятія въ полку. Состояніе полковыхъ суммъ. Прибытіе отдѣленій общества Краснаго Креста. Дѣло 15-го сентября. Отпускъ обуви. Попытка непріятеля 2-го октября.

Прямое назначеніе эриванскаго отряда состояло въ охраненіи нашихъ границъ отъ вторженія непріятеля. Движеніе отряда къ Драмъ-дагу, для содѣйствія операціямъ главныхъ силъ корпуса, было дѣломъ, такъ сказать, случайнымъ и возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ тылу нашего движенія, въ баязетскомъ санджакѣ и въ алашкертской долинѣ, а также со стороны г. Вана, непріятель не могъ бы выставить достаточнаго числа войскъ для воспрепятствованія нашимъ намѣреніямъ вторгнуться въ глубь его страны. Съ занятіемъ нами въ апрѣлѣ Баязета, обстоятельства какъ нельзя больше благопріятствовали свободному движенію войскъ въ долину Ефрата и на Драмъ-дагъ: населеніе баязетскаго и сопредѣльныхъ съ нимъ санджаковъ относилось къ намъ довольно миролюбиво и не думало выражать особенной непріязни, а непріятельскихъ регулярныхъ войскъ въ Ванѣ было мало, и они не могли помѣшать отряду навремя удалиться отъ своей границы. Только при подобныхъ благопріятныхъ условіяхъ эриванскій от-

рядъ могъ свободно, безъ особеннаго опасенія, оставить открытою порученную ему для охраненія границу губерніи и направиться на Драмъ-дагъ, для отвлеченія непріятеля отъ нашихъ войскъ, предпринявшихъ наступленіе отъ Карса къ Эрзеруму. Для обезпеченія движенія на Драмъ-дагъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и нашей пограничной полосы, оказалось возможнымъ оставить въ тылу два баталіона. Когда же турецкія власти успѣли достигнуть возстанія противъ насъ курдовъ, притянуть изъ отдаленныхъ провинцій подкрѣпленія, вновь набрать и сформировать регулярныя и иррегулярныя полчища,—тогда эриванскій отрядъ, по необходимости, долженъ былъ оставить побочныя цѣли и обратиться исключительно къ выполненію своей спеціальной задачи—охраненію границъ Эриванской губерніи. Съ сосредоточеніемъ значительнаго числа непріятельскихъ войскъ около г. Вана, отрядъ могъ дѣйствовать по направленію къ Эрзеруму лишь только въ томъ случаѣ, когда ванскому корпусу мы противупоставили бы соразмѣрное число войскъ, которыя бы имѣли возможность охранять какъ границы Эриванской губерніи, такъ равно и тылъ другаго отряда, направленнаго на Драмъ-дагъ. Послѣ баязетскихъ событій стало очевиднымъ, что роли должны перемѣниться: нашъ отрядъ, вслѣдствіе своей малочисленности, не могъ уже удерживаться на непріятельской территоріи, и въ виду съ каждымъ днемъ усиливавшагося противника, долженъ былъ отступить въ свои предѣлы и принять навремя оборонительное положеніе.

Чтобы точнѣе представить всю трудность охраненія границъ Эриванской губерніи малочисленнымъ отрядомъ, необходимо бросить взглядъ на пограничную черту и на раіонъ, ввѣренный его защитѣ.

Крайнюю восточную точку границы составляетъ вѣчно снѣжная гора Араратъ (16,916 футъ). Къ западу отъ нея идетъ значительный хребетъ горъ, носящихъ общее названіе Агры-дагъ, до озера Балыкъ-гель, расположеннаго на 7310 футъ высоты. Оно имѣетъ до 12 верстъ длины и до 7 верстъ ширины и изобилуетъ превосходною форелью. Отъ озера граница идетъ къ сѣверо-западу, гдѣ Агры-дагъ широко развѣтвляется, дѣлается весьма горн-

стымъ, не имѣетъ удобопроходимыхъ дорогъ и потому далѣе селенія Кульпы обезпечиваетъ нашу пограничную полосу отъ вторженія сколько нибудь значительныхъ непріятельскихъ силъ. Поэтому остается только одинъ Сурмалинскій уѣздъ, который представляетъ для непріятеля нѣкоторыя удобства для вторженія на нашу территорію на разстояніи 60 верстъ. На этомъ пространствѣ, отъ горы Арарата до озера Балыкъ-гель, черезъ хребетъ Агры-дагъ проходятъ только четыре дороги: лѣвая (восточная) у самаго подножія г. Арарата, вьючная; по своему положенію она теряетъ значеніе для военныхъ цѣлей, такъ какъ идетъ близь персидской границы и неудобна для движенія войскъ. Слѣдующая, чингильская, идетъ отъ Игдыря черезъ селеніе Аргачъ и Орговскій постъ на чингильскій перевалъ. Эта дорога одна изъ самыхъ удобныхъ для колеснаго сообщенія, но по причинѣ открытой мѣстности по сѣверному склону Агры-дага не представляетъ выгодъ непріятелю для спуска въ долину Аракса. Третья дорога начинается отъ селенія Гусейнъ-Кентъ (подъ названіемъ караванъ-сарайской), колесная, поднимается постепенно вверхъ до упраздненнаго караванъ-сарайскаго поста, а далѣе идетъ черезъ селеніе Осма на перевалъ Гератъ. Эта центральная дорога по обѣимъ сторонамъ своего 25-ти верстнаго протяженія имѣетъ значительныя высоты, пересѣченную мѣстность и неприступныя позиціи. Четвертая дорога, колесная, подъ названіемъ абасъ-гельской, начинается отъ селенія Кулюлюкъ, идетъ на селенія Гулюджа, Таузъ-Куль, таузъ-кульскій постъ и на вершину перевала горы Сулахъ-дагъ. Двѣ послѣднія дороги спускаются по южному склону хребта Агры-дагъ и выходятъ въ мысунскую долину, а двѣ первыя—на баязетскую равнину. Хребетъ Агры-дагъ безлѣсенъ, скалистъ и усѣянъ камнями; проселочныя дороги, или вѣрнѣе тропинки, идущія въ различныхъ направленіяхъ, безъ предварительной разработки допускаютъ съ трудомъ движеніе одних только вьюковъ; даже движеніе пѣхоты затруднительно по причинѣ разсѣянныхъ всюду камней, крутыхъ подъемовъ и обрывистыхъ овраговъ. Сѣверная сторона покатости Агры-дага, спускаясь постепенно, переходитъ въ низменность, сливающуюся съ долиною рѣки Аракса, занимаемою Сурмалинскимъ уѣздомъ Эриванской губерніи.

На этой долинѣ расположено множество армянскихъ и татарскихъ деревень, живописно красующихся въ виду негостепріимной природы Агры-дага и сопредѣльнаго съ нимъ пустыннаго баязетскаго санджака. Благодаря обилію водъ р. Аракса, вся долина между Эриванью и турецкою границею, которая проведена по самымъ высшимъ точкамъ агры-дагскаго хребта, орошается посредствомъ прорытыхъ всюду каналовъ, по которымъ вода изъ Аракса пропитываетъ почву и дѣлаетъ ее въ высшей степени плодородною. Разведенные большіе сады значительно понижаютъ дневную знойную лѣтнюю температуру, дѣлаютъ долину Аракса удобо-обитаемою и предохраняютъ мѣстность отъ послѣдствій весьма частыхъ ураганов. Сады по преимуществу фруктовые; они всегда обнесены высокою стѣною, сложенною исключительно изъ одной глины съ саманомъ. Такой глиняный кирпичъ въ краѣ замѣняетъ камень и срубъ; изъ него же построены и дома, довольно опрятные, сухіе и прочные; огороды орошаются канавками, проведенными изъ каналовъ, предназначенныхъ преимущественно для поливки полей. Жители сѣютъ пшеницу, сенжу (родъ клевера), овощи, хлопокъ и разводятъ бахчи. Вообще, въ быту поселянъ видно довольство и даже благоденствіе. Скотоводство у нихъ значительное, сады прекрасные, жатва обильная, обезпеченная отъ неурожаевъ, по причинѣ хорошо устроенной искусственной ирригаціи, а также и отъ градобитія.

Изъ всѣхъ селеній въ долинѣ—Игдырь самое лучшее и наибольшее, а по мѣстоположенію близь границы имѣетъ важное значеніе; оно весьма удобно для образованія складочныхъ мѣстъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ для отряда. Черезъ Игдырь проходятъ всѣ дороги, идущія въ Турцію, поэтому въ немъ учреждена таможенная застава. Сосредоточившіяся около Игдыря войска безъ труда могутъ двинуться за границу, а также и охранять ее на всемъ протяженіи. Въ виду такихъ удобствъ, въ Игдырѣ сосредоточились управленія какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ властей, по командованію войсками эриванскаго отряда и по управленію Сурмалинскимъ уѣздомъ.

Продовольствіе для людей и лошадей полка въ богатомъ Сур-

малинскомъ уѣздѣ не составляло затрудненій, поэтому приварокъ въ полку значительно улучшился: представлялась возможность пріобрѣтать покупкою овощи и различную зелень, варить борщъ или щи. Также не встрѣчалось затрудненій и въ довольствіи лошадей, для чего добывалась енжа по 10-ти и по 12-ти коп. за пучекъ; ячмень покупался по 5-ти руб. за четверть. Сѣнокосовъ въ Сурмалинскомъ уѣздѣ нѣтъ, поэтому траву сѣютъ и собираютъ жатвою, подобно хлѣбу. Здѣсь также не растетъ овесъ, а родится одинъ ячмень. Больше всего представляетъ затрудненій добываніе топлива, вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ. Сажень дровъ доходитъ до 80 руб., поэтому роты покупали иногда кизякъ, также стоившій около 40 руб. за сажень, а на дрова рубили садовыя деревья, по преимуществу тополь, акацію, вербу, персикъ, грушу и яблоню; они въ сыромъ видѣ плохо горѣли и не давали достаточнаго жара, почему хлѣбъ не вполнѣ выпекался и иногда оказывался неудовлетворительнаго качества. Чай и сахаръ попрежнему выдавался людямъ на руки на полмѣсяца впередъ. Солдаты приготовляли чай въ своихъ мѣдныхъ котелкахъ и пили его, когда кому вздумается. Большею же частью чай приготовлялся утромъ къ завтраку или послѣ обѣда, какъ полдникъ, за два часа передъ ужиномъ.

Задача охраненія границъ Эриванской губерніи на протяженіи 60 верстъ, отрядомъ, не превышавшимъ 12½ баталіоновъ пѣхоты, въ виду значительно превосходившаго насъ въ силахъ непріятеля, оказывалась очень трудною. Необходимо было наблюдать за четырмя главными дорогами и множествомъ мелкихъ тропинокъ, идущихъ черезъ Агры-дагъ въ наши предѣлы, по которымъ небольшія партіи непріятеля легко могли прокрадываться и производить насилія и грабежи въ нашихъ пограничныхъ селеніяхъ. Трудно было предвидѣть истинныя намѣренія непріятеля. Лазутчики доносили о постоянномъ возрастаніи его силъ, численность которыхъ простиралась до 50 тысячъ, при 70 орудіяхъ. Говорили, что будто бы Измаилъ-паша намѣренъ перейти границу, напасть на эриванскій отрядъ, оттѣснить его за р. Араксъ, взять Игдырь и вмѣстѣ съ нимъ продовольственные и боевые наши запасы.

Принимая въ расчетъ значительный сборъ непріятельскихъ силъ, признавалось за лучшее держать отрядъ сосредоточенно ближе къ Игдырю, не раздробляя его вдоль границы. Оказалось необходимымъ занять однимъ баталіономъ селеніе Кульпы. Чингильскій перевалъ занимали 6 баталіоновъ, съ артиллеріею, а казачьи полки— караванъ-сарайскій и абасъ-гельскій перевалы.

Повидимому, въ то время особенное значеніе придавали чингильскому перевалу. Непріятель началъ сильно противъ него демонстрировать и потому ввелъ насъ въ заблужденіе. Рѣшили увеличить силы на чингильскомъ перевалѣ, для чего 9-го іюля полкъ, въ составѣ 1-го, 3-го, 4-го баталіоновъ и 5-й и 6-й ротъ 2-го баталіона, въ 6-ть часовъ утра выступилъ изъ садовъ Игдыря и направился на Орговскій постъ, получивъ приказаніе расположиться тамъ лагеремъ и служить резервомъ чингильской колоннѣ. 7-я и 8-я роты, какъ крайне изнуренныя, выступили того же числа на санитарную стоянку въ сел. Константиновское (Дарачичагъ), гдѣ пробыли остальную часть лѣта и осени, пользуясь полнымъ отдыхомъ, цѣлебнымъ воздухомъ и улучшенною пищею. Къ 3-мъ часамъ пополудни 9-го іюля полкъ, съ одною батареею и подвижнымъ дивизіоннымъ лазаретомъ, расположился лагеремъ у Орговскаго поста и простоялъ здѣсь до 24-го числа. Въ продолженіе этого времени баталіоны поочереди назначались для разработки дорогъ, а одна рота выходила ежедневно для прикрытія пастьбы табуна лошадей.

Непріятель, находясь на баязетской равнинѣ, продолжалъ усиливаться; лагерь его съ каждымъ днемъ расширялся и наконецъ даже появился въ мысунской долинѣ. Но всѣ дѣйствія турокъ ограничивались тѣмъ, что кавалерія ихъ неоднократно подъѣзжала къ Чингильскимъ высотамъ и завязывала съ нашими передовыми наблюдательными постами безцѣльную перестрѣлку.

Съ половины іюля наступили сильные жары; необычайная пыль и удушливый мглистый воздухъ дѣлали пребываніе на Орговскомъ посту почти невыносимымъ. Камни, разсѣянные всюду по скату Агры-дага, накалялись подъ дневнымъ зноемъ и по закатѣ солнца еще долго распространяли въ воздухѣ парящую теплоту;

обильное присутствіе фалангъ и скорпіоновъ окончательно дѣлало стоянку на Орговѣ безотрадною; при полномъ бездѣйствіи, подъ палящими лучами іюльскаго солнца, она оставила въ полку одно изъ самыхъ непріятныхъ воспоминаній. Болѣзненность за этотъ періодъ стала значительно усиливаться, какъ между офицерами, такъ и въ средѣ нижнихъ чиновъ. Всѣ съ завистью взирали на виднѣвшіеся вдали тѣнистые игдырскіе сады, которые какъ бы манили подъ свою тѣнь; но ходъ военныхъ событій требовалъ присутствія полка на непригляднomъ Орговскомъ посту.

15-го іюля прибыли въ полкъ четыре офицера изъ 21-й дивизіи, прикомандированные на время военныхъ дѣйствій, а вслѣдъ затѣмъ еще четыре офицера изъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка: штабсъ-капитанъ Урнижевскій и поручики: Брунъ, Сахновскій и Машлыкинъ. Эти офицеры были приняты радушно, вскорѣ ознакомились со всѣми и составили съ прочими какъ бы одну семью. Штабсъ-капитанъ Урнижевскій принялъ 12-ю роту, поручикъ Сахновскій—1-ю, а поручикъ Машлыкинъ—2-ю, отъ младшихъ въ чинѣ офицеровъ; поручикъ же Брунъ отъ роты отказался, не желая лишать ее кореннаго командира.

Непріятель, бывшій на баязетской равнинѣ, сталъ подвигаться въ мысунскую долину и тѣмъ обнаружилъ свое намѣреніе перейти нашу границу не черезъ чингильскій перевалъ, а гдѣ нибудь западнѣе. Хотя этому нѣкоторые не вполнѣ довѣряли, но Измаилъ-паша скоро разрѣшилъ ихъ сомнѣніе: 23-го іюля онъ произвелъ натискъ на караванъ-сарайскій перевалъ, который охранялся только Уманскимъ казачьимъ полкомъ. Послѣдній, конечно, не могъ оказать стойкаго сопротивленія и, послѣ непродолжительной перестрѣлки, принужденъ былъ отступить. Сбивъ казаковъ, турки заняли перевалъ у селенія Зоръ и начали раскидывать на склонѣ сѣверной стороны хребта Агры-дагъ свой обширный лагерь и усердно окапываться. Въ непродолжительномъ времени всѣ горы покрылись траншеями, ложементами и батареями. Этимъ непріятель показалъ, что желаетъ утвердиться на Агры-дагѣ и съ высотъ его дѣйствовать внизъ на араксую долину. Удерживать далѣе за собою чингильскій перевалъ было бы без-

полезно; необходимо стало обратить болѣе серьезное вниманіе на защиту пограничныхъ селеній и Игдыря, какъ нашего главнаго складочнаго мѣста. Поэтому послѣдовало распоряженіе: отряду, стоявшему на Чингильскихъ высотахъ и на Орговскомъ посту, спуститься внизъ и отступить къ Игдырю.

Вѣроятно, начальникъ эриванскаго отряда своевременно донесъ корпусному командиру о чрезвычайномъ усиленіи войскъ непріятеля и о невозможности защищать границу при сравнительно малочисленномъ составѣ отряда, такъ какъ 24-го іюля изъ главныхъ силъ корпуса на усиленіе эриванскаго отряда прибыли по прямой, крайне неудобной дорогѣ отъ г. Александрополя въ Игдырь, 7-мь баталіоновъ Бакинскаго и Дербентскаго пѣхотныхъ полковъ 39-й дивизіи, Тверской драгунскій полкъ, 1-я и 2-я батареи 39-й артиллерійской бригады, а вскорѣ еще и Кубинскій полкъ. Съ прибытіемъ ихъ численность отряда достигла 22½ баталіоновъ пѣхоты. Такимъ образомъ, онъ вдругъ усилился настолько, что даже можно было расчитывать на переходъ въ наступленіе.

Съ разсвѣтомъ полкъ, отдѣливъ 1-й баталіонъ на Чингильскія высоты, для усиленія отступавшей отсюда въ этотъ день наблюдательной колонны, выступилъ съ Орговскаго поста, а къ 3-мъ часамъ пополудни прибылъ въ Игдырь и расположился бивакомъ по садамъ на западной окраинѣ селенія. Въ ожиданіи дальнѣйшаго движенія, полкъ несъ одну только почную сторожевую службу, выставляя усиленные аванпосты на правомъ флангѣ своего расположенія.

27-го іюля къ полку прибылъ вновь назначенный командиръ полковникъ Юрковскій и въ тотъ же день вступилъ въ командованіе. На другой день онъ осмотрѣлъ полкъ, а затѣмъ, собравъ офицеровъ, высказалъ, что такъ какъ они уже не разъ съ честью водили полкъ въ бой, то онъ надѣется, что и въ будущемъ поведутъ свои части не хуже прежняго.

Измаилъ-паша продолжалъ сосредоточивать свои войска на зорскихъ высотахъ, приблизивъ лагерь къ нашимъ пограничнымъ селеніямъ. Окопы также постепенно увеличивались: производились усиленныя работы по постройкѣ батарей, и разработывались дороги отъ селенія Зоръ внизъ къ аракской долинѣ. Числительность

войскъ, повидимому, простиралась до 40 таборовъ одной пѣхоты. Нашъ отрядъ продолжалъ стоять въ различныхъ пунктахъ, оберегая пограничныя селенія, лежащія у подножія Агры-дага, отъ захвата ихъ непріятелемъ. Лагерь резерва непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ въ мысунской долинѣ, также постоянно увеличивался. Это обстоятельство дало право предполагать о намѣреніи турокъ дѣйствовать черезъ абасъ-гельскій перевалъ и черезъ селенія Гулюджа и Кульпы на нашъ правый флангъ, съ цѣлью отвлечь часть силъ отъ Игдыря и затѣмъ, спустившись массою съ Агры-дага внизъ, овладѣть Игдыремъ и стать на путяхъ нашихъ сообщеній съ г. Эриванью. Вслѣдствіе этого, а также желая въ свою очередь изслѣдовать подступы къ лѣвому флангу непріятельской позиціи, начальникъ отряда рѣшилъ сильно занять абасъ-гельскій перевалъ, въ то же время не ослабляя войскъ, прикрывавшихъ Игдырь и пограничныя селенія.

Въ ночь съ 5-го на 6-е августа, 1-й и 3-й баталіоны Крымскаго полка, съ обозомъ, выступили изъ садовъ Али-Камарлю и направились къ селенію Кюлюлюкъ, куда и прибыли къ 7-ми часамъ утра 6-го августа. По причинѣ сильнаго дневнаго зноя, а также, чтобы скрыть отъ непріятеля передвиженіе, баталіоны въ теченіе дня простояли въ садахъ и только въ 7-мь часовъ вечера продолжали дальнѣйшее движеніе къ селенію Гулюджа, куда прибыли, слѣдуя ночь почти безъ отдыха, къ 7-ми часамъ утра 7-го августа, сдѣлавъ переходъ слишкомъ въ 40 верстъ. Вблизи селенія Гулюджа 1-й и 3-й баталіоны расположились бивакомъ безъ палатокъ, построивъ наскоро шалаши изъ лозы и покрывъ ихъ соломой; 4-й же баталіонъ, 5-я и 6-я роты полка остались на бивакѣ у Игдыря, на канавѣ Ханъ-Агова, войдя въ составъ войскъ, назначенныхъ для прикрытія селенія противъ фронта непріятельскаго расположенія.

У селенія Гулюджа собралась большая часть отряда; у Игдыря же осталось только около 6½ баталіоновъ. Бакинскій полкъ, въ числѣ 3-хъ баталіоновъ, съ кавалеріею и батареею, занималъ абасъ-гельскій перевалъ, отстоявшій на 12 верстъ отъ селенія Гулюджа. 7-го же числа переѣхалъ изъ Игдыря въ Гулюджу и на-

чальникъ отряда съ своимъ штабомъ, а затѣмъ прибыли парки и подвижной дивизіонный лазаретъ 19-й дивизіи. Все это указывало важность вновь занятаго пункта и скорую перемѣну принятаго нами оборонительнаго положенія.

Въ Гулюджѣ чувствовалась довольно рѣзкая разница въ климатѣ сравнительно съ игдырскою площадью: дневной зной оказался далеко не такимъ сильнымъ, какъ близь Игдыря; ночью еще больше ощущалась разница въ температурѣ, а утренники были весьма чувствительны. Когда же на горахъ прошелъ дождь, то и днемъ сдѣлалось совершенно прохладно. Возвышенное мѣстоположеніе, горный чистый воздухъ, вкусная прозрачная родниковая вода сдѣлали пребываніе войскъ въ Гулюджѣ даже пріятнымъ. Нижніе чины и офицеры замѣтно и быстро стали поправляться, лихорадки и поносы, начавшіе развиваться у Игдыря, почти сразу прекратились.

7-го августа турки, узнавъ о передвиженіи значительнаго количества нашихъ войскъ въ с. Гулюджа, воспользовались этимъ раздѣленіемъ отряда и попытались спуститься внизъ съ Агры-дага въ довольно значительныхъ силахъ, вѣроятно съ цѣлью занять пограничное селеніе Халфалю, лежащее у подножія Агры-дага, противъ сел. Игдыря, но по всей передовой линіи были отброшены съ большимъ урономъ. 4-й баталіонъ, 5-я и 6-я роты полка въ этотъ день составляли резервъ передовой линіи и участія въ бою не принимали.

Чтобы что нибудь предпринять противъ лѣваго фланга непріятеля со стороны сел. Гулюджа, оказалось необходимымъ разработать дорогу по сѣверному склону хребта Агры-дагъ черезъ сел. Таузъ-Куль къ караванъ-сарайской дорогѣ. Съ этою цѣлью 1-й и 3-й баталіоны полка въ теченіе 8-го, 10-го и 13-го августа выходили на работу на цѣлый день. Исправленіе дороги заключалось въ раскидываніи камней, въ разработкѣ спусковъ и подъемовъ для проѣзда артиллеріи и, наконецъ, въ постройкѣ мостиковъ. 13-го августа, когда на разработкѣ находился 1-й баталіонъ, рабочая колонна превратилась въ рекогносцировочную. Баталіоны, вышедшіе съ утра на работу, по приказанію начальника отряда,

оставили ее и двинулись вслѣдъ за кавалеріею и артилеріею, пришедшими изъ Гулоджи. Отойдя отъ селенія около 12 верстъ, колонна остановилась неподалеку отъ небольшаго почти высохшаго озера. Съ ближайшихъ вершинъ передъ нею открылось расположеніе лѣваго фланга непріятельскихъ силъ; въ виду же ея стояли непріятельскіе конные наблюдательные посты. Отъ караванъ-сарайской дороги начинались турецкія траншеи, вырытыя въ грунтѣ или сложенныя изъ камней на всѣхъ командующихъ высотахъ надъ подступами къ позиціи. Въ лагерѣ и траншеяхъ царила абсолютная тишина и отсутствіе малѣйшаго движенія; поэтому можно было судить о томъ, что непріятель былъ вполнѣ увѣренъ въ неприступности своей позиціи и вовсе не расчитывалъ, чтобы наши войска съ этой стороны рѣшились на атаку его сильно укрѣпленнаго фланга. Сколько нибудь сносныхъ подступовъ къ нему высмотрѣть никто не могъ; все пространство сильно обстрѣливалось перекрестнымъ огнемъ. Никакихъ дорогъ также не было замѣтно, и вся мѣстность въ высшей степени была изрѣзана глубокими оврагами и отвѣсными обрывами; удобнаго пункта для дѣйствій нашей артилеріи совершенно нельзя было пріискать. Вообще, для овладѣнія съ этой стороны непріятельскою позиціею, безъ посредства обходовъ сильными колоннами, потребовалось бы весьма много усилій и жертвъ. Атака съ описанной выше мѣстности не сулила ничего хорошаго, потому что непріятель, выбитый изъ одного ряда траншей, перешелъ бы въ другой, третій и т. д., а затѣмъ наверху могъ утвердиться на новой совершенно неприступной позиціи. Ко всему этому, путь отступленія его былъ обезпеченъ, слѣдовательно полнаго пораженія, которое бы оправдало наши жертвы, мы нанести ему не могли. Вслѣдствіе всего этого атаковать его на подобной недоступной позиціи представлялось вполнѣ неудобнымъ и даже, въ случаѣ успѣха, не предвидѣлось существеннаго результата. Подъ такимъ именно впечатлѣніемъ большинство офицеровъ возвращалось съ рекогносцировки обратно на бивакъ въ Гулоджу. Вечеромъ того же числа намъ пришлось случайно узнать, что у начальника отряда происходилъ военный совѣтъ по поводу произведенной рекогносцировки. На совѣтѣ боль-

шинство отвергло всякую возможность атаковать непріятеля, и того же мнѣнія былъ самъ генералъ Тергукасовъ.

Кромѣ работъ по исправленію и разработкѣ дороги, 1-й и 3-й баталіоны полка поочереди выходили на сутки въ прикрытіе батареи, стоявшей влѣво на позиціи, а также по ночамъ выставляли обычную сторожевую цѣпь. Съ 16-го на 17-е августа, въ 11-ть часовъ ночи, оба баталіона экстренно выступили, въ составѣ особой колонны, внизъ по дорогѣ въ долину Аракса. Сначала никто не зналъ, зачѣмъ и куда такъ поспѣшно выступаютъ, и предполагали, что случилась настоятельная потребность усилить войска, стоявшія близъ Игдыря. Сдѣлавъ въ ночь переходъ въ 25 верстъ, баталіоны къ утру прибыли въ сел. верхніе Чарухчи и послѣ трехчасоваго отдыха перешли въ нижніе Чарухчи, гдѣ расположились въ садахъ бивакомъ. Поспѣшное выступленіе колонны изъ Гулюджи объяснилось слѣдующимъ обстоятельствомъ: наканунѣ ночью лазутчики дали знать, что непріятель въ значительномъ числѣ намѣревается 17-го августа спуститься съ горъ и произвести усиленный натискъ на войска, прикрывавшія Игдырь и защищавшія наши пограничныя селенія. Дѣйствительно, 17-го августа турки предприняли рѣшительное наступленіе на всю нашу передовую линію, но на всѣхъ пунктахъ были отброшены съ большимъ урономъ. 4-й баталіонъ, 5-я и 6-я роты полка принимали также участіе въ незначительномъ дѣлѣ, разыгравшемся лѣвѣе сел. Халфалю. Непріятель отступилъ, оставивъ на мѣстѣ боя до 80 человѣкъ убитыми и ранеными.

Узнавъ о благополучномъ исходѣ боя и о миновании надобности въ подкрѣпленіи, 1-й и 3-й баталіоны полка расчитывали возвратиться обратно на прекрасную стоянку въ Гулюджу; но, по измѣнившимся обстоятельствамъ, всѣ войска вскорѣ сошли внизъ и расположились вдоль границы по селеніямъ. 1-му и 3-му баталіонамъ было приказано остаться въ селеніи н. Чарухчи, гдѣ они и простояли бивакомъ съ 18-го по 21-е августа, занимая аванпосты и прикрывая 5-ю батарею 19-й бригады, стоявшую на позиціи противъ выхода караванъ-сарайской дороги на равнину къ селенію Чарухчи. 21-го августа баталіоны перешли къ Игдырю и

расположились лагеремъ у канавы Ханъ-Агова, позади селенія Халфалю; къ нимъ присоединились 5-я и 6-я роты и 4-й баталіонъ полка. Но на слѣдующій день 5-я и 6-я роты получили приказаніе перейти въ Игдырь для занятія карауловъ при продовольственныхъ и боевыхъ складахъ. Вообще, нужно сказать, что эти роты все время кампаніи оставались въ гарнизонахъ, и въ бояхъ участія почти не принимали; вслѣдствіе этого ихъ экономическія суммы возрасли до крупныхъ размѣровъ, такъ напримѣръ: въ 6-й ротѣ, по окончаніи войны, ротныя суммы превышали 5,000 р.

По случаю обнаруженнаго опытомъ излишка въ отпускѣ сухарей въ размѣрѣ 2 ф. въ день на человѣка, послѣдовало распоряженіе о выдачѣ нижнимъ чинамъ только по $1^3/_4$ ф. въ день, а за $^1/_4$ ф. сухарей приказано отпускать отъ интендантства деньги.

19-го августа на укомплектованіе полка прибыла партія молодыхъ солдатъ Воронежской губерніи, изъ г. Валуйска, обученныхъ въ 73-мъ пѣхотномъ запасномъ баталіонѣ. Изъ числа 500 человѣкъ, назначенныхъ съ мѣста въ полкъ, дошли только 461; прочіе же остались на пути слѣдованія въ различныхъ лечебныхъ заведеніяхъ. По повѣркѣ обученія молодыхъ солдатъ, строевая подготовка ихъ оказалась весьма слабою, а теоретическая еще слабѣе. Искусство стрѣльбы провѣрить не представлялось возможности и, судя по подготовкѣ въ правилахъ прикладки и прицѣливанія, стрѣльба не обѣщала быть хорошею. Въ каждую роту поступило около 27 человѣкъ—что значительно усилило строевой составъ ротъ, порѣдѣвшихъ отъ убыли въ бояхъ и отъ болѣзней. Одновременно съ молодыми солдатами прибыли девять офицеровъ, окончившихъ курсъ въ кіевскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ и произведенныхъ изъ портупей-юнкеровъ, въ 45 Азовскій и 46 Днѣпровскій пѣхотные полки, съ переводомъ въ 73-й пѣхотный Крымскій полкъ. Дербентскій пѣхотный полкъ, прибывшій изъ главныхъ силъ корпуса на усиленіе эриванскаго отряда, былъ отозванъ обратно.

Въ лагерѣ подъ Игдыремъ крымцы простояли съ 21-го августа по 5-е октября. Мѣстность, на которой расположился полкъ, была

совершенно ровная и открытая, почва сильно солонцеватая и при дождяхъ весьма топкая. Вода добывалась изъ колодцевъ глубиною не болѣе двухъ аршинъ, вырытыхъ тутъ же въ лагерѣ; она была крайне плохаго качества и солоноватаго вкуса. Надо полагать, что это происходило вообще по случаю близости ея къ верхнему слою почвы, чрезъ который легко просачивались всякія нечистоты, а въ особенности оттого, что вокругъ колодцевъ стояли лошади. Отхожія мѣста и маркитантскія бойни скота были устроены плохо, поэтому въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ лагерь оказывался дуренъ. Нижніе чины, не имѣя тюфяковъ, валялись въ палаткахъ на голой землѣ; пріобрѣтаемая ротами солома для подстилки скоро превращалась въ пыльную труху и еще больше порождала нечистоту. Такія неблагопріятныя условія не могли не отразиться на людяхъ, и въ полку усилилась болѣзненность. Преимущественно хворали лихорадками и поносами; послѣдніе нерѣдко обострялись и переходили въ кровавые поносы. Въ началѣ сентября наступила перемѣнная погода: пошли частые дожди, дневная удушливая жара смѣнилась сыростью и довольно свѣжими ночами. Самая трудная служба полка была сторожевая. Ежедневно на аванпосты назначалось по двѣ роты и, сверхъ того, одинъ баталіонъ въ полномъ составѣ, съ батареею—на ночь на передовую позицію къ Халфалю, въ резервъ войскамъ, занимавшимъ селеніе. Такимъ образомъ баталіонамъ приходилось черезъ сутки проводить продолжительныя и безсонныя осеннія ночи на сырой землѣ, нерѣдко подъ дождемъ, и всегда безъ палатокъ. Иногда они отсиживались чуть не въ болотѣ, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ каналовъ вода прорывалась и наводняла всю мѣстность, а послѣ отвода ея почва оставалась топкою и долго не просыхала въ осеннее прохладное время. Это какъ нельзя лучше содѣйствовало развитію болѣзней и изнуренію людей.

Вообще, надо сказать, что на нашихъ аванпостахъ далеко не соблюдалось должнаго порядка, хотя роты выходили на свои участки всегда строго въ опредѣленный часъ и въ полной исправности. Ротные командиры сами, по своему соображенію, выбирали направленіе для разстановки цѣпи, а также старались о соединеніи ея съ

сосѣдними частями. Когда же случалось такъ, что между ротами образовывался интервалъ въ полверсты, то ротный командиръ посылалъ дать знать о томъ дежурному по отряду и вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ розыскать сосѣднюю роту; но нерѣдко принятыя мѣры не приводили ни къ чему, и промежутокъ оставался на ночь никѣмъ незанятымъ. Безпечность въ отношеніи надзора за общимъ порядкомъ на всемъ протяженіи аванпостовъ вокругъ лагеря была полная; никто никогда не пріѣзжалъ провѣрять аванпосты и посмотрѣть, какъ они разставлены и насколько добросовѣстно исполняютъ свою службу. Хорошо, что мы имѣли противъ себя далеко не предпріимчиваго непріятеля, и потому все обходилось благополучно.

Впереди нашихъ аванпостовъ каждую ночь располагалась охотничья команда, сформированная въ полку [1]) изъ 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ, при двухъ офицерахъ. Охотники иногда довольно близко подходили къ непріятельскимъ траншеямъ и вообще служили какъ бы секретами; другой же пользы они не принесли. Притомъ, самое сформированіе командъ было предпринято съ иною цѣлью: они предназначались, при предстоявшемъ вскорѣ движеніи отряда въ предѣлы Турціи, для охраненія границы отъ вторженія курдовъ и баши-бузуковъ. Но такъ какъ выступленіе отряда за границу замедлилось и послѣдовало при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ предполагалось, то команды эти въ октябрѣ были расформированы, просуществовавъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

31-го августа, приказомъ по эриванскому отряду, офицеры лейбъ-гвардіи Литовскаго полка были откомандированы и должны были отправиться къ своему полку, который въ то время выступалъ изъ Варшавы за Дунай. Офицеры Крымскаго полка съ большимъ сожалѣніемъ разстались съ гвардейцами, которые, не смотря на короткое пребываніе, успѣли заслужить общее расположеніе и оставили по себѣ память честныхъ и вполнѣ достойныхъ товарищей. Всѣ крайне сожалѣли о томъ, что отъѣзжавшіе офи-

---

[1]) Приказъ по эриванскому отряду 12-го іюля № 116.

церы не участвовали ни въ одномъ бою и потому не могли познакомиться съ качествами кавказскихъ войскъ и заслужить себѣ достойныя награды подъ знаменами полка.

Въ теченіе сентября наши дѣйствія имѣли характеръ выжидательный. Послѣ рекогносцировки непріятельскаго лѣваго фланга, видимо было принято окончательное рѣшеніе не предпринимать атаки противъ многочисленнаго непріятеля, утвердившагося на мало-доступной укрѣпленной позиціи, а ограничиваться до времени одною обороною своей растянутой границы. Сообразно такому рѣшенію, отрядъ занялъ все протяженіе линіи обороны частями болѣе или менѣе самостоятельными. Начиная отъ нашего лѣваго фланга у селенія Аргачъ, линія обороны шла на селенія Халфалю, Хошхабаръ, верхніе Чарухчи, нижніе Чарухчи, Кулюлюкъ, Коты, Ипрали и до сел. Кульпы. Халфалю, Хошхабаръ и нижніе Чарухчи имѣли важное значеніе, такъ какъ противъ нихъ турки сосредоточили свои главныя силы и все свое вниманіе. Съ занятіемъ ими одного изъ этихъ трехъ пунктовъ, отряду предстояло бы много труда вырвать его обратно и удерживать за собою Игдырь. Къ тому же, въ случаѣ успѣха турокъ, паника между христіанскимъ населеніемъ, остававшимся все время на своихъ мѣстахъ, была бы неминуема, и началось бы большое броженіе умовъ въ средѣ мусульманскаго населенія Эриванской губерніи, которое во всякомъ случаѣ больше сочувствовало своимъ единовѣрцамъ и только ожидало нашего пораженія, чтобы возстать поголовно.

Сообразно вышеприведеннымъ условіямъ, эриванскій отрядъ былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: Таманскій пѣхотный полкъ занималъ селенія Халфалю и Хошхабаръ; въ сел. нижніе Чарухчи стоялъ особый отрядъ изъ Бакинскаго и Кубинскаго пѣхотныхъ полковъ, съ артилеріею и казаками, подъ командою генералъ-лейтенанта Девеля, а послѣ того, какъ онъ былъ раненъ— подъ командою генералъ-маіора Броневскаго. Этотъ отрядъ охранялъ правый, болѣе отдаленный флангъ нашего боеваго расположенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ за караванъ-сарайскою дорогою, по которой непріятель съ большимъ удобствомъ могъ двигаться съ своей неприступной позиціи на нашъ правый флангъ. Остальныя

войска отряда, въ томъ числѣ Крымскій полкъ, составляя резервъ передовой линіи, стояли близь Игдыря, противъ центра непріятельскаго расположенія, на канавѣ Ханъ-Агова. Отсюда одинаково было удобно посылать своевременно подкрѣпленія во всѣ пункты передовыхъ нашихъ позицій. Съ этою цѣлью разработывались дороги и устроивались мосты для свободнаго проѣзда артиллеріи черезъ множество канавъ, проведенныхъ изъ Аракса для орошенія полей и садовъ. Отъ резерва до селенія нижніе Чарухчи была проведена телеграфная линія, на разстояніи около шести верстъ, которая связывалась съ станціею въ Игдырѣ, гдѣ имѣлъ постоянное мѣстопребываніе начальникъ отряда.

Правый флангъ непріятельской позиціи оканчивался у поста Мучинскаго, лежавшаго въ ущельи горы Мучи, а лѣвый доходилъ до горы Чарсала; центръ же позиціи находился на высотѣ селенія Зоръ. Лагерь непріятеля занималъ протяженіе около 12 верстъ по склону горъ большой Шишъ-тапы и Кара-Гумахъ и былъ опоясанъ линіею траншей, сложенныхъ изъ камней. Въ особенности ихъ много было на возвышенностяхъ, командующихъ подступами. Передовая позиція турокъ отстояла отъ нашей передовой линіи не далѣе четырехъ верстъ, и на этомъ разстояніи располагалась одна изъ ихъ батарей, отъ которой разработывались дороги для спуска артиллеріи ближе къ нашимъ передовымъ пунктамъ. Вскорѣ непріятель открылъ изъ дальнобойныхъ орудій огонь по ближайшимъ селеніямъ Халфалю и Хошхабаръ.

Турецкіе дезертиры и наши лазутчики передавали о намѣреніи непріятеля въ скоромъ времени повести рѣшительное наступленіе, съ цѣлью оттѣснить насъ за р. Араксъ и овладѣть пограничными селеніями. Конечно, такія свѣдѣнія казались слишкомъ неправдоподобными, и намѣреніе непріятеля весьма рискованнымъ; но, тѣмъ не менѣе, въ отрядѣ стали принимать нѣкоторыя мѣры для серьезнаго отпора туркамъ. Такъ напримѣръ: на ночь, для усиленія передовыхъ пунктовъ, изъ главнаго резерва къ селенію Халфалю стали высылать одну батарею подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, большею частью отъ Крымскаго полка; кромѣ того, усилены аванпосты и ночные кавалерійскіе разъѣзды, и, наконецъ,

подумывали возвести нѣсколько полевыхъ укрѣпленій кругомъ Игдыря. На эти работы даже вышелъ однажды 3-й баталіонъ Крымскаго полка, но не приступалъ къ нимъ, такъ какъ намѣреніе это было оставлено, и онъ тотчасъ возвратился въ лагерь. На передовыхъ позиціяхъ войска по большей части укрывались за какими нибудь мѣстными закрытіями и также не возвели ни одного окопа. Все это дѣлалось въ то время, когда непріятель въ превосходныхъ силахъ готовился предпринять рѣшительныя дѣйствія.

Нелюбовь окапываться, надо полагать, вытекаетъ у насъ изъ суммы высокихъ нравственныхъ и боевыхъ качествъ и изъ нашего народнаго характера, отличающагося хладнокровіемъ, пренебреженіемъ къ опасностямъ жизни и нерѣдко самоувѣренностью. Войска считали какъ бы за срамъ для себя окапываться передъ турками, и всякая затѣя этого рода вызывала на устахъ ихъ легкую улыбку, а иногда и остроты. Такимъ образомъ въ эриванскомъ отрядѣ, въ самые критическіе моменты боя, окопамъ не придавалось особеннаго значенія, и войскамъ въ голову даже не приходило о необходимости самоокапыванія. Непріятель хотя и продолжалъ настойчиво приближаться къ нашимъ передовымъ пунктамъ, но въ отрядѣ царило полнѣйшее спокойствіе. Всѣ искренно желали одного, чтобы турки скорѣе спустились на равнину и попытались бы серьезно атаковать наши войска.

Каждое утро, во время хорошей погоды, полкъ выходилъ на ученье передъ свои палатки и занимался преимущественно гимнастикою, прицѣливаніемъ и выправкою людей. Если непріятель гдѣ нибудь обнаруживалъ серьезное намѣреніе произвести натискъ, то полкъ получалъ приказаніе идти на поддержку войскъ, охранявшихъ передовыя позиціи; въ большинствѣ случаевъ онъ возвращался обратно безъ боя, такъ какъ всѣ покушенія непріятеля не вызывали въ томъ необходимости, и передовыя войска одни успѣвали его отбрасывать. Вообще, въ теченіе всей стоянки подъ Игдыремъ лагерь имѣлъ видъ скорѣе учебнаго, нежели бивачно-боеваго: вездѣ шли ученья, раздавались звуки музыки, разучивались новыя пьесы, гремѣли барабанщики, и трубили горнисты; нерѣдко слыша-

лись солдатскія пѣсни. Часто забывалось о томъ, что полкъ стоитъ противъ многочисленнаго непріятеля.

Въ лагерѣ главнаго резерва, около ставки начальника его, находился телескопъ, при которомъ днемъ всегда дежурилъ офицеръ и наблюдалъ за движеніями непріятеля. Посредствомъ этого телескопа легко можно было видѣть, что совершалось въ непріятельскомъ лагерѣ, даже распознавать довольно отчетливо отдѣльныхъ людей. Поэтому, какъ только непріятель собирался въ болѣе или менѣе значительныхъ силахъ и направлялся куда нибудь на нашу передовую линію, его намѣренія заранѣе обнаруживались, и немедленно предпринимались соотвѣтствующія распредѣленія войскъ главнаго резерва, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, о замѣченномъ движеніи давалось знать по телеграфу или черезъ посредство нарочныхъ на передовые пункты. Рядомъ съ стоявшими войсками жители окрестныхъ и даже пограничныхъ селеній производили уборку обильныхъ посѣвовъ. Хотя непріятель стрѣлялъ изъ своихъ орудій почти каждое утро, но къ этому до того привыкли, что мирныя сельскія работы текли обычнымъ чередомъ: никто и не помышлялъ о томъ, чтобы непріятель могъ завладѣть собранною жатвою; жители пограничныхъ селеній даже возвращались ночевать въ свои жилища, отправивъ, впрочемъ, на всякій случай, заблаговременно свое имущество въ болѣе отдаленныя селенія.

Матеріальное благосостояніе войскъ, по случаю различныхъ усиленныхъ отпусковъ отъ казны, значительно улучшилось, и въ полку образовались за короткое время порядочные денежные остатки, поступившіе въ экономическую сумму. Главнымъ образомъ экономія образовалась отъ фуражнаго и дровянаго довольствія, такъ какъ фуражъ и топливо добывались безплатно въ брошенныхъ куртинскихъ аулахъ и посредствомъ фуражировокъ. Кромѣ того, при полковыхъ хозяйственныхъ управленіяхъ многіе продукты покупались значительно дешевле справочныхъ цѣнъ. Все это повело къ тому, что 4-го сентября, при повѣркѣ полковыхъ суммъ, оказалось большое ихъ приращеніе [2]) по сравненію съ суммами,

---

[2]) Приказъ по полку 6-го сентября 1877 года № 250.

состоявшими въ полку до объявленія войны, а именно: 16-го ноября 1876 года въ ротахъ состояло всего 2114 р. 85 к., или среднимъ числомъ по 124 р. 40 к. на роту, а къ 4-му сентября 1877 года положеніе суммъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: полковой хозяйственной суммы 20,616 р. 9 к., экономическаго капитала 9,800 р., свободнаго остатка 336 р., на постройку полковой церкви 9,794 р. 23 к., церковныхъ 1,997 р. 3 к., разныхъ капиталовъ 1,952 р. 36 к., за интендантствомъ неполученныхъ 991 р. 89 к., за инженернымъ управленіемъ 55 р., собственныхъ солдатскихъ 917 р. 13 к., офицерскаго капитала 14,779 р. 31 к., офицерской библіотеки 71 р. 7 к., вспомогательнаго капитала 2,148 р. 6 к., удержанныхъ съ офицеровъ въ начетъ за излишне вытребованныя квартирныя деньги 561 р. 42 к., итого 63,319 р. 25 к. Изъ нихъ: билетами 19,751 р. 39 к., документами 22,996 р. 15 к., налицо 20,571 р. 71 к.

Ротныхъ суммъ: 1-й роты 1550 р., 2-й роты 887 руб., 3-й роты 1,260 р., 4-й роты 1,316 р., 5-й роты 858 р. 27 к., 6-й роты 1,400 р. (7-й и 8-й ротъ не показано по случаю пребыванія ихъ на санитарной стоянкѣ), 9-й роты 925 р., 10-й роты 1,000 р., 11-й роты 1,000 р., 12-й роты 900 р., 13-й роты 890 р., 14-й роты 1,100 р., 15-й роты 1,000 р., 16-й роты 1,080 р. 18 к. и нестроевой роты 1,649 р. 47 к.,—итого 16,771 р. 92 к.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что на каждую изъ пятнадцати наличныхъ ротъ приходилось среднимъ числомъ по 1,118 р. 12 к. Отбросивъ среднее состояніе, найденное при повѣркѣ ротныхъ суммъ въ г. Тифлисѣ, 2,114 р. 85 к., или среднее 124 р. 40 к. на роту, окажется, что приращеніе суммъ въ ротахъ съ 16-го ноября 1876 г. по 4-е сентября 1877 г. составило по 993 р. 72 к. на роту. Впослѣдствіи эти суммы возрасли еще больше.

Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибыли въ Игдырь два отдѣленія отъ общества Краснаго Креста—московское и финляндское; тифлисское же прислало въ отрядъ двухколесныя одноколки на желѣзныхъ осяхъ, съ упряжкою для пары лошадей; всѣ одноколки имѣли рессоры и парусинный верхъ,

и въ нихъ могли помѣщаться два человѣка больныхъ или раненыхъ. На первыхъ порахъ одноколки показались удобными, но потомъ обнаружилось, что онѣ чрезвычайно тряски. Это происходило отъ устройства ихъ на двухъ большихъ колесахъ и на одной оси, отъ которой сотрясеніе передавалось внутрь, не распредѣляясь по длинѣ кузова, какъ это происходитъ при четырехколесныхъ экипажахъ, гдѣ оси находятся не въ центрѣ, а по краямъ кузова.

Непріятель въ теченіе сентября хотя и производилъ нѣкоторыя покушенія противъ нашихъ передовыхъ пунктовъ, но каждый разъ безуспѣшно. Безплодныя перестрѣлки происходили 1-го, 5-го, 6-го, 7-го и лишь сколько нибудь выдающіяся—8-го и въ особенности 5-го сентября. Въ этотъ послѣдній день съ утра замѣтили въ телескопъ необычайное движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ. Вскорѣ началось наступленіе колоннъ, сопровождавшееся канонадою изъ всѣхъ орудій, заранѣе выдвинутыхъ на передовую позицію. Въ числѣ этихъ орудій турки имѣли двѣ осадныя пушки, бросавшія свои огромные снаряды съ горы на разстояніе около восьми верстъ. Наши девяти-фунтовыя батареи, обыкновенно занимавшія позиціи около селеній Халфалю и Хошхабаръ, не могли состязаться съ этими пушками и большею частью отъѣзжали назадъ, чтобы не подвергаться напраснымъ потерямъ.

До 11-ти часовъ дня длилась перестрѣлка противъ селеній Халфалю и Хошхабаръ, а около полудня замѣтили движеніе непріятеля въ обходъ нашей передовой позиціи по караванъ-сарайской дорогѣ, въ пяти верстахъ впереди селенія н. Чарухчи, куда ежедневно выходилъ одинъ баталіонъ съ батареею и казаками. Тотчасъ изъ нижне-чарухчинскаго лагеря на передовую позицію двинулись всѣ свободныя войска, и по линіи нашей обороны завязалась усиленная перестрѣлка. Но когда окончательно обнаружилось, что непріятель намѣренъ обрушиться на нашъ правый флангъ близь селенія нижніе Чарухчи, тогда изъ главнаго резерва на подкрѣпленіе Кубинскаго полка, сдерживавшаго натискъ турокъ, были направлены 1-й и 4-й баталіоны крымцевъ. Эти баталіоны, выступивъ около двухъ часовъ пополудни отъ канавы Ханъ-Агова, къ четыремъ часамъ прибыли въ селеніе нижніе Чарухчи, откуда

продолжали движеніе по караванъ-сарайской дорогѣ въ горы для присоединенія къ Кубинскому полку. Въ это время узнали, что кубинцы сильно потѣснили напавшихъ на нихъ турокъ, прошли до непріятельской укрѣпленной позиціи и овладѣли уже рядомъ турецкихъ траншей. Тогда 1-й и 4-й баталіоны Крымскаго полка, прибавивъ шагъ, направились безъ дорогъ, по горамъ, на орудійные выстрѣлы. Но въ это время было получено приказаніе генералъ-маіора Броневскаго—не двигаться дальше, такъ какъ кубинцы, оттѣснивъ непріятеля и нанеся ему большой уронъ, отступаютъ обратно на передовую позицію. Съ наступленіемъ сумерокъ бой по всей линіи прекратился. Турки и въ этотъ разъ не имѣли ни малѣйшаго успѣха. 1-й и 4-й баталіоны полка, съ одною батареею, получили приказаніе остаться до утра на передовой позиціи, выставивъ аванпосты. Въ дѣлѣ 15-го сентября нашъ уронъ простирался до 170-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ и 12-ти офицеровъ. Непріятель же, по слухамъ, понесъ въ этотъ день большія потери и пришелъ въ такой переполохъ, что даже снялъ свой передовой лагерь и приготовился къ общему отступленію; но утромъ, увидѣвъ наше спокойное положеніе на старыхъ мѣстахъ, вновь разбилъ лагерь. Больше онъ не предпринималъ рѣшительныхъ наступленій.

15-го сентября, при уборкѣ раненыхъ съ поля сраженія, въ первый разъ принимали дѣятельное участіе прибывшія въ отрядъ московское и финляндское отдѣленія общества Краснаго Креста. Они дѣйствовали съ полнымъ самоотверженіемъ, энергически и неутомимо, вызывая къ себѣ въ войскахъ невольную признательность и уваженіе.

На другой день 1-й и 4-й баталіоны, по смѣнѣ съ позиціи другими частями войскъ, возвратились обратно въ лагерь главныхъ силъ.

При посѣщеніи въ іюлѣ мѣсяцѣ эриванскаго отряда Его Высочествомъ, генералъ Тергукасовъ сдѣлалъ представленіе объ отпускѣ войскамъ не въ зачетъ готовой обуви, въ томъ вниманіи, что они сильно обносились и не имѣли ни средствъ, ни возможности привести ее въ должный порядокъ. Это ходатайство было уважено,

и 6-го сентября полкъ получилъ отъ интендантства готовыхъ сапоговъ 1500 паръ, па 1537 человѣкъ подошвы, переда и голенища и 3037 паръ подметокъ. Благодаря этой мѣрѣ, къ концу сентября обувь въ полку была въ полномъ порядкѣ, хотя, къ слову сказать, интендантская готовая обувь, по обыкновенію, далеко не отличалась прочностью.

2-го октября, послѣ долгаго затишья, непріятель снова попытался затѣять дѣло, но на первыхъ же порахъ дрогнулъ, отступилъ и, взобравшись на свои неприступныя высоты, оставилъ насъ совершенно въ покоѣ.

IX.

Начало новаго періода военныхъ дѣйствій. Отступленіе Измаилъ-паши. Преслѣдованіе его эриванскимъ отрядомъ. Выступленіе 5-й и 6-й ротъ изъ Игдыря въ Кара-Килиса. Соединеніе отрядовъ соганлугскаго и эриванскаго. Распредѣленіе баталіоновъ согласно диспозиціи на 23-е октября. Позиція у Деве-Бойну. Составъ соединеннаго отряда. Сраженіе 23-го октября. Трофеи. Потери полка. Ночлегъ на Деве-Бойну. Вопросъ о сохраненіи обуви. Участіе полка въ ночномъ штурмѣ Эрзерума 28-го октября. Потери. Отступленіе эриванскаго отряда на Деве-Бойну.

Наконецъ, изъ Россіи подошли послѣднія подкрѣпленія—и со дня на день всѣми ожидалось открытіе новыхъ наступательныхъ дѣйствій. Ожиданія, дѣйствительно, вскорѣ оправдались.

4-го октября въ эриванскомъ отрядѣ было получено радостное извѣстіе о совершенномъ пораженіи арміи Мухтаръ-паши на аладжинскихъ высотахъ. Новость эта была принята съ восторгомъ и привѣтствована пушечною пальбою.

Всѣ одинаково сознавали, что прошла пора бездѣйствія и пассивной обороны, и наступилъ *новый періодъ* кампаніи, которымъ должна была закончиться война въ азіятской Турціи. Стало также очевидно необходимымъ и отступленіе войскъ Измаилъ-паши съ Агры-дага къ Эрзеруму, чтобы защитить эту твердыню.

Вѣроятно, начальнику отряда заранѣе сообщалось о начатіи серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ арміи Мухтаръ-паши, такъ какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и въ началѣ октября было отдано приказаніе, чтобы всѣ войска находились въ полной готовности къ выступленію по первому требованію и имѣли бы все боевое снаряженіе, сухарный запасъ и вьючный обозъ въ совершенной исправности.

Послѣ похода на Драмъ-дагъ обнаружилось большое неудобство имѣть колесный обозъ при движеніи по турецкимъ дорогамъ, поэтому въ ротахъ завели вьючныя сѣдла; полковой же обозъ остался все-таки колесный—что въ скоромъ времени, при выступленіи полка въ предѣлы Турціи, имѣло весьма неблагопріятныя послѣдствія на сбереженіе здоровья нижнихъ чиновъ.

Измаилъ-паша, получивъ, вѣроятно, въ одно время съ нами извѣстіе о пораженіи арміи Мухтаръ-паши на аладжинскихъ высотахъ, началъ готовиться къ отступленію. 4-го октября лагерь непріятеля уже значительно уменьшился, а позиціи, занятыя имъ близъ нашихъ пограничныхъ селеній, были совершенно оставлены. Очевидно, что турки поспѣшно отступали, и потому всѣ горѣли нетерпѣніемъ скорѣе двинуться вслѣдъ за ними, чтобы не дать имъ времени благополучно удалиться. Полкъ съ часа на часъ ожидалъ приказанія о выступленіи, тѣмъ болѣе, что все было приготовлено къ дальнѣйшему безостановочному слѣдованію.

Наступило 5-е октября. Отрядъ все стоялъ на мѣстѣ, а непріятель, пользуясь его бездѣйствіемъ, продолжалъ спокойно отступать; къ вечеру онъ окончательно покинулъ всѣ свои позиціи, поднялся на перевалъ и расположился лагеремъ около селенія Зоръ. Только тогда изъ нашего лагеря послали охотничьи команды и казаковъ узнать о положеніи турокъ. Охотники безпрепятственно проникли до Зоръ, нигдѣ не встрѣтивъ ихъ; около селенія оставался только небольшой непріятельскій арріергардъ. Въ ночь на 6-е октября полкъ, въ составѣ 1-го, 3-го и 4-го баталіоновъ, наконецъ, выступилъ въ селеніе Хопхабаръ, куда прибылъ съ разсвѣтомъ и остановился въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. На время этого движенія послѣдовало разрѣшеніе—ранцевъ не

брать, а оставить ихъ въ игдырскомъ складѣ; взамѣнъ же ранцевъ завести холщевые мѣшки, по образцу тѣхъ, какіе употреблялись въ кавказской войнѣ. 5-я и 6-я роты остались въ селеніи Игдырѣ для занятія карауловъ.

6-го октября, въ 7 час. утра, полкъ, въ составѣ средней колонны (приложеніе II), выступилъ изъ Хошхабара и направился къ селенію Зоръ. При слѣдованіи черезъ укрѣпленную позицію непріятеля, за сутки передъ тѣмъ имъ оставленную, можно было оцѣнить всю трудность штурма ея съ фронта, въ особенности безъ посредства обходныхъ колоннъ: вездѣ на протяженіи слишкомъ десяти верстъ въ глубину виднѣлись каменныя траншеи и завалы; всѣ подступы къ нимъ обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ; за однимъ рядомъ заваловъ слѣдовалъ другой, третій и т. д. За то, съ помощью обхода съ фланга по караванъ-сарайской дорогѣ, какъ показало дѣло 15-го сентября, позиція эта легко могла быть взята. Около двѣнадцати часовъ пополудни полкъ сталъ подходить, по разработанной турками дорогѣ, къ горѣ Чарсала. Въ это время съ зорскихъ высотъ, командовавшихъ впереди лежавшею мѣстностью и путемъ нашего наступленія, раздались орудійные выстрѣлы. Гранаты ложились довольно близко и, ударяясь о каменистый грунтъ, разрывались и разносили осколки вмѣстѣ съ камнями. Баталіоны однако все шли впередъ, пока не были остановлены за одною изъ небольшихъ возвышенностей. Въ этомъ мѣстѣ они поджидали правую и лѣвую колонны до $2^1/_2$ часовъ пополудни, находясь все время подъ выстрѣлами непріятельской артиллеріи. Наконецъ, прибыла девяти-фунтовая батарея, заняла позицію на одной изъ возвышенностей и открыла огонь; баталіоны же стали въ боевой порядокъ, соображаясь съ расположеніемъ батареи. Почти одновременно съ этимъ подошли правая и лѣвая колонны; артиллерія ихъ выѣхала на высоту второй колонны и также открыла пальбу. Турки немедленно обратили весь свой артиллерійскій огонь на батареи нашей правой колонны и не прекращали усиленной канонады изъ восьми орудій до сумерокъ. Наши войска съ трехъ до семи часовъ вечера не подвинулись ни на шагъ впередъ и оставались въ бездѣйствіи противъ слабаго непріятельскаго арріергарда. Въ су-

мерки 1-й и 3-й баталіоны были выдвинуты впередъ для прикрытія общаго расположенія войскъ и выставили аванпосты; 4-й баталіонъ оставался въ прикрытіи батарей.

7-го октября, передъ разсвѣтомъ, въ той сторонѣ, гдѣ былъ бивакъ непріятельскаго арріергарда, внезапно произошелъ сильный шумъ. На первыхъ порахъ никто не могъ догадаться, что бы это значило; но когда вслѣдъ за нимъ показался черный и густой дымъ, тогда только заключили, что турки подожгли свои огнестрѣльные склады. Съ разсвѣтомъ полкъ, составляя среднюю колонну, двинулся къ селенію Зоръ, потомъ обошелъ его вправо мимо сгорѣвшаго поста и прибылъ къ мѣсту расположенія непріятельскаго арріергарда. Здѣсь найдены были еще уцѣлѣвшіе отъ огня склады сухарей, соли и масса патроновъ. Всѣ наши три колонны невдалекѣ стали бивакомъ. Непріятель поспѣшно отступалъ; для наблюденія за нимъ была выслана кавалерія.

Этотъ и слѣдующій день простояли на мѣстѣ. Только 9-го октября, въ семь часовъ утра, полкъ, въ составѣ главныхъ силъ, перешелъ границу по разработанной турками дорогѣ и спустился съ Агры-дага въ мысунскую долину; въ пять часовъ пополудни онъ расположился бивакомъ близь Мысуна. Въ этомъ селеніи были найдены брошенные непріятелемъ огромные склады боевыхъ снарядовъ и патроновъ, которые сейчасъ же уничтожены. 10-го октября отрядъ перешелъ на новую позицію не далѣе трехъ верстъ за Мысуномъ. Передвиженіе это состоялось потому, что въ селеніи свирѣпствовала оспа. Жители его, армяне, разсказывали, что турки обходились съ ними хорошо; Измаилъ-паша принималъ всѣ мѣры, чтобы ихъ не притѣсняли курды и баши-бузуки; даже одинъ разъ повѣсилъ двухъ курдовъ, которые позволили себѣ произвести разбой. Воспользовавшись нашимъ восьмидневнымъ бездѣйствіемъ, непріятель благополучно и быстро отступалъ къ Эрзеруму. Такимъ образомъ, это бездѣйствіе было одною изъ причинъ, что война въ азіятской Турціи затянулась еще на нѣкоторое время.

Наконецъ, съ 11-го октября начался достопамятный, но уже безполезный форсированный маршъ эриванскаго отряда въ погоню за войсками Измаилъ-паши, успѣвшими къ тому времени уйти

слишкомъ на четыре перехода. Полкъ дѣлалъ безостановочно чрезчуръ большіе и трудные переходы съ 11-го по 22-е октября. Этотъ походъ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія по своей грустной обстановкѣ и по послѣдствіямъ его.

11-го октября, въ шесть часовъ утра, полкъ, въ составѣ главныхъ силъ, направился къ Сурпъ-Оганезу. На всемъ пути встрѣчались тѣла убитыхъ турецкихъ солдатъ—жертвы преслѣдованія нашей кавалеріи; вездѣ валялись трупы лошадей и буйволовъ, а также артиллерійскіе снаряды въ огромномъ количествѣ. Все это указывало на положительное бѣгство непріятеля и свидѣтельствовало, что онъ ожидалъ энергическаго преслѣдованія. По дорогѣ оказалась вновь устроенная телеграфная линія, связывавшая корпусъ Измаилъ-паши съ корпусомъ Мухтаръ-паши. Проволока валялась прямо на землѣ; столбы начинались только отъ сел. Молла-Сулейманъ. Къ вечеру полкъ, не доходя четырехъ верстъ до Сурпъ-Оганеза, остановился на ночлегъ. Ночью пошелъ сильный дождь, и разомъ стало сыро и холодно. Наступила глубокая осень, а вмѣстѣ съ нею удвоивались труды и походныя невзгоды.

Въ тотъ же вечеръ изъ Баязета прослѣдовалъ авангардъ отряда впередъ на сел. Кара-Килиса, куда онъ былъ направленъ еще изъ Мысуна для развѣдокъ о непріятелѣ. Въ Баязетѣ оказалось до 800 человѣкъ раненыхъ и больныхъ турокъ; при госпиталѣ состояло греческое общество Краснаго Креста, съ венгерскимъ врачемъ; въ городѣ были найдены большіе склады оружія и патроновъ. Четыре табора пѣхоты, отдѣленные Измаилъ-пашею въ Баязетъ, при приближеніи нашего авангарда удалились въ г. Ванъ.

12-го октября полкъ ночевалъ близь с. Зиро, а 13-го числа въ трехъ верстахъ отъ Кара-Килиса. Погода стояла холодная, дождливая и сырая; люди были безъ полушубковъ и сильно терпѣли отъ стужи; полковой колесный обозъ всегда запаздывалъ. По недостатку перевозочныхъ средствъ, полковая хозяйственная часть распорядилась взять только по четыре палатки на роту; въ каждой же ротѣ состояло налицо не менѣе 160 человѣкъ. Очевидно, что четырехъ палатокъ далеко было недостаточно; поэтому одна половина людей въ ротахъ тѣсно набивалась въ палатки, а дру-

гая оставалась на ночь подъ открытымъ небомъ на холодѣ и дождѣ. При такихъ условіяхъ, какъ тѣ, такъ и другіе, не отдыхали, а еще болѣе утомлялись, проводя безпокойно длинныя осеннія ночи. Когда же обозъ запаздывалъ, тогда роты лишались и этихъ четырехъ палатокъ. Въ селеніи Кара-Килиса жителей не оказалось; турки, при своемъ отступленіи, подожгли нѣсколько сакль, въ которыхъ, вѣроятно, находились продовольственные склады.

Въ два дня, 14-го и 15-го октября, полкъ перешелъ изъ селенія Кара-Килиса въ Зейдекянъ, гдѣ нашъ авангардъ захватилъ много отставшихъ турецкихъ солдатъ. Жители этого селенія, какъ оказалось, далеко не всѣ ушли въ наши предѣлы при отступленіи отряда въ іюнѣ мѣсяцѣ; большинство ихъ предпочло навремя переселиться въ горы. Когда же турки и курды удалились, то они снова вернулись въ Зейдекянъ и приступили къ обычнымъ полевымъ работамъ; также оставались на мѣстѣ многіе жители селенія Молла-Сулейманъ и г. Алашкерта (Топрахъ-Кале). По разсказамъ армянъ, турки, по удаленіи эриванскаго отряда въ іюнѣ мѣсяцѣ, вырыли изъ могилъ въ Зейдекянѣ и на Драмъ-дагѣ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ нашихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; армяне собрали трупы и снова ихъ похоронили.

16-го октября полкъ вторично началъ подниматься на высоты Драмъ-дага по хорошо знакомой ему дорогѣ. Пройдя боевую позицію 4-го іюня, онъ къ вечеру достигъ бивака на р. Абизгяръ, гдѣ стоялъ накапунѣ битвы 9-го іюня, и расположился на ночлегъ. Движеніе этого дня живо напомнило прошедшія событія, среди которыхъ мужалъ и закалялся нашъ молодой солдатъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ и въ первыхъ кровавыхъ встрѣчахъ съ врагомъ. Полковой обозъ на Драмъ-дагѣ окончательно отсталъ, и полкъ бивакировалъ безъ палатокъ, при сильномъ дождѣ и холодѣ. Въ этотъ день, по распоряженію отряднаго штаба, 5-я и 6-я роты, остававшіяся для карауловъ въ селеніи Игдырѣ, выступили въ Кара-Килиса для занятія этого опорнаго пункта въ тылу. Онѣ прибыли по назначенію 19-го октября, смѣнивъ остававшійся тамъ временно баталіонъ Кубинскаго полка.

17-го октября съ утра пошелъ сильнѣйшій дождь; гористая

дорога сдѣлалась чрезвычайно скользкою, отчего артиллерія слѣдовала весьма медленно, задерживая общее движеніе. Пройдя селеніе Эшакъ-Эльясъ, полкъ вступилъ въ узкое карадербентское ущелье, по которому шелъ большую половину пути. Безпрестанныя переправы черезъ рѣчки, по неразработанной дорогѣ, заваленной большими камнями, сильно затрудняли отрядъ, такъ что авангардъ главныхъ силъ едва только къ вечеру могъ прибыть къ карадербентскимъ воротамъ, которыми заканчивалось ущелье. Ворота эти представляютъ собою расщелину около 10-ти саженей ширины, которая, извиваясь, тянется на разстояніи почти четверти версты между двумя совершенно отвѣсными скалами, имѣющими въ вышину до 40 саженей. Посерединѣ этого дефиле течетъ р. Кила, по обѣ стороны которой проходитъ дорога, крайне неудобная для движенія колеснаго обоза. Вообще, кругомъ карадербентскихъ воротъ и ущелья природа дика и безпріютна, какъ будто погрузилась она въ непробудный сонъ; нигдѣ не видно ни растительности, ни поселеній, и лишь повсюду чернѣютъ голыя скалы. Какъ только полкъ сталъ бивакомъ, изъ селенія Дали-Баба, находящагося по западную сторону карадербентскихъ воротъ, явилась масса армянъ, принесшихъ для продажи различныя произведенія сельскаго хозяйства. Это было весьма кстати, такъ какъ у насъ давно ощущался большой недостатокъ жизненныхъ продуктовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все, вынесенное армянами, раскупалось быстро, на расхватъ.

Жители Дали-Баба невольно обратили на себя вниманіе красотою своего типа, а также опрятнымъ и красивымъ нарядомъ. Они не выглядѣли забитыми и угнетенными, какими мы привыкли видѣть населеніе алашкертской долины и баязетскаго санджака. Армяне Дали-Бабы очевидно имѣютъ гораздо болѣе свободы и обладаютъ лучшимъ и большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ; они все время оставались на своихъ мѣстахъ и вовсе не жаловались на притѣсненія со стороны турокъ. То же самое пришлось наблюдать и въ другихъ селеніяхъ, расположенныхъ за Дали-Бабою, ближе къ Эрзеруму. Подобное явленіе надо приписать отдаленію ихъ отъ Курдистана, близости Эрзерума, какъ административнаго

и торговаго пункта, и плодородію земли, прилегающей къ долинѣ рѣки Аракса.

18-го октября, полкъ, выступивъ съ бивака и пройдя карадербентскія ворота, вошелъ въ долину Дали-Баба, откуда открылась болѣе оживленная панорама. Суровый Дахаръ, съ своими безконечными дикими вершинами, окончился; впереди открылся кряжъ соганлугскаго хребта, покрытый лѣсами, и широкая долина верховьевъ р. Аракса, съ умѣренными возвышенностями и съ болѣе густымъ населеніемъ. Стало очевидно, что мы приближаемся къ торговому центру Арменіи—Эрзеруму, конечной цѣли нашего тяжелаго похода. За селеніемъ Дали-Баба въ массѣ жителей стали чаще встрѣчаться коренные османы, отличавшіеся значительною торговою дѣятельностью.

19-го октября полкъ имѣлъ ночлегъ близь сел. Юзъ-Веранъ, а 20-го, пройдя черезъ селенія Комацуръ, Гюндеванъ и Амракамъ, къ вечеру прибылъ въ Керпи-кей. Въ этотъ день мы узнали, что авангардъ эриванскаго отряда въ Керпи-кеѣ соединился съ войсками соганлугскаго отряда, пришедшими изъ подъ Карса, и вмѣстѣ съ ними направился далѣе въ г. Гасанъ-Кала, а оттуда къ высотамъ Деве-Бойну, и что Измаилъ-паша прослѣдовалъ съ войсками черезъ сел. Керпи-кей однимъ днемъ раньше прибытія туда соганлугскаго отряда. Слѣдовательно, путь его отступленія не былъ отрѣзанъ, и онъ благополучно успѣлъ соединиться съ разбитыми остатками арміи Мухтаръ-паши, поэтому овладѣть Эрзерумомъ уже было не такъ легко. Въ перспективѣ предвидѣлся рядъ затрудненій и лишеній всякаго рода, такъ какъ наши войска слишкомъ отдалились отъ своихъ предѣловъ, а быстро приближавшаяся суровая зима обѣщала непреодолимыя преграды на путяхъ нашихъ сообщеній.

Керпи-кей—небольшое селеніе, расположенное на берегу р. Аракса, населенное преимущественно армянами. Долина р. Аракса представляетъ собою равнину, лежащую на высотѣ 5976 футъ. У стараго каменнаго моста, перекинутаго черезъ Араксъ, соединяются двѣ главныхъ дороги, изъ которыхъ одна идетъ черезъ соганлугскій хребетъ изъ Карса въ Эрзерумъ, а другая, транзитная,

изъ Эрзерума черезъ Драмъ-дагъ и Баязетъ въ Персію. Селеніе Керпи-кей, не смотря на свое расположеніе у торговыхъ путей, нисколько не отличается отъ прочихъ глухихъ селъ; единственно, что въ немъ бросается въ глаза—это разрушенныя древнія зданія, вѣроятно бывшіе каравансараи.

21-го октября полкъ, сдѣлавъ небольшой переходъ въ двѣнадцать верстъ, достигъ заброшеннаго укрѣпленія Гасанъ-Кала. Пройдя черезъ городъ того же имени, онъ прослѣдовалъ къ селенію Чегендере, на высотѣ котораго расположился бивакомъ. Въ это время соганлугскій отрядъ уже стоялъ противъ Деве-Бойну, на высотѣ селенія Куруджухъ. Оба противные лагеря отчетливо видѣли другъ друга. Небольшое каменное укрѣпленіе Гасанъ-Кала, съ башеньками и съ зубчатыми бойницами, устроено на отрогѣ горы, прилегающей къ большой транзитной дорогѣ. Оно утратило свое стратегическое значеніе, поэтому и не было занято непріятелемъ. Съ южной стороны его, къ Эрзеруму, расположенъ амфитеатромъ небольшой городокъ Гасанъ-Кала, съ весьма грязными, узкими и кривыми улицами, съ постройками въ чисто восточномъ вкусѣ. Дома имѣютъ плоскія крыши, и въ окна, вмѣсто стеколъ, вклеена бумага; мечети съ неизбѣжными минаретами; базаръ тѣсный и грязный; кофейни, медресе, каравансараи и теплыя минеральныя бани. Жители оставались на мѣстѣ; торговля на базарѣ шла обычнымъ порядкомъ. На первыхъ порахъ еще можно было доставать табакъ, чай, сахаръ, кофе, сухіе фрукты, хлѣбъ, сыръ, ситцы и проч., но всѣ эти запасы вскорѣ истощились, и торговля сама собою прекратилась.

22-го октября полкъ, въ числѣ другихъ войскъ, къ тремъ часамъ пополудни пришелъ на мѣсто расположенія соганлугскаго отряда, гдѣ и сталъ бивакомъ въ виду турецкой позиціи на Деве-Бойну, поступивъ подъ общее начальство генерала Геймана.

Въ короткое время полкъ совершилъ походъ въ 225 верстъ, и изъ нихъ 200 верстъ въ теченіе 12 дней форсированнымъ маршемъ, безъ дневокъ, по крайне неудобнымъ гористымъ дорогамъ, при ненастной погодѣ, оставаясь на ночлегахъ безъ палатокъ и безъ горячей пищи. Еще въ Игдырѣ отрядный штабъ объявилъ,

что войска выступают всего только на четыре дня. Этому слуху многіе повѣрили, и потому на первыхъ же порахъ оказался во всемъ крайній недостатокъ: многіе офицеры и солдаты не взяли даже лишней перемѣны бѣлья и теплой одежды, отчего впослѣдствіи страшно бѣдствовали. Подвозъ интендантствомъ сухарей и продовольствія по обыкновенію производился небрежно. Вообще, походъ вышелъ какъ бы случайнымъ и для всѣхъ неожиданнымъ — а между тѣмъ его давно ожидали. Пройденный полкомъ трудный путь налегкахъ, безъ правильнаго продовольствія, не могъ не повліять на здоровье нижнихъ чиновъ, которые сильно изнурились. Для возстановленія ихъ силъ требовалось слишкомъ продолжительное время, тѣмъ болѣе, что во время стоянки подъ Игдыремъ, при весьма неблагопріятныхъ климатическихъ и санитарныхъ условіяхъ, нижніе чины, послѣ іюньскихъ событій, не могли достаточно оправиться. Сумма такихъ въ высшей степени неблагопріятныхъ условій породила удобную почву для тифа, который впослѣдствіи съ ужасающею силою опустошилъ ряды полка. Не мало горя доставилъ полковой колесный обозъ. Умудренное опытомъ іюньскаго похода, высшее начальство распорядилось, чтобы на будущее время роты и полкъ вмѣсто колеснаго обоза завели бы вьючный; роты исполнили это приказаніе, а полкъ—нѣтъ. Мало того, при выступленіи во второй заграничный походъ послѣдовало категорическое приказаніе изъ отряднаго штаба, чтобы войска отнюдь не брали съ собою колеснаго обоза, исключая нѣсколькихъ лазаретныхъ фургоновъ. Всѣ части выполнили это въ точности, но Крымскій полкъ все-таки взялъ только одинъ колесный обозъ. Наконецъ, забирая вещи изъ полковаго цейхгауза, находившагося въ г. Ставрополѣ, полкъ взялъ вьючныя сѣдла безъ потниковъ и объ этомъ спохватился только въ Игдырѣ наканунѣ объявленія войны. Впослѣдствіи хотя и стали скупать вьючныя сѣдла въ Эривани, но они оказались далеко неудовлетворительными. Крымцамъ невольно пришлось позавидовать Ставропольскому полку, который все время слѣдовалъ съ вьючнымъ обозомъ.

Весь обозъ, какъ колесный, такъ и вьючный, исключая лазаретныхъ фургоновъ, всегда слѣдовалъ въ одной общей колоннѣ

главныхъ силъ, а за баталіонами слѣдовалъ только одинъ лазаретный фургонъ. Ставропольскій полкъ, чередуясь съ Крымскимъ, слѣдовалъ то въ авангардѣ, то въ аррьергардѣ главныхъ силъ. Какъ только становилось извѣстнымъ о скорой остановкѣ на ночлегъ —что всегда своевременно сообщалось Ставропольскому полку черезъ офицера—вьюки этого полка немедленно отдѣлялись изъ общей колонны, никому не мѣшая, по сторонамъ дороги проѣзжали впередъ съ командиромъ нестроевой роты и съ завѣдывающимъ въ полку хозяйственною частью и присоединялись къ полку. Такимъ образомъ, выигрывая время, вьюки прибывали на мѣсто ночлега двумя, тремя, а иногда 12-ю часами раньше прихода колеснаго обоза Крымскаго полка. Колесный обозъ, который безпрестанно задерживался въ пути плохими дорогами, вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко удерживалъ при себѣ на цѣлую ночь весь аррьергардъ. Вьюки ставропольцевъ, достигнувъ ночлега значительно раньше своего полка, немедленно сваливались на указанномъ мѣстѣ, а фурштаты съ лошадьми отправлялись добывать фуражъ и дрова. Конечно, при подобномъ порядкѣ, они первые захватывали все найденное и всегда обезпечивали себя фуражемъ и дровами; какъ фурштаты, такъ и лошади имѣли много времени для отдыха. Баталіоны же, вступая тѣмъ временемъ на мѣсто ночлега, тотчасъ устроивали лагерь и не оставались подъ дождемъ ни одной лишней минуты, а затѣмъ вскорѣ поспѣвала горячая пища,—и солдатъ Ставропольскаго полка, пообѣдавъ, ложился спокойно отдыхать. Въ Крымскомъ же полку ничего подобнаго не было. Хотя онъ приходилъ на мѣсто ночлега иногда гораздо раньше ставропольцевъ, но обозъ его пріѣзжалъ часто въ полночь, а, бывало, и на другой день; поэтому, не только нижніе чины, но и офицеры (впрочемъ, одни только строевые, а не полковаго штаба) проводили осенніе ночи подъ дождемъ и безъ палатокъ. Въ этихъ случаяхъ нижніе чины обыкновенно вырывали въ землѣ неглубокія ямы, набрасывая валикъ со стороны вѣтра для предохраненія себя отъ пронизывающаго холода, ложились въ эти ямы по нѣсколько человѣкъ вплотную и такимъ образомъ проводили ночь на сырой землѣ. Случалось же и такъ, что Крымскій полкъ, слѣдуя въ

авангардѣ, приходилъ на мѣсто ночлега и заставалъ уже лагерь Ставропольскаго полка разбитымъ. Это дѣлала нестроевая рота, старавшаяся услужить товарищамъ—чего въ Крымскомъ полку не практиковалось. Въ Ставропольскомъ полку всегда разбивалось восемь палатокъ на роту, въ Крымскомъ же только по четыре. Сухари, для облегченія обоза, раздавались ежедневно крымцамъ на руки сверхъ положеннаго количества—чѣмъ солдатъ обременялся, а обозъ все-таки отставалъ, и нижніе чины лишались самыхъ необходимыхъ удобствъ. Во всѣхъ ротахъ полка имѣлся одинъ вьючный обозъ; колесный, согласно приказанію, оставался въ Игдырѣ. Каждая рота имѣла трехъ или четырехъ вьючныхъ лошадей; на нихъ поднимались въ походъ: два мѣдныхъ котла (которые, впрочемъ, вовсе не были приспособлены для вьючной перевозки, но все-таки могли перевозиться на вьюкахъ), продовольствіе на четыре дня (крупа, соль, перецъ, лавровый листъ, сало), ведро для воды, черпакъ, ножи для рѣзки говядины, бурдюки для спирта или воды; кромѣ того, еще укладывалось сѣно, ячмень и, при возможности, дрова на одну варку. Вся тяжесть распредѣлялась такъ, чтобы на каждую лошадь приходилось не больше 6 пудовъ клади. Ротныя кухни всегда приходили вовремя, и если иногда и не варилась пища, то это зависѣло или отъ неимѣнія дровъ, или отъ поздняго прихода на мѣсто ночлега и ранняго выступленія, когда не оставалось свободнаго времени для приготовленія пищи, или же, наконецъ, иногда подрядчикъ не пригонялъ вовремя скотину для убоя; тогда, за неимѣніемъ говядины, пища не приготовлялась.

Въ полковомъ обозѣ находились вьюки только для возки вьючныхъ патронныхъ ящиковъ, по четыре ящика на роту. При современныхъ бояхъ необходимо имѣть ихъ по крайней мѣрѣ въ четыре раза больше, тѣмъ болѣе при заграничномъ походѣ, когда подвозъ ихъ не всегда можетъ быть правильнымъ и, за недостаткомъ патроновъ, полкъ можетъ быть поставленъ во время боя въ самое критическое положеніе. По существовавшему положенію, полкъ обязанъ былъ имѣть при себѣ запасные патроны въ размѣрѣ 229,000 штукъ, а въ имѣвшихся 32 патронныхъ ящикахъ было самое большее 30 тысячъ патроновъ.

Полкъ, прибывъ 22-го октября въ составъ эриванскаго отряда, на позицію передъ Деве-Бойну, не имѣлъ необходимаго послѣ форсированнаго марша отдыха. Согласно диспозиціи на 23-е октября, онъ распредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: два баталіона назначались въ резервъ, а одинъ въ боевую линію для прикрытія батарей съ праваго фланга. По полученіи диспозиціи, командиръ полка назначилъ 1-й баталіонъ въ прикрытіе праваго фланга батарей, а 3-й и 4-й въ общій резервъ. 23-го октября, въ пять часовъ утра, баталіоны уже стояли подъ ружьемъ, а въ шесть часовъ разошлись по назначенію.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію атаки непріятельской позиціи на высотахъ Деве-Бойну, необходимо сдѣлать бѣглый очеркъ этой мѣстности.

Верховья долины Аракса заграждаются въ 16-ти верстахъ отъ Эрзерума горами, подъ общимъ названіемъ Деве-Бойну (что въ переводѣ означаетъ „верблюжья шея"). Высоты эти замыкаютъ собою непосредственное соединеніе сѣверной долины Аракса съ южною долиною рѣки Кара-су, вытекающей изъ обширнаго болота Сазъ. Эта долина окружаетъ г. Эрзерумъ съ западной и южной сторонъ, а высоты Деве-Бойну служатъ ему съ сѣвера природною преградою. Для того, чтобы овладѣть Эрзерумомъ, сначала необходимо занять эти высоты, и тогда только является возможность штурмовать или блокировать Эрзерумъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать сообщенія непріятеля съ Трапезондомъ, Батумомъ и съ окрестными селеніями, откуда онъ могъ добывать себѣ необходимые военные и продовольственные запасы. Непріятель, сознавая всю важность удержанія за собою позиціи на Деве-Бойну, въ теченіе долгихъ лѣтъ мирнаго времени изучалъ ея тактическія свойства, укрѣпилъ болѣе слабые пункты и сдѣлалъ главнѣйшіе изъ нихъ недоступными. Позиція эта представляла всѣ выгоды для обороны и много невыгодъ для атаки ея, даже безъ искусственныхъ укрѣпленій. Главныя достоинства ея заключались въ слѣдующемъ: она командовала надъ всею впереди лежащею мѣстностью, прикрываясь съ правой стороны горою Паланъ-Текенъ-дагъ, въ 10,615 футъ высоты, а съ лѣвой—хребтомъ Чобанъ-дагъ, съ отрогами Карга-

Базаръ, и горою Тавтанунъ-тапа; центръ позиціи составляли высоты Деве-Бойну, съ возвышенностями Кара-кіой и горою Топъ-дагъ. Средняя высота центральныхъ возвышенностей опредѣлена въ 7253 фута, такъ что, сравнительно съ долиною Аракса, кончающеюся у подножія Деве-Бойну и имѣющею 6420 ф. высоты, Деве-Бойну надъ горизонтомъ равнины Аракса не представляется особенно высокою горою. Поэтому, позиція на Деве-Бойну, съ ея лѣваго фланга, еще допускаетъ кое-какую возможность для обхода и дѣйствій атакующаго; хотя и здѣсь мѣстность весьма гориста и пересѣчена непроходимыми оврагами, но все-таки, по сравненію съ правымъ флангомъ, значительно доступнѣе.

Черезъ центръ непріятельской позиціи проходитъ транзитная дорога, не вездѣ удобная для движенія артилеріи, съ крутыми спусками и подъемами. Кромѣ главной дороги, есть еще въ иныхъ мѣстахъ проселочныя, или вѣрнѣе тропинки, которыя идутъ отъ ближнихъ селъ и выходятъ въ различныхъ направленіяхъ на главную дорогу. Вся позиція занимаетъ по фронту около десяти верстъ; центръ ея—около двухъ верстъ; передовой пунктъ позиціи находился у деревни Чифтликъ; ключъ позиціи—хребетъ Деве-Бойну, укрѣпленный траншеями и батареями, вырытыми въ грунтѣ. Съ овладѣніемъ этимъ участкомъ позиціи, войска непріятеля разрѣзывались надвое, транзитная дорога переходила во власть завладѣвшаго ключемъ позиціи, и единственный путь отступленія отъ непріятельскаго праваго фланга къ Эрзеруму пролегалъ подъ огнемъ войскъ атакующаго, занявшаго Деве-Бойну.

Изъ приведеннаго бѣглаго обзора мѣстности легко можно представить всю трудность атаки деве-бойнской позиціи, на которой уже стояли оба турецкіе корпуса—Мухтара и Измаила пашей. Однако, никакія затрудненія и опасности не остановили русской рѣшимости.

По диспозиціи на 23-е октября (приложеніе III) численность соединенныхъ соганлугскаго и эриванскаго отрядовъ, фактически предназначавшихся для боя, простиралась до 30½ баталіоновъ пѣхоты и 29 сотенъ и эскадроновъ, при 92 пѣшихъ и 10 конныхъ орудіяхъ. Всѣ войска распредѣлялись на четыре колонны:

первая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Броневскаго, (7 баталіоновъ и 30 орудій), предназначалась дѣйствовать противъ центра непріятельской позиціи; вторая, подъ командою полковника князя Амираджиби (7 баталіоновъ и 8 орудій), должна была вести обходъ на лѣвый флангъ позиціи непріятеля и штурмовать ключъ этой позиціи; третья, подъ командою генералъ-маіора Авинова (8 баталіоновъ и 48 орудій), должна была развернуться лѣвѣе первой колонны и дѣйствовать вмѣстѣ съ нею, а четвертая, подъ командою генералъ-маіора фонъ-Шака (8½ баталіоновъ, при 6 орудіяхъ и трехъ сотняхъ казаковъ), предназначалась для дѣйствія противъ праваго фланга непріятельской позиціи. Вся кавалерія обоихъ отрядовъ раздѣлялась на двѣ колонны. Командовать правымъ флангомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, а лѣвымъ — генералъ-маіоръ Соловьевъ. Общее начальство надъ всѣми войсками принадлежало генералъ-лейтенанту Гейману.

Въ главныхъ чертахъ наши дѣйствія должны были заключаться въ слѣдующемъ: первая и третья колонны должны были развернуться противъ центра непріятельской позиціи, выставить свою артилерію (78 орудій) на 1000 саженей, открыть огонь по батареямъ непріятеля и далѣе вести бой демонстративный, отнюдь не переходя въ наступленіе; 4-я колонна должна была дѣйствовать въ томъ же родѣ противъ праваго фланга непріятеля и могла переходить въ наступленіе только въ двухъ исключительныхъ случаяхъ, ей указанныхъ въ диспозиціи; главная же роль была возложена на вторую колонну, направленную на лѣвый флангъ непріятельской позиціи для обхода ея и дѣйствія во флангъ и тылъ турецкой боевой линіи. Послѣ того, какъ вторая колонна собьетъ непріятеля съ позиціи, тогда только предоставлялось право начать наступленіе четвертой, за нею третьей и потомъ первой колоннамъ; кавалерія должна была преслѣдовать непріятеля. Хотя 1-й баталіонъ Крымскаго полка назначенъ былъ въ прикрытіе праваго фланга расположенія батарей, слѣдовательно вошелъ въ составъ колонны, предназначавшейся вести демонстративный бой, но на самомъ дѣлѣ, силою обстоятельствъ, онъ былъ вынужденъ нарушить усло-

вія, выраженныя въ диспозиціи, и принять живое участіе въ атакѣ ключа непріятельской позиціи.

Въ 6 часовъ утра, 23-го октября, всѣ войска, въ баталіонныхъ колоннахъ, двинулись впередъ на сборныя мѣста, сообразно назначенію. День, какъ нарочно, выдался свѣтлый и тихій—что давало возможность видѣть все расположеніе непріятеля и слѣдить во время боя за его движеніями. Лагерь непріятеля, разбросанный на протяженіи всей позиціи, оставался не снятымъ; турки повидимому вовсе не ожидали такого скораго нападенія съ нашей стороны и оставались въ увѣренности о недоступности своей позиціи. Чтобы войдти нашимъ колоннамъ въ сферу орудійнаго огня, оставалось продвинуться впередъ какихъ нибудь четыре версты.

Какъ только непріятель замѣтилъ наше движеніе—по лагерю его пронеслись звуки сигналовъ. Надо замѣтить, что турки очень любятъ подавать сигналы, тогда какъ нашимъ войскамъ, наоборотъ, сигналовъ почти никогда не подавалось. Вслѣдъ за сигналами былъ снятъ лагерь, стоявшій на лѣвомъ флангѣ, на мѣстности выдавшейся впередъ. Первая колонна, отойдя отъ лагеря около трехъ верстъ, стала развертывать свои батареи въ одну линію, а баталіоны начали занимать, соображаясь съ артиллеріею, свои мѣста въ боевомъ порядкѣ. Непріятель, все время остававшійся въ наблюдательномъ положеніи, наконецъ не выдержалъ и съ разстоянія около 6-ти верстъ открылъ по нашимъ войскамъ огонь изъ своихъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій, которыми были вооружены нѣкоторыя батареи въ центрѣ позиціи. По мѣрѣ приближенія первой колонны, турки все болѣе и болѣе усиливали огонь, обнаруживая тѣмъ свое расположеніе и силы батарей. Такимъ образомъ, съ самаго начала бой завязала противъ центра непріятельскаго расположенія первая колонна. Около 9-ти часовъ батареи ея подъѣхали на 1000 саженей, снялись съ передковъ и начали отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы. 1-й баталіонъ занялъ мѣсто правѣе фланговой батареи, построившись поротно въ двѣ линіи, выслалъ цѣпь и все время оставался на флангѣ, прикрывая съ этой стороны линію батарей; позади, въ резервѣ, находился баталіонъ Таманскаго полка. Почти одновременно съ первою колонною, лѣвѣе

развернулись батареи 3-й колонны—и загремѣли всѣ 78-мь орудій; затѣмъ, не прерывая пальбы, батареи наши позиціонно приблизились къ непріятелю на 700 саженей. Здѣсь онѣ пріостановились, и войскамъ пришлось довольно долго выжидать результатовъ артиллерійскаго огня.

Около 11-ти часовъ завязалось дѣло въ 4-й колоннѣ, противъ праваго непріятельскаго фланга. Видно было, какъ она огибала правый флангъ непріятеля, и какъ пѣхота обѣихъ сторонъ вела сильную перестрѣлку, поддерживаемую артиллерійскимъ огнемъ. Турки, занявъ всѣ возвышенности, изъ за траншей не давали войскамъ 4-й колонны вполнѣ охватить ихъ правый флангъ.

Когда около двухъ часовъ пополудни стало замѣтно дѣйствіе нашихъ батарей, которыя къ этому времени заставили замолчать непріятельскія центральныя батареи и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣли взорвать у турокъ два пороховыхъ погреба; тогда только 2-я колонна выдвинулась впередъ и начала наступленіе противъ ключа позиціи, держась нѣсколько правѣе 1-й колонны и 1-го баталіона Крымскаго полка. Въ это время огонь непріятельскихъ батарей сталъ далеко сдержаннѣе по всей линіи, а въ нѣкоторыхъ батареяхъ совершенно прекратился—что выражало прямой результатъ дѣйствій нашей артиллеріи; слѣдовательно, подготовку атаки можно было считать конченною. Нашей артиллеріи еще оставалось, подъѣхавъ на 500 саженей, картечными гранатами облегчить пѣхотѣ овладѣніе рядомъ непріятельскихъ траншей, которыми были увѣнчаны возвышенности и главные подступы къ ключу турецкой позиціи. Для достиженія этого, правофланговыя батареи сдѣлали послѣдній переѣздъ и приблизились къ непріятельской позиціи на возможно близкое разстояніе. Къ этому времени войска 2-й колонны окончательно подошли на линію 1-й колонны и составили отъ нея какъ бы продолженіе боеваго порядка вправо. Отъ 2-й колонны выѣхала на позицію еще одна батарея и, снявшись съ передковъ, открыла пальбу картечными гранатами по турецкимъ траншеямъ. Въ отвѣтъ на это непріятельская пѣхота открыла по всей линіи траншей сильный ружейный огонь и тѣмъ обнаружила свое расположеніе и направленіе обороны. При этомъ оказалось,

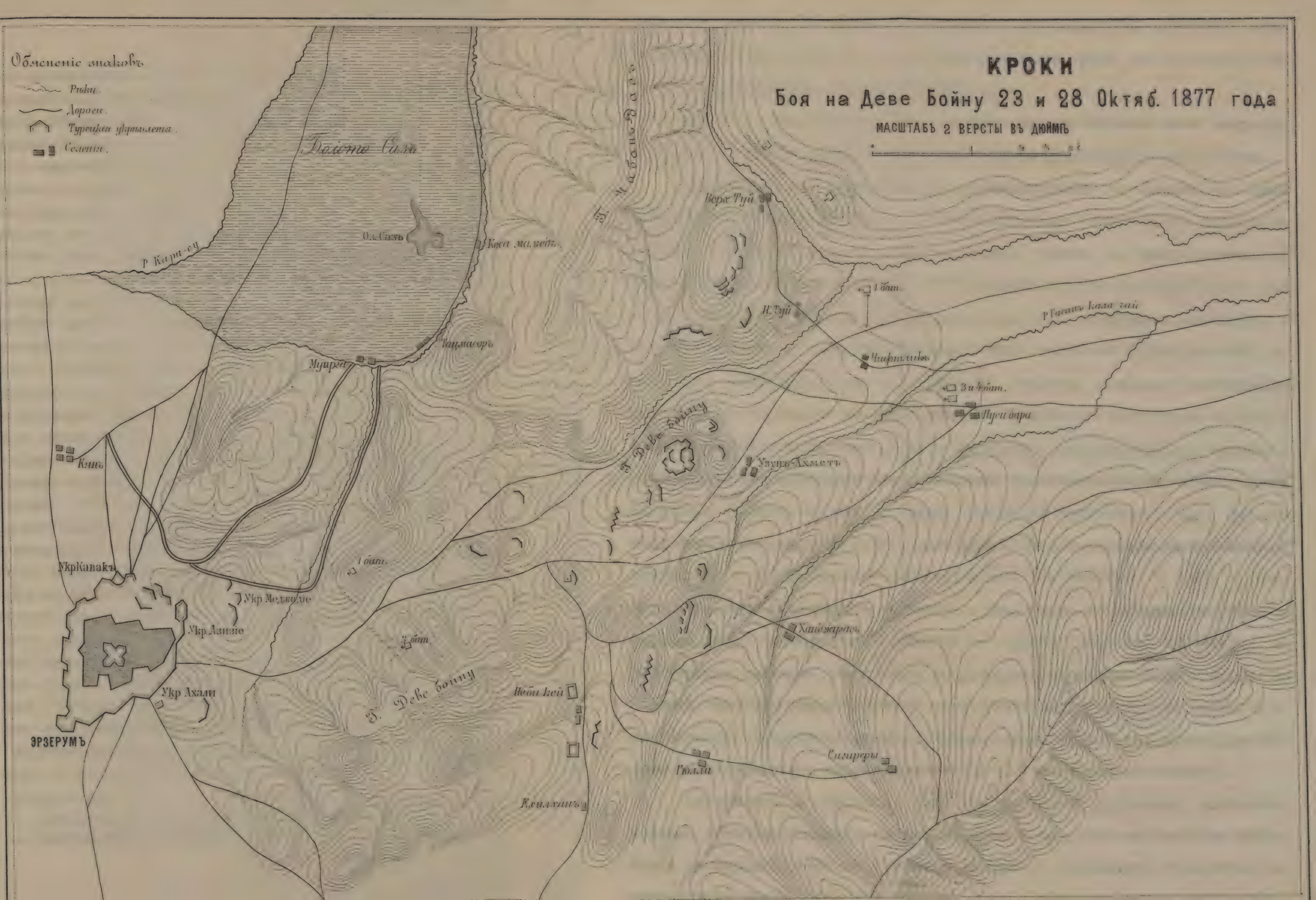
что лѣвый флангъ непріятеля, загнутый впередъ къ атакующему, сильно способствовалъ продольному обстрѣливанію изъ шести орудій и ружейнымъ огнемъ не только войскъ 2-й колонны, но даже праваго фланга 1-й колонны—что въ высшей степени затрудняло дальнѣйшую атаку ключа позиціи. Поэтому изъ резерва были направлены 3-й и 4-й баталіоны Крымскаго полка для атаки и оттѣсненія непріятеля, анфилировавшаго нашъ правый флангъ. Баталіоны, быстро войдя въ сферу огня, начали взбираться на горы по весьма трудному подъему. Турки стали имъ противодѣйствовать, но вскорѣ, не выдержавъ ихъ натиска, принуждены были отступить. Такимъ образомъ, 2-я колонна могла продолжать наступленіе съ меньшими затрудненіями. Она двинулась впередъ, но, отойдя около 500 шаговъ и начавъ подниматься на гору, снова неожиданно подверглась сильному фланговому огню непріятельскихъ стрѣлковъ, скрывавшихся до того времени за оврагомъ и въ устроенныхъ за нимъ каменныхъ завалахъ. Часть 2-й колонны, ближайшая къ оврагу, остановилась и начала отвѣчать непріятелю на его фланговые выстрѣлы, но въ то же время подверглась сильному фронтальному огню изъ траншей, вѣнчавшихъ собою вершины Девс-Бойну. Вся вторая колонна пріостановилась и нѣсколько замялась. Турки же, замѣтивъ ея намѣреніе атаковать ключъ ихъ позиціи, двинули изъ резерва нѣсколько таборовъ пѣхоты, видимымъ назначеніемъ которыхъ было открыть огонь по лѣвому флангу второй колонны. Такимъ образомъ, она вскорѣ подверглась бы сосредоточенному огню съ трехъ сторонъ.

1-й баталіонъ Крымскаго полка, на глазахъ котораго все это происходило, видя приближеніе турецкаго резерва, и сознавая возможность не допустить его до занятія вершинъ противъ селенія Чифтликъ, не могъ долѣе относиться пассивно къ ходу боя. Не смотря на строгое приказаніе войскамъ 1-й колонны отнюдь не переходить въ наступленіе, а вести бой демонстративный, завѣдывавшій баталіономъ штабсъ-капитанъ Шумаковъ послалъ просить разрѣшенія начальника праваго фланга генерала Тергукасова—отразить обходъ турками лѣваго фланга 2-й колонны. Въ то же время, не ожидая этого разрѣшенія, онъ немедленно двинулъ ба-

таліонъ впередъ. Видя наступленіе 1-го баталіона Крымскаго полка, находившійся за нимъ во второй линіи баталіонъ Таманскаго полка также двинулся впередъ. Батареи 1-й колонны въ данный моментъ были прикрыты съ праваго фланга 3-мъ и 4-мъ баталіонами Крымскаго полка, всею 2-ю колонною, и кромѣ того позади весьма близко стояла сильная кавалерійская колонна. Все это вмѣстѣ взятое давало право 1-му баталіону Крымскаго полка отступить отъ категорическаго требованія, выраженнаго въ диспозиціи.

Каждая минута была дорога, и надо было пользоваться временемъ, чтобы успѣть поддержать дѣйствія 2-й колонны. Для этого 1-й баталіонъ, выславъ сильную цѣпь стрѣлковъ, быстро двинулся впередъ, имѣя 2-ю и 3-ю роты въ первой, а 1-ю и 4-ю роты во второй линіи. Баталіонъ Таманскаго полка безостановочно слѣдовалъ за крымцами, готовый каждую минуту поддержать ихъ. Оба дружно начали взбираться на высоты Деве-Бойну, стараясь охватить лѣвымъ своимъ флангомъ батареи и траншеи непріятеля, а также поспѣшно захватить возвышенность, съ которой турецкіе резервы могли поражать 2-ю колонну въ лѣвый ея флангъ. Такимъ образомъ первые баталіоны Крымскаго и Таманскаго полковъ, продливъ боевой порядокъ второй колонны влѣво, успѣли предупредить появленіе непріятельскихъ резервовъ и, подъ сильнѣйшимъ огнемъ турецкихъ стрѣлковъ, укрывавшихся въ траншеяхъ, заняли важныя для насъ высоты. Тогда всѣ войска 1-й и 2-й колоннъ перешли въ рѣшительное наступленіе.

Наша артилерія какъ нельзя лучше поддерживала атаку пѣхотныхъ колоннъ; гранаты ея жестоко поражали непріятеля, находившагося въ большомъ числѣ въ траншеяхъ, и наверху, на батареѣ. Какъ только наши передовыя штурмовыя части взобрались на крутизну послѣдняго ската Деве-Бойну и приблизились къ траншеямъ, артилерія наша прекратила огонь. Баталіоны штыками выбили изъ траншей непріятеля и нанесли ему огромный уронъ. Утвердившись на занятой высотѣ, 1-й баталіонъ Крымскаскаго полка обстрѣлялъ отступавшаго непріятеля, снова двинулся впередъ и занялъ непріятельскую батарею одновременно съ неболь-



КРОКИ
Боя на Деве Бойну 23 и 28 Октяб. 1877 года
МАСШТАБЪ 2 ВЕРСТЫ ВЪ ДЮЙМЪ
Объясненіе знаковъ
Рѣки.
Дороги.
Турецкія укрѣпленія.
Селенія.
Болото Сазъ
Оз. Сазъ
Р. Кара-су
Кеса маlебъ
Тацмагоръ
Муирга
Кинъ
УкрКавакъ
Укр Меджидіе
Укр Азизіе
Укр Ахали
ЭРЗЕРУМЪ
Верх. Туй
Н. Туй
1 бат.
Р. Гасанъ кала чай
Чифтликъ
3 и 4 бат.
Гуси бара
Г. Деве бойну
Узунъ Ахметъ
1 бат.
1 бат.
Г. Деве бойну
Хаинжарасъ
Небп кей
Гюлли
Сингрефы

шою частью Елисаветпольскаго полка; не останавливаясь на ней, онъ продолжалъ преслѣдовать бѣжавшаго непріятеля. Около 5-ти часовъ пополудни ключъ непріятельской позиціи на Деве-Бойну находился въ нашихъ рукахъ; съ занятіемъ его турки уже не могли удерживаться на своей растянутой позиціи и должны были спѣшить въ Эрзерумъ, такъ какъ войска, стоявшія на Деве-Бойну, легко могли отрѣзать имъ путь отступленія къ этому городу. 1-й баталіонъ, преслѣдуя бѣжавшихъ, встрѣтилъ нѣсколько свѣжихъ таборовъ пѣхоты, прибывшихъ изъ резерва, чтобы оттѣснить наши войска съ занятой ими позиціи, тотчасъ же отбросилъ ихъ съ большимъ урономъ по дорогѣ къ Эрзеруму и овладѣлъ турецкимъ лагеремъ, находившимся позади позиціи. Первый изъ крымцевъ, вступившій въ этотъ лагерь, былъ рядовой 3-й роты Павелъ Пустяковъ, состоявшій за старшаго въ звѣнѣ; онъ вырвалъ тутъ у непріятеля одинъ значокъ [1]). Бѣжавшіе турки быстро скрылись за ближайшими возвышенностями. Въ это самое время выѣхала на высоты Деве-Бойну наша кавалерійская колонна, съ конною батареею, для преслѣдованія непріятеля; но, по случаю пересѣченной мѣстности, не могла довершить его пораженія. Въ виду быстраго приближенія сумерокъ, первый баталіонъ, выставивъ на возвышенности усиленную сторожевую цѣпь, расположился на ночлегъ впереди захваченнаго имъ турецкаго лагеря. На правомъ и на лѣвомъ флангахъ непріятельской позиціи бой все еще продолжался: 3-й и 4-й баталіоны Крымскаго полка, посланные для атаки оконечности лѣваго фланга непріятеля, все время, начиная съ трехъ часовъ пополудни, вели съ нимъ усиленную перестрѣлку. Подвигаясь шагъ за шагомъ по весьма гористой мѣстности, они постепенно тѣснили его и выбивали изъ занимаемыхъ имъ новыхъ позицій. Перестрѣлка продолжалась далеко за полночь, и только утромъ 24-го октября 3-й и 4-й баталіоны могли присоединиться къ 1-му баталіону, при которомъ находился полковой штабъ. Къ разсвѣту вся непріятельская позиція была занята нашими войсками.

---

[1]) За этотъ подвигъ Пустяковъ немедленно получилъ отъ генерала ГейМана георгіевскій крестъ и шесть рублей.

Трофеями побѣды этого дня были до сорока орудій и весь непріятельскій лагерь. На батареѣ, которую занялъ 1-й баталіонъ Крымскаго полка, оказалось 16-ть орудій и изъ нихъ 6 крѣпостныхъ большого калибра. Потеря отряда слѣдующая: убито оберъ-офицеровъ 2, ранено 23 и контужено 13; нижнихъ чиновъ убито 126, ранено 672 и контужено 92. Крымскаго же полка раненъ командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Протасовъ и убито нижнихъ чиновъ 3 [1].

Обозъ всего отряда оставался въ общемъ вагенбургѣ на мѣстѣ лагернаго расположенія, отчего въ ночь съ 23-го на 24-е число полкъ ночевалъ на Деве-Бойну безъ горячей пищи. Ночью пошелъ снѣгъ, и сдѣлалось чрезвычайно холодно; 1-й баталіонъ расположился въ турецкихъ палаткахъ, а третій и четвертый баталіоны сильно терпѣли отъ холода, оставаясь всю ночь на горахъ безъ палатокъ и теплой одежды.

За позднимъ окончаніемъ боя, всѣхъ раненыхъ не успѣли подобрать; среди чрезвычайно темной ночи многіе изъ нихъ оставались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ранены. Съ главнаго перевязочнаго пункта нашего праваго фланга чины московскаго общества Краснаго Креста всю ночь ѣздили съ фургонами подбирать раненыхъ, но, конечно, вполнѣ въ этомъ не успѣли, и утромъ 24-го октября были находимы окоченѣвшіе трупы.

Двое носилокъ при ротѣ оказались недостаточно. При происшедшихъ условіяхъ боя и при сравнительно значительныхъ потеряхъ ихъ нужно имѣть втрое больше, и тогда только можно ручаться за своевременную уборку раненыхъ съ поля битвы. Число носильщиковъ при дивизіонныхъ подвижныхъ лазаретахъ также необходимо увеличить съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждый полкъ дивизіи приходилось бы не менѣе полуроты; каждая полурота носильщиковъ должна слѣдовать съ начала боя непосредственно за полкомъ, не ожидая для того никакого приказанія.

[1]) Рана эта внесена Протасову въ послужной списокъ въ іюнѣ 1878 г., на основаніи приказа по военному вѣдомству 16-го февраля 1874 г. № 60.

Еще во время форсированнаго марша эриванскаго отряда войска его испытывали недостатокъ въ продовольствіи, въ особенности въ сухаряхъ; съ приходомъ же отряда на Деве-Бойну подвозъ сухарей интендантскими транспортами совершенно прекратился, и потому полкъ, при чрезвычайно усиленныхъ трудахъ, питался все время уменьшенною дачею—что неизбѣжно повліяло еще больше на изнуреніе людей. Наступившіе же холода, при отсутствіи полушубковъ, остававшихся въ Игдырѣ, окончательно подорвали здоровье нижнихъ чиновъ. Офицеры также терпѣли во всемъ крайнюю нужду. Вообще, въ описываемое время полкъ находился въ самомъ безотрадномъ положеніи, какъ въ отношеніи продовольствія, такъ и въ отношеніи одежды. Особенно нижніе чины страдали отъ плохаго состоянія обуви, которая успѣла за походъ придти въ полную негодность: у большинства солдатъ сапоги не имѣли подошвъ и подборовъ, и они ходили на однихъ стелькахъ, сдѣланныхъ изъ старыхъ воловьихъ кожъ, а весь сапогъ связывался веревочками и мочалкою.

Вопросъ о сохраненіи обуви въ походѣ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Какъ бы обувь хороша ни была, но если ее своевременно не смазывать и не чинить, то она прослужитъ самое короткое время; при нашей же плохой солдатской обуви уходъ за нею имѣетъ еще большее значеніе. Для смазки обуви необходимо имѣть въ ротахъ хорошаго качества мазь; заготовлять ее нужно на экономическія средства ротъ въ достаточномъ количествѣ и имѣть всегда въ ротномъ обозѣ. Кромѣ того, для починки обуви въ ротахъ долженъ находиться запасный товаръ и въ особенности подошвы, а также дратва, гвозди, шпильки, колодки и другія принадлежности сапожнаго ремесла; для перевозки всего этого въ походѣ положительно необходимо имѣть отдѣльную вьючную лошадь и, наконецъ, строго слѣдить, чтобы ротные сапожники при каждой остановкѣ полка немедленно приступали бы къ исправленію поврежденной обуви. Для этого въ холодное время слѣдуетъ давать имъ отдѣльную двойную палатку и освобождать отъ всѣхъ нарядовъ по ротѣ.

24-го, 25-го, 26-го и 27-го октября полкъ простоялъ на по-

зиціи Деве-Бойну, при холодной погодѣ, безъ теплой одежды и безъ правильнаго продовольствія.

Въ ночь съ 27-го на 28-е октября ген. Гейманъ предпринялъ штурмъ Эрзерума. Около восьми часовъ вечера въ полку получено было экстренное распоряженіе немедленно приготовиться къ выступленію. Ночь была холодная и очень темная. По диспозиціи (приложеніе IV) 4-й баталіонъ полка поступилъ въ составъ колонны командира 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, который, вмѣстѣ съ своимъ баталіономъ, долженъ былъ поддержать Бакинскій полкъ, назначенный для взятія штурмомъ форта Азизіе; остальные два баталіона 1-й и 3-й вошли въ составъ общаго резерва, подъ командою генералъ-лейтенанта Тергукасова. По полученіи диспозиціи, 4-й баталіонъ въ 8 часовъ выступилъ съ бивака въ составѣ колонны полковника Крузенштерна, а 1-й и 3-й—въ 11-ть часовъ ночи. Къ тремъ часамъ пополуночи 1-й и 3-й баталіоны, подойдя къ посту Хана, расположенному на высотѣ 7,253 футъ, и отстоящему отъ передовыхъ фортовъ Эрзерума не болѣе какъ на пять верстъ—были остановлены въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Остальныя войска соганлугскаго и эриванскаго отрядовъ раздѣлились на четыре колонны и должны были произвести штурмъ, какъ фортовъ, такъ и самаго г. Эрзерума съ сѣверной стороны. Незадолго до разсвѣта началась перестрѣлка. Все протяженіе верковъ, въ ночной темнотѣ, вдругъ опоясалось золотистою каймою, ясно обозначавшею направленіе оборонительной линіи. Непріятель не скупился на выстрѣлы: канонада на всѣхъ фортахъ, открытая изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій, сливалась въ одинъ общій гулъ. Надъ городомъ появилось огненное зарево, какъ будто бы отъ громаднаго пожара. Турки, не зная направленія нашихъ штурмовыхъ колоннъ, стрѣляли по всѣмъ радіусамъ, мѣняя высоту прицѣловъ, и какъ бы зондируя прилегавшую къ фортамъ мѣстность. Ихъ полновѣсные снаряды массами разрывались на далекомъ пространствѣ отъ фортовъ и стѣнъ, сильно поражая болѣе вѣроятные подступы къ городу. Общая картина ночнаго боя имѣла поразительный эфектъ. Въ резервѣ у поста Хана всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за развитіемъ

непріятельскаго огня и невольно задавались вопросомъ объ исходѣ предпріятія, въ высшей степени гадательнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ минуты на минуту ожидали приказанія двинуться впередъ, для поддержанія какой либо изъ штурмовыхъ колоннъ.

Уже приближался разсвѣтъ, но извѣстій никакихъ ни откуда не получалось. Между тѣмъ, непріятельскій огонь началъ постепенно стихать, и только у форта Азизіе слышалась усиленная канонада и ружейная пальба, не прекращавшіяся ни на минуту. Всѣ терялись въ догадкахъ относительно настоящаго положенія дѣлъ. Наконецъ, когда достаточно разсвѣло, въ резервѣ пронесся слухъ, что кромѣ Бакинскаго полка, штурмомъ занявшаго фортъ Азизіе, остальныя колонны ночью сбились съ дороги и не достигли назначенія, отчего и штурмъ Эрзерума не удался; Бакинскій же полкъ, ворвавшись въ фортъ Азизіе, держался въ немъ до утра. Когда разсвѣло, и онъ убѣдился, что остался вполнѣ одинокимъ, то принужденъ былъ начать отступленіе на Деве-Бойну. Турки его ожесточенно преслѣдовали, какъ огнемъ съ крѣпостныхъ верковъ, такъ и высланною въ значительномъ числѣ пѣхотою и кавалеріею. Бакинцы, тѣснимые ими, шагъ за шагомъ, отстрѣливаясь, медленно отступали назадъ, соблюдая при этомъ возможную стройность и порядокъ, и дѣйствуя совершенно спокойно. Постоянно сдерживая сильные натиски непріятеля и неся огромныя потери въ людяхъ, они не могли скоро выйти изъ сферы крѣпостнаго огня безъ сильной поддержки со стороны нашего резерва. Поэтому, около 8 часовъ утра, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, командовавшій, какъ сказано, резервомъ, приказалъ 1-му и 3-му баталіонамъ Крымскаго полка идти впередъ и прикрыть отступленіе бакинцевъ. Баталіоны, выйдя вскорѣ на ближайшую возвышенность, могли оріентироваться и занять позицію для встрѣчи огнемъ турецкихъ войскъ, насѣдавшихъ на бакинцевъ. Для этого 1-й баталіонъ сталъ впереди и лѣвѣе эрзерумской дороги, а 3-й баталіонъ правѣе, и оба открыли изъ густой цѣпи стрѣлковъ мѣткій огонь по непріятельскимъ массамъ. Ошеломленные такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ, турки пріостановились, оставили преслѣдованіе бакинцевъ и весь свой огонь направили на 1-й и 3-й баталіоны Крымскаго полка; затѣмъ,

видя слабость нашего арріергарда, они пустили кавалерію въ атаку на правый флангъ нашего боеваго порядка, но 9-я рота мѣткими залпами безъ труда отбила эту попытку, нанеся атакующимъ большой уронъ.

Давъ время бакинцамъ удалиться изъ подъ выстрѣловъ, 1-й и 3-й баталіоны крымцевъ, въ свою очередь, подверглись сильному натиску со стороны непріятеля. Въ особенности энергическія усилія его были направлены на вершины ската, которыя занималъ 1-й баталіонъ. Ободренные неудавшимся для насъ штурмомъ Эрзерума, турки хотѣли во что бы ни стало выбить стрѣлковъ 1-го баталіона, засѣвшихъ на возвышенности за камнями, и потомъ оттуда дѣйствовать во флангъ и въ тылъ нашей боевой линіи; но всѣ попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ, и дружное дѣйствіе 1-го и 3-го баталіоновъ вынудило ихъ держаться на ружейный выстрѣлъ отъ нашей цѣпи.

Такимъ образомъ, задача перваго и третьяго баталіоновъ Крымскаго полка была выполнена, и оставаться долѣе на позиціи не представлялось надобности, поэтому имъ немедленно приказано было отступать. Роты второй линіи тотчасъ заняли позицію позади на возвышенности, а затѣмъ стали отходить назадъ роты и цѣпь первой линіи. Турки не замедлили перейти въ наступленіе. Чтобы положить конецъ ихъ назойливости, оба баталіона, съ резервами, поддержанные огнемъ выѣхавшей на позицію 2-й батареи 38-й артиллерійской бригады, повернулись и внезапно энергической контръ-атакой отбросили непріятеля почти къ самымъ стѣнамъ Эрзерума. Послѣ этого баталіоны снова начали отступать, уже преслѣдуемые гораздо слабѣе, и къ двумъ часамъ пополудни вышли изъ сферы огня, а къ четыремъ часамъ прибыли на бивакъ.

4-й баталіонъ Крымскаго полка, находясь въ колоннѣ полковника Крузенштерна, непосредственнаго участія въ бою не принималъ. Вся тягость прикрытія отступавшихъ бакинцевъ выпала на долю 1-го и 3-го баталіоновъ, которые исполнили возложенное на нихъ порученіе съ большимъ усердіемъ, и за это офицеры и нижніе чины были достойно награждены.

Уронъ 28-го октября въ 1-мъ и 3-мъ баталіонахъ Крымскаго

полка состоялъ изъ трехъ убитыхъ, 34 раненыхъ и 4-хъ безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ.

29-го, 30-го, 31-го октября и 1-го ноября полкъ простоялъ на Деве-Бойну. Въ теченіе этого времени военныя дѣйствія не возобновлялись. Послѣ неудавшагося штурма Эрзерума рѣшено было занять частью войскъ позицію Деве-Бойну, устроивъ для этого укрѣпленный лагерь, а остальныя войска соганлугскаго отряда развести по квартирамъ въ окрестныхъ ближайшихъ селеніяхъ, и отсюда посылать смѣны на укрѣпленную передовую позицію. Эриванскій же отрядъ рѣшили отправить на зиму въ алашкертскую долину и въ баязетскій санджакъ.

X.

Обратное слѣдованіе полка съ Деве-Бойну въ Эриванскую губернію. Дислокація эриванскаго отряда. Условія расквартированія полка. Начало тифозной эпидеміи. Зимнія невзгоды. Развитіе тифа. Внутреннее состояніе полка. Вѣсть о перемиріи. Прибытіе ополченцевъ. Приказъ по корпусу объ окончаніи войны и о заключеніи мира. Выступленіе изъ Алашкерта. Прибытіе нижнихъ чиновъ изъ госпиталей. Итогъ смертности въ полку. Вступленіе въ командованіе полкомъ полковника Есипова. Заботы по приведенію полка въ порядокъ. Прибытіе партіи молодыхъ солдатъ. Пріѣздъ шаха. Прибытіе 4-го баталіона, 5-й и 6-й ротъ. Устройство помѣщеній. Состояніе полка къ іюню мѣсяцу. Третье выступленіе въ предѣлы азіятской Турціи и жизнь въ мысунской долинѣ. Расформированіе эриванскаго отряда. Переходъ полка въ Игдырь и Эривань. Увольненіе ратниковъ. Выступленіе изъ Эривани. Слѣдованіе черезъ Тифлисъ, Владикавказъ и переѣздъ въ станицу Невинномыскую. Выступленіе 1-го и 2-го баталіоновъ въ г. Ставрополь.

Погода съ каждымъ днемъ становилась все хуже. Эриванскому отряду необходимо было торопиться пройти Драмъ-дагъ до наступленія морозовъ, мятелей и снѣжныхъ заносовъ, иначе предстояли непреодолимыя затрудненія. Для этого движенія всѣ войска отряда были распредѣлены на три эшелона; Крымскій полкъ со-

ставилъ третій эшелонъ. Раздѣльное движеніе было предпринято для большаго удобства при переходѣ черезъ Драмъ-дагъ и облегченія въ добываніи фуража и топлива. Первые два эшелона выступили съ Деве-Бойну въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца, а 3-й эшелонъ—2-го ноября.

Полку предстояло совершить снова трудный походъ безъ дневокъ; для этого, слѣдуя безостановочно въ теченіе 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го и 8-го ноября, онъ успѣлъ прибыть въ Зейдеканъ. На высотахъ Драмъ-дага все-таки пришлось ночевать двѣ ночи на снѣгу, при морозѣ въ 15°, безъ дровъ и полушубковъ, а также съ весьма плохою обувью у солдатъ. Ночлеги эти были крайне тяжелы и не обошлись безъ случаевъ отмороженія у нижнихъ чиновъ пальцевъ на ногахъ. Но все же, можно считать, что переходъ черезъ Драмъ-дагъ совершился благополучно, такъ какъ не было ни одной снѣжной мятели, отъ которой полкъ могъ бы сильно пострадать.

Въ Зейдеканъ прибыли 8-го ноября къ вечеру. Въ алашкертской долинѣ снѣга не было, и стояла пока хорошая теплая осень. Вскорѣ по прибытіи въ Зейдеканъ была получена дислокація отряда, согласно которой для размѣщенія Крымскаго полка предназначались въ верховьяхъ алашкертской долины селенія: Зейдеканъ, Молла-Сулейманъ и г. Алашкертъ (Топрахъ-Кале). 9-го ноября полкъ имѣлъ въ Зейдеканѣ дневку; 4-й баталіонъ былъ здѣсь оставленъ и приступилъ къ приспособленію на зиму сакль, не занятыхъ жителями, а 1-й и 3-й баталіоны выступили въ селеніе Молла-Сулейманъ. Тамъ остался 3-й баталіонъ; 1-й же, съ полковымъ штабомъ, къ вечеру прибылъ въ г. Алашкертъ и расположился по квартирамъ. Такимъ образомъ, 10-го ноября, послѣ сильныхъ трудовъ и лишеній, полкъ сталъ на зимнія квартиры, занявъ 3-й участокъ расположенія эриванскаго отряда. Начальникомъ этого участка былъ назначенъ генералъ-маіоръ Броцевскій, который избралъ мѣстопребываніемъ своимъ г. Алашкертъ.

Съ 10-го ноября по 12-е декабря полкъ имѣлъ полный отдыхъ, во время котораго занимался приведеніемъ въ болѣе удобное состояніе своихъ помѣщеній. Размѣщеніе нижнихъ чиновъ

вмѣстѣ съ обывателями по саклямъ имѣло много неудобствъ, поэтому было признано за лучшее поселить ихъ небольшими группами въ отдѣльныхъ домахъ безъ хозяевъ. Для достиженія этого жителямъ предложили занять одну половину сакль, а другую уступить для расположенія войскъ. Они согласились, хотя вслѣдствіе этого неизбѣжно скучились по нѣсколько семействъ въ одномъ помѣщеніи. Такъ какъ сакли турецкихъ армянъ нисколько не отличаются отъ сакль въ Эриванской губерніи, имѣютъ земляные полы и крыши, темны, обладаютъ сыростью, безъ печей, съ отверстіемъ въ потолкѣ для свѣта, воздуха и для выхода дыма, то въ освободившихся половинахъ роты устроили нары и сдѣлали возможныя приспособленія для освѣщенія и отопленія. Одновременно съ приспособленіемъ помѣщеній потребовалось не мало заботъ на приведеніе обуви и мундирной одежды нижнихъ чиновъ, сильно обносившихся за время похода, въ возможно исправный видъ. Въ Игдырь были отправлены повозки и вьюки за собственными солдатскими вещами, казенными полушубками, полковымъ и ротнымъ имуществомъ, а также приняты мѣры для образованія запасовъ продовольствія, въ которомъ полкъ давно ощущалъ крайній недостатокъ. Доставить все это изъ Игдыря могли не раньше двухъ недѣль, такъ какъ разстояніе въ одинъ путь превышало 120 верстъ. Особенное затрудненіе встрѣтилось въ добываніи дровъ и фуража. Для этого почти ежедневно наряжались колонны, которыя отправлялись на поиски верстъ за 15 и далѣе, въ брошенные курдами аулы, и разоряли ихъ на дрова; добываніе фуража сопровождалось еще большими затрудненіями.

Въ алашкертской и ефратской долинахъ ежегодно бываютъ суровыя зимы, съ сильными морозами, мятелями и снѣжными заносами—что, въ виду удаленія полка отъ границы Эриванской губерніи на значительное разстояніе, предвѣщало не мало хлопотъ въ отношеніи исправнаго подвоза продуктовъ и провіанта; расчитывать же въ этомъ случаѣ на мѣстныхъ жителей было нельзя, такъ какъ ихъ домашнее хозяйство было совершенно подорвано войною, и если еще оставалось кое-что изъ жизненныхъ продуктовъ, то въ самомъ ограниченномъ количествѣ, едва только доста-

точномъ для собственнаго пропитанія. При подобномъ оскудѣніи края и неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, полку предстояло пробыть всю зиму въ азіятской Турціи. Правильному подвозу продовольствія изъ Эриванской губерніи весьма препятствовалъ хребетъ Агры-дагъ, на высотахъ котораго зимою обыкновенно бываютъ настолько сильные снѣжные заносы, что переѣзжать горы нѣтъ никакой возможности въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Отрядное интендантство не позаботилось о заблаговременной доставкѣ продовольствія для полка изъ Игдыря, пока стояла хорошая погода, поэтому въ декабрѣ, съ наступленіемъ суровой зимы, полкъ вынужденъ былъ изыскивать самъ себѣ средства къ продовольствію.

Въ Алашкертъ прибылъ также и лазаретъ 19-й дивизіи, который оставался здѣсь до прихода военно-временнаго госпиталя. Лазаретъ помѣстился въ отдѣльномъ зданіи на окраинѣ города, въ какихъ-то конюшняхъ турецкаго паши. Помѣщеніе оказалось сырое, темное и совершенно непригодное даже для здоровыхъ людей, а между тѣмъ въ лазаретѣ, съ прибытіемъ его въ Алашкертъ, находилось болѣе 300 больныхъ нижнихъ чиновъ. Вскорѣ отъ недостатка простора и отъ сырости зародился тифъ и дезинтерія. Привиться имъ было очень не трудно, такъ какъ почва для нихъ была слишкомъ хорошо подготовлена: люди были сильно изнурены тяжелыми походами, при дурной погодѣ, безпорядочнымъ продовольствіемъ, недостаткомъ хорошей обуви и теплой одежды. Съ каждымъ днемъ они стали все больше и больше наполнять дивизіонный лазаретъ, имѣвшій средства на призрѣніе только сорока больныхъ. Къ 16-му же ноября ихъ оказалось до 400 человѣкъ, и они, естественно, перебивались коекакъ, потому что лазаретъ ихъ пріютить не могъ. Къ счастью, прибылъ, наконецъ, изъ Игдыря военно-временный № 39 госпиталь на двѣсти мѣстъ. Сдавъ ему всѣхъ больныхъ, дивизіонный лазаретъ отправился въ Игдырь для исправленія своего обоза, пришедшаго почти въ совершенную негодность.

Около 20-го ноября въ Алашкертъ прибыли изъ селенія Кара-Килиса 5-я и 6-я роты. Съ 12-го декабря въ полку нача-

лись обычныя строевыя ученія. Занимались ежедневно по три часа одиночной выправкой, гимнастикой, фехтованіемъ, прикладкой, прицѣливаніемъ; вообще, провѣрялось все одиночное образованіе солдата, какъ практическое, такъ и теоретическое.

Въ концѣ ноября изъ Игдыря были подвезены полушубки, собственныя солдатскія вещи и нѣкоторые запасы, и потому полкъ наврема возможно обезпечилъ себя. Но въ первыхъ числахъ декабря наступили холода, выпалъ довольно большой снѣгъ и сообщенія съ Эриванскою губерніею сдѣлались весьма затруднительными. Колесный обозъ совершенно не могъ двигаться по глубокому снѣгу; верблюды—и тѣ проходили съ трудомъ. Между тѣмъ, день ото-дня зима становилась суровѣе; снѣгъ постепенно прибавлялъ, и пути сдѣлались почти непроходимыми. Привезенные изъ Игдыря продовольственные запасы вскорѣ стали приходить къ концу, и потому надлежало заблаговременно сообразить, какъ поступить, когда выйдетъ все продовольствіе. Для этого оставалось только одно средство—прибѣгнуть къ добыванію зерна у мѣстныхъ жителей. Его разыскивали по окрестнымъ селеніямъ и раздавали въ роты, гдѣ, какъ могли, такъ и приготовляли изъ пшеницы хлѣбъ. Между тѣмъ, не имѣлось ни мельницъ, ни средствъ для устройства печей, ни достаточнаго количества дровъ, ни пекарныхъ принадлежностей. И тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, оставалось положиться только на изобрѣтательность русскаго солдата.

Въ полку также ощущался недостатокъ въ казенно-подъемныхъ лошадяхъ. Хотя составъ ихъ въ началѣ войны былъ полный по штату военнаго времени, но въ теченіе походовъ многія изъ нихъ пали, другія убиты или ранены и, наконецъ, два четверика, находившіеся при 7-й и 8-й ротахъ, погибли въ Баязетѣ. Всего не доставало въ полку 44 лошадей. Эти лошади хотя и были докуплены, но только въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда несвоевременное пополненіе ихъ уже произвело свои тяжелыя послѣдствія, при походѣ изъ Игдыря на Деве-Бойну.

Повидимому іюньскія событія въ Баязетѣ произвели сильное впечатлѣніе въ Россіи—что подтверждалось высылкою оттуда для гарнизона цитадели денежныхъ пожертвованій. Такъ напримѣръ,

штабъ эриванскаго отряда препроводилъ въ полкъ 463 р. 50 к., выпавшихъ только на долю 7-й и 8-й ротъ; деньги эти были поровну розданы нижнимъ чинамъ.

10-го декабря командиръ полка полковникъ Юрковскій, по болѣзни, уѣхалъ въ отпускъ въ г. Тифлисъ и оттуда уже болѣе къ полку не возвращался. До назначенія другаго командира, полкомъ все время завѣдывалъ маіоръ Крапивный. Въ это время тифъ постепенно усиливался; вскорѣ начали появляться смертные случаи по нѣсколько въ день. Предупредить развитіе эпидеміи, вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ условій, не представлялось никакой возможности. При такомъ гнетущемъ состояніи полкъ доживалъ остатокъ стараго года. Наступили рождественскіе праздники. Но и эти радостные на Руси дни не развѣяли тяжелыхъ впечатлѣній: масса тифозныхъ больныхъ наполняла городъ; стоны и крики ихъ разносились повсюду, и агонія этихъ несчастныхъ надрывала душу. Впереди также предвидѣлось мало хорошаго, и новый годъ сулилъ полку еще большія невзгоды, такъ какъ эпидемія неизбѣжно должна была усилиться, а условія быта съ каждымъ днемъ становились все неблагопріятнѣе: холода усиливались, суровая зима вступала въ свои права, заносы и снѣжныя мятели постепенно увеличивались, дѣлая сообщеніе съ Эриванскою губерніею почти невозможнымъ; предметы продовольствія оскудѣвали, пополнять ихъ было нечѣмъ, и въ заключеніе всего на скорый выходъ полка изъ занятой имъ мѣстности не было никакой надежды.

Въ январѣ зима окончательно сдѣлалась суровою; снѣгъ выпалъ до двухъ аршинъ; морозы усилились, и сообщеніе съ Эриванскою губерніею совсѣмъ прекратилось. Даже пересылка почты съ казаками навремя сдѣлалась невозможною. Довольствіе топливомъ и фуражемъ стало до крайности затруднительнымъ: для добыванія его приходилось колоннамъ удаляться отъ Алашкерта Богъ знаетъ куда, и вслѣдствіе этого иногда поневолѣ люди оставались въ холодѣ, а лошади въ голодѣ. Вообще, положеніе полка съ каждымъ днемъ ухудшалось. Къ довершенію невзгодъ, эпидемія все усиливалась, и въ военно-временномъ госпиталѣ недоставало мѣстъ для больныхъ, хотя въ пособіе госпиталю очистили отъ жителей всѣ

ближайшія сакли. Наконецъ, рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему средству—къ открытію околотковъ при 1-мъ и 3-мъ батальонахъ, куда бы поступали больные изъ ротъ для леченія и присмотра. Конечно, условія для размѣщенія тифозныхъ больныхъ, для ихъ содержанія и пользованія въ околоткахъ были крайне неблагопріятны: люди оставались въ своей одеждѣ, отъ ротъ получали обыкновенную пищу и находились въ сакляхъ вовсе неприспособленныхъ для больнаго человѣка; но тѣмъ не менѣе ничего другаго нельзя было предпринять за неимѣніемъ средствъ.

Въ концѣ января во временномъ № 39 госпиталѣ переболѣла вся прислуга и весь медицинскій персоналъ; прислугу пополняли изъ полка, но и эта новая черезъ нѣсколько дней также вся заболѣвала. Въ полковыхъ околоткахъ дѣла шли не лучше: фельдшера наполовину перемерли отъ тифа, а остальные валялись больными; изъ двухъ, находившихся налицо въ полку врачей, одинъ заболѣлъ тифомъ, а на долю другаго выпалъ непосильный трудъ наблюдать за двумя околотками—въ Алашкертѣ и въ селеніи Молла-Сулейманъ. По этому случаю больные въ Алашкертѣ оставались на попеченіи класснаго фельдшера Григорьева, который за все время похода и эпидеміи въ Алашкертѣ стяжалъ безпредѣльную благодарность всего полка. Григорьевъ всегда работалъ неустанно: за отсутствіемъ врачей, и нерѣдко при нихъ, осматривалъ околоточныхъ больныхъ, назначалъ леченіе, имѣлъ на своихъ рукахъ аптеку, велъ медицинскую отчетность и вообще за всѣмъ присматривалъ; хлопоталъ о благоустройствѣ околотковъ, всегда находился въ полку налицо и безъ ропота, съ полнѣйшимъ усердіемъ, готовъ былъ служить на общую пользу.

Григорьевъ поистинѣ сослужилъ полку безупречную службу и, выйдя послѣ окончанія кампаніи въ отставку, оставилъ добрую память по себѣ.

Скученность тифозныхъ больныхъ заставила нѣсколько расширить квартированіе ротъ, стоявшихъ въ Алашкертѣ, какъ для освобожденія квартиръ околоточнымъ больнымъ, такъ и для предупрежденія распространенія дальнѣйшей заразы среди здоровыхъ людей. Для этого изъ Алашкерта 1-я рота вышла въ селеніе Ма-

мешанъ, 2-я въ селеніе Хачлю и 4-я въ селеніе Биванъ; въ Алашкертѣ остались только три роты—3-я, 5-я и 6-я; изъ селенія Молла-Сулейманъ также вышли 9-я и 10-я роты въ селеніе Хатцуръ. Но такая мѣра оказалась запоздалою и вовсе не остановила развитія эпидеміи, такъ какъ и здоровые люди выведенныхъ ротъ были уже подготовлены къ воспріятію заразы; остановить теченіе ея уже было не въ нашей волѣ: условія жизни были настолько неблагопріятны, что никакое искусство не могло пресѣчь эпидеміи.

Продовольствіе людей въ описываемое время находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Чтобы получить хлѣбъ, посылались команды по окрестнымъ деревнямъ розыскивать запасы пшеницы, зарытой жителями въ землѣ. Ее затѣмъ раздавали въ роты, гдѣ посредствомъ ручныхъ мельницъ кое-какъ перемалывали въ муку. Она была плохаго качества, и для приготовленія ея требовалось много времени, поэтому люди не могли получать хлѣбъ по положенію, и имъ едва успѣвали выдавать по полтора фунта. Печеніе хлѣба также стоило не малыхъ хлопотъ, по причинѣ весьма труднаго пріобрѣтенія топлива. Порціонный скотъ у полковаго подрядчика, по неимѣнію въ достаточномъ количествѣ фуража, былъ крайне худой; доставляемое мясо не давало навара, слѣдовательно и приварокъ не могъ быть питателенъ и вкусенъ. Чай, сахаръ и спиртъ, за невозможностью пріобрѣтать ихъ, въ роты не выдавались. Интендантство окончательно прекратило подвозъ продовольствія, и полку оставалось расчитывать только на средства, находившіяся въ раіонѣ его расположенія.

Въ теченіе января, по причинѣ вздорожанія перевозки грузовъ вьючнымъ способомъ изъ Игдыря къ мѣсту квартированія полка, подрядчикъ заявилъ, что не въ состояніи больше поставлять какъ порціонный скотъ, такъ и продукты, по цѣнамъ, установленнымъ въ маѣ мѣсяцѣ, и просилъ о пересмотрѣ контрактныхъ цѣнъ и о заключеніи новыхъ условій, при которыхъ ему было бы выгодно продолжать подрядъ. Зная о дѣйствительномъ повышеніи цѣнъ на всѣ продукты и о дорого стоющей перевозкѣ ихъ изъ Игдыря въ Алашкертъ, завѣдывавшій полкомъ принуж-

денъ былъ назначить коммисію для заключенія новаго контракта съ полковымъ подрядчикомъ, которая и повысила всѣ цѣны на припасы [1]).

Такъ прожилъ полкъ январь мѣсяцъ въ алашкертской долинѣ. Никто не могъ хорошо объяснить цѣли, съ которою его оставили въ этой юдоли нуждъ и скорбей. Военныя дѣйствія сами собою съ наступленіемъ суровой зимы прекратились. Жители селеній оставались по большей части на своихъ мѣстахъ, свыклись съ турецкими порядками административнаго управленія и повидимому вовсе не нуждались въ охраненіи нашихъ войскъ; напротивъ, стѣсненные воинскимъ постоемъ, они скорѣе были недовольны нашимъ пребываніемъ въ селеніяхъ. Если же необходимость занятія нашими войсками турецкихъ владѣній заключалась въ чисто политическихъ побужденіяхъ, то подобная задача легко могла быть выполнена небольшими казачьими частями, которыя всегда могли быть усилены или уменьшены, смотря по обстоятельствамъ, или въ случаѣ необходимости вовсе убраны съ мѣста. Соображенія же, по которымъ оставили пѣхотныя части на зимовку въ глубинѣ непріятельской страны, повторяемъ, объяснить никто не могъ. Вѣроятно, расчитывали на легкую зиму, въ теченіе которой, при порядочномъ состояніи здоровья войскъ, можно было бы

---

[1]) Говядины пудъ 4 р., баранины пудъ 4 р., курдючьяго сала 1 ф. 20 к., говяжьяго 18 к., пудъ свинаго сала 10 р., перцу зернистаго 1 ф. 50 к., лавроваго листа 1 ф. 30 к., водки фруктовой ведро 12 р., ветчины 1 ф. 30 к., свинины пудъ 4 р., сардинокъ большая коробка 50 к., малая 40 к., муки 1-го сор. 1 ф. 20 к., кислоты лимонной 1 ф. 2 р. 40 к., крупъ манныхъ 1 ф. 25 к., перловыхъ 30 к., спирта хлѣбнаго 1 ведро 20 р., водки очищенной бутылка 80 к., луку пудъ 1 р., соли пудъ 1 р. 40 к., крупъ сарачинскихъ 1 ф. 12 к., вина кахетинскаго 1 бут. 60 к., рому Тритера 1 бутылка 5 р., коньяку 1 бутылка 4 р., табаку махорки 1 ф. 25 к., турецкаго 40 к. прибавки на фунтъ, укусу 1 ведро 3 р. 20 к., 1 ф. кишмишу 15 к., миндалю 1 ф. 25 к., масла кунжутнаго 1 ф. 50 к., макаронъ 1 ф. 30 к., вермишели 30 к., свѣчъ стеариновыхъ 1 ф. 50 к., сальныхъ 20 к., сахару Бродскаго 1 пудъ 16 р., чаю Попова съ прибавкою 40 к. на фунтъ, сыру швейцарскаго 1 ф. 1 р., осетинскаго 30 к., гусакъ бараній 10 к., икра паюсная 1 ф. 1 р. 50 к., кофе мокко 1 ф. 80 к., горчицы 1 ф. 40 к., масла деревяннаго 1 ф. 1 р., крупъ гречневыхъ 1 ф. 25 к., сала 1 ф. 40 к., мыла яичнаго кусокъ 15 к., простаго 1 ф. 22 к., бумаги писчей № 6 стопа 6 р., а № 7—5 рублей.

производить второстепенныя, малозначащія наступательныя дѣйствія. Предположеніе это оправдывается тѣмъ, что начальникъ штаба эриванскаго отряда, не смотря на суровую зиму и начавшуюся въ полку тифозную эпидемію, взялъ 3-й баталіонъ крымцевъ, съ частью кавалеріи, и направился въ экспедицію къ сторонѣ Хамура; но, за невозможностью перехода по снѣжнымъ сугробамъ, возвратился назадъ. Во всякомъ случаѣ, войска, оставленныя на зиму въ алашкертской долинѣ, никакой пользы не принесли, а между тѣмъ, будучи брошены на произволъ судьбы, были поставлены въ довольно отчаянное положеніе.

А тифъ все продолжалъ бичевать злополучныхъ крымцевъ и, въ числѣ прочихъ жертвъ, похитилъ лучшаго изъ офицеровъ полка, командира 3-го баталіона маіора Гурова [2]). Въ февралѣ онъ достигъ крайняго развитія и сталъ свирѣпствовать съ ужасающею силою, выражаясь въ самыхъ жестокихъ формахъ. Люди погибали десятками въ день, а временный госпиталь былъ совершенно безсиленъ: медицинскій персоналъ весь поголовно былъ сраженъ эпидеміей, служителей не было, медикаменты были израсходованы, даже не оставалось ни одного золотника хинина. Въ полковыхъ околоткахъ также всѣ переболѣли, и не было ни фельдшеровъ, ни медикаментовъ; заболѣвающіе ложились гдѣ попало и оставались безъ надлежащаго присмотра. Бодрствовалъ только одинъ почтенный Григорьевъ, хотя самъ полубольной. Но что же онъ могъ сдѣлать одинъ съ массою больныхъ? Офицеры, находясь въ лучшихъ условіяхъ, заболѣвали меньше, и нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь этимъ, съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ начали ухаживать за тифозными нижними чинами. Они отдѣляли выздоравли-

---

[2]) Гуровъ прибылъ незадолго до мобилизаціи изъ военно-юридической академіи, гдѣ блистательно окончилъ курсъ наукъ. Онъ отказался отъ предложеннаго ему выгоднаго мѣста по военно-судебному вѣдомству, считая неудобнымъ оставить строй наканунѣ объявленія войны. Принявъ баталіонъ, онъ въ теченіе всей кампаніи участвовалъ въ бояхъ и заслужилъ общую любовь въ полку. При движеніи въ январѣ 3-го баталіона къ Хамуру, Гуровъ простудился, заболѣлъ тифомъ и вскорѣ по приходѣ баталіона въ селеніе Молла-Сулейманъ отдалъ Богу душу, оставивъ по себѣ добрую память и искреннее сожалѣніе.

вающихъ и здоровыхъ отъ больныхъ, подъискивали для послѣднихъ болѣе удобныя помѣщенія, заботились о возможномъ улучшеніи пищи нижнихъ чиновъ и даже, по мѣрѣ своихъ силъ и познаній, оказывали имъ медицинское пособіе. Въ этомъ случаѣ имъ принесли большую пользу тѣ свѣдѣнія, которыя были почерпнуты заранѣе въ бесѣдахъ съ врачами о распознаваніи признаковъ тифа всѣхъ трехъ родовъ и о способахъ его леченія. Благодаря всему этому, заболѣвшій отъ эпидеміи врачъ Любимскій, котораго всѣ любили и уважали, былъ положительно спасенъ отъ смерти только одними офицерами. Чрезвычайно тяжелый и самый роковой былъ этотъ мѣсяцъ для полка. Борьба съ эпидеміей была неравная, и отсутствіе сколько нибудь удобныхъ помѣщеній, порядочной пищи, питья и хинина вынуждало прибѣгать къ единственному средству—къ окутыванію больныхъ мокрыми простынями и къ холоднымъ компресамъ на голову, чтобы тѣмъ сколько нибудь понизить донельзя высокую температуру тѣла. Въ предупрежденіе заболѣванія вообще и для поддержанія силъ выздоравливающихъ, за неимѣніемъ спирта и водки, роты, не жалѣя средствъ, брали у полковаго подрядчика ромъ, коньякъ, хересъ и раздавали нижнимъ чинамъ; но скоро запасъ и этихъ напитковъ истощился, и потому не осталось ровно никакихъ способовъ для подкрѣпленія силъ нижнихъ чиновъ.

Изъ наблюденій, произведенныхъ офицерами, оказалось, что хининъ превосходно предупреждаетъ заболѣваніе тифомъ и очень хорошо дѣйствуетъ даже во время самой болѣзни. Припадки ея бывали несравненно слабѣе у тѣхъ, которые принимали хининъ передъ началомъ болѣзни, и самая болѣзнь, въ большинствѣ случаевъ, оканчивалось благополучнымъ исходомъ. Когда же хининъ вышелъ, и заболѣвавшимъ давать было нечего, тогда-то именно эпидемія и разразилась во всей своей силѣ, такъ что въ теченіе февраля въ полку ежедневно умирало свыше 15-ти человѣкъ и къ концу мѣсяца число живыхъ людей сократилось на 201 человѣка. Между тѣмъ, въ январѣ мѣсяцѣ, когда еще давали хининъ, умерло только 103 человѣка. Для вырытія могилъ и погребенія умершихъ требовалось ежедневно до 30 рабочихъ, такъ какъ нужно

было разгребать снѣгъ и копать ямы въ каменистомъ и мерзломъ грунтѣ. Понятно, что такой расходъ людей и такая работа были не по средствамъ обезсиленнаго полка, поэтому умершихъ зарывали просто въ снѣгъ, съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ оттепели перепрятать въ могилы.

Что касается хинина, то пополненіе его въ полку ознаменовалось случаемъ не малой курьезности: когда онъ приходилъ къ концу, полкъ нѣсколько разъ экстренно доносилъ объ этомъ старшему отрядному врачу и просилъ о поспѣшной высылкѣ его въ Алашкертъ. Но старшій врачъ, какъ оказалось впослѣдствіи, отправилъ хининъ изъ Эривани почтою; а такъ какъ почта изъ Игдыря въ Алашкертъ не ходила всю зиму, то хининъ пролежалъ въ почтовой конторѣ въ Игдырѣ, и его полкъ получилъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда тифъ замѣтно сталъ слабѣть и утратилъ свою жестокую форму.

Достойно вниманія также довольствіе полка спиртомъ. Интендантство должно было доставлять его войскамъ натурою, но оно прекратило подвозку не только спирта, но и всякаго продовольствія. Мало того, когда, вслѣдствіе ходатайства корпуснаго командира, Главнокомандующій разрѣшилъ отпускать войскамъ эриванскаго отряда съ 1-го февраля, впредь до уменьшенія болѣзненности, по получарѣ спирта въ день на человѣка, интендантство не озаботилось доставкою спирта даже и въ этомъ важномъ случаѣ. Въ виду такого забвенія со стороны интендантства о крымцахъ, заброшенныхъ на алашкертскую долину, полкъ по необходимости покупалъ спиртъ у своего маркитанта и платилъ ему за ведро 20 р., расходуя на то свои экономическія суммы, и надѣясь, что впослѣдствіи интендантство, виновное въ этой излишней затратѣ, отпуститъ за спиртъ слѣдуемыя деньги, которыми пополнятся экономическія ротныя суммы. Расчетъ, повидимому, былъ самый вѣрный и правильный; но когда полку пришлось расчитываться съ отряднымъ интендантомъ, то онъ предложилъ только 9 руб. за ведро спирта, тогда какъ одна доставка его стоила казнѣ до Игдыря по 14 руб. за ведро. Безъ сомнѣнія, полкъ не согласился на эту сдѣлку, но за то и вовсе не получилъ никакихъ денегъ, такъ что

экономическая сумма его и до сихъ поръ осталась непополненною.

Не обошлось также безъ недоразумѣнія и въ отношеніи провіантскаго довольствія. Въ алашкертской долинѣ полкъ продовольствовался такимъ образомъ, что добывалъ турецкую пшеницу, зарытую въ землѣ, и изъ нея выпекалъ хлѣбъ. Сначала полкъ самъ распоряжался этимъ дѣломъ, но впослѣдствіи прибылъ въ Алашкертъ уѣздный начальникъ, взялъ эту операцію въ свои руки и самъ выдавалъ полку пшеницу. При этомъ каждый разъ онъ требовалъ квитанцію въ полученіи пшеницы, съ непремѣнною въ ней оговоркою, что зерно получалось даромъ, посредствомъ пріобрѣтенія изъ турецкихъ запасовъ. Квитанціи эти выдавались безпрекословно, но впослѣдствіи онѣ были признаны составленными не по формѣ, и полку приказано было перемѣнить ихъ и написать новыя безъ всякихъ оговорокъ. Конечно, это было исполнено, но отчетныхъ полковыхъ листовъ измѣнить было нельзя, и тамъ все-таки осталось, что полкъ все время довольствовался провіантомъ не отъ интендантства, а посредствомъ добыванія пшеницы безъ денегъ изъ турецкихъ запасовъ. Къ счастью, контроль не пропустилъ этого и обѣщался вытребовать полку деньги за весь неполученный провіантъ.

Только 30-го января достигло полка извѣстіе о заключенномъ 21-го января перемиріи. Въ это время тифъ былъ въ полномъ разгарѣ, и поэтому свѣдѣніе это не возбудило особенно радостныхъ чувствъ, такъ какъ шла борьба съ гораздо злѣйшимъ и сильнѣйшимъ противникомъ, чѣмъ любой непріятель.

Въ послѣднихъ числахъ января на укомплектованіе полка прибыла въ Игдырь изъ 73-го запаснаго баталіона партія ополченцевъ 1-го разряда въ числѣ 250 человѣкъ. Ее рѣшили не направлять въ Алашкертъ, а оставить навремя въ Игдырѣ, чтобы спасти отъ тифознаго зараженія и опустошеній.

Въ началѣ февраля зима нѣсколько смягчилась, что дало возможность командировать въ Игдырь полковаго казначея для полученія накопившейся за нѣсколько мѣсяцевъ корреспонденціи и денегъ, а также для пріема годовыхъ вещей, прибывшихъ изъ Тиф-

лиса для довольствія полка по сроку 1878-го года. Вещи эти особенно необходимы были въ Алашкертѣ, такъ какъ нижніе чины сильно обносились, и у многихъ осталось лишь по одной рубахѣ и по парѣ сапоговъ.

19-го февраля, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, въ Алашкертѣ былъ церковный парадъ. Такъ какъ полковой священникъ проживалъ въ Эривани, а прикомандированный къ полку изъ дивизіоннаго лазарета былъ боленъ, то парадъ выслушалъ молебенъ въ армянской церкви. Впрочемъ, для Крымскаго полка это не было рѣдкостью, потому что во время квартированія его въ армянскихъ селеніяхъ Эриванской губерніи, при церковныхъ парадахъ постоянно служили молебны армянскіе священники. 27-го числа наступилъ великій постъ, въ теченіе котораго полкъ говѣлъ. Единственное, что было отрадно въ продолженіе этого роковаго мѣсяца—это предварительное разрѣшеніе, полученное полкомъ, о выступленіи изъ алашкертской долины въ предѣлы Эриванской губерніи. Вѣсть эта произвела болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ даже самое перемиріе. Для того, чтобы подняться въ новый походъ, требовалось много перевозочныхъ средствъ и времени, въ особенности для транспортировки тысячи слишкомъ больныхъ, находившихся въ военно-временномъ госпиталѣ и въ полковыхъ околоткахъ; предстояло также не мало затрудненій въ перевозкѣ госпитальнаго имущества; наконецъ, въ Алашкертѣ вмѣстѣ съ полкомъ стояла и батарея 38-й артиллерійской бригады, для слѣдованія которой нужна была вообще удобная дорога. Все это волей-неволей отдаляло срокъ выступленія полка изъ алашкертской долины, такъ какъ онъ былъ въ зависимости отъ постороннихъ обстоятельствъ, осилить которыя вдругъ не представлялось возможнымъ. Наконецъ, рѣшено было такъ: вывести въ предѣлы Эриванской губерніи два баталіона съ батареею, а полтора баталіона оставить въ Алашкертѣ до окончательнаго вывоза всѣхъ больныхъ. Вслѣдствіе этого распоряженія, дальнѣйшее сидѣнье въ чумной мѣстности выпало на долю 4-го баталіона, съ 5-ю и 6-ю ротами, а 1-й и 3-й баталіоны, съ нестроевою ротою, должны были выступить при первой возможности.

Ожидая этого блаженнаго дня, полкъ нечаянно былъ утѣшенъ еще другою радостью, которая на этотъ разъ примчалась къ нему съ быстротою молніи и имѣла для него значеніе совсѣмъ иное, чѣмъ вѣсть о перемиріи—или, иначе сказать, о какой-то полумѣрѣ, далеко не разрѣшающей окончательно всей сущности дѣла. Эта радость—безусловный миръ и окончаніе войны. И невольно всѣмъ стало какъ-то странно по случаю одолѣвавшаго умы неотвязчиваго вопроса: почему годъ назадъ такъ крѣпко желалось войны, почему она была встрѣчена съ такою охотою и упоеніемъ, и почему въ то же время окончаніе ея встрѣчается съ особеннымъ удовольствіемъ,—тогда какъ, въ силу послѣдовательности и на основаніи логическаго вывода, побужденія относительно извѣстія о мирѣ должны бы быть совершенно обратныя?..

Непосредственно за извѣстіемъ объ окончаніи войны послѣдовалъ приказъ по корпусу [3]) такого содержанія:

„По волѣ великаго нашего Государя война съ Турціею окончена; и 19-го февраля заключенъ миръ.

„Боевые сподвижники мои! Съ 12-го апрѣля прошлаго года много оказано вами отличій, много вынесено неимовѣрныхъ трудовъ; но за то, вы достигли сердца Малой Азіи, и почти вся съ боя взятая вами земля присоединена къ россійской державѣ.

„Поздравляю васъ съ окончаніемъ славной войны и съ блестящимъ миромъ.

„Вы честно и геройски выполнили слова, съ которыми я обратился къ вамъ въ день открытія военныхъ дѣйствій. Подъ знаменами вашихъ отцовъ и дѣдовъ вы снова закрѣпили громкую славу вашихъ частей, доказавъ Россіи и всему міру, что въ вашихъ жилахъ течетъ та самая богатырская кровь, которая не разъ являла чудеса храбрости. До пятисотъ взятыхъ вами орудій и десятки тысячъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ служатъ тому доказательствомъ. Овладѣніе штурмомъ крѣпости Ардагана, дѣйствія эриванскаго отряда и двадцати-трехдневная оборона осажденнаго Баязета, разгромъ анатолійской арміи на Аладжѣ, штурмъ непри-

---

[3]) 28-го февраля № 105.

ступной крѣпости Карса, разбитіе соединенныхъ силъ Мухтара и Измаила пашей на Деве-Бойну и, наконецъ, безпримѣрная по громаднымъ, изумившимъ даже непріятеля, трудностямъ, среди жестокой зимы, въ безлѣсной мѣстности и на высотѣ семи тысячъ футъ, строгая блокада Эрзерума и другіе ваши подвиги будутъ записаны золотыми буквами въ лѣтописи военной исторіи.

„Не мнѣ быть цѣнителемъ вашихъ заслугъ и доблестей. За десять мѣсяцевъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій не разъ заслужили вы дорогое Царское спасибо, благодарность нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго и благословеніе всѣхъ русскихъ людей.

„Относясь съ высокимъ и неизгладимымъ въ памяти моей уваженіемъ къ вашимъ боевымъ достоинствамъ и понесеннымъ трудамъ, я отъ глубины души благодарю провидѣніе за ниспосланное мнѣ счастье—съ начала и до конца войны быть во главѣ дѣйствующаго корпуса, достойнаго преемника старыхъ кавказскихъ бойцевъ.

„Помянемъ вмѣстѣ, товарищи, вѣчною памятью тѣхъ братьевъ нашихъ, коимъ Господь не судилъ дожить до минуты славнаго мира; воздадимъ дань благоговѣйнаго уваженія семьямъ, осиротѣвшимъ послѣ войны. А когда судьба вернетъ насъ къ родному очагу—будемъ наставлять дѣтей нашихъ и внуковъ, чтобы и они, когда до нихъ дойдетъ очередь, по первому слову Царя шли умирать за отечество съ такою же беззавѣтною готовностью, какою были преисполнены во все время войны всѣ чины ввѣреннаго мнѣ корпуса отъ перваго и до послѣдняго".

Наконецъ, 2-го марта, когда снѣгъ настолько сталъ, что, хотя съ большимъ трудомъ, но все же можно было кое-какъ начать движеніе—рано утромъ остатки 1-го и 3-го баталіоновъ, съ полковымъ штабомъ, нестроевою ротою и съ батареею 38-й бригады, выступили изъ Алашкерта. Къ вечеру они едва добрались до сел. Кишишъ-кей. Въ этотъ же день изъ Зейдекяна перешелъ въ г. Алашкертъ 4-й баталіонъ полка, который до того времени менѣе всѣхъ пострадалъ отъ тифа, и расположился неподалеку отъ города лагеремъ; къ нему присоединились 5-я и 6-я роты. Всѣ квартиры въ Алашкертѣ, занимавшіяся ротами и полковымъ шта-

бомъ, настолько были заражены, что располагать въ нихъ здоровыхъ людей 4-го баталіона было бы крайне неблагоразумно, поэтому, хотя стояла еще довольно холодная и сырая погода, предпочли расположиться лагеремъ. Но и это не избавляло баталіонъ отъ соприкосновенія съ тифозными больными, такъ какъ, по уходѣ 1-го и 3-го баталіоновъ, въ сакляхъ города осталась еще масса больныхъ и даже умершихъ, которыхъ не успѣли похоронить, и на первый же день своего прибытія 4-й баталіонъ приступилъ къ уходу за ними, выславъ вмѣстѣ съ тѣмъ прислугу въ № 39 госпиталь. Вслѣдствіе этого, нижніе чины 4-го баталіона вскорѣ сильно начали заболѣвать тифомъ, но, по счастью, болѣзнь эта къ веснѣ, съ наступленіемъ теплой погоды, значительно стала слабѣе.

3-го марта 1-й и 3-й баталіоны перешли въ сел. Кара-Килиса, откуда безостановочно слѣдовали до Игдыря. Въ день вступленія ихъ въ Игдырь въ каждомъ изъ нихъ въ строю находилось не болѣе 45 человѣкъ нижнихъ чиновъ; самыя сильныя роты имѣли по 15-ти человѣкъ, другія же по 10-ти и даже по 8-ми человѣкъ; всѣ остальные или умерли, или находились въ различныхъ лечебныхъ заведеніяхъ. Бывшіе въ строю также всѣ разновременно переболѣли тифомъ и еще далеко не вполнѣ оправились; они были крайне истощены, блѣдны и худы. Полкъ, строго говоря, не существовалъ какъ боевая тактическая единица.

Оба баталіона рѣшено было отправить изъ Игдыря на санитарную стоянку въ Эчміадзинскій уѣздъ. Забравъ съ собою партію ополченцевъ, находившуюся въ Игдырѣ, они прибыли къ мѣсту назначенія 3-го марта. 1-й баталіонъ, съ полковымъ штабомъ и нестроевою ротою, расположился въ селеніи Ошаганъ (Ушаганъ), а 3-й въ четырехъ верстахъ далѣе, въ сел. Аштаракѣ; 7-я рота оставалась на этапномъ пунктѣ, въ калмыцкихъ кибиткахъ, близъ сел. Мысуна, а 8-я рота—въ сел. Маркара, Сурмалинскаго уѣзда, гдѣ занимала караулы и производила работы при военно-временномъ госпиталѣ. Такимъ образомъ, полкъ въ началѣ марта былъ разбросанъ на протяженіи около двухсотъ верстъ, и на скорое сосредоточеніе его въ одномъ мѣстѣ не было никакой надежды. А безъ этого не представлялось возможности привести его въ порядокъ,

главныя условія котораго состояли въ полной экипировкѣ нижнихъ чиновъ и въ безотлагательномъ устройствѣ сильно пострадавшей во всѣхъ отношеніяхъ хозяйственной части [1]).

По приходѣ 1-го и 3-го баталіоновъ въ сел. Опаганъ, стали безпрерывно прибывать команды выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ всѣхъ четырехъ баталіоновъ; но эти люди далеко еще не были здоровы, и слѣды перенесенной ими тяжкой болѣзни слишкомъ ясно отпечатывались на ихъ лицахъ, такъ что нѣкоторыхъ приходилось отправлять обратно въ госпитали; прочіе же оставались при полку, гдѣ чистый теплый весенній воздухъ и хорошая питательная пища скорѣе могли сгладить слѣды перенесенной болѣзни. Для поддержанія силъ перестрадавшихъ нижнихъ чиновъ, во всѣхъ ротахъ передъ обѣдомъ ежедневно выдавалось каждому по чаркѣ водки съ хининомъ; болѣе же слабымъ водка выдавалась и передъ ужиномъ. Мѣстоположеніе для санитарной стоянки полка было выбрано весьма удачно: всѣ селенія лежали на южномъ скатѣ горы Алагезъ, на высотѣ 4251 ф., съ хорошею проточною здоровою водою и съ чистымъ горнымъ воздухомъ.

Для вывоза больныхъ и военно-временнаго № 39 госпиталя изъ Алашкерта принимались дѣятельныя мѣры: были снаряжены транспорты верблюдовъ, и на каждомъ верблюдѣ по двѣ корзины для посадки въ нихъ больныхъ. Конечно, при такомъ способѣ перевозки, она не могла идти особенно успѣшно: потребовалось не менѣе шести рейсовъ при 120-ти верстномъ разстояніи въ одинъ путь, и окончательное очищеніе Алашкерта могло состояться никакъ не ранѣе конца апрѣля. Кромѣ того, самая перевозка больныхъ на

[1]) Между прочимъ, кстати здѣсь упомянуть объ утвержденныхъ справочныхъ цѣнахъ на фуражъ, дрова и порціонное довольствіе: съ 11-го февраля по 1-е марта за сажень трехполѣнныхъ дровъ 80 руб., за сажень кизяка 45 руб.; на мартъ за сажень дровъ 80 руб. и кизяка 40 руб. На февраль мѣсяцъ за четверть ячменя 7 руб. 50 коп., за пудъ сѣна 80 коп. и за пудъ соломы 50 коп.; на мартъ за четверть ячменя 8 руб. 40 коп., за пудъ сѣна 90 коп. и за пудъ соломы 70 коп. Приварочный окладъ съ 1-го марта по 1-е мая 1878 г. по $16\frac{1}{2}$ коп. въ день на человѣка, съ 1-го марта по 1-е мая на чай по 1 руб. 40 коп. за фунтъ и по 11 руб. 20 коп. за пудъ сахару.

верблюдахъ представляла то важное неудобство, что они, сидя въ корзинахъ, могли падать и расшибаться, а въ дорогѣ всякое леченіе ихъ пріостанавливалось. Не смотря однако на это, транспортировка продолжалась, такъ какъ желательно было поскорѣе оставить зараженный Алашкертъ и вывести оттуда остатки уцѣлѣвшихъ войскъ.

Нужно сказать, что въ началѣ эпидеміи жители Алашкерта вовсе не болѣли. Это ясно показываетъ, что причина развитія болѣзней находилась въ войскахъ. Тифъ появился вслѣдствіе предшествовавшаго изнуренія ихъ отъ усиленныхъ походовъ, чрезвычайныхъ лишеній и недостатка въ продовольствіи. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ жителей стали также заболѣвать тифомъ, какъ надо полагать, отъ частаго соприкосновенія съ больными нижними чинами и отъ воздуха, пропитаннаго заразою; но болѣзнь среди нихъ рѣдко кончалась смертью, и процентъ заболѣванія между ними былъ самый ничтожный. Такое явленіе надо приписать здоровой комплексіи жителей, сохранившихъ физическую силу и находившихся въ гораздо лучшихъ условіяхъ быта, нежели войска до времени развитія эпидеміи.

По сдѣланному вычисленію изъ офиціальныхъ полковыхъ отчетовъ, съ 1-го декабря 1877 г. по 1-е августа 1878 г., наибольшему заболѣванію и смертности подвергались люди изъ числа болѣе молодыхъ. Такъ напримѣръ, смертность выразилась въ слѣдующихъ процентахъ по срокамъ службы нижнихъ чиновъ: изъ числа набора 1871 и 1872 гг. умерло исключительно отъ тифа 50 человѣкъ, набора 1873 года 69 человѣкъ, 1874 г.—61 человѣкъ, 1875 г.—62 человѣка, 1876 г.—96 человѣкъ, 1877 г.—137 человѣкъ. Такимъ образомъ, изъ числа кадроваго состава полка умерло изъ наборовъ, начиная съ 1871 г. и кончая 1876 годомъ, всего 338 человѣкъ; умерло изъ молодыхъ солдатъ набора 1877 г. 137 человѣкъ и, наконецъ, изъ числа нижнихъ чиновъ, призванныхъ изъ запаса арміи, болѣе отдаленныхъ сроковъ службы умерло 293 челов. Относительно списочнаго состоянія по этимъ тремъ категоріямъ, т. е. кадровыхъ, призыва 1877 г. и призванныхъ изъ запаса арміи, больше всѣхъ умерло молодыхъ солдатъ

призыва 1877 г.—32%; за ними слѣдуютъ призывные изъ запаса—25% и, наконецъ, кадровыхъ 20%. (Приложеніе V).

При ближайшемъ разсмотрѣніи причинъ смертности, въ зависимости отъ сроковъ службы, надо придти къ тому заключенію, что степень выносливости организма солдатъ обусловливается продолжительностью состоянія ихъ на дѣйствительной службѣ. Причины большей выносливости людей кадроваго состава, служившихъ въ полку нѣсколько лѣтъ подрядъ, безъ перерыва, заключаются въ слѣдующемъ: нижніе чины, служа въ полку, подвергаются усиленному физическому развитію, чему чрезвычайно способствуютъ безпрерывныя строевыя ученья и гимнастика. Ежегодно прибывающіе въ полкъ новобранцы представляютъ изъ себя, по сравненію съ старослужащими, недоразвитыхъ физически людей; но по прошествіи двухъ, трехъ лѣтъ службы, молодые люди получаютъ далеко другой видъ: развитые мускулы, округленная грудь, свѣжій здоровый видъ лица замѣняютъ прежнюю обрюзглость и вялость членовъ; люди становятся болѣе поворотливыми, живыми, веселыми и явно развившимися физически. Постоянное употребленіе мясной пищи, при регулярномъ образѣ жизни, также много способствуетъ тому.

25-го марта прибылъ къ полку и вступилъ въ командованіе имъ полковникъ Есиповъ, назначенный въ февралѣ мѣсяцѣ на мѣсто полковника Юрковскаго. Новому командиру предстояло посвятить не мало времени на приведеніе хозяйственной части въ должный порядокъ. Безотлагательнымъ дѣломъ оказалось открытіе въ г. Эривани полковой швальни для обмундированія нижнихъ чиновъ и въ селеніи Ошаганѣ мастерской для исправленія обоза и сбруи; для этого потребовалось много матеріальныхъ средствъ и труда: нижніе чины сильно обносились, и многимъ изъ нихъ слѣдовала полная постройка мундирной одежды; обозъ и сбруя также пришли въ упадокъ и требовали капитальнаго ремонта. Не щадя трудовъ и средствъ, въ скоромъ времени удалось обмундировать наличныхъ людей, пересмотрѣть обозъ и сбрую и исправить ихъ настолько, что къ іюню мѣсяцу обозъ былъ въ совершенной исправности. Для всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ командиръ

бригады разрѣшилъ на счетъ ротныхъ экономическихъ суммъ построить для лѣта тиковыя шаровары, гимнастическія рубахи и на фуражки бѣлые чахлы. Хотя по положенію о ротномъ хозяйствѣ подобный расходъ конечно нужно считать неправильнымъ, но на самомъ дѣлѣ больше ничего не оставалось дѣлать, какъ помочь нижнимъ чинамъ изъ ротныхъ экономическихъ суммъ, потому что всѣ они до крайности обѣднѣли, обносились и заработать денегъ нигдѣ не могли, а между тѣмъ роты пріобрѣли большія экономическія суммы. Кромѣ того, ожидался пріѣздъ въ Эривань персидскаго шаха, и полкъ долженъ былъ выступить для встрѣчи его, а также предстоялъ походъ въ общій отрядный мысунскій лагерь. По всѣмъ такимъ причинамъ и обстоятельствамъ расходъ ротныхъ экономическихъ суммъ на нужды солдата вполнѣ оправдался. Не мало времени потребовалось на пересмотръ и исправленіе аммуниціи, оружія и обуви нижнихъ чиновъ. За неимѣніемъ достаточнаго числа мастеровыхъ и сапожниковъ, умершихъ отъ тифа и находившихся еще больными, работа вообще подвигалась медленно, но все-таки могла быть окончена ко дню выступленія полка въ мысунскій лагерь.

Люди между тѣмъ все продолжали прибывать изъ госпиталей, и роты мало по малу пополнялись. Вновь заболѣвавшихъ тифомъ было самое незначительное число.

24-го апрѣля въ полкъ прибыла партія молодыхъ солдатъ изъ 73-го пѣхотнаго запаснаго баталіона, призыва 1878 года, въ числѣ 4 унтеръ-офицеровъ и 499 нижнихъ чиновъ [5]. Съ приходомъ ихъ, роты еще болѣе пополнились; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ ополченцами набиралось до ста человѣкъ наличныхъ нижнихъ чиновъ. Но обмѣнъ больныхъ и выздоравливающихъ былъ все-таки весьма значительный; первые изъ нихъ почти ежедневно отправлялись изъ полка небольшими командами въ ближайшіе госпитали, а взамѣнъ ихъ постоянно прибывали вторые, и такъ какъ, кромѣ того, не было свѣдѣній отъ лечебныхъ заведеній объ умершихъ, то полкъ въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ не могъ даже

---

[5]) Приказъ по полку 24-го апрѣля № 114.

приблизительно знать цифру дѣйствительнаго числа своихъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ отношеніи администрація нашихъ военно-временныхъ госпиталей оказалась далеко несовершенною.

Удобное мѣстоположеніе на южной покатости горы Алагезъ обратило на себя вполнѣ заслуженное вниманіе врачей. Мѣстность эта, сравнительно съ плоскостью долины Аракса, представляла много гигіеническихъ удобствъ; поэтому неподалеку отъ селенія Аштаракъ былъ открытъ новый военно-временный № 66 госпиталь; госпиталь № 15 также перевели изъ Вагаршапата къ сел. Пирчганъ. Оба эти госпиталя были переполнены больными, преимущественно нижними чинами Крымскаго полка. Тифъ въ это время хотя еще существовалъ, но уже не въ такой сильной степени, какъ въ Алашкертѣ; нижніе чины болѣли преимущественно лихорадками, животомъ и общимъ истощеніемъ организма вслѣдствіе перенесеннаго ими тифа. Въ концѣ мая тифъ почти совсѣмъ прекратился, люди стали крѣпнуть и приходить въ нормальное состояніе, и обмѣнъ больныхъ и выздоравливающихъ замѣтно уменьшился.

Къ пріѣзду персидскаго шаха, въ Эчміадзинъ для почетнаго караула прослѣдовала 1-я рота, а остальныя роты 1-го и 3-го баталіоновъ назначены были въ Эривань. Онѣ прибыли туда 27-го апрѣля и на слѣдующій день заняли мѣста по улицѣ, гдѣ проѣзжалъ шахъ. Встрѣтивъ его съ подобающею честью, онѣ прошли мимо квартиры, занятой его величествомъ, церемоніальнымъ маршемъ, и затѣмъ были отпущены обратно въ мѣста своего квартирнаго расположенія. Въ Эчміадзинѣ шахъ посѣтилъ монастырь и принялъ почетный караулъ. Обойдя фронтъ роты, его величество выразилъ крайнее удовольствіе по случаю прекраснаго внѣшняго вида ея и, пропустивъ ее мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, отпустилъ караулъ домой. Состоявшій въ полку музыкантскій хоръ изъ 60 человѣкъ во время зимней стоянки въ Алашкертѣ сильно пострадалъ отъ тифа: много хорошихъ музыкантовъ и учениковъ умерло, а большая часть находилась еще въ госпиталяхъ; но все-таки къ пріѣзду шаха набралось 22 человѣка музыкантовъ. Небольшой этотъ хоръ, находившійся при почетномъ караулѣ, прекрасно исполнилъ персидскій народный гимнъ и видимо доставилъ

шаху удовольствіе. Вообще, надо сказать, почетный караулъ былъ отлично обмундированъ, подобранъ по большей части изъ георгіевскихъ кавалеровъ и, дѣйствительно, имѣлъ превосходный видъ, рѣзко бросавшійся въ глаза. Въ день отъѣзда своего изъ Эривани, 29-го апрѣля, въ Тифлисъ, шахъ изволилъ пожаловать ордена Льва и Солнца: 2-й степени командиру полка полковнику Есипову, 4-й степени командовавшему 1-ю ротою поручику Беку и медали—ординарцу и вѣстовому, бывшимъ при почетномъ караулѣ.

26-го мая прибыли въ сел. Ошаганъ изъ Алашкерта оставшіеся тамъ 5-я и 6-я роты и 4-й баталіонъ, откуда они выступили 16-го мая. Къ этому времени успѣли вывезти всѣхъ больныхъ изъ военно-временнаго госпиталя и самый № 39 госпиталь въ сел. Игдырь. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ усилій, полку удалось окончательно оставить алашкертскую долину и избавиться отъ весьма неблагопріятной стоянки въ азіятской Турціи. Прибывшія шесть ротъ, подобно 1-му и 3-му баталіонамъ, имѣли въ строю каждая не болѣе 20 человѣкъ; остальные люди всѣ умерли въ Алашкертѣ или лежали больными по госпиталямъ. На другой день эти роты выступили на стоянку въ назначенныя для нихъ селенія вблизи Ошагана: 5-я и 6-я расположились въ двухъ верстахъ въ сел. Кизилтамуръ, а 4-й баталіонъ нѣсколько дальше въ селеніи Акеракъ. Всѣмъ имъ былъ данъ полнѣйшій отдыхъ, и отправлены къ нимъ на усиленіе ихъ состава ратники ополченія 1-го разряда, молодые солдаты набора 1878 г. и всѣ выписанные изъ госпиталей, остававшіеся все время до прибытія 4-го баталіона въ прикомандированіи къ 1-му и 3-му баталіонамъ. Благодаря такому распоряженію, полкъ могъ имѣть роты численностью около ста наличныхъ рядовыхъ. Съ присоединеніемъ къ 4-му баталіону ополченцевъ, молодыхъ солдатъ набора 1878 г. и выписныхъ изъ госпиталей, въ этомъ баталіонѣ состояло налицо: унтеръ-офицеровъ 72, музыкантовъ 8 и рядовыхъ 408 человѣкъ.

Преимущественная дѣятельность полка въ это время заключалась въ заботахъ о поправленіи здоровья людей, въ исправленіи старой мундирной одежды и въ постройкѣ новаго обмундированія, снаряженія, а также въ починкѣ обоза и сбруи. Строевыя заня-

тія производились болѣе въ видахъ гигіеническихъ, для чего роты по утрамъ не болѣе какъ на два часа выводились на воздухъ для легкихъ ученій, въ особенности для одиночной выправки, прицѣливанія и гимнастики; передъ вечеромъ посвящали строевымъ ученьямъ одинъ только часъ. Размѣщеніе нижнихъ чиновъ по квартирамъ было болѣе или менѣе удобное. Для этого въ обывательскихъ домахъ дѣлались всевозможныя приспособленія, устроивались нары или койки, а также выдавалась хорошая подстилка. Пища приготовлялась возможно лучшая, съ острыми приправами; кромѣ того, давали чай и передъ обѣдомъ по чаркѣ водки съ хининомъ. Отъ совокупности принятыхъ мѣръ и вслѣдствіе хорошихъ климатическихъ условій, къ концу мая, при весенней погодѣ, нижніе чины замѣтно поправились и стали высматривать много бодрѣе и здоровѣе. Къ началу іюня полкъ снова нѣсколько сформировался, успѣлъ обстроиться одеждою и обувью, а также привести въ порядокъ обозъ и лошадей.

Во время стоянки полка въ Ошаганѣ и его окрестностяхъ офицеры также успѣли отдохнуть физически и нравственно. Почта стала доходить исправно, и явилась возможность аккуратно получать письма, газеты и періодическіе журналы, заняться чтеніемъ и такимъ образомъ войти въ обычную колею жизни. Можно было также пользоваться развлеченіями, отправляясь для того по воскреснымъ днямъ въ Эривань или въ сел. Вагаршапатъ, гдѣ находился отрядный штабъ и изрѣдка устроивались вечера.

До окончательнаго рѣшенія берлинскаго конгреса, обсуждавшаго заключенный Россіею съ Турціею мирный договоръ, послѣдовало распоряженіе—собрать войска эриванскаго отряда въ общій лагерь въ мысунской долинѣ, въ предѣлахъ азіятской Турціи, откуда, въ случаѣ надобности, они безпрепятственно могли возобновить наступательныя дѣйствія. На этомъ основаніи Крымскій полкъ выступилъ 8-го іюня и къ вечеру прибылъ въ селеніе Вагаршапатъ. 9-го іюня онъ перешелъ въ селеніе Маркары, гдѣ присоединилась къ нему находившаяся тамъ 8-я рота, взамѣнъ которой оставлены 11-я и 12-я роты. Въ теченіе 10-го, 11-го и 12-го чиселъ полкъ слѣдовалъ черезъ Игдырь и черезъ Зорскій перевалъ

и 13-го іюня къ вечеру прибылъ въ мысунскую долину. Здѣсь онъ присоединилъ къ себѣ 7-ю роту, остававшуюся все время у Мысуна, и вошелъ въ составъ мысунскаго лагеря, въ числѣ трехъ съ половиною баталіоновъ или 14 ротъ. Наличный составъ полка былъ слѣдующій: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 54, унтеръ-офицеровъ 161, музыкантовъ 54 и рядовыхъ 1550, считая въ этомъ числѣ 11-ю и 12-ю роты, оставленныя въ Маркарахъ.

Мысунская долина лежитъ между южнымъ скатомъ хребта Агры-дагъ и отрогомъ горы Балыкъ-гель. Она вообще возвышена, имѣетъ каменистый грунтъ, безлѣсна, мало населена, орошается рѣчкою, вытекающею изъ озера Балыкъ-гель, и нѣсколькими небольшими каналами, служащими для лѣтняго орошенія посѣвовъ. Вообще стоянка для лагеря была выбрана удачная и значительно лучшая, чѣмъ была на аракской долинѣ, подъ палящимъ лѣтнимъ зноемъ, въ удушливомъ воздухѣ и съ лихорадочнымъ климатомъ.

Полкъ приступилъ къ устройству лагеря, приспособляя его для продолжительной стоянки. Потребовалось нѣсколько дней, чтобы очистить лагерное мѣсто отъ камней, устроить очаги для ротныхъ кухонъ и хлѣбопекарныя печи, обложить каменными валиками палатки, сдѣлать нары и вообще придать лагерю сколько нибудь опрятный видъ. По окончаніи этого было приступлено къ обычнымъ строевымъ одиночнымъ ученьямъ,—и лагерь вскорѣ принялъ видъ учебнаго. Полкъ зажилъ давно знакомою ему жизнью мирнаго времени.

Въ хозяйственномъ отношеніи встрѣтилось только одно существенное неудобство по части добыванія топлива. Оно доставлялось подрядчикомъ изъ предѣловъ Эриванской губерніи, но, по случаю рабочей поры и дорогой платы за перевозку, у него не хватало средствъ для аккуратной доставки его на массу войскъ, сосредоточенныхъ въ мысунскомъ лагерѣ. Вслѣдствіе этого полкъ былъ поставленъ въ необходимость самъ изыскивать средства для пріобрѣтенія топлива. Такъ какъ покупать его не было никакой возможности, то оставалось одно—посылать команды нижнихъ чиновъ для собиранія полевой колючки и бурьяна; на нихъ варили пищу, а дрова сберегали для печенія хлѣба.

Іюнь выпалъ прохладный и дождливый; по ночамъ ощущался даже сильный холодъ. Не смотря однако на это, здоровье нижнихъ чиновъ было удовлетворительное, и болѣзненность не превышала той, которая существуетъ въ мирное время въ учебныхъ лагерныхъ сборахъ.

Въ караульный нарядъ ежедневно назначалось слѣдующее число чиновъ: одинъ офицеръ дежурнымъ по отряду и другой дежурнымъ по полку; въ лагерный караулъ: унтеръ-офицеръ 1, ефрейторъ 1, музыкантъ 1 и рядовыхъ 18; въ заднiй караулъ: унтеръ-офицеръ 1, ефрейторъ 1, музыкантъ 1 и рядовыхъ 15; ординарцы и вѣстовые: командиру полка ординарецъ и вѣстовой, въ полковую канцелярію два вѣстовыхъ, начальнику отряда ординарецъ и вѣстовой, начальнику штаба ординарецъ, въ штабъ отряда вѣстовой, въ штабъ дивизіи вѣстовой, въ почтовое отдѣленіе вѣстовой, командирамъ 1-й и 2-й бригадъ 19-й дивизіи по одному вѣстовому. Когда полкъ не занималъ карауловъ по отряду, то высылался только одинъ полковой караулъ. Аванпостовъ въ лагерѣ не высылали. Вообще, караульная служба была не тяжелая. Это давало возможность, не изнуряя людей, вести правильныя строевыя занятія и нѣсколько поднять общее строевое образованіе, неизбѣжно понизившееся вслѣдствіе условій военнаго времени и неблагопріятной стоянки полка въ алашкертской долинѣ, гдѣ ученій, по случаю тифозной эпидеміи, вовсе не производили, а заботились всецѣло о сбереженіи здоровья солдатъ.

Для укомплектованія полка, бывшаго по составу несравненно слабѣе другихъ полковъ дивизіи, по распоряженію начальника дивизіи (онъ же и начальникъ отряда) генералъ-лейтенанта Комарова, переведены нижніе чины изъ 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка въ числѣ 11 унтеръ-офицеровъ и 167 рядовыхъ, исключительно изъ числа призванныхъ изъ запаса арміи при мобилизаціи полковъ и изъ ратниковъ ополченія 1-го разряда и состоявшихъ сверхъ комплекта въ Кубанскомъ полку. Спустя немного, переведено изъ этого же контингента еще 5 унтеръ-офицеровъ и 33 рядовыхъ.

Въ концѣ іюня полкъ получилъ новое оружіе—скорострѣльныя малокалиберныя винтовки Бердана 2-го образца. Превосход-

ное это оружіе изготовлялось на ижевскомъ оружейномъ заводѣ и по чистотѣ отдѣлки не оставляло желать ничего лучшаго. Новое оружіе немедленно роздали въ роты, а состоявшія до того въ полку на службѣ 6 л. игольчатыя винтовки были отобраны и отправлены въ игдырскій артилерійскій складъ. Еще до полученія новыхъ винтовокъ роты знакомились съ правилами разборки, сборки, чистки и сбереженія ихъ; поэтому, лишь только приняли новое оружіе—уже могли совершенно свободно обращаться съ нимъ. Вскорѣ послѣ раздачи винтовокъ полкъ приступилъ къ пристрѣлкѣ ихъ, которая окончилась въ продолженіе нѣсколькихъ дней безъ всякаго затрудненія, такъ какъ все оружіе оказалось весьма мѣткое и, кромѣ передвиженія мушекъ, не потребовалось никакого другаго исправленія. Для практической стрѣльбы выдано по 20 патроновъ на винтовку; но открывать стрѣльбу безъ предварительной подготовки нижнихъ чиновъ въ прицѣливаніи и прикладкѣ было признано преждевременнымъ.

28-е іюня ознаменовалось празднованіемъ въ лагерѣ годовщины освобожденія Баязета. Событіе это, составляя одну изъ выдающихся страницъ исторіи эриванскаго отряда, не могло пройти безъ обычнаго торжества. Послѣ общаго парада и панихиды по убитымъ при осадѣ баязетской цитадели, всѣ офицеры получили приглашеніе на завтракъ, который прошелъ съ общимъ одушевленіемъ.

На пополненіе некомплекта полковыхъ казенно-подъемныхъ лошадей поступили въ первыхъ числахъ іюля 22 лошади изъ числа ремонтныхъ, приведенныхъ съ Кавказа для всего отряда. Этимъ ремонтомъ полковыя подъемныя средства не только достигли полныхъ размѣровъ, но еще оказались лишнія запасныя лошади—что особенно необходимо въ военное время, для большей подвижности полковаго обоза съ усиленною запряжкою, которая всегда требуется въ трудныхъ мѣстахъ, а также для немедленной замѣны заболѣвшихъ, павшихъ, убитыхъ и выбывшихъ по другимъ причинамъ лошадей. Это обстоятельство, къ сожалѣнію, при началѣ войны было упущено изъ вида, и потому полку пришлось испытывать лишенія, сильно отразившіяся на здоровьи нижнихъ чиновъ.

Въ видахъ улучшенія пищи нижнихъ чиновъ эриванскаго от-

ряда и вслѣдствіе возросшей дороговизны рогатаго скота и продуктовъ, послѣдовало распоряженіе отпускать приварочныя деньги въ размѣрѣ 20 коп. въ день на человѣка, не исключая и деньщиковъ. Подобное усиленіе приварочныхъ денегъ сдѣлано вслѣдствіе необходимости поправить здоровье войскъ, перенесшихъ сильную тифозную эпидемію. Мѣра эта конечно заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ показываетъ, что высшее начальство не щадило денежныхъ средствъ, лишь бы войска находились въ наилучшемъ состояніи. Насколько въ описываемый періодъ времени было дорого продовольствіе нижнихъ чиновъ, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ слѣдующія сравнительныя цифры: на іюнь мѣсяцъ 17-ти ротамъ полка пришлось получить порціонныхъ денегъ 14,642 р. 98 к.; изъ нихъ уплочено полковому подрядчику за мясо, взятое ротами въ томъ мѣсяцѣ, 10,440 р. 91 к., слѣдовательно на покупку остальныхъ продуктовъ осталось 4202 р. 7 к.— что составитъ на каждую роту по 247 р. 2 к. въ мѣсяцъ или около 8 р. 20 к. въ сутки. Такихъ средствъ оказывалось совершенно достаточно, чтобы имѣть хорошій приварокъ. При прежнемъ же отпускѣ по 16 к. въ день на человѣка, приварочныхъ денегъ не хватало, и приходилось прибѣгать къ расходованію экономическихъ ротныхъ суммъ. На покупку чаю и сахару въ роты полка ежемѣсячно отпускались деньги по справочнымъ цѣнамъ и по числу людей, состоявшихъ налицо, такъ напримѣръ: за апрѣль мѣсяцъ въ 17-ть ротъ полка было отпущено всего 435 р. 12 к.— что составитъ на роту около 25 р. 59 к.

При отправленіи нижнихъ чиновъ въ лечебныя заведенія, по приказанію начальника эриванскаго отряда было воспрещено давать имъ малокалиберныя винтовки. Мѣра эта вызвана съ цѣлью лучшаго сбереженія оружія, такъ какъ оно при храненіи въ госпиталяхъ остается безъ должнаго присмотра и потому подвергается серьезной порчѣ.

Весь іюль и по 25-е августа въ полку производились строевыя ученья и практическая стрѣльба изъ новыхъ малокалиберныхъ винтовокъ. Полкъ успѣлъ за короткое время утвердиться въ строевомъ образованіи настолько, что могъ снова съ успѣхомъ про-

должать дальнѣйшую кампанію. Но къ концу августа совершенно неожиданно получилось распоряженіе о расформированіи эриванскаго отряда.

28-го августа полкъ выступилъ въ свою штабъ-квартиру, въ городъ Ставрополь. 30-го числа онъ прибылъ въ селеніе Игдырь, гдѣ оставался нѣсколько дней, чтобы приготовиться къ дальнѣйшему походу. Въ Игдырѣ былъ разобранъ складъ вещей, и получено изъ отряднаго казначейства все слѣдовавшее полку денежное довольствіе за прошлое время, въ размѣрѣ 37,023 руб. 86 к., изъ числа которыхъ 3,000 руб. авансомъ на предстоявшее путевое довольствіе лошадей, 500 руб. на наемъ обывательскихъ подводъ подъ свозъ полковыхъ тяжестей и 2,480 руб. пособія офицерамъ и нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ составѣ баязетскаго гарнизона; также получены были деньги для раздачи въ роты за недоданные $^1/_4$ ф. сухарей, которыхъ, вмѣсто двухъ фунтовъ, полкъ получалъ все время по $1^3/_4$ ф. въ сутки на человѣка. Такихъ денегъ набралось только 439 р. 8 к., или по 29 р. 27 к. на роту.

Покончивъ съ уборкою полковаго склада, полкъ 6-го сентября выступилъ изъ Игдыря, переночевалъ въ селеніи Маркары, гдѣ присоединилъ къ себѣ 11-ю и 12-ю роты, 7-го числа перешелъ въ Вагаршапатъ, а 8-го вступилъ въ Эривань и сталъ за городомъ лагеремъ.

Въ Эривани полкъ простоялъ до 13-го сентября. Въ городѣ находился особенно большой складъ полковаго и ротнаго имущества. Потребовалась укупорка новой мундирной одежды, остававшагося сукна, сапожнаго товара и проч., а также имущества полковаго цейхгауза и швальни; необходимо было нанять подводы для перевозки имущества до Тифлиса, все взвѣсить, уложить и отправить въ путь.

13-го сентября 1-й эшелонъ, состоявшій изъ 1-го и 2-го баталіоновъ, выступилъ далѣе и слѣдовалъ до Тифлиса четырнадцать дней; второй эшелонъ, изъ 3-го и 4-го баталіоновъ, выступилъ изъ Эривани 14-го сентября и слѣдовалъ по тому же маршруту, какъ и первый. Эшелоны останавливались для ночлеговъ и дневокъ близъ селеній лагеремъ—чему благопріятствовала хорошая осенняя погода.

26-го сентября полкъ вступилъ въ гор. Тифлисъ и въ тотъ же день былъ осмотрѣнъ Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ кавказскою арміею. Полкъ удостоился получить отъ Его Высочества благодарность за боевую службу въ теченіе турецкой кампаніи. По окончаніи смотра полкъ прошелъ за городъ и неподалеку отъ него расположился лагеремъ. На слѣдующій день былъ разобранъ складъ имущества, остававшагося въ Тифлисѣ, наняты обывательскія подводы, и все это отправлено во Владикавказъ.

28-го сентября полкъ направился по военно-грузинской дорогѣ и 8-го октября вступилъ въ г. Владикавказъ, гдѣ также расположился лагеремъ, въ ожиданіи отправленія тяжестей и баталіоновъ на поѣздахъ ростово-владикавказской желѣзной дороги до ст. Невинномыской. 9-го октября началась посадка, а 10-го весь полкъ былъ высаженъ на ст. Невинномыской, куда перевезенъ двумя эшелонами, кромѣ тяжестей. Передневавъ 11-го числа и выгрузивъ тяжести, онъ 12-го октября направился далѣе походнымъ порядкомъ, а 14-го вступилъ въ Ставрополь, будучи встрѣченъ гражданами съ полнымъ, чисто русскимъ, радушіемъ.

Началась тихая жизнь. Отдыхъ послѣ войны, предоставленный всѣмъ войскамъ, далъ возможность и крымцамъ оглянуться на прошлый бурный, страдный періодъ, самоуглубиться и сосредоточиться на вопросѣ о томъ, какъ именно пережили они тяжелое время всевозможныхъ горькихъ испытаній. Внутренній голосъ, отзывъ совѣсти, вполнѣ вторилъ въ этомъ случаѣ приказамъ по эриванскому отряду Августѣйшаго Главнокомандующаго и генерала Тергукасова, а также приказамъ по корпусу, въ которыхъ были не разъ возводимы въ апоѳеозъ заслуги всѣхъ чиновъ маленькаго отряда, отрѣзаннаго на особый театръ дѣйствій, предоставленнаго самому себѣ и боровшагося съ непріятелемъ, значительно превышавшимъ его въ силахъ. Въ средѣ этого отряда были и крымцы, составлявшіе, съ ставропольцами, съ перваго и до послѣдняго дня кампаніи основу его; слѣдовательно, вся хвала, всѣ почести и слава, которыя признаны достояніемъ отряда вообще, купленнымъ черезчуръ дорогою цѣною, принадлежатъ и крымцамъ

во всей ихъ полнотѣ. Отрадно дожить до подобнаго сознанія, потому что оно укрѣпляетъ увѣренность въ честномъ исполненіи долга и льститъ той нравственной сторонѣ разумнаго существа, которая выражается прежде всего его благородною гордостью. Послѣднее качество имѣетъ большую важность и значеніе въ особенности для воинской части, потому что въ мирной жизни оно поддерживаетъ въ ней ея высокое призваніе, а въ случаѣ войны дѣлаетъ непобѣдимою въ бояхъ и несокрушимою во всѣхъ невзгодахъ.

Вещественный, наглядный результатъ всей прошлой дѣятельности 73-го пѣхотнаго Крымскаго Е. И. В. Великаго Князя Александра Михаиловича полка выразился въ знакахъ отличія, Всемилостивѣйше ему пожалованныхъ, которые составляютъ какъ бы видимую для всѣхъ краткую его исторію. Знаки эти слѣдующіе [6]):

1) Полковое знамя георгіевское, съ надписью „за оборону кр. Баязета 20-го и 21-го іюня 1829 года, за дѣла 4-го и 9-го іюня и освобожденіе Баязета 28-го іюня 1877 года“ [7]).

2) Знаки на шапкахъ съ надписью въ 1-мъ и 2-мъ баталіонахъ, въ 11-й и 12-й ротахъ и въ 4-мъ баталіонѣ: „за отличіе при покореніи западнаго Кавказа въ 1864 году“, пожалованные 20-го іюня 1865 года, а въ 9-й и 10-й ротахъ: „за отличіе при покореніи западнаго Кавказа въ 1864 году и за взятіе штурмомъ крѣпости Геокъ-тепе 12-го января 1881 года“. Дополнительная надпись отличія пожалована 9-го іюня 1882 года.

3) Серебряныя трубы съ надписью: „Пашебургскаго полка, 1814 года августа 30-го дня, въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ противъ французскихъ войскъ“.

4) Георгіевскіе рожки съ надписью: „за геройскую защиту Баязета съ 6—28-е іюня 1877 года“, пожалованные 7-й и 8-й ротамъ 2-го баталіона 13-го октября 1878 года.

5) Походъ за военное отличіе, пожалованный полку 13-го

[6]) Приказъ по военному вѣдомству 18-го марта 1886 года № 96.

[7]) Первое отличіе пожаловано 2-му баталіону Пашебургскаго полка въ 1842 году.

октября 1878 года „за турецкую войну 1877—1878 годовъ“—во всѣхъ четырехъ баталіонахъ.

Новыя скобы на знаменахъ всѣхъ четырехъ баталіоновъ слѣдующія:

Въ 1-мъ, 2-мъ и 4-мъ баталіонахъ:

1856. Крымскій пѣхотный полкъ—изъ черноморскихъ линейныхъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5 баталіоновъ.

1878. За дѣла 4-го и 9-го іюня и освобожденіе Баязета 28-го іюня 1877 года.

1883. 73-го пѣхотнаго Крымскаго Е. И. В. Великаго Князя Александра Михаиловича полка № баталіона.

Въ 3-мъ баталіонѣ:

1856. Крымскій пѣхотный полкъ—изъ черноморскихъ линейныхъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5 баталіоновъ.

1829. Нашебургскому полку. За оборону кр. Баязета 20-го и 21-го іюня 1829 года.

1878. 73-му пѣх. Крымскому полку за дѣла 4-го и 9-го іюня и освобожденіе Баязета 28-го іюня 1877 г.

1883. 73-го пѣхотнаго Крымскаго Е. И. В. Великаго Князя Александра Михаиловича полка № баталіона.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой краткой хроникѣ потомки нынѣшнихъ крымцевъ найдутъ надежную для себя почву и на ней всѣ побудительныя причины для новыхъ своихъ заслугъ и для дальнѣйшей славы полка.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Диспозиція по эриванскому отряду на 4-е іюня 1877 г.

1) Завтра, 4-го іюня, всѣ войска имѣютъ выстроиться, къ шести часамъ утра, посреди бывшаго расположенія, въ резервномъ порядкѣ, имѣя пѣхоту впереди, а кавалерію позади; артиллерія же остается на мѣстахъ своего расположенія. 2) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ кн. Амилахвари назначается начальникомъ кавалеріи, въ составъ которой входятъ ракетная и конная батареи; съ частью этой кавалеріи кн. Амилахвари имѣетъ исполнить особо возложенное на него порученіе; другая же часть кавалеріи, т. е. драгунскій полкъ и одна сотня казаковъ, при сотняхъ Закатальскаго и Куртинскаго полковъ, составляютъ общій резервъ кавалеріи. Остальныя двѣ сотни назначаются: одна на правый флангъ боевой линіи, а другая къ подвижному лазарету и обозу. 3) Начальникомъ боевой линіи и общаго пѣхотнаго резерва назначается генералъ-маіоръ Броневскій. Въ составъ боевой линіи входятъ: а) правый флангъ, изъ 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 4-го баталіона Крымскаго полка и одной сотни казаковъ, имѣетъ занять гору на оконечности праваго фланга. Эта часть ввѣряется полковнику фонъ-Борделіусу. в) Лѣвый флангъ, изъ двухъ баталіоновъ Ставропольскаго полка, подъ начальствомъ полковника фонъ-Шака, имѣетъ цѣлью дѣйствовать противъ горы

Аджимаки. с) Общій пѣхотный резервъ, подъ начальствомъ полковника Слюсаренко, составляется изъ остальныхъ баталіоновъ пѣхоты и саперной роты. 4) Къ пяти часамъ утра приготовить для людей горячую пищу. 5) Перевязочный пунктъ назначается позади настоящаго расположенія кавалеріи, гдѣ будетъ вывѣшенъ флагъ Краснаго Креста. 6) Въ случаѣ тревоги, войскамъ строиться на мѣстѣ своего бивачнаго расположенія.

II.

Диспозиція на 6-е октября 1877 года.

Войска эриванскаго отряда для наступленія раздѣляются на слѣдующія колонны:

1) Правая колонна генералъ-лейтенанта Девеля: Кубинскаго полка 3 баталіона, Бакинскаго полка 2 баталіона, саперной роты полурота, 2-я батарея 38-й артиллерійской бригады (6 орудій), 2-я батарея 39-й артиллерійской бригады (6 орудій), 1-я конная казачья батарея (6 орудій), 2-го Сунженскаго казачьяго полка 4 сотни, 2-го Екатеринодарскаго 2 сотни, 2-го Таманскаго 2 сотни и 2-го Хоперскаго полковъ 1 сотня, а всего 5 баталіоновъ и $1/2$ рота, 18 орудій и 9 сотенъ. 2) Средняя колонна генералъ-маіора Броневскаго: Крымскаго полка 3 баталіона, Ставропольскаго полка 3 баталіона, 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, саперной роты $1/2$ рота, 1-й батареи 19-й артиллерійской бригады 6 орудій, 1-й батареи 21-й артиллерійской бригады 6 орудій, 1-й батареи 39-й артиллерійской бригады 6 орудій, 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады 6 орудій, Кавказскаго казачьяго полка 2 сотни, а всего 7 баталіоновъ и $1/2$ рота, 24 орудія и 2 сотни.

3) Лѣвая колонна полковника Самойлова: 150-го пѣхотнаго Таманскаго полка $3^1/_2$ баталіона, конныхъ казаковъ 2 сотни, пѣшихъ казаковъ 2 сотни, 18-го драгунскаго Переяславскаго полка 4 эскадрона, ракетный дивизіонъ 4 станка, а всего $3^1/_2$ баталіона, 2 пѣшихъ и 2 конныхъ сотни, 4 эскадрона и 4 станка.

Сборными пунктами войскъ по колоннамъ назначаются: для войскъ правой колонны селеніе Чарухчи, для войскъ средней колонны селеніе Хошхабаръ, для войскъ 3-й колонны селеніе Халфалю. Войска этихъ колоннъ должны быть сосредоточены на сборныхъ пунктахъ за полчаса до выступленія колоннъ, въ составъ которыхъ входятъ; поэтому выступаютъ съ мѣстъ расположенія съ такимъ во времени расчетомъ, чтобы прибыть къ сборнымъ пунктамъ къ назначенному времени.

Колонны изъ вышепоименованныхъ пунктовъ сбора выступаютъ: а) правая колонна въ 4 часа пополуночи и слѣдуетъ по пути наступленія войскъ 15-го сентября, бывшихъ тогда подъ начальствомъ генералъ-маіора Броневскаго, сохраняя это направленіе до зимовки Куцы (гдѣ развалины старинной башни), а оттуда поворачиваетъ налѣво, направляясь къ селенію Аликочакъ. Средняя колонна выступаетъ въ $5^1/_2$ часовъ пополуночи, направляясь отъ Хошхабара на юго-западъ, вблизи и вдоль лѣвой (западной стороны Зорскаго ущелья) къ селенію Аликочакъ, по соединеніи на пути съ правой колонной слѣдуетъ потомъ лѣвѣе ея. Лѣвая колонна выступаетъ изъ Халфалю въ $5^1/_2$ часовъ пополуночи и слѣдуетъ на юго-западъ вдоль правой стороны оврага, направляясь на селеніе Аликочакъ, гдѣ и соединяется съ двумя предыдущими колоннами. Средняя и лѣвая колонны въ своемъ движеніи должны соображаться съ правой колонной; поэтому, по достиженіи этими колоннами гребня плато (гдѣ находится верхняя батарея непріятеля), останавливаются до тѣхъ поръ, пока правая колонна не достигнетъ башни Куцы. Такимъ же образомъ должно быть взаимно уравниваемо движеніе средней и правой колоннъ, дабы онѣ постоянно находились на одной высотѣ.

Для наблюденія за лѣвымъ флангомъ по чиггильской дорогѣ,

назначается одна сотня по назначенію командующаго 3-ю сводною кавалерійскою дивизіею.

Выступающія войска должны имѣть съ собою: a) четырехдневный сухарный запасъ на людяхъ; b) шанцевый инструментъ на людяхъ; c) патроны на вьюкахъ, а у кого этихъ послѣднихъ нѣтъ, то тѣмъ на повозкахъ; d) пѣхотѣ и артиллеріи ячменя на четыре дня, кавалеріи же на два дня; сѣна вообще на одинъ день, а въ пѣхотѣ по положенію; e) палатокъ по шести на роту и батарею и по четыре на эскадронъ и сотню; палатки эти должны быть въ обозѣ, о которомъ сказано ниже.

Подвижные дивизіонные и другіе лазареты слѣдуютъ: a) лазаретъ 19-й дивизіи непосредственно за хвостомъ средней колонны; b) лазаретъ 20-й дивизіи за правой колонной; c) лазаретъ московскаго общества доктора Бетлинга за лѣвой колонной; d) лазаретъ доктора Арсеньева за правой колонной; e) двуколки доктора Вырубова съ лазаретомъ 19-й дивизіи.

Непосредственно за колоннами и ихъ частями слѣдуютъ только упомянутые лазареты, патронные ящики и лазаретныя повозки частей.

Остальной обозъ, имѣющій слѣдовать за войсками, составляетъ палаточный обозъ или вьюки, офицерскіе вьюки, маркитантскій обозъ, который долженъ быть сокращенъ до крайней степени и состоять изъ вьюковъ или конныхъ повозокъ.

Артельныя повозки или вьюки возможно облегченные. Весь остальной обозъ долженъ быть оставленъ въ мѣстѣ расположенія частей.

Упомянутый обозъ, долженствующій слѣдовать за войсками, имѣетъ собраться къ семи часамъ утра къ селенію Хошхабаръ, гдѣ и ожидать особаго приказанія для движенія.

III.

Диспозиція на 23-е октября 1877 года.

Непріятельская позиція Деве-Бойну раздѣляется большою эрзерумскою дорогою на двѣ части, не имѣя между собою взаимной поддержки и общей связи. Въ центрѣ между двумя этими половинами или, лучше сказать, между правымъ и лѣвымъ флангами непріятельской позиціи, для прикрытія большой дороги, обстрѣливаемой съ двухъ сторонъ, имѣется не весьма значительный непріятельскій лагерь, не густо сгруппированный.

Правый флангъ непріятельской позиціи представляетъ собою три большихъ холма, съ батареями и траншеями, довольно высокихъ; на этихъ холмахъ непріятель расположенъ лагеремъ частью, а главный лагерь, впрочемъ весьма незначительный, находится за холмами въ долинѣ, и такъ какъ холмы между собою связаны сѣдловиной, то его съ фронта не видно. Позиція эта обходима у подножія Паланъ-Текена, но путь укрѣпленъ небольшими батарейками и траншеями, съ разбросанными при нихъ незначительными прикрытіями.

Позиція праваго фланга довольно сильная и почти невозможная для фронтальной атаки; обходима же съ праваго фланга, какъ сказано выше, но только съ большими затрудненіями.

Лѣвый флангъ непріятельской позиціи представляетъ собою ровную возвышенность, весьма трудно доступную съ фронта, но легко могущую быть атакованной съ своего лѣваго фланга по оврагу, идущему черезъ Деве-Бойну, обстрѣливаемому съ праваго фланга. Позиція эта менѣе сильная и при энергическомъ наступленіи весьма доступная.

На этомъ основаніи войска раздѣляются на слѣдующія колонны:

1-я колонна, подъ командою генералъ-маіора Броневскаго: три баталіона Крымскаго полка, три баталіона Ставропольскаго, два или три баталіона Таманскаго полка (изъ этихъ девяти бата-

ліоновъ одинъ болѣе слабый численностью или здоровьемъ, по усмотрѣнію начальника эриванскаго отряда, назначается для прикрытія перевязочнаго пункта), 30 орудій девяти-фунтовыхъ эриванскаго отряда, а всего восемь баталіоновъ и 30 орудій. Колонна эта имѣетъ назначеніе—въ 6 часовъ утра, двинувшись изъ лагеря, развернуться въ одну линію на полные интервалы; артилерія, подъ прикрытіемъ своей пѣхоты, подойдя на тысячу саженей къ лѣвому флангу непріятельской позиціи, что правѣе эрзерумской дороги, открыть усиленный огонь по непріятелю; затѣмъ, послѣ обстрѣла, когда вторая колонна откроетъ артилерійскій огонь, артилерія 1-й колонны побатарейно подвигается впередъ на 800 саженей и открываетъ усиленный огонь картечными гранатами. Первая колонна не ведетъ фронтальной атаки, а только ведетъ бой демонстративный.

2-я колонна, подъ командою полковника князя Амираджиби: Бакинскаго п. полка два баталіона, Кубинскаго п. полка одинъ баталіонъ, Елисаветпольскаго п. полка три баталіона, 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 3-я батарея 39-й артилерійской бригады, а всего семь баталіоновъ и 8 орудій. Назначеніе этой колонны, одновременно съ первой, выстроившись правѣе ея, дѣйствовать во флангъ непріятелю съ лѣваго его фланга; а когда артилеріею 1-й колонны будетъ достаточно подготовлена атака, то пятью баталіонами атаковать позицію во флангъ непріятелю, и въ этомъ случаѣ остающіеся два баталіона съ батареею обстрѣливаютъ правый скатъ оврага, идущаго черезъ Деве-Бойну, по дну котораго пролегаетъ дорога. Полковникъ князь Амираджиби, опрокинувъ флангъ непріятеля, самымъ энергическимъ образомъ долженъ обратить вниманіе на скорѣйшее занятіе единственной дороги, продѣланной для въѣзда на это плато, и стрѣлками обстрѣливать непріятельскій лагерь, стоящій на большой дорогѣ; а когда обскачетъ Деве-Бойну кавалерія и приблизится къ лагерю, то всѣми силами поддерживать эту атаку. Когда же овладѣетъ этимъ лагеремъ, то занимаетъ позицію на мѣстѣ этого лагеря, чѣмъ отрѣзываетъ отступленіе непріятельскихъ передовыхъ войскъ къ Эрзеруму; но кавалерія высылаетъ сильные аванпосты къ сторонѣ Эрзерума. Два баталіона, съ батареею

оставшіеся для обстрѣла праваго ската оврага, слѣдуютъ за кавалеріею, не форсируя движеніемъ.

Первая и вторая колонны, составляя нашъ правый флангъ, состоятъ подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тергукасова.

3-я колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Авинова: 1-я бригада гренадеръ, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я батареи гренадерской бригады, 2-я батарея 21-й артилерійской бригады, а всего восемь баталіоновъ и 48 орудій. Назначеніе этой колонны—одновременно съ первою въ такомъ же порядкѣ двинуться лѣвѣе большой эрзерумской дороги, также развернуть свою артилерію и съ тысячи саженей начать свои дѣйствія по правому флангу непріятеля; дѣйствовать также демонстративно, отнюдь не переходя въ общую атаку.

4-я колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Шака: двѣ роты саперъ, 2-я бригада гренадеръ, 4-я батарея 19-й артилерійской бригады, три сотни Волгскаго полка, а всего $8^1/_2$ баталіоновъ, 6 орудій и три сотни. Назначеніе этой колонны—одновременно съ первою двинуться значительно лѣвѣе ея, по дорогѣ, идущей у ската Палапъ-Текена, черезъ деревни Гюлли и Тополахъ, и стараться охватить непріятельскій правый флангъ, но отнюдь не форсировать и дѣйствовать крайне осторожно до тѣхъ поръ, пока не достигнутся успѣхи противъ лѣваго непріятельскаго фланга; а затѣмъ, когда получится отъ меня приказаніе или лично начальникъ колонны замѣтитъ въ непріятельскихъ войскахъ колебаніе—что будетъ показывать, что они обойдены, тогда только перейти въ самое энергическое наступленіе.

3-я и 4-я колонны состоятъ подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева.

Для конвоя и въ распоряженіе начальника праваго фланга генералъ-лейтенанта Тергукасова назначается одна сотня Екатеринодарскаго полка, а другая сотня этого полка назначается въ распоряженіе генералъ-маіора Соловьева для той же надобности.

Вся кавалерія, состоя подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, дѣлится на двѣ колонны.

1-я кавалерійская колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіо-

ра хана Нахичеванскаго: Переяславскій драгунскій полкъ 4 эскадрона, 2-й Сунженскій казачій полкъ 4 сотни, 4-й Астраханскій казачій полкъ 4 сотни, кавказская ракетная батарея 1 сотня, 1-й батареи кубанскаго казачьяго войска 6 орудій, а всего: 9 сотенъ, 4 эскадрона и 6 орудій. Колонна эта при началѣ боя располагается внѣ пушечнаго выстрѣла, между 1-ю и 2-ю колоннами; когда же колонна полковника князя Амираджиби достигнетъ успѣха, то 1-я кав. колонна слѣдуетъ на полныхъ рысяхъ по оврагу, идущему черезъ Деве-Бойну, въ тылъ непріятельскому лагерю, расположенному на большой эрзерумской дорогѣ; но для начала движенія она ожидаетъ приказанія начальника кавалеріи и совмѣстно съ полковникомъ Амираджиби энергически атакуетъ упомянутый лагерь и отрѣзываетъ отступленіе непріятельскаго праваго фланга.

2-я кавалерійская колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Амилахвари: сводный драгунскій полкъ (дивизіоны Сѣверскаго и Нижегородскаго полковъ) 4 эскадрона, Кавказскій казачій полкъ 4 сотни, 2-й Горско-моздокскій полкъ 4 сотни, волгская ракетная батарея 1 сотня, 4 орудія 1-й терской батареи, а всего 13 сотенъ и эскадроновъ и 4 орудія. Вторая кавалерійская колонна выстраивается впереди селенія Курудяхъ, и когда колонна князя Амираджиби достигнетъ результатовъ, то слѣдуетъ на рысяхъ по большой эрзерумской дорогѣ, для совмѣстной атаки, съ 1-ю кавалерійскою колонною, непріятельскаго лагеря; на этой дорогѣ или же на походѣ перемѣняетъ фронтъ и атакуетъ правую половину непріятеля въ лѣвый ея флангъ со стороны большой эрзерумской дороги, но также ожидаетъ приказанія для движенія отъ начальника кавалеріи или моего личнаго.

Когда начнутъ достигаться результаты атаки полковника кн. Амираджиби, то войска 1-й колонны передвигаются частями на мѣсто 1-й гренадерской бригады, которая, по смѣнѣ также частями, будетъ направлена по большой эрзерумской дорогѣ.

Перевязочные пункты: для праваго фланга у деревни Езырмыкъ, для лѣваго фланга за деревнею Гянджугасъ, внѣ пушечнаго выстрѣла; въ прикрытіе перевязочныхъ пунктовъ назначаются по двѣ роты отъ баталіона, остающагося для этой цѣли отъ 1-й колонны,

по два орудія 6-й батареи грен. бригады и команды отъ 2-го Уманскаго полка. При каждомъ перевязочномъ пунктѣ назначить по два жандарма. Всѣ фургоны, какъ войсковые, такъ и лазаретные, должны быть на перевязочныхъ пунктахъ и выѣзжаютъ впередъ только тогда, когда будутъ направлены за ранеными; при войскахъ же отнюдь не должны быть. Въ прикрытіе лагеря остается одна саперная рота и два орудія 6-й бат. гр. бригады. Съ выступленіемъ войскъ, остающимся слабымъ снять палатки, а жандармскому офицеру весь обозъ собрать въ общій вагенбургъ и ожидать дальнѣйшаго приказанія. Парки располагаются сзади Куруджуха; но начальникъ артил. соганлугскаго отряда имѣетъ распорядиться, чтобы они были распредѣлены соразмѣрно по войскамъ праваго и лѣваго фланговъ, имѣя въ виду родъ вооруженія пѣхоты. Начальникомъ артиллеріи праваго крыла назначается г. м. Барсовъ, а лѣваго полковникъ Культстремъ. При началѣ боя я буду находиться впереди деревни Куруджухъ, а потомъ, гдѣ укажутъ обстоятельства, по вѣроятно въ центрѣ. Отъ всѣхъ колоннъ выслать ко мнѣ по одному конному ординарцу, но ихъ выслать тогда, когда войска займутъ первыя свои позиціи.

IV.

Диспозиція на 28-е октября 1877 года.

Городъ Эрзерумъ, съ его укрѣпленіями и верками, представляетъ слѣдующій видъ: на правомъ флангѣ, на возвышенности— укрѣпленіе Кереметли, обстрѣливающее подступы съ лѣвой стороны карсской дороги, на лѣвомъ—на гребнѣ, постепенно къ Эрзеруму понижающемся, построены форты довольно сильные: Азизъ-Табія, Меджидіе и Сурпъ-Ншанъ. Эти укрѣпленія обстрѣливаютъ также анфиладнымъ огнемъ тѣ же подступы, что и Кереметли. Отъ Меджидіе до Кереметли тянутся пять бастіоновъ, которые прикрываютъ городъ; между двумя лѣво-фланговыми бастіонами находится, такъ называемыя, карсскія ворота, а между двумя право-флан-

говыми бастіонами, ближайшими къ Кереметли, имѣется глубокая промоина, идущая отъ Паланъ-Текена въ городъ и дальше черезъ него. Лѣвѣе карсской дороги, для обстрѣливанія ея и на одной линіи съ фортомъ Меджидіе, есть небольшой фортъ на плоскости, именуемый Ахали-Табія, который къ сторонѣ города имѣетъ горжу съ жилой казармой. Судя по вышеописанному, наступленіе открытою силою днемъ будетъ сопряжено съ большими потерями; ночное же нечаянное нападеніе даетъ много шансовъ на успѣхъ. Но въ этомъ случаѣ главныя условія успѣха: часъ, стремительная атака прямо въ штыки—и ни одного выстрѣла. Причемъ обращается самое строгое вниманіе, чтобы слѣдовать совершенно безъ всякаго выстрѣла, отнюдь не отвѣчать на могущіе быть выстрѣлы аванпостовъ и особенно обратить вниманіе на то, чтобы, подъ страхомъ смертной казни, никто не смѣлъ курить, и чтобы при колоннахъ отнюдь не было собакъ. Всѣ вышеозначенныя данныя, обусловливающія успѣхъ дѣла, должны быть строго внушены начальниками своимъ подчиненнымъ. Для нечаяннаго нападенія на городъ Эрзерумъ назначаются слѣдующія колонны: первая колонна, подъ командою генералъ-маіора Авинова: охотники Грузинскаго полка, Грузинскій полкъ, двѣ роты саперъ и лейбъ-гренадерскій Эриванскій полкъ. Колонна эта выступаетъ въ 6 часовъ вечера и слѣдуетъ горною тропою до назначенной ей водомоины. Не доходя версты до крѣпости, колонна эта останавливается и въ полной тишинѣ ожидаетъ, пока не завяжется бой у фортовъ Азизъ-Табія и Ахали-Табія, которые будутъ одновременно атакованы. Какъ только это будетъ замѣчено, колонна стремительно двигается по водомоинѣ и, пройдя бастіоны, прикрывающіе ее, Грузинскій полкъ крайнимъ баталіономъ занимаетъ правый бастіонъ, имѣя впереди охотниковъ; остальные три баталіона быстро слѣдуютъ направо, вдоль и позади бастіоновъ къ карсскимъ воротамъ, которыми и овладѣваютъ сзади; эриванцы же, занявъ баталіономъ лѣвый бастіонъ, а другой баталіонъ расположивъ за закрытіями лицомъ къ Кереметли, остальные два баталіона, имѣя впереди охотниковъ, быстро слѣдуютъ черезъ городъ, занимаютъ цитадель, въ которой пѣхоты нѣтъ; причемъ охотники

должны скорѣе занять всѣ выходы зданія, называемаго Сарай, въ которомъ помѣщаются главные паши. При Эриванскомъ полку должны быть всѣ чины 2-й батареи 21-й артилерійской бригады, безъ орудій и лошадей, но имѣя съ собою ракетный станокъ и сигнальную ракету. По занятіи цитадели, артилерійская прислуга становится по орудіямъ, но огня до разсвѣта не открываетъ; съ наступленіемъ же дня будетъ видно, что дѣлать. Съ занятіемъ цитадели должна быть пущена ракета, въ знакъ того, что эриванцы уже на мѣстѣ. При Грузинскомъ полку долженъ быть ракетный станокъ и ракетная команда отъ 1-й гр. бат., которая пуститъ ракету, когда будутъ заняты ворота. Вторая колонна, полковника Крузенштерна: 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, одинъ баталіонъ Крымскаго полка. Къ 11 часамъ ночи колонна эта должна быть у поста Хана и затѣмъ осторожно спускаться внизъ и ровно въ 2 часа пополуночи атакуетъ фортъ Ахали съ тыла, т. е. со стороны казармы; но при этомъ, спустившись внизъ, слѣдуетъ лѣвѣе карсской дороги и атаку ведетъ безъ выстрѣла. При этой колоннѣ долженъ быть станокъ и ракета отъ 6-й батареи гр. бригады, и когда фортъ будетъ взятъ, тогда ракета должна быть пущена; отъ той же батареи должна быть прислуга на 4 орудія, которыя имѣются въ фортѣ. Третья колонна, полковника кн. Амираджиби: рота саперъ съ лѣстницами, три съ половиною баталіона Бакинскаго и четыре баталіона Елисаветпольскаго полковъ. Колонна эта также къ 11 часамъ ночи должна быть у поста Хана, затѣмъ спускается вправо внизъ и безъ малѣйшаго шума подвигается къ форту Азизъ-Табія. Передніе охотники, перескочивъ траншейки, врываются сзади въ передній фортъ, а затѣмъ остальные обходятъ справа и слѣва два другіе форта въ тылъ и занимаютъ ихъ, стараясь ворваться въ середину казармъ и по бокамъ ихъ внутрь укрѣпленій. Когда всѣ три форта будутъ заняты, тогда должна быть пущена сигнальная ракета отъ 3-й батареи 39-й артил. бригады, и затѣмъ саперы немедленно къ сторонѣ Меджидіе приспособляютъ батареи для дѣйствія по укрѣпленію Меджидіе и городу, если окажется надобность. Прислуга для дѣйствій изъ орудій въ эту колонну назначается отъ 3-й бат. 39-й артил. бригады. Четвертая

колонна, г. м. фонъ-Шака: 2-я бригада гренадеръ, 3-я, 4-я и 5-я батареи гренадерской бригады,—должна быть къ 12-ти часамъ у поста Хана; затѣмъ спускается внизъ по первымъ выстрѣламъ и слѣдуетъ прямо по дорогѣ къ карсскимъ воротамъ, составляя въ то же время резервъ колоннѣ, атакующей фортъ Ахали. По занятіи же карсскихъ воротъ, входитъ въ городъ и, дойдя до первыхъ строеній, поворачиваетъ лѣвымъ плечомъ, слѣдуетъ вдоль спиртнаго завода и кавалерійскихъ казармъ, выстраиваетъ войска за крайними строеніями, ближайшими къ Меджидіе, и-вообще располагаетъ войска такъ, чтобы укрыть ихъ отъ огня Меджидіе. Пятая колонна, г. л. Тергукасова: два баталіона Крымскихъ, три Ставропольскихъ, три Таманскихъ, 1-я и 2-я батареи гренадерской, 1-я, 2-я бат. 39-й артил. бр. и вся артиллерія эриванскаго отряда—составляетъ главный резервъ и выстраивается къ часу ночи у поста Хана. Рота саперъ эриванскаго отряда, Кубинскій баталіонъ, 6-я бат. кавк. гр. и 5-я батарея 39-й бригадъ остаются въ прикрытіе лагеря. Вся кавалерія дѣлится на двѣ колонны: первая, подъ командою г. м. Лорисъ-Меликова: всѣ части 2-й кавалерійской дивизіи,—по занятіи города проходитъ черезъ него рысью и совокупно преслѣдуетъ непріятеля по трапезондской дорогѣ. Вторая, г. м. князя Амилахвари, состоящая изъ кавалеріи эриванскаго отряда, дѣлится на двѣ части, изъ коихъ большая слѣдуетъ сперва за 2-ю кавалерійскою дивизіею, а выйдя изъ трапезондскихъ воротъ, поворачиваетъ правымъ плечомъ впередъ и преслѣдуетъ непріятеля, если таковой будетъ слѣдовать лѣвѣе трапезондскаго шоссе; меньшая же часть выходитъ изъ города въ ольтинскія ворота и преслѣдуетъ непріятеля до болотъ Ефрата.—Всей кавалеріи быть у поста Хана къ пяти часамъ утра.—Я лично буду находиться сперва у поста Хана, а затѣмъ, гдѣ обстоятельства укажутъ.—Всѣмъ генераламъ, не получившимъ прямаго назначенія, впредь до соединенія войскъ, состоять при мнѣ.—До разсвѣта перевязочному пункту быть у поста Хана, а затѣмъ, гдѣ обстоятельства укажутъ.

Сравнительная вѣдомость объ убыли нижнихъ чиновъ изъ полка за время войны 1877 и 1878 годовъ.

	Къ 1 числу состояло больныхъ въ госпиталяхъ, больницахъ и лазаретахъ.		Вновь заболѣвшихъ отправлено.						Выключено умершими.				Выздоровѣло изъ госпиталей, больницъ и лазаретовъ.		Затѣмъ къ 1 числу мѣсяца состояло больныхъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ.		Умерло скоропостижно, насильств. смертью и отъ несчастныхъ случаевъ.		Бѣжало.		Выключено въ неспособные.								Къ 1 числу мѣсяца состояло по списку нижнихъ чиновъ.	
			Въ госпитали и больницы прямо изъ войскъ.		Въ лазареты.		Итого заболѣвшихъ.		Въ госпиталяхъ и больницахъ.		Въ лазаретахъ.										I разряда.		II разряда.		III разряда.		Итого.			
	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878	1877	1878
Январь	256	558	179	126	—	50	179	186	12	59	—	44	150	49	273	582	—	—	2	—	—	—	—	5	—	5	—	10	3224	3363
Февраль	273	582	48	140	—	516	48	656	6	98	—	106	168	182	147	840	—	—	—	—	—	—	2	8	1	4	3	12	3216	3242
Мартъ	147	840	41	799	—	—	41	799	11	39	—	14	51	570	126	1017	—	—	—	—	—	—	2	3	—	10	2	13	3205	3264
Апрѣль	126	1017	64	459	7	1	71	460	2	148	—	—	81	302	116	1042	—	—	—	—	—	—	3	5	28	9	31	14	3201	3199
Май	116	1042	84	285	12	—	96	285	6	63	—	—	74	330	132	968	—	2	2	—	—	—	1	8	2	4	3	12	3164	3437
Іюнь	132	968	166	122	117	20	283	142	2	22	72	1	53	269	358	811	—	—	7	2	—	—	—	11	—	2	—	13	3153	3453
Іюль	358	811	253	4	31	61	286	65	7	176	—	—	125	119	512	398	—	—	—	—	—	—	3	15	1	22	4	37	3083	3409
Августъ	512	398	211	49	22	59	233	108	14	7	1	—	161	91	569	408	—	5	—	—	—	—	2	3	2	3	4	6	3073	3417
Сентябрь	569	408	102	258	1	44	103	302	9	5	—	—	183	165	474	540	1	—	—	1	—	1	1	7	5	1	6	9	3556	3406
Октябрь	474	540	65	150	128	5	193	155	7	7	—	2	72	299	571	387	6	2	3	—	—	—	12	—	5	—	17	—	3537	3066
Ноябрь	571	—	33	—	92	—	125	—	13	—	—	—	46	—	634	—	1	—	5	—	—	—	4	—	4	—	8	—	3500	—
Декабрь	634	—	99	—	21	—	120	—	40	—	10	—	95	—	558	—	—	—	—	—	—	—	18	—	27	—	45	—	3462	—
Итого	4114	7194	2155	2392	431	756	1772	3158	129	624	83	167	1259	2356	3858	6993	8	9	19	3	—	1	48	62	75	60	123	126	—	—

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Награды, пожалованныя Главнокомандующимъ офицерамъ Крымскаго полка 5-го іюля 1877 года, во время пребыванія Его Императорскаго Высочества въ эриванскомъ отрядѣ.

Завѣдывающій полкомъ маіоръ Крапивный.		Золотое оружіе.
Командующій 4-мъ бат. маіоръ Свіонтицкій.		Золотое оружіе.
Капитанъ Лебедевъ		Орд. св. Владиміра 4 ст. съ меч. и бант.
Штабсъ-капитаны:	Шумаковъ	Орд. св. Владиміра 4 ст. съ меч. и бант.
	Протасовъ	Орд. св. Анны 3 ст. съ меч. и бант.
Поручики:	Лукинъ	Орд. св. Владиміра 4 ст. съ меч. и бант.
	Гапоновъ	Слѣдующіе чины.
	Бизяевъ	Слѣдующіе чины.
	Де-Жоржъ	Слѣдующіе чины.
Подпоручики:	Синельниковъ	Орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант.
	Антоновъ	Слѣдующіе чины.
	Бекъ	Слѣдующіе чины.

Прапорщики:	Сироткинъ	Орд. св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“ [1]).
	Колпиковъ	
	Шереметовъ	
	Келлинъ	
	Латышевъ	
	Усольцевъ	

Кромѣ того, за отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ въ теченіе іюня мѣсяца 1877 года получили впослѣдствіи (въ январѣ 1878 г.) награды:

Полковой адъютантъ

Поручикъ Сипельниковъ	Орд. свят. Георгія 4-й степени.
Подпоручикъ Колпиковъ	

Маіоры:	Лукинъ	Орд. св. Станислава 2-й ст. съ мечами.
	Фіалковскій	
	Гуровъ	Орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант. (за 28-е іюня).
Капитаны:	Евсѣевъ	Орд. св. Анны 3-й ст. съ меч. и бант. (за 4-е и 9-е іюня).
	Кульбицкій	
	Максимовичъ	Св. Станислава 2-й ст. съ меч. (за 28 іюня).
	Коробковъ	(за 21 іюня).
	Лонгиновъ	(за 28 іюня).
	Шумаковъ	(за 4 іюня).
	Вельямовскій	Орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант. (за 4-е іюня).
Штабсъ-капитаны:	Вакинъ	Орд. св. Станислава 3-й ст. съ меч. и бант. (за разновременныя отличія).
	Бизяевъ	Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бант. (за 13 іюня).
	Аксенфіевъ	(за разновр. отличія).

[1]) Приказы: по эриванскому отряду 10-го іюля № 113 и по кавказ. арм. и кавказ. воен. окр. 13-го іюля № 232.

Штабсъ-капитаны:	Протасовъ	Чинъ капитана со старш. съ 9-го іюня.
	Лукинъ	Св. Анны 3-й ст. съ меч. и бантомъ (за 9 іюня).
	Де-Жоржъ	Св. Анны 3-й ст. съ меч. и бантомъ (за 4-е и 9-е іюня).
	Козленко	Чинъ капитана (за 9-е іюня).
	Щепановскій	Орд. св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“ (за 21-е іюня).
	Усаковскій	Чинъ капитана (за 12-е и 13-е іюня).
Поручики:	Кончаковскій	Св. Станислава 3-й ст. съ меч. и бант. (за 4-е іюня).
	Карельскій	Св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“. За 4-е іюня.
	Гаркуша	Св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“. За 4-е іюня.
	Дьюковъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. (за 4 іюня).
	Бѣлодѣдовъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. (за 4 іюня).
	Граве	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. (за 28 іюня).
	Бекъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. (за 4 іюня).
	Антоновъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. (за 9 іюня).
	Азбукинъ	Чинъ штабсъ-капитана со старш. съ 9-го іюня.
Подпоручики:	Латышевъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. За защиту Баязета.
	Соколовскій	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. За защиту Баязета.
	Миловидовъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. За защиту Баязета.
	Шереметовъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. За защиту Баязета.
	Яхонтовъ	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. За защиту Баязета.
	Волковъ	Св. Анны 4-й ст. съ надп. „за храбрость“. За защиту Баязета.
	Барканъ	Св. Станислава 3-й ст. съ меч. и бант. (за разновр. отл.).
	Сироткинъ	Чинъ поручика (за 9-е іюня).

Подпоручики:	Гіацинтовъ . . . . . Кончаковскій	Св. Анны 4-й ст. съ надп. „за храбрость". — За 4-е іюня.
Прапорщики:	Келшъ. . . . . . Усольцевъ	Чины (за 28-е іюня). подпоручика (за 4-е іюня).
	Владимірскій . . . . Купріяновъ. . . . . Гладышевъ.	Орд. св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
Врачи:	Любимскій.	Св. Анны 3-й ст. съ меч. (за 15-е іюня).
	Соколовъ . . . . . Кузьминъ	Св. Станислава 3-й степени съ меч. — За 4 е іюня.
Классный медицинскій фельдшеръ коллежскій секретарь.	Григорьевъ.	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами (за 4-е іюня).
Священникъ	Радугинъ.	Св. Анны 3-й ст. съ мечами (за 4-е іюня).
Оружейный мастеръ	Ляминъ	Серебрян. медаль съ надп. „за храбрость" для ношенія въ петлицѣ (за разновременныя отличія).

Б.

Награды, пожалованныя Главнокомандующимъ офицерамъ Крымскаго полка за отличія, оказанныя въ дѣлахъ съ непріятелемъ 23-го и 28-го октября 1877 года.

Маіору	Фіалковскому	Орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант.
Капитанамъ:	Шумакову	Золотое оружіе.
	Протасову . . . . . Козленко	Орд. св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

	Усаковскому	Орд. св. Анны 3-й ст. съ меч. и бант.
Штабсъ-капитанамъ:	Лукину	Орд. св. Станислава 2-й ст. съ мечами.
	Де-Жоржу	Орд. св. Владиміра 4-й ст. съ меч. и бант.
Поручикамъ:	Сипельникову	Чинъ штабсъ-капит.
	Шестакову.	Орд. св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
	Сироткину.	
	Антонову	Орд. св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“.
Подпоручикамъ:	Шереметову.	Орд. св. Анны 3-й ст. съ меч. и бант.
	Келпшу	Орд. св. Станислава 3-й ст. съ меч. и бантомъ.
Прапорщикамъ:	Попову	Ордена св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“.
	Кордонецу.	
	Ульянову	
	Малинину	
	Ковалевскому	
	Стаховскому	
Врачу	Кузьмину	Орд. св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Впослѣдствіи, въ дополненіе къ этимъ наградамъ, приказомъ по кавказской арміи 5-го августа 1878 г. № 445, были удостоены наградъ еще слѣдующіе офицеры:

Подпоручики:	Усольцевъ	Орд. св. Станислава 3-й ст. съ меч. и бант.
	Гіацинтовъ	Слѣдующаго чина.
Врачъ	Любимскій	Орд. св. Станислава 2-й ст. съ мечами.
Классный медицинскій фельдшеръ	Григорьевъ	Орд. св. Анны 3-й ст. съ мечами.

В.

Списокъ штабъ и оберъ-офицерамъ 73-го пѣхотнаго Крымскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича полка, состоявшимъ налицо въ день объявленія войны, а также прибывшимъ въ полкъ и убывшимъ изъ него въ періодъ кампаніи 1877—1878 годовъ, съ обозначеніемъ занимаемыхъ ими должностей.

Чинъ и фамилія.		Отмѣтка.
Офицеры, числившіеся въ день объявленія войны въ полку налицо и въ командировкахъ:		
Полковникъ	Слюсаренко.	Командиръ полка.
Подполковникъ	Пацевичъ.	— 1 бат.
Маіоры:	Крапивный.	— 2 —
	Гуровъ.	— 3 —
	Лукинъ	— 4 —
	Свіонтницкій.	Младшій штабъ-офицеръ.
Капитаны:	Лошиновъ.	Состоялъ подъ слѣдствіемъ.
	Соколовскій.	На путяхъ военныхъ сообщеній.
	Коробковъ.	Командиръ 11-й роты.
	Максимовичъ.	— 13-й —
	Фіалковскій.	— нестроевой роты.
	Лебедевъ.	— 7-й —
	Евсѣевъ.	Завѣдывающій хозяйственною частью.
	Кульбицкій.	Командиръ 14-й роты.
Штабсъ-капитаны:	Шумаковъ.	— 1-й —
	Вельямовскій.	— 2-й —
	Протасовъ.	— 4-й —
	Козленко.	— 3-й —
	Вакинъ.	Дѣлопроизводитель полковой канцеляріи.
	Усаковскій.	Командиръ 10-й роты.
	Щепановскій.	— 6-й —
	Аксифіевъ.	Полковой квартермистръ.

Чинъ и фамилія.		Отмѣтка.
Штабсъ-капитаны:	Юргенсъ.	Командиръ 12-й роты.
	Князь Павленовъ.	Старшій адъютантъ штаба 19-й пѣхотной дивизіи.
Поручики:	Граве.	Командиръ 5-й роты.
	Шестаковъ.	Въ учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ.
	Лукинъ.	Командиръ 16-й роты.
	Гапоновъ.	— 8-й —
	Пошивальскій.	Завѣдывалъ полковымъ складомъ въ г. Ставрополѣ.
	Бѣлодѣдовъ.	Субалтернъ-офицеръ.
	Рѣдькинъ.	Оставался подъ судомъ въ г. Эривани.
	Карельскій.	Командиръ 9-й роты.
	Кончаковскій.	— 15-й —
	Бизяевъ.	Субалтернъ-офицеръ.
	Азбукинъ.	Смотритель подвижнаго лазарета 19-й пѣхотной дивизіи.
	Богаевскій.	Коммисаръ военно-временнаго госпиталя.
Подпоручики:	Сипельниковъ.	Полковой адъютантъ.
	фонъ-Крузенштернъ.	Впредь до перевода прикомандированы къ артиллеріи.
	Базаркинъ.	
	Мерпенковъ.	Оставался въ г. Эривани завѣдывать складомъ вещей.
	Дьюковъ.	Въ кавказской учебной ротѣ.
	Войтеховичъ.	Завѣдывалъ складомъ вещей въ г. Тифлисѣ.
	Гаркуша.	Адъютантъ 3-го баталіона.
	Михайловъ.	— 4-го —
	Бекъ.	— 1-го —
	Де-Жоржъ.	Бригадный адъютантъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи.
	Врублевскій.	Смотритель военно-временнаго госпиталя.
Прапорщики:	Миловидовъ.	Завѣдыв. оружейною частью.
	Сироткинъ.	Полковой казначей.
	Соколовскій.	Адъютантъ 2-го баталіона.
	Антоновъ.	Въ штабѣ эриванскаго отряда для письменныхъ занятій.
	Кончаковскій.	Субалтернъ-офицеръ.

Чинъ и фамилія.		Отмѣтка.
Прапорщики:	Шереметовъ.	Жалонерный офицеръ.
	Волковъ.	Субалтернъ-офицеры.
	Латышевъ.	
	Гіацинтовъ.	
	Яхонтовъ.	
	Барканъ.	Состоялъ при транспортѣ эриванскаго отряда.
Старшій врачъ	Кулешовъ.	Начальникъ подвижнаго дивизіоннаго лазарета 19-й пѣхотной дивизіи.
Полковые врачи:	Соколовъ.	
	Кузьминъ.	
	Любимскій.	
Клас. фельдшеръ	Григорьевъ.	
Полк. священникъ	Радугинъ.	
Офицеры, прибывшіе въ полкъ въ теченіе 1877 и 1878 годовъ.		
Полковники:	Юрковскій.	Командиръ полка съ іюня 1877 г.
	Есиповъ.	Командиромъ полка изъ 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка, 31-го января 1878 г.
Маіоры:	Словецкій.	Изъ 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка, 10-го іюня 1877.
	Фіалковскій.	Изъ 76-го пѣх. Кубанскаго полка 13-го октября 1877 г.
Капитаны:	Эманъ.	Изъ 151-го запаснаго баталіона, 30-го января 1878 г.
	Бетаки.	Изъ 73-го запаснаго баталіона, 12-го февраля 1878 г,
Поручики:	Турчаниновъ.	Изъ отставки, 9-го іюля 1877 года.
	Михайловъ.	Изъ 95-го Красноярскаго полка, 30-го іюля 1877 г.
	Федоровъ.	Изъ тифлисскаго мѣстнаго полка, 24-го марта 1878 г.
	Любенскій.	Изъ отставки, 8-го сентября 1878 года.

Чинъ и фамилія.		Отмѣтка.
Подпоручики:	Загуляевъ.	Изъ 3-го Свеаборгскаго крѣпостнаго баталіона.
	Прокоповъ.	Изъ отставки, 10-го мая 1877 года.
Прапорщики:	Богдановъ.	Изъ 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 3-го мая 1877 года.
	Пучковъ.	Изъ 3-го запаснаго Сибирскаго баталіона 8-го мая 1877 г.
	Шадиновъ.	Изъ губернскихъ секретарей, 2-го іюля 1878 года.
	Келшпъ. Усольцевъ. Гладышевъ. Купріяновъ. Владимірскій. Колпиковъ.	Изъ казанскаго юнкерскаго училища.
	Стаховскій. Ковалевскій. Кордонецъ. Стефановичъ. Малышинъ. Бѣлобородовъ. Павловскій.	Изъ кіевскаго юнкерскаго училища.
	Ульяновъ. Константиновъ. Поповъ.	Изъ портупей-юнкеровъ.
Офицеры, выбывшіе изъ полка въ теченіе 1877 и 1878 годовъ.		
Полковники:	Слюсаренко.	Умеръ отъ раны, полученной въ бою 9-го іюня.
	Юрковскій.	Сдалъ полкъ 31-го января 1878 года.

Чинъ и фамилія.		Отмѣтка.
Подполковникъ	Пацевичъ.	Умеръ отъ раны въ Баязетѣ.
Маіоры:	Свіонтницкій.	Умеръ отъ раны, полученной въ бою 4-го іюня.
	Гуровъ.	Умеръ отъ тифа 24-го февраля 1878 г.
Капитаны:	Фіалковскій.	Маіоромъ въ 76-й п. Кубанскій полкъ.
	Лебедевъ.	Въ екатеринодарскій дисциплинарный баталіонъ, 22-го іюня 1877 года.
	Максимовичъ.	Въ 73-й запасный баталіонъ, 12-го февраля 1878 года.
	Князь Павленовъ.	Отчисленъ по армейской пѣхотѣ въ іюлѣ 1878 года.
Штабъ-капитанъ	Юргенсъ.	Убитъ въ бою 9-го іюня 1877 г.
Поручики:	Михайловъ.	Умеръ отъ болѣзни въ тифлисскомъ госпиталѣ.
	фонъ-Крузенштернъ.	Въ 39-ю артилерійскую бригаду 10-го сентября 1878 г.
	Базаркинъ.	Въ 44-й летучій паркъ 10-го сентября 1878 года.
Подпоручики:	Богдановъ.	Въ 121-й резервный баталіонъ, 25-го апрѣля 1878 года.
	Прокоповъ.	Въ тифлисскій мѣстный полкъ, 24-го марта 1878 года.
Прапорщикъ	Кордонецъ.	Умеръ отъ тифа 7-го іюня 1878 года.

Г.

Списокъ нижнимъ чинамъ 73 пѣхотнаго Крымскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича полка, награжденнымъ въ турецкую войну 1877—1878 гг. знаками отличія военнаго ордена Св. Георгія 2, 3 и 4 степеней и серебряными медалями съ надписью „за храбрость“.

1-й роты.

Фельдфебеля:

Василій Якубовичъ.
Никита Ляшинъ.

Унтеръ-офицеры:

Петръ Николаевъ.
Павелъ Бражниковъ.
Семенъ Яковлевъ.
Осипъ Орловъ.
Іовъ Андрющенко.
Степанъ Арцыбашевъ.
Игнатъ Тиманскій.
Хосамендинъ Хосамендиновъ.
Осипъ Сазановъ.

Рядовые:

Федоръ Титовъ.
Илья Щедринъ.
Миронъ Лебедевъ.
Яковъ Шелуха.
Тимофей Левинъ.
Карпъ Лехольдъ.
Макаръ Гладковъ.
Иванъ Тремасовъ.
Титъ Мащенскій.
Иванъ Кожевниковъ.
Федосій Щербаковъ.
Василій Смирновъ.
Андрей Далининъ.
Алексѣй Гончаровъ.
Герасимъ Дудинъ.
Дмитрій Гомагинъ.
Яковъ Михайловъ.
Андрей Целищенковъ.
Василій Максимовъ.
Никифоръ Апопъ.
Василій Гавриловъ.
Василій Ребровъ.
Константинъ Ивановъ.
Михаилъ Тремасовъ.

Яковъ Закуцкій.
Андрей Митрофановъ.
Иванъ Овчаровъ.
Федоръ Литовченко.

2-й роты.

Фельдфебеля:

Кондратъ Тикаревъ.
Дмитрій Лактіоновъ.

Унтеръ-офицеры:

Осипъ Барсовъ.
Кондратъ Рашичъ.
Кузьма Мирошниковъ.
Иванъ Жигаловъ.
Тарасъ Федорченко.
Павелъ Дружининъ.

Рядовые:

Евстафій Иванковъ.
Трофимъ Мельниковъ.
Кирило Сабило.
Прохоръ Сапрунъ.
Петръ Емельяновъ.
Василій Поляковъ.
Антонъ Безмельница.
Матвѣй Акимовъ.
Василій Кривченко.
Ферсанъ Кравченко.
Артемъ Холодный.
Парамонъ Клещевъ.
Михаилъ Масловецъ.
Валентій Юзвякъ.
Федоръ Овчинниковъ.
Иванъ Юшинъ.
Петръ Федюнинъ.
Сайфула Акчуринъ.
Михаилъ Ефремовскій.

3-й роты.

Фельдфебеля:

Иванъ Багрищевъ.
Антонъ Якубовичъ.

Унтеръ-офицеры:

Михаилъ Алифановъ.
Андрей Целищенко.
Трофимъ Захаровъ.
Александръ Арининъ.

Рядовые:

Моисей Косьяновъ.
Николай Лубашевъ.

Алексѣй Потаповъ.
Иванъ Осташкинъ.
Иванъ Чайкинъ.
Иванъ Пашканъ.
Андрей Новиковъ.
Егоръ Подерягинъ.
Григорій Захаровъ.
Архипъ Сальниковъ.
Александръ Мордовинъ.
Федоръ Суксяевъ.
Захаръ Стахановъ.
Димитрій Остапенко.
Семенъ Солдатъ.
Семенъ Каменевъ.
Матвѣй Гиршковъ.
Николай Демьяненко.
Павелъ Пустяковъ.
Платонъ Никулинъ.
Данило Коттяевъ.
Терентій Петровъ.
Иванъ Ерешкинъ.
Казиміръ Топчевскій.
Павелъ Кудашкинъ.
Сергѣй Коваленко.
Иванъ Силицкій.

4-й роты.

Фельдфебель

Тихонъ Богдановъ.

Унтеръ-офицеры:

Иванъ Тарасенко.
Андрей Середа.
Мойсей Косяченко.
Данило Ткачевъ.
Михаилъ Благодарный.
Гардѣй Шелуха.

Рядовые:

Иванъ Краснюковъ.
Егоръ Шарабаркинъ.
Филиппъ Левушкинъ.
Ефимъ Даценко.
Илья Цапаевъ.
Василій Масловъ.
Гаврило Манжосъ.
Порфирій Ботовъ.
Иванъ Токаревъ.
Котовъ.
Семенъ Корчинъ.
Василій Жижинъ.
Алексѣй Ермаковъ.
Демьянъ Сергѣенко.
Антонъ Машинъ.
Василій Морозовъ.
Андрей Бартенаевъ.
Семенъ Яковлевъ.
Василій Кацеевъ.

5-й роты.

Фельдфебель

Полуектъ Зинченко.

Унтеръ-офицеры:

Иванъ Рябцевъ.
Егоръ Чекановъ.
Леонтій Титовъ.

Рядовые:

Григорій Уматовъ.
Иванъ Ножевъ.
Петръ Лященко.
Афанасій Величко.
Леонтій Ноздрачевъ.
Климъ Постниковъ.
Степанъ Ильинскій.

6-й роты.

Фельдфебель

Федоръ Михалюкъ.

Унтеръ-офицеры:

Илья Чепурный.
Филиппъ Тищенко.
Игнатій Лаврентьевъ.
Филиппъ Бушуевъ.
Фадѣй Посоховъ.
Кирило Щеблыкинъ.

Рядовые:

Никита Орабинскій.
Андрей Волошинъ.
Семенъ Подзолкинъ.

7-й роты.

Фельдфебель

Иванъ Ляпинъ.

Унтеръ-офицеры:

Францъ Верховскій.
Семенъ Антилоговъ.
Филиппъ Костыря.

Рядовые:

Леонтій Чумиловъ.
Андрей Пивненко.
Евсей Саратовкинъ.
Демьянъ Лысякъ.
Дмитрій Алексѣевъ.
Иванъ Недорубъ.
Иванъ Азаровъ.
Петръ Тетеркинъ.
Михаилъ Уваровъ.
Михаилъ Пѣшковъ.
Лазарь Тютюнниковъ.
Осипъ Шепюховичъ.
Иванъ Кузнецовъ.
Семенъ Каменевъ.

8-й роты.

Фельдфебель

Михаилъ Кузьминъ.

Унтеръ-офицеръ

Трофимъ Мояковъ.

Рядовые:

Николай Зинченко.
Семенъ Ефимовъ.
Филиппъ Бунинъ.
Петръ Игнатьевъ.
Семенъ Черкасовъ.
Меркулъ Савинъ.
Андрей Прохоровъ.
Лаврентій Борзенко.
Василій Калиниченко.
Димитрій Дристуновъ.
Иванъ Павловъ.
Антонъ Худоконенко.
Александръ Марковъ
Игнатъ Бондаренко.
Никифоръ Сачаровъ.
Семенъ Тарабаровъ.

9-й роты.

Фельдфебель

Никифоръ Гайковъ.

Унтеръ-офицеры:

Данило Лазовскій.
Феоктистъ Колпаковъ.
Николай Жуковъ.
Лукьянъ Ножовъ.
Никита Черкашинъ.
Ѳома Шавлюкъ.

Рядовые:

Семенъ Иваношка.
Игнатъ Чиховскій.
Михаилъ Остапенко.
Филиппъ Елагинъ.
Димитрій Лягушинъ.
Григорій Гусевъ.
Ермолай Тамбовцевъ.
Семенъ Огуль.
Герасимъ Апикіенко.
Леонтій Дороховъ.
Иванъ Харченко.
Михаилъ Гладкихъ.
Степанъ Киселевъ.
Игнатъ Беседінъ.
Федоръ Деньщиковъ.

10-й роты.

Фельдфебеля:

Михаилъ Басовъ.
Алексѣй Пригулинъ.

Унтеръ-офицеры:

Александръ Невтоновъ.
Денисъ Вескубенко.
Сергѣй Дубаносовъ.
Александръ Кирьяновъ.

Рядовые:

Алексѣй Красильниковъ.
Ефимъ Задеренко.
Степанъ Ищенко.
Алексѣй Вечерниковъ.
Филиппъ Говоровъ.
Игнатъ Петровъ.
Андрей Брусенцовъ.
Михаилъ Масаловъ.
Андрей Камиковъ.
Егоръ Фроловъ.
Сергѣй Карачевцевъ.
Петръ Краснухинъ.

11-й роты.

Фельдфебель

Егоръ Козыренко.

Унтеръ-офицеры:

Василій Косовъ.
Федоръ Кириченко.
Степанъ Синюгинъ.

Рядовые:

Ефимъ Яковлевъ.
Трофимъ Пашинъ.
Григорій Сентяевъ.
Иванъ Струка.
Потапъ Фоменко.
Иванъ Зарубинъ.
Димитрій Ситшикинъ.
Петръ Ягутинцевъ.
Ибрагимъ Сефилишковъ.
Егоръ Хорошиловъ.
Димитрій Симоновъ.
Иванъ Бабекушевъ.
Федоръ Мироненко.
Петръ Яготинцевъ.
Иванъ Шенкиревъ.
Антонъ Усачевъ.
Федосій Скрипченко.

12-й роты.

Фельдфебеля:

Иванъ Максимовъ.
Иванъ Рюситинъ.

Унтеръ-офицеры:

Федоръ Севостьяновъ.
Федоръ Еремипъ.
Матвѣй Кирѣевъ.
Иванъ Денисенко.
Леонтій Берестовъ.
Францъ Коречинскій.
Матвѣй Граяцкій.

Рядовые:

Ефимъ Посоховъ.
Михаилъ Пухальскій.
Антонъ Байщикъ.
Яковъ Агаевъ.
Антонъ Лункинъ.
Антонъ Надежкинъ.
Ефимъ Двадненко.
Василій Посоховъ.
Ганметонинъ Мусататдиновъ.
Мухамедъ Щамѣевъ.
Борисъ Гайворонскій.
Сергѣй Грибовъ.
Петръ Коломейцовъ.
Андрей Кирпловъ.
Алексѣй Шатиловъ.

13-й роты.

Фельдфебель

Станиславъ Бука.

Унтеръ-офицеры:

Сергѣй Пѣтушковъ.
Платонъ Савельевъ.
Андрей Крайневъ.
Ларіонъ Пеньковъ.
Михаилъ Лакеевъ.

Рядовые:

Иванъ Коршиковъ.
Афанасій Межеряковъ.
Иванъ Прилипко.
Николай Кайдашъ.
Абраамъ Киткинъ.
Николай Федосѣевъ.
Григорій Жербинъ.
Федоръ Кожаевъ.
Митрофанъ Миролодковъ.
Трофимъ Бычковъ.
Савелій Муравлевъ.
Яковъ Никулинъ.
Иванъ Лукинъ.
Кузьма Анненковъ.
Алексѣй Колѣшниковъ.
Демьянъ Колачевъ.
Василій Балакаревъ.
Терентій Кремневъ.

14-й роты.

Фельдфебеля:

Трофимъ Кобелевъ.
Григорій Коневцовъ.
Тимофей Тарабаринъ.

Унтеръ-офицеры:

Федоръ Бабрукъ.
Алексѣй Бабешко.
Александръ Ткаченко.
Максимъ Кузьминъ.
Яковъ Юраковъ.
Никита Лоскутовъ.

Рядовые:

Егоръ Акуловъ.
Павелъ Бондаревъ.

Федоръ Шишко.
Емельянъ Сайкинъ.
Иванъ Иванюкъ.
Осипъ Пристойло.
Василій Черныхъ.
Ларіонъ Ивановъ.
Алексѣй Судовцевъ.
Кузьма Колошниковъ.
Григорій Чигоревъ.
Лукьянъ Абрамовъ.
Михаилъ Бутузовъ.
Макаръ Лимковъ.
Петръ Цыгановъ.
Максимъ Тимофеевъ.
Григорій Сусловъ.
Алексѣй Сайкинъ.
Михаилъ Потопкинъ.

15-й роты.

Фельдфебель

Кирило Колпаковъ.

Унтеръ-офицеры:

Корней Винда.
Феодосій Недовѣсовъ.
Михаилъ Пивоваровъ.
Павелъ Бутенко.

Рядовые:

Петръ Буромытченко.
Евсѣй Таховцевъ.
Павелъ Кузнецовъ.
Игнатъ Башковъ.
Григорій Думкинъ.
Вагаршакъ Вартановъ.
Егоръ Яковлевъ.
Андрей Андрющенко.
Николай Матчицъ.
Игнатъ Сѣренко.
Кондратъ Шупяковскій.
Трофимъ Здобный.
Михаилъ Ровбутъ.
Илья Волковъ.
Петръ Бусловскій.
Николай Калиновскій.
Антонъ Мирошниченко.
Михаилъ Вавиловъ.
Яковъ Антонскій.
Сергѣй Лепетюха.
Несторъ Артюшкинъ.
Антонъ Кизинскій.

16-й роты.

Фельдфебеля:

Станиславъ Новоковскій.
Абрамъ Лемешко.

Унтеръ-офицеры:

Михаилъ Петрикъ.
Афанасій Комса.
Емельянъ Кулевъ.
Назаръ Дащукъ.
Петръ Чичаровъ.
Василій Миненко.
Степанъ Чурьяновъ.

Рядовые:

Антонъ Трубачевъ.
Иванъ Евчукъ.
Гервасій Девяткинъ.
Иванъ Юринъ.
Кирило Симаковъ.
Иванъ Арферовъ.
Илья Куцеваловъ.
Никита Фролкинъ.
Григорій Рядчукъ.
Родіонъ Алехинъ.
Иванъ Юринъ.
Ларіонъ Федорчукъ.
Петръ Семакинъ.
Прокофій Сокольскій.
Петръ Головинъ.
Алексѣй Бебиновъ.
Иванъ Сорокинъ.
Лука Щербаковъ.
Григорій Бурановъ.
Иванъ Купинъ.
Степанъ Золотаревъ.
Иванъ Телешинъ.
Михаилъ Рыжковъ.
Петръ Семенюкъ.

Получившие серебряныя медали съ надписью „За храбрость“:

Писаря:

Трофимъ Морокинъ.
Давидъ Островейцовъ
Георгій Махининъ.
Алексѣй Рачковъ.
Александръ Корташевъ.
Кирилъ Юдинъ.
Михаилъ Абрамовъ.

Фельдшера:

Николай Хитровъ.
Нейсахъ Голдфардъ.
Сергѣй Федотовъ.
Несторъ Соколовъ.
Казимiръ Пивоварчукъ.
Яковъ Кузьминъ.
Павелъ Бартеньевъ.
Василiй Вязигинъ.

Д.

Списокъ чинамъ 73-го пѣхотнаго Крымскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича полка, убитымъ въ сраженiяхъ съ турками въ войну 1877—1878 годовъ.

1-й роты.

Унтеръ-офицеръ

Алексѣй Назаровъ.

Рядовой

Федоръ Сычевъ.

2-й роты.

Рядовой

Дермидонъ Воронинъ.

4-й роты.

Рядовые:

Петръ Устиновъ.
Петръ Кравченко.
Василiй Винокуровъ.

7-й роты.

Фельдфебель

Яковъ Веревка.

Унтеръ-офицеры:

Степанъ Тарасенко.

Кондратъ Жаркихъ.

Рядовые:

Иванъ Тмикинъ.
Ларіонъ Семкинъ.
Василій Даниловъ.
Яковъ Климчукъ.
Иванъ Дружининъ.
Иванъ Сергѣевъ.
Иванъ Тюленевъ.
Прокофій Демянюкъ.
Степанъ Спѣльниковъ.
Федоръ Андрющенко.

8-й роты.

Унтеръ-офицеръ

Уколъ Федоренко.

Рядовые:

Викторъ Конохоковичъ.
Иванъ Лонгиновъ.
Григорій Корпевъ.
Измаилъ Насрадиновъ.
Семенъ Федотовъ.
Гоній Мухаметовъ.
Степанъ Гутковъ.
Федосій Малиновскій.
Григорій Рысенко.
Михаилъ Рябовъ.
Иванъ Усновъ.
Терентій Клыковъ.
Ефимъ Гречишниковъ.
Петръ Лексинъ.
Михаилъ Фоминъ.
Герасимъ Литовченко.
Кермидоръ Янбуртинъ.
Габитула Бекбулатовъ.

9-й роты.

Рядовой

Антонъ Денисъ.

10-й роты.

Рядовые

Сергѣй Лозовскій.
Федоръ Шарковъ.

11-й роты.

Рядовой

Сергѣй Жигаловъ.

12-й роты.

Рядовые:

Михаилъ Молоткинъ.
Францъ Гонилецъ.

13-й роты.

Унтеръ-офицеръ

Илья Беручевъ.

Рядовые:

Михаилъ Прокопюкъ.
Осипъ Сурволовъ.
Иванъ Кукса.
Андрей Нижелоновскій.
Андрей Шевчикъ.
Григорій Хоружіе.

14-й роты.

Унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся

Александръ Голубинскій.

Рядовой

Иванъ Невинскій.

15-й роты.

Унтеръ-офицеръ

Гаврило Рѣзниченко,

Рядовые:

Амбросимъ Ерощевскій.
Гаврило Брескинъ.
Игнатъ Конищевъ.
Ксенофоръ Кузнецовъ.
Егоръ Полонскій.
Димитрій Моргуновъ.
Михей Молюковъ.

16-й роты.

Унтеръ-офицеръ

Мартынъ Простаковъ.

Рядовые:

Василій Корневъ.
Арестъ Квартименко.
Трофимъ Бабенко.

Нестроевой

Антонъ Новицкій.

Фельдшеръ

Василій Петрушковъ.

2007057028